Дневник

Quod sentimus loquamur,
quod loquimur sentiamus!

VEcordia

Извлечение R-CARJ3

Николай Алексеевич Соколов

Открыто: 2007.11.26 02:17
Закрыто: 2014.04.20 15:51
Версия: 2018.02.01 16:22

ISBN 9984-9395-5-3
Дневник «VECORDIA»
© Valdis Egle, 2018
ISBN
Н. Соколов. «Убийство Царской семьи»
© public domain

Николай Соколов

УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

С комментариями Валдиса Эгле

Impositum

Grīziņkalns 2018

Talis hominis fuit oratio,
qualis vita

Убийство Царской Семьи

http://gatchino.com/literatura/sokolov_n_a/
© Copyright Maxim Bychkov, 2006–2007

Текст книги публикуется по изданию Соколов Н.А. «Убийство Царской Семьи», 1991 год, издательство «Советский писатель»

Николай Соколов (1882 г.–1924 г.)

Николай Алексеевич Соколов родился в 1882 году в г. Мокшане Пензенской губернии. Образование свое получил в Пензенской мужской гимназии, а затем окончил Харьковский университет по юридическому факультету. Служба его по Судебному Ведомству протекала преимущественно в родной ему Пензенской губернии. Близкий по своему рождению к простому народу, Соколов прослужил среди знакомой ему крестьянской среды, психологию которой он тонко понимал, изучив ее в своей борьбе с преступлениями мужичьего мира, порой изобилующими комическими сценками, порой переходящими в темную, тяжелую и кровавую драму. Своей работой и своими талантами Соколов создал себе славу выдающегося следователя не только среди служебных кругов, но и среди простого народа, который его знал и любил.

Революция застала его в должности Судебного Следователя по важнейшим делам. После большевистского переворота Соколов переоделся крестьянином, ушел из Пензы и слился с мужичьей средой. Он был так близок к этому миру, что жизнь в нем была ему по сердцу, и, как он часто говорил, – он мог бы в нем остаться. Но долг звал. В Сибири поднималось знамя национальной борьбы с захватчиками власти, и Соколов пешком пробрался туда. Там его ожидала тяжелая работа. Он получил назначение на должность Судебного Следователя по особо важным делам Омского Окружного Суда, и ему вскоре было поручено следствие об убийстве Царской Семьи. Этому делу он отдался всей душой. Сложная и трудная сама по себе, его задача еще осложнялась обстановкой гражданской войны. Неутомимый работник, Соколов продолжал вырывать у рудника при «Четырех Братьях» его ужасную тайну до самой последней минуты – когда красные разведчики уже буквально подходили к самому руднику. А затем – длинный и опасный путь через всю Сибирь для спасения следственного материала. После гибели Адмирала Колчака Соколов выбрался в Европу.

Здесь ожидал его еще ряд разочарований и тяжких испытаний. Одинокому, никем не поддержанному, глубоко убежденному в исключительной важности правды об убийстве Царя и Его Семьи, считавшему, что эта правда – достояние будущей Национальной России, что она должна быть сохранена для русского народа, Соколову пришлось много и болезненно бороться за отстояние этой правды от тех, кто пытались использовать ее в своих личных целях. Одни требовали во что бы то ни стало молчания – ибо факт смерти Царя был для них невыгоден, другие, наоборот, желали использовать этот факт в угоду своим личным интересам.

Непоколебим в этом был Николай Алексеевич. «Правда о смерти Царя – правда о страданиях России», – говорил он и оберегал эту правду для будущих поколений, охраняя ее от всех посягательств политических интриг. Он решился сам огласить истину – сам от себя, а не под флагом какой бы то ни было политической партии. И может быть, придет время, когда будущая Россия скажет ему свое великое спасибо и почтит память его как светлого, чистого борца за Истину. Смерть настигла его посреди работы. Недаром прошел он через тяжкие испытания – сердце у него уже давно было серьезно больно. Врачи требовали абсолютного отдыха – и физического, и душевного. Но Николай Алексеевич не мог отдохнуть. Болезненно переживал он свою тяжелую борьбу в непроглядной обстановке эмигрантства.

23 ноября Николай Алексеевич внезапно скончался от разрыва сердца в местечке Сальбри, во Франции, где и похоронен.

Над его скромной могилой на деревенском французском кладбище друзьями его поставлен крест, на котором написано: «Правда Твоя – Правда во веки».

КН.Н. Орлов

От автора

Мне выпало на долю производить расследование об убийстве Государя Императора Николая II и его семьи.

В пределах права я старался сделать всё возможное, чтобы найти истину и соблюсти ее для будущих поколений.

Я не думал, что мне самому придется говорить о ней, надеясь, что ее установит своим авторитетным приговором русская национальная власть. Но суровая действительность не сулит для этого благоприятных условий в близком будущем, а неумолимое время кладет на всё свою печать забвения.

Я отнюдь не претендую, что мне известны все факты и через них вся истина. Но до сего времени она мне известна более, чем кому-либо.

Скорбные страницы о страданиях Царя говорят о страданиях России. И, решившись нарушить обет моего профессионального молчания, я принял на себя всю тяжесть ответственности в сознании, что служение закону есть служение благу народа.

Знаю, что в этом исследовании на многие вопросы не найдет ответов пытливый ум человеческий: оно по необходимости ограничено, ибо основной его предмет – убийство.

Но потерпевший от преступления – носитель власти верховной, правивший многие годы одним из могущественнейших народов.

Как и всякий факт, оно свершилось в пространстве и времени и, в частности, в условиях величайшей борьбы народа за свою судьбу.

Оба эти фактора: личность потерпевшего и реальная действительность, в условиях которой свершилось преступление, – придают ему особый характер: явления исторического.

> «Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжко его унижение, но пробьет час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу».[1]

Никакой исторический процесс немыслим вне представлений прошлого. В этом нашем прошлом – тяжкое злодеяние: убийство Царя и его семьи. Правдивым рассказом я полагал бы послужить моему родному народу.

Поэтому, и помня слова великого русского историка, я старался, как ни соблазнительно ярки порой были мои личные воспоминания пережитого, излагать факты, основываясь исключительно на данных строгого юридического расследования.

Надо сначала знать, как оно было построено.

Организация расследования

25 июля 1918 года[2] г. Екатеринбург, где содержалась в заключении царская семья, был взят от большевиков войсками сибирской армии и чехами.

30 июля того же года началось судебное расследование. Оно возникло у судебного следователя по важнейшим делам Екатеринбургского Окружного Суда Наметкина[3] в обычном законном порядке: в силу предложения, данного прокурором суда 30 июля за № 131.

---

[1] Речь профессора академика В.О. Ключевского в торжественном собрании Московской Духовной Академии 26 сентября 1892 года.

[2] Даты везде указываются по новому стилю. Там же, где употреблен старый стиль, это оговаривается.

[3] В России было три категории судебных следователей: 1) «участковый», 2) «по важнейшим делам» и 3) «по особо важным делам», делившиеся по степени важности самых дел. Эта «важность» определялась прокурорским надзором, и следствия у следователя по важнейшим делам возникали по предложениям прокурора суда, у следователя по особо важным делам – по предложениям прокурора суда, прокурора палаты или министра юстиции, как генерал-прокурора.

7 августа 1918 года Екатеринбургский Окружной Суд в Общем Собрании своих Отделений поставил освободить Наметкина от дальнейшей работы по делу и возложить ее на члена суда Сергеева.

Такая передача была вызвана, с одной стороны, поведением самого Наметкина, с другой – обстановкой того времени.

Пред лицом фактов, указывавших на убийство если не всей царской семьи, то по крайней мере самого Императора, военная власть, единственно обеспечивавшая порядок в первые дни взятия Екатеринбурга, предъявила Наметкину, как следователю по важнейшим делам, решительное требование начать немедленно расследование.

Опираясь на букву закона, Наметкин заявил военной власти, что он не имеет права начинать следствия и не начнет его, пока не получит предложения от прокурора суда, каковой в первые дни освобождения Екатеринбурга отсутствовал.

Поведение Наметкина вызвало большое негодование по его адресу и в военной среде, и в обществе. В чистоту его беспредельного уважения к закону не верили. Одни обвиняли его в трусости перед большевиками, продолжавшими грозить Екатеринбургу, другие шли в своих подозрениях дальше.

Естественным выходом из создавшегося положения была бы передача дела судебному следователю по особо важным делам, в участок которого входил Екатеринбург, но Казань, где проживал этот следователь, была отрезана от Екатеринбурга большевиками.

По предложению прокурора суд передал дело члену суда Сергееву, что в некоторых случаях разрешалось специальным законом.

В первые месяцы, когда Сергеев вел свою работу, вся свободная от большевиков территория России от Волги до океана представляла собой конгломерат правительств, еще не объединившихся в одно целое. Такое объединение произошло 23 сентября 1918 года в Уфе, где для всей этой территории возникло одно правительство в лице директории из пяти лиц.

18 ноября 1918 года верховная власть сосредоточилась в руках Верховного Правителя Адмирала Колчака.

17 января 1919 года за № 36 Адмирал дал повеление генералу Дитерихсу, бывшему главнокомандующему фронтом, представить ему все найденные вещи царской семьи и все материалы следствия.

Постановлением от 25 января 1919 года член суда Сергеев, в силу повеления Верховного Правителя, как специального закона, выдал Дитерихсу подлинное следственное производство и все вещественные доказательства.

Передача была совершена в строго юридическом порядке в присутствии прокурора суда В.Ф. Иорданского.

В первых числах февраля месяца генерал Дитерихс доставил все материалы в г. Омск в распоряжение Верховного Правителя.

Высшей власти представлялось опасным оставлять дело в общей категории местных «екатеринбургских» дел, хотя бы уже по одним стратегическим соображениям. Казалось необходимым принятие особых мер для охраны исторических документов.

Кроме того, дальнейшее нахождение дела у члена суда не оправдывалось уже задачами работы, выяснилась необходимость допросов весьма многих лиц, рассеянных по всей территории Сибири и дальше, а член суда прикован к своему суду.

Наконец, самая передача дела Сергееву, являвшаяся компромиссом, противоречила основному закону, возлагавшему производство предварительных следствий на особый технический аппарат судебных следователей.

5 февраля меня вызвал к себе Адмирал. Я был приглашен им как следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде. Он приказал мне ознакомиться с материалами следствия и представить ему мои соображения о дальнейшем порядке расследования.

6 февраля я защищал перед Адмиралом следующий порядок:

Расследование должно быть построено на началах закона, как это делалось и до сего момента: устава уголовного судопроизводства.

К нему должны быть привлечены в достаточном количестве судебные следователи, ибо оно недоступно физическим силам одного лица.

Во главе расследования должна стоять не коллегиальная, а единоличная авторитетная власть. Она представлялась мне в лице сенатора с опытом в следственной технике.

Но суровая действительность была жестока к нам. В далекую Сибирь не пришли такие сенаторы. Отсутствовали и рядовые техники, так как Сибирь почти не знала института судебных следователей. Иные боялись связать свою судьбу с опасным делом.

При вторичном свидании в тот же день 6 февраля Адмирал сказал мне, что он решил сохранить обычный порядок расследования и возложить его на меня.

7 февраля я получил предложение министра юстиции о производстве предварительного следствия и в тот же день принял от генерала Дитерихса все акты следствия и вещественные доказательства.

3 марта, перед моим отъездом к фронту, Адмирал нашел необходимым оградить свободу моих действий особым актом. Он принял лично на себя моральную заботу о деле и указал в этом акте, что следствие, порученное мне в законном порядке, имеет источником его волю. Эту заботу он проявлял до самого конца.

После его гибели я прибыл в Европу, где моя работа заключалась в допросах некоторых свидетелей.

Я указал в главных чертах основание, на котором было построено судебное расследование, имея в виду укоренившееся в обществе ошибочное представление об этой стороне дела и, в частности, о роли в нем генерала Дитерихса.

К моему прискорбию, он и сам не удержался на высоте исторического беспристрастия и в своем труде объявил себя высшим «руководителем» следствия.

Это неправда. Генерал Дитерихс, пользовавшийся в военной среде уважением и авторитетом, оберегал работу судебного следователя более, чем кто-либо. Ему более, чем кому-либо, обязана истина. Но ее искала не военная, а судебная власть, имевшая своим источником волю Верховного Правителя. И, конечно, генерал Дитерихс работой судебного следователя никогда не руководил и не мог руководить, хотя бы по той простой причине, что дело следователя, как его столь правильно определил великий Достоевский, есть свободное творчество.

Я излагаю результаты преемственного судебного расследования. В основе его лежит закон, совесть судьи и требования науки права.

Глава 1.

§1. Ставка в дни переворота. Арест государя

Когда началась февральская смута, царская семья была разделена: Государь был в Могилеве, где находилась ставка, Государыня с детьми – в Царском.

Сопоставляя показания свидетелей: генерала Дубенского[4], находившегося в те дни при Государе, и генерала Лукомского[5], занимавшего тогда должность генерал-квартирмейстера Верховного Главнокомандующего, а также опубликованные последним документы и воспоминания, [6] представляется возможным констатировать следующие факты.

8 марта Государь отбыл из Царского в ставку, куда прибыл днем 9 марта.

10 марта там впервые была получена телеграмма военного министра Беляева, извещавшая, что на заводах в Петрограде объявлена забастовка и что среди рабочих, на почве недостатка в продуктах, начинаются беспорядки.

В тот же день Беляев вторично телеграфировал, что рабочее движение вышло на улицу и разрастается.

Обе телеграммы он сопровождал указаниями, что опасности нет, что беспорядки будут прекращены.

11 марта тот же Беляев и главный начальник петроградского военного округа генерал Хабалов доносили телеграфно, что в некоторых войсковых частях были отказы употреблять оружие против рабочих, к которым присоединяется чернь.

Беляев продолжал успокаивать, что приняты все меры к прекращению беспорядков. Хабалов же просил о присылке подкреплений, указывая на ненадежность петроградского гарнизона.

---

[4] Свидетель Д.Н. Дубенский был допрошен мною в Париже 28–29 декабря 1920 года.

[5] Свидетель А.С. Лукомский был допрошен мною в Париже 3 июля 1922 года.

[6] Архив Русской Революции, тт. II и III.

11 марта была получена впервые телеграмма председателя Государственной Думы Родзянко. Он сообщал, что солдаты арестовывают офицеров и переходят на сторону рабочих и черни, что необходима присылка в Петроград надежных частей.

Вечером в тот же день и утром 12 марта от Родзянко были получены на имя Государя Императора еще две телеграммы. В них указывалось, что единственная возможность водворения порядка – Высочайший Манифест об ответственности министров перед Государственной Думой, увольнение в отставку всех министров и сформирование нового кабинета лицом, пользующимся общественным доверием.

12 марта, около 12 часов дня, генерала Алексеева вызвал к прямому проводу Великий Князь Михаил Александрович. Он подтверждал сведения, сообщенные Родзянко, поддерживал необходимость указанных им мер и называл имена Родзянко и князя Львова, как тех людей, которым следовало бы поручить составление кабинета.

Несколько позже в тот же день была получена телеграмма от председателя Совета Министров князя Голицына. Она была аналогична с указаниями Родзянко и Великого Князя. В ней говорилось также, что нахождение у власти министра внутренних дел Протопопова вызывает всеобщее негодование.

В результате телеграмм Беляева, Хабалова и Родзянко по повелению Государя генерал Алексеев телеграфировал 12 марта главнокомандующим северного и западного фронтов приготовить к отправлению в Петроград некоторые воинские части. Генерал-адъютанту Иванову было приказано принять на себя руководство подавлением мятежа.

Великому Князю Михаилу Александровичу Государь ответил через генерала Алексеева, что он благодарит его за совет, но что он сам знает, как ему следует поступить.

По поводу телеграммы князя Голицына Государь сказал Алексееву, что ответ на нее он составит сам.

После этого Государь около часа говорил по телефону с Императрицей, а затем вручил генералу Лукомскому собственноручно написанную им телеграмму на имя князя Голицына.

Государь указывал в ней, что при создавшейся обстановке он не находит возможным производить какие-либо перемены в составе Совета Министров и требует подавления революционного движения и бунта среди войск.

Генерал Лукомский отправился с этой телеграммой к генералу Алексееву. Последний пытался склонить Государя к уступкам, на которые указывали Родзянко, Великий Князь Михаил Александрович и князь Голицын. Его попытка успеха не имела, и телеграмма Голицыну была отправлена.

Свидетель Лукомский сознается на следствии, что в эти дни 10 и 11 марта в ставке не придавали серьезного значения событиям в Петрограде.

Свидетель Дубенский, имевший возможность видеть в эти дни Государя, показывает: «Он был покоен и ничем положительно не проявлял и тени беспокойства».

Оно пришло только 12 марта. Но, как видно из показания свидетеля полковника Энгельгарда[7], первого председателя революционного штаба Государственной Думы, смута в Петрограде к 12 марта приняла уже организованный характер: в этот день между 3 и 5 часами дня возник «Комитет Государственной Думы» и появилась уже «Военная Комиссия» этого Комитета, председателем которой в первые дни и был Энгельгард.

Ранним утром 13 марта Государь отбыл в Царское, следуя по маршруту Могилев – Орша – Смоленск – Лихославль – Бологое – Тосна. Впереди шел свитский поезд; в расстоянии часа езды от него – поезд Государя. В пути в свитском поезде стало известно, что в Петрограде возникла революционная власть, и ею отдано распоряжение направить поезд Государя не в Царское, а в Петроград. Об этом было дано знать в поезде Государя, и оттуда последовало распоряжение ехать в Царское. Но узловые пункты Любань и Тосна были заняты революционными войсками. Государь принял решение ехать в Псков.

Там 15 марта последовало отречение Императора.

Поздно вечером 16 марта Государь возвратился в Могилев, куда на следующий день прибыла Государыня Императрица Мария Федоровна.

Государь прощался с чинами штаба. Вечером 20 марта он собственноручно составил свое прощальное обращение к Русской Армии, датированное им 21 марта.

Как известно, революционная власть запретила его распространение.

---

[7] Свидетель Б.А. Энгельгард допрошен мною 12 апреля 1921 года в Париже.

В дальнейших целях моего расследования я привожу его содержание полностью:

> «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения Моего за Себя и за Сына Моего от Престола Российского власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками, одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его – тот изменник Отечеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестную нашу Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь ваших начальников. Помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу. Твердо верю, что не угасла в наших сердцах беспредельная любовь к нашей великой Родине. Да благословит вас Господь Бог, и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий».

В эти последние дни пребывания Государя в ставке, как показывает свидетель Дубенский, генерал Алексеев вел переговоры с Временным Правительством о свободном проезде его в Царское, свободном там пребывании и свободном отъезде за границу через Мурман.

Свидетель Лукомский показал на следствии, что Временное Правительство гарантировало свободу Императору и отъезд его с семьей за границу.

21 марта в Могилев прибыли члены Государственной Думы Бубликов, Вершинин, Грибунин и Калинин. В ставке ждали их, думая, что они командированы Временным Правительством «сопровождать» Императора в Царское. Но когда Государь сел в поезд, эти лица объявили ему через генерала Алексеева, что он арестован.

Отъезд Императора из ставки состоялся 21 марта. Свидетель Дубенский показывает:

> «Государь вышел из вагона Императрицы матери и прошел в свой вагон. Он стоял у окна и смотрел на всех, провожавших его. Почти против его вагона был вагон Императрицы матери. Она стояла у окна и крестила сына. Поезд пошел. Генерал Алексеев отдал честь Императору, а когда мимо него проходил вагон с депутатами, он снял шапку и низко им поклонился».

§2. Царское в дни переворота

Что происходило в эти дни в Царском?

Эта обстановка достаточно подробно выяснена на следствии показаниями лиц, окружавших в те дни Императрицу и детей: воспитателя Наследника Цесаревича Жильяра, камер-юнгфер Государыни Занотти и Тутельберг, няни детей Теглевой, ее помощницы Эрсберг и камердинера Государыни Волкова[8].

В первые дни смуты Императрица была вынуждена уделять много внимания детям, постепенно заболевавшим корью.

Первым заболел Наследник Цесаревич. 7 марта он был уже в постели с температурой 38,3. Постепенно болезнь захватила всех Великих Княжен и протекала у них весьма бурно при температуре 40,5. У Марии Николаевны и Анастасии Николаевны она впоследствии осложнилась воспалением легких.

О событиях, происходивших в Петрограде, Императрица осведомлялась преимущественно докладами министра внутренних дел Протопопова.

Будучи занята детьми, она принимала эти доклады от Протопопова по телефону через своего камердинера Волкова.

---

[8] Эти свидетели допрошены на следствии: П.А. Жильяр 12–14 сентября 1918 года в г. Екатеринбурге членом суда Сергеевым и мною: 5–6 марта 1919 года и 27 августа того же года в г. Омске, 14 марта 1920 года в г. Харбине и 27 ноября того же года в Париже; М.Ф. Занотти – мною 11 ноября 1920 года в Париже; М.Г. Тутельберг мною 23–27 июля 1919 года в г. Ишиме; А.А. Теглева мною 5–6 июля 1919 года в г. Екатеринбурге и 17 июля того же года в г. Тюмени; Е.П. Эрсберг мною 6 июля 1919 года в г. Екатеринбурге, 17 июля того же года в г. Тюмени и 16 марта 1920 года в г. Харбине; А.А. Волков 22 октября 1918 года в г. Екатеринбурге членом суда Сергеевым и мною: 20–23 августа 1919 года в г. Омске и 15 марта 1920 года в г. Харбине.

Общий тон этих докладов был лжив. Протопопов преуменьшал значение событий и уверял Императрицу, что он «не допустит ничего серьезного». Когда же движение приняло грозный характер, он растерялся, струсил и вынужден был сознаться, что «дела плохи».

Благодаря Протопопову, Императрица не имела правильного представления о характере движения. Когда даже камердинер Волков, передавая очередной доклад Протопопова, усумнился и указал Императрице, что он не соответствует действительности, что даже казаки в Петрограде ненадежны, она спокойно ответила Волкову:

«Нет, это не так. В России революции быть не может. Казаки не изменят».

Представляется совершенно очевидным, ввиду данных следствия, что такое состояние Императрицы, обусловленное Протопоповым, совпадало по времени как раз с пребыванием в ставке Императора. И я не питаю сомнений, что ответная телеграмма князю Голицыну, содержание которой было несомненно известно заранее Императрице, была составлена под воздействием на нее Протопопова.

Когда грозные факты встали воочию перед Императрицей, а связь с Государем была порвана, в душе ее родилась тревога. Чувствуя свое одиночество, она позвала к себе Великого Князя Павла Александровича. Этот факт сам по себе знаменателен для понимания ее настроения. После смерти Распутина Павел Александрович, по личному приказанию Императрицы, не мог появляться во дворце. Теперь она сама звала его.

Она пыталась бороться с событиями и не верила слухам об отречении Государя, считая их провокационными.

В конце концов она пришла, видимо, к выводу о необходимости некоторых уступок и пыталась снестись письменно с Императором. Эта попытка не имела успеха и являлась уже запоздалой: Государь отрекся от Престола.

Мужество и наружное спокойствие не покинуло Императрицу не только в первые дни смуты, но и после отречения Императора.

Свидетели показывают:

Эрсберг: «Она была очень выдержанна и держала себя в руках. Она, видимо, не теряла надежды на лучшее будущее. Я помню, что, когда она увидела меня плачущей после отречения Государя, она утешала и говорила, что народ одумается, призовет Алексея, и всё будет хорошо».

Волков: «К событиям и самому отречению Государя она относилась спокойно, проявляя мужество и выдержку».

Занотти: «Наружно она владела собой».

Жильяр: «Когда она узнала об отречении, она держала себя в руках, сохраняя спокойствие».

§3. Арест Государыни. Прибытие Государя. Их встреча

Арест Государыни произошел в тот же день, как и арест Государя: 21 марта.

Он был выполнен генералом Л. Корниловым, бывшим тогда в должности командующего войсками Петроградского военного округа.

При этом аресте присутствовало только одно лицо: новый начальник царскосельского караула полковник Кобылинский, назначенный к этой должности Корниловым[9].

Государыня приняла их в одной из комнат детской половины. Корнилов сказал ей: «Ваше Величество, на меня выпала тяжелая задача объявить Вам постановление Совета Министров, что Вы с этого часа считаетесь арестованной».

После этих кратких слов Корнилов представил Государыне Кобылинского. Затем он приказал ему удалиться и оставался наедине с ней около 5 минут.

Указанные выше свидетели, осведомленные об этом от Государыни и детей, показали, что, оставшись с Императрицей наедине, Корнилов старался успокоить ее и убеждал, что семье не грозит ничего худого.

Затем Корнилов собрал находившихся во дворце лиц и объявил им, что все, кто хочет остаться при царской семье, должны впредь подчиняться режиму арестованных.

В тот же день произошла смена караула. Сводный полк, охранявший дворец, ушел. Его заменил Лейб-Гвардии Стрелковый полк.

22 марта прибыл Государь.

Его встречал на платформе вокзала полковник Кобылинский. Он показывает:

---

[9] Свидетель Е.С. Кобылинский был допрошен мною 6–10 апреля 1919 года в г. Екатеринбурге.

> «Государь вышел из вагона и очень быстро, не глядя ни на кого, прошел по перрону и сел в автомобиль. С ним был гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков. Ко мне же на перроне подошли двое штатских, из которых один был член Государственной Думы Вершинин, и сказали мне, что их миссия окончена: Государя они передали мне. В поезде с Государем ехало много лиц. Когда Государь вышел из вагона, эти лица посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо, проникнутые чувством страха, что их узнают. Прекрасно помню, что так удирал тогда генерал-майор Нарышкин и, кажется, командир железнодорожного батальона генерал-майор Цабель. Сцена эта была весьма некрасивая».

Ворота дворца были заперты, когда подошел автомобиль Государя. Солдат, стоявший здесь, не открывал их и ждал дежурного офицера. Тот крикнул издали: «Открыть ворота бывшему Царю». Многие наблюдали эту сцену прибытия Государя. Свидетельница Занотти показывает: «Я прекрасно помню позу офицера (дежурного). Он хотел обидеть Государя: он стоял, когда Государь шел мимо него, имея во рту папиросу и держа руку в кармане».

На крыльцо вышли другие офицеры. Они все были в красных бантах. Ни один из них, когда проходил Государь, не отдал ему чести. Государь отдал им честь.

Государыня спешила навстречу ему. Но он предупредил ее и встретился с ней на детской половине. При этой встрече присутствовал только камердинер Волков. Он показывает: «С улыбочкой они обнялись, поцеловались и пошли к детям».

Позднее, оставшись друг с другом, они плакали. Это видела комнатная девушка Государыни Демидова, погибшая вместе с царской семьей. Она рассказывала об этом другим, оставшимся в живых.

Глава 2.

§1. Мотивы ареста Государя и Государыни

Постановление Временного Правительства о лишении свободы Государя и Государыни состоялось 20 марта. В нем не указано мотивов принятия такой меры.

Я пытался вскрыть их допросами трех лиц: главы Временного Правительства, председателя Совета Министров князя Львова, министра юстиции в его составе Керенского и министра иностранных дел Милюкова.[10]

Князь Львов показал:

> «Временное Правительство не могло, конечно, не принять некоторых мер в отношении главы государства, только что потерявшего власть. Эта мера, принятая в отношении Императора и его супруги по постановлению Временного Правительства, состояла в лишении их свободы. Я бы сказал, что принятие ее в тот момент было психологически неизбежным, вызываясь всем ходом событий. Нужно было оградить бывшего носителя верховной власти от возможных эксцессов первого революционного потока».

Кроме этой причины лишения свободы Их Величеств князь Львов указал еще и другую:

> «Временное Правительство было обязано, ввиду определенного общественного мнения, тщательно и беспристрастно обследовать поступки бывшего Царя и Царицы, в которых общественное мнение видело вред национальным интересам страны, как с точки зрения интересов внутренних, так и внешних, ввиду войны с Германией».

Керенский показал:

> «Николай II и Александра Федоровна были лишены свободы по постановлению Временного Правительства, состоявшемуся 20 марта. Было две категории причин, которые действовали в этом направлении. Крайне возбужденное настроение солдатских тыловых масс и рабочих петроградского и московского районов было крайне враждебно Николаю. Вспомните мое выступление 20 марта в пленуме Московского совета. Там раздались требования казни его, прямо ко мне обращенные. Протестуя от имени Правительства против таких требований, я сказал лично про себя, что я никогда

[10] Эти свидетели были допрошены мною в Париже: князь Г.Е. Львов – 6–30 июля 1920 года, А.Ф. Керенский – 14–20 августа того же года, П.Н. Милюков – 23 октября того же года и 12 июля 1922 года.

не приму на себя роли Марата. Я говорил, что вину Николая перед Россией рассмотрит беспристрастный суд. Самая сила злобы рабочих масс лежала глубоко в их настроениях. Я понимал, что дело здесь гораздо больше не в самой личности Николая II, а в идее «царизма», пробуждавшей злобу и чувство мести... Вот первая причина, побудившая Временное Правительство лишить свободы Царя и Александру Федоровну. Правительство, лишая их свободы, создавало этим охрану их личности. Вторая группа причин лежала в настроениях иных общественных масс. Если рабоче-крестьянские массы были равнодушны к направлению внешней политики Царя и его правительства, то интеллигентско-буржуазные массы и, в частности, высшее офицерство определенно усматривали во всей внутренней и внешней политике Царя и в особенности в действиях Александры Федоровны и ее кружка ярко выраженную тенденцию развала страны, имевшего в конце концов целью сепаратный мир и содружество с Германией. Временное Правительство было обязано обследовать действия Царя, Александры Федоровны и ее кружка в этом направлении.

Постановлением Временного Правительства от 17 марта 1917 года была учреждена Верховная Чрезвычайная Следственная Комиссия, которая должна была обследовать деятельность носителей высшей власти старого строя и всех вообще лиц, приковывавших к себе внимание общества своими действиями во вред интересам страны.

Эта Комиссия и должна была обследовать также роль Николая, Александры Федоровны и ее кружка.

Необходимость такого обследования указывалась в самых мотивах постановления Временного Правительства об учреждении Комиссии. Для того чтобы эта Комиссия могла выполнить ее обязанности, необходимо было принять известные меры пресечения в отношении Николая и Александры Федоровны. Эта необходимость и была второй причиной лишения их свободы».

Милюков показал:

«Мне абсолютно не сохранила память ничего о том, как, когда состоялось решение вопроса об аресте Царя и Царицы. Я совершенно ничего не помню по этому вопросу. Представляя себе вообще характер событий того времени, мне кажется, что Временное Правительство, по всей вероятности, санкционировало известную меру, предложенную ему Керенским. В то время некоторые заседания Правительства происходили секретно, и журналы таких заседаний не велись. Вероятно, в такой же форме состоялось и решение самого вопроса».

§2. Инструкция Керенского для царской семьи. Режим

Лишение свободы Их Величеств создало для них особый уклад жизни.

Кто установил его?

Керенский показал на следствии:

«Установление известного режима в отношении Николая II, его жены и всех вообще лиц, которые пожелали остаться с ними, было возложено Временным Правительством на меня. Мне же принадлежало и наблюдение за выполнением режима... Согласно воле Временного Правительства я выработал инструкцию, которая устанавливала самый режим в Царском, и передал ее для руководства Коровиченко» (коменданту дворца).

Инструкция вводила следующие ограничения:

Царская семья и все, кто остался с ней, были изолированы от внешнего мира.

Заключенные пользовались правом передвижения только в пределах дворца.

Для прогулок были отведены особые места в парке, специально для этого огороженные. Во время прогулок узники окружались караулом.

Богослужения совершались в дворцовой церкви.

Всякие свидания с заключенными были абсолютно запрещены и могли быть допущены только с согласия Керенского.

Вся переписка подвергалась цензуре коменданта дворца.

Дворец и парк были оцеплены караулами солдат.

Существовало двойное наблюдение за жизнью заключенных: наружное, принадлежавшее начальнику караула, и внутреннее, принадлежавшее коменданту дворца.

Кроме этих общих мер были приняты еще две, направленные, главным образом, на особу Императора.

Первая состояла в отобрании у Императора его различных документов по требованию Чрезвычайной Следственной Комиссии, что имело место в мае–июне.

Вторая мера состояла в ограничении свободы Императора и внутри дворца. Он был отделен на некоторое время от Государыни и виделся с нею под наблюдением дежурного офицера, в присутствии всей семьи и приближенных только за столом. Позволялось в это время вести беседы лишь на общие темы. По этому поводу Керенский показал на следствии:

> «Эта мера была принята лично мною, по моей инициативе, после одного из докладов, сделанных мне по их делу Следственной Комиссией. Имелся в виду возможный допрос их Комиссией. В целях беспристрастного расследования я признал необходимым произвести это отделение. Николаю II об этом я объявил сам лично. Александре Федоровне было объявлено об этой мере Коровиченко по моему приказанию... Такой порядок был установлен мною, кажется, в первых числах июня и существовал приблизительно с месяц. Затем надобность в нем исчезла, и он был отменен».

Жизнь царской семьи после отречения Императора – это состояние ареста. В основе его лежала, главным образом, мысль получить таким способом возможность найти «вину» Царя и Царицы перед Родиной.

Глава 3. [11]

§1. Жизнь заключенной семьи в Царском. Эксцессы революционной среды

Эта идея создала основной фон жизни царской семьи в период ее пребывания в Царском.

На этой почве вырастали многие эксцессы, порождая для семьи неведомые ей дотоле переживания.

Строгость режима, установленного Керенским, показалась некоторым из господ революционных офицеров недостаточной. Они потребовали от полковника Кобылинского, чтобы вся царская семья ежедневно предъявлялась им. Упадок дисциплины, моральная распущенность и мещанское любопытство прикрывались здесь соображениями, что семья может бежать. Кобылинский долго боролся с такими домогательствами, но в конце концов он должен был сделать доклад генералу П.А. Половцеву, сменившему Корнилова. Требование офицеров было удовлетворено в несколько смягченной форме: ежедневно, когда царская семья выходила к завтраку, в столовую являлись два офицера: кончавший дежурство и вступавший в него. Однажды, когда оба офицера явились к царской семье, Государь простился с офицером, уходившим с дежурства, и, по своему обыкновению, протянул руку его заместителю. Тот отступил назад и не принял ее. Государь подошел к нему, взял его за плечи и, заметно волнуясь, сказал: «Голубчик, за что?» Офицер ответил:

«Я – из народа. Когда народ протягивал Вам руку. Вы не приняли ее. Теперь я не подам Вам руки». Этот офицер гордился впоследствии своим поступком. Его фамилия Ярынич.

При полном безвластии того времени царскосельский совдеп также вмешивался в жизнь семьи и «делегировал» в помощь Кобылинскому своего человека: армянина Домодзянца в чине прапорщика. «Глупый, грубый и нахальный», по свидетельству Кобылинского, он упорно стремился проникнуть во дворец в роли начальствующего лица. Когда это не удалось, он начал подкарауливать царскую семью в парке и, как мог, отравлял ее жизнь. О нем упоминает в своем дневнике Наследник Цесаревич и бранит его метким русским словом. Как и Ярынич, он также не принял однажды руки Государя.

---

[11] Содержание настоящей главы, кроме показаний предыдущих свидетелей, основывается еще на показаниях камердинера Государя Т.И. Чемодурова, лакея Наследника Цесаревича С.И. Иванова, преподавателя английского языка детям С.И. Гиббса, дочери доктора Боткина Т.Е. Мельник и на записях в дневнике Наследника Цесаревича.

Свидетели Т.И. Чемодуров, С.И. Иванов и С.И. Гиббс были допрошены: первый членом суда Сергеевым 15–16 августа 1918 года в г. Екатеринбурге, второй мною 18 июля 1919 года в г. Тюмени, третий мною 1 июля 1919 г. в Екатеринбурге. Письменные показания Т.Е. Мельник составлены ею для дела 25 июня 1920 г. Дневник Наследника Цесаревича был обнаружен при обыске у охранника М.И. Летемина 6 августа 1918 года в Екатеринбурге.

Подобные случаи повторялись неоднократно и, как видно из показаний свидетелей, особенно тяжело отражались на состоянии детей, вызывая у них чувство оскорбления, душевного возмущения.

Один из офицеров, студент университета, не известный мне по фамилии, особенно старался проявить свою бдительность по охране и обыкновенно ни на шаг не отходил от семьи во время прогулок в парке. Идя однажды сзади Государя, он буквально стал наступать ему на пятки. Взмахом трости назад Государь был вынужден охладить пыл революционера-охранника.

Подобное поведение некоторых из офицеров, а иногда и прямая агитация таких, как Домодзянц, развращали солдат. Они также старались проявить собственную инициативу в деле охраны и переходили границы всякой пристойности. Во время прогулок они не отходили от семьи, подсаживались к Императрице, разваливались в непринужденных позах, курили и вели неприятные для нее речи.

Однажды они увидели в руках Наследника его маленькую винтовку. Это была модель русской винтовки, сделанная для него одним из русских оружейных заводов, ружье-игрушка, совершенно безвредная ввиду отсутствия специальных для нее патронов. Солдаты усмотрели опасность и через офицера потребовали обезоружить Наследника. Мальчик разрыдался и долго горевал, пока полковник Кобылинский тайно от солдат не передал ему ружья по частям, в разобранном виде.

Когда дети поправлялись после болезни, семья собралась как-то вся вместе и проводила вечер за чтением. В комнату вошли солдаты и заявили, что отсюда идут сношения с внешним миром путем световой сигнализации. Это одна из Княжен, занимаясь рукоделием, машинально покачивалась из стороны в сторону. Ее тень и была принята за сигнализацию.

Солдаты входили во внутренние покои дворца, где не было никаких постов, рассматривали обиход семьи, высказывая невежественные, лживые и грубые суждения.

Иногда поступки их были лишены всякого смысла, носили чисто хулиганский характер. В парке жили дикие козы. Один из солдат, стоя на часах, застрелил одну. Он подвергся репрессии. Но когда он снова стоял на том же посту, он застрелил другую.

Склонность революционных солдат к воровству была немалая. Часовые взламывали хранилища с царскими вещами, находившиеся вне комнат дворца, забирались в кладовые, похищали провизию.

Были в составе охраны и иные люди, как среди офицеров, так и среди солдат. Они совсем иначе относились к царской семье, но делали они это тайно, боясь обнаружить свои чувства.

§2. Царская семья и приближенные

Мученичество Царя порождала не одна только революционная среда. Я погрешил бы перед истиной, если бы умолчал о некоторых лицах, издавна окружавших Царя и пользовавшихся его милостями.

В числе других людей наиболее близкими к Царю до его отречения от Престола были: начальник походной канцелярии Нарышкин, начальник конвоя граф Граббе, флигель-адъютант Мордвинов, флигель-адъютант герцог Н.Н. Лейхтенбергский, флигель-адъютант Н.П. Саблин, заведовавший делами Государыни граф Апраксин.

Мы видели, как уходил Нарышкин из поезда Царя, прибыв вместе с ним в Царское. Перед отъездом Царя в Тобольск ему была дана возможность взять с собой несколько человек по его личному выбору. Он выбрал Нарышкина. Когда последнему было объявлено желание Государя, он попросил 24 часа на размышление. Государь не стал ждать конца его размышлений и выбрал И.Л. Татищева.

Прибыв во дворец 22 марта, Государь ждал, что к нему не замедлят явиться Мордвинов и герцог Лейхтенбергский. Они не ехали. Он справился о них у камердинера Волкова. Тот пошел к обер-гофмаршалу графу Бенкендорфу. «Доложи, – сказал Бенкендорф, – не приехали и не приедут».

В показании Волкова значится:

> «Государь не подал никакого вида и только сказал: «Хорошо». А Мордвинов был одним из самых любимых флигель-адъютантов. Таким же любимым флигель-адъютантом был Саблин. Когда в дни переворота к дворцу стали стягивать войска и пришел гвардейский экипаж, в составе которого находился Саблин, я видел почти всех офицеров экипажа. Но Саблин не явился и больше не показался царской семье».

Граф Апраксин был во дворце, когда генерал Корнилов арестовал Государыню. Он остался в числе добровольно арестованных, но через несколько дней ушел.

Граф Граббе тайно скрылся, бежал не только от семьи, но и от своей службы.

Свидетели показали:

> Кобылинский: «Самоотвержения графа Апраксина хватило всего-навсего дня на три, не больше. Он очень скоро подал заявление и просил его выпустить, так как-де все дела здесь, во дворце, он кончил».
>
> Теглева: «Многие изменили им... Граф Апраксин ушел от них, убежал начальник конвоя граф Граббе. Забыл их близкий Государю человек, свитский генерал Нарышкин, ни разу их не навестивший в Царском».
>
> Эрсберг: «Ни разу к ним не явился свитский генерал Нарышкин. Убежал от них начальник конвоя граф Граббе. Ушел Апраксин. Ни разу к ним не пришел и ушел от них старший офицер гвардейского экипажа флигель-адъютант Николай Павлович Саблин».

Не всё оказалось благополучным и в среде дворцовой прислуги. Многие приняли на себя роль добровольных сыщиков и шпионов. Когда Императрица поняла серьезность положения, она уничтожила некоторые свои документы при помощи Вырубовой. Как только Керенский прибыл во дворец, ему было сейчас же доложено об этом прислугой. Донос встревожил Керенского. Производилось расследование: допрашивалась прислуга, осматривались печи. Вырубова была отправлена в крепость.

Старый дядька Наследника Цесаревича боцман Деревенко, тот самый, среди детей которого протекли первые годы жизни Наследника, кто носил его на руках во время болезни, в первые же дни переворота проявил злобу к нему и оказался большевиком и вором.

Всем этим людям невольно противопоставишь двух других, никогда не принадлежавших к придворной среде. Это были девушка Маргарита Хитрово и некая Ольга Колзакова. Они не боялись иметь общение с заключенной семьей и в своих письмах слали ей слова любви и глубокой преданности, не прикрывая своих имен никакими условностями.

Но я особо полагаю себя обязанным отметить высокую степень личного благородства и глубочайшую преданность Русскому Царю и его семье двух лиц: воспитателя Наследника Цесаревича швейцарца Жильяра и преподавателя английского языка детям англичанина Гиббса.

Неоднократно подвергая жизнь свою риску, Жильяр всецело жертвовал собой для семьи, хотя ему как иностранцу ничего не стоило уйти от нее в первую же минуту.

В момент ареста Государыни Гиббс не был во дворце. Потом его уже не впустили. Он настойчиво стал требовать пропуска и подал письменное заявление, чтобы ему позволили учить детей. В показании его значится:

> «Временное Правительство не позволило мне быть при них. Отказ, я очень хорошо это помню, имел подписи пяти министров. Я не помню теперь, каких именно, но я помню, что именно пяти министров, причем из моего ходатайства было видно, что я преподаю науки детям... Мне, англичанину, это было смешно».

Пять революционных министров не сломили воли упорного англичанина. Он соединился с семьей, но уже в Сибири. В показании его значится:

> «Я приехал в Тобольск сам. Я хотел быть при семье, так как я им предан... Это было в час дня. Я был принят Государем в его кабинете, где были Императрица и Алексей Николаевич. Я очень рад был их видеть. Они рады были меня видеть. Императрица в это время уже понимала, что не все, которых она считала преданными им, были им преданны. Им не оказался преданным начальник конвоя граф Граббе. Граббе убежал от них на Кавказ во время революции».

§3. Должностные лица: дворцовые коменданты Коцебу и Коровиченко, военный министр Гучков, министр юстиции Керенский

Как относились к семье те люди, которым принадлежала власть над ней в дни революционного потока?

Ближайшая власть была в руках дворцового коменданта Коцебу и начальника караула Кобылинского.

Штаб-ротмистр Коцебу, офицер Уланского Ее Величества полка, был первым революционным комендантом. Его назначил на эту должность генерал Корнилов. Все свидетели в одинаковых выражениях говорят о роли Коцебу: он служил не революции, а царской семье. Но он не был искушен в этом трудном деле и не учел настроения дворцовой прислуги. Когда он сидел и беседовал с Вырубовой, за ним внимательно следили. Подсмотрели, что он передает царской семье письма, не вскрывая и не читая их. В результате последовал донос, и Коцебу был уволен.

После него короткое время обязанности коменданта нес Кобылинский, а затем комендантом был назначен Коровиченко.

Павел Александрович Коровиченко – военный юрист по образованию и адвокат по профессии. Политический единомышленник Керенского, связанный с ним и общностью профессии и личными узами, он был в полном смысле слова «оком» Керенского во дворце. В показании последнего значится:

> «Коровиченко, как лицо, назначенное мною, который был уполномоченным Временного Правительства, являлся уполномоченным от меня. Ему там в мое отсутствие принадлежала вся полнота власти».

Своей личной персоной Коровиченко не нес зла семье. Наоборот, он старался сделать ее заключение менее стеснительным. Но, не принадлежа к той среде, в которую он попал, он не умел держать себя и казался семье грубым, бестактным, плохо воспитанным. Передавая Княжнам письма или беседуя с ними, он «в шутку» говорил с ними словами этих писем, не замечая, что такие «шутки» коробят их. Семья не любила его. Он оставил свой пост добровольно, будучи назначен командующим войсками сначала казанского, а затем ташкентского военного округа, где и был убит большевиками.

После Коровиченко обязанности коменданта снова перешли к Кобылинскому, который сохранил их до самого конца. Поэтому о роли Кобылинского я скажу впоследствии.

Из лиц, имевших высшую власть, в Царском бывали: генерал Корнилов, военный министр Гучков и министр юстиции Керенский.

Несмотря на неблагодарную роль, которую принял на себя Корнилов, на некоторую сухость к нему Императрицы, он всё же, видимо, ни у кого не оставил во дворце чувства недоброжелательства к себе.

В показании камердинера Волкова значится:

> «Арестовывать Государыню приезжал генерал Корнилов. Я его сам тогда видел. Держал себя Корнилов наружно с достоинством, как держали себя все приезжавшие в старое время во дворец. Государыня нисколько не была огорчена после отъезда Корнилова и была так же спокойна, как и раньше, до его приезда. Я уверен, что Корнилов лично не сделал Ее Величеству ничего худого и не причинил ей никакой обиды».

В таких же выражениях говорят об этом и все другие свидетели.

Когда позднее Керенский объявил Корнилова изменником России и Государь узнал об этом, он выражал свое глубокое возмущение и негодовал за Корнилова.

Гучков был в Царском, видимо, один раз, и до приезда Государя.

Свидетели показали:

> Князь Львов: «Он (Гучков) ездил туда как военный министр. Делал ли он тогда доклад по поводу своей поездки, я не помню; с кем он там имел общение, я не знаю».
>
> Камер-юнгфер Занотти: «После, должно быть, приезда Корнилова приезжали к нам во дворец еще какие-то люди. Насколько я могу помнить, среди них был тогда Гучков. Я хорошо помню, что Государыня тогда очень волновалась по поводу их приезда и выражала свое негодование по этому поводу: ей было неприятно их видеть. Но она видела тогда Гучкова (я теперь хорошо помню: да, это был Гучков). Она после говорила, что приезд его был бесцелен, что ему не для чего было приезжать».
>
> Камердинер Волков: «Зачем он (Гучков) тогда приезжал к Императрице, я не знаю. Его никто не звал. Приезжал он тогда сам и без предупреждения. Когда он шел назад, один из офицеров, приезжавших с ним, как заметно было, основательно пьяный, обратился ко мне, гардеробщику Ивану Мартышкину и лакеям Труппу и Предовскому (мы все стояли вместе) и злобно крикнул нам: «Вы – наши враги. Мы – ваши враги. Вы здесь все продажные». Он это кричал громко, с неприличными жестами, как пьяный. Я сказал ему: «Вы, милостивый государь, в нашем благородстве

ошибаетесь». Больше я ничего не стал ему говорить. Гучков шел впереди в расстоянии всего нескольких шагов от этого пьяного офицера и даже головы не повернул на эти слова. Он не мог не слышать этих слов».

Относились ли эти слова к хозяевам дворца?

Хотя я допрашивал Гучкова[12] как свидетеля, но по узкоспециальному вопросу. Я надеялся, что он даст впоследствии более пространное, исчерпывающее показание. Но его дальнейшее отношение к делу дало мне основание думать, что он не желает более свидетельствовать. Поэтому, освещая его посещение Царского данными следствия, я, как судья, отнюдь не настаиваю, что они вполне соответствуют истине.

Первое свидание Керенского с царской семьей произошло 3 апреля 1917 года. Он был принят Их Величествами в присутствии Наследника Цесаревича и Великих Княжен Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны. Никто из посторонних при этом не присутствовал и очевидцем происходившего не был. Правда, няня детей Теплева находилась в соседней комнате, но она слышала только первые слова Керенского и ничего существенного в дело не внесла.

Сам Керенский показал:

«Я видел тогда Царя, Александру Федоровну и детей, познакомился с ними. Я был принят в одной из комнат детской половины. Свидание в этот раз было коротким. После обычных слов знакомства я спросил их, не имеют ли они сделать мне как представителю власти каких-либо заявлений, передал им приветствие от английской королевской семьи и сказал несколько общих фраз успокоительного характера. В это же свидание я осмотрел помещение дворца, проверил караулы, дал некоторые указания руководящего характера».

Жильяр рассказывает в своей книге[13] со слов Наследника Цесаревича, что Керенский во время этого первого свидания, уединившись с Государем, сказал ему: «Вы знаете, что я добился отмены смертной казни как наказания... Я это сделал, хотя множество моих товарищей пало жертвой своих убеждений».

Я не имел в виду при допросе Керенского этого рассказа, и поэтому его слова про «общие фразы успокоительного характера» могу лишь оставить на его совести.

Керенский бывал в Царском неоднократно. Он говорит на следствии:

«...Я был там приблизительно 8–10 раз, выполняя мои обязанности, возложенные на меня Временным Правительством. В эти посещения я видел Николая иногда одного, иногда вместе с Александрой Федоровной».

Как же Керенский относился к царской семье?

Многие из свидетелей, по их психологии, были несомненно враждебны Керенскому. Тем не менее истина в их словах довольно выпукла.

Чемодуров: «Отношение Керенского к Государю и его семье было вполне благожелательное и корректное».

Теглева: «Я была невольной свидетельницей первого прибытия к нам Керенского и его первого приема Государем. Он был принят тогда Их Величествами в классной комнате в присутствии Алексея Николаевича, Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны. Я как раз застряла тогда в ванной, и мне нельзя было пройти в первое время. Я видела лицо Керенского, когда он один шел к Их Величествам. Препротивное лицо: бледно-зеленое, надменное, голос искусственный, металлический. Государь ему сказал первый: «Вот моя семья. Вот мой сын и две старшие дочери. Остальные больны: в постели. Если Вы хотите, их можно видеть». Керенский ответил: «Нет, нет. Я не хочу беспокоить». До меня донеслась сказанная дальше им фраза: «Английская королева справляется о здоровье бывшей Государыни». Дальнейшего разговора я не слышала, так как я удалилась. Я видела лицо Керенского, когда он уходил: важности нет, сконфуженный, красный; он шел и вытирал пот с лица... Он приезжал потом. Дети высказывали мне их общее впечатление о приездах Керенского. Они говорили, что Керенский изменился в обращении с ними. Он стал относиться к ним гораздо мягче, чем в первый раз, проще. Он справлялся у них, не терпят ли они каких притеснений, оскорблений от солдат, высказывая готовность всё это устранить».

Эрсберг: «Относительно Керенского я могу сказать следующее. Я видела его или в первый раз, когда он приезжал во дворец, или в одно из первых его посещений дворца. Лицо у него было

---

[12] Свидетель А.И. Гучков был допрошен мною 15 сентября 1920 года в г. Париже.

[13] Трагическая Судьба Императора Николая II.

надменное, голос громкий, деланный. Одет он был неприлично: в тужурку, без крахмального белья. Вероятно, общение с Августейшей Семьей, в которой он не мог не почувствовать хороших людей, повлияло на него к лучшему, и он, вероятно, потом изменился в отношениях с семьей. Я не помню от кого, но мне пришлось слышать, что перед отъездом семьи в Тобольск он, разговаривая с Государем, говорил ему, что он из добрых побуждений переселяет семью из Царского в Тобольск, как удаленный от железных дорог, тихий и спокойный город, где им будет лучше; что он, Керенский, надеется, что Государь не усмотрит в его действиях «ловушки». Государь ему ответил, что он ему верит».

Занотти: «Сама я лично не могла быть, конечно, при приеме Государем и Государыней в первый раз Керенского. Лично Керенского я видела. Он был в простой рабочей тужурке. Держал он себя прилично. С детьми я говорила про Керенского. Я вынесла такое впечатление относительно Керенского: Керенский был в первые дни его приезда к нам очень нервен. Он совершенно не понимал Их Величеств. Потом он получил от них другие впечатления. Отношения между Их Величествами и Керенским стали проще, и Их Величества безусловно не относились, в конце концов, в душе их к Керенскому так, как, вероятно, сначала... Я должна сказать, что лично Керенский относился вполне вежливо к царской семье и лично не делал ничего ей неприятного».

Волков: «Под конец царская семья, как надо думать, привыкла к Керенскому. Я по совести могу удостоверить, что Государыня как-то говорила про Керенского мне лично: «Он ничего. Он славный человек. С ним можно говорить»».

Жильяр: «Керенский в Царском был несколько раз. Он приезжал к нам как глава нового правительства, чтобы видеть условия нашего режима. Его обращение с Государем носило характер сухой, официальный. На меня это его обращение производило впечатление отношения судьи к обвиняемому, в виновности которого судья убежден. Мне казалось, что Керенский считает Государя в чем-то виноватым и поэтому обращается с ним сухо. Однако я должен сказать, что всё же Керенский проявлял полную корректность... Явившись после этого (после отобрания бумаг у Государя) во дворец, Керенский был другой. Его обращение с Государем изменилось к лучшему. Оно утратило характер прежней сухости и стало более мягким. Я эту перемену объясню так. Мне казалось, что Керенский, ознакомившись с содержанием отобранных им у Государя бумаг, понял, что Государь не совершил ничего плохого перед Родиной, и сразу переменился в обращении с ним».

Гиббс: «Государь мне (в Тобольске) немножко рассказывал про Керенского. Он мне говорил, что Керенский очень нервничал, когда бывал с Государем. Его нервность однажды дошла до того, что он схватил со стола нож слоновой кости для разрезывания книг и так стал его вертеть, что Государь побоялся, что он его сломает, и взял его из рук Керенского. Государь мне рассказывал, что Керенский думал про Государя, что он хочет заключить сепаратный договор с Германией, и об этом с Государем говорил. Государь это отрицал, и Керенский сердился и нервничал. Производил ли Керенский обыск у Государя, я не знаю. Но Государь говорил мне, что Керенский думал, что у Государя есть такие бумаги, из которых было бы видно, что он хочет заключить мир с Германией. Я знаю Государя, и я понимал и видел, что, когда он рассказывал, у него в душе было чувство презрения к Керенскому за то, что Керенский смел так думать».

Сам Керенский показал:

«Я заявляю, что с того момента, когда Государь отдал себя и свою семью под покровительство Временного Правительства, я считал себя обязанным по долгу чести перед Временным Правительством оградить неприкосновенность семьи и гарантировать ей в обращении с ней черты джентльменства».

Найдена ли истина?

Я бы охотно поверил в джентльменство Керенского – ведь об этом говорит не только сам он, но и свидетели – если бы не существовало иных фактов.

С гордо поднятой головой вошел в жилище Царя Керенский. Он нес в себе уверенность в виновности Царя перед Россией. Ею проникнута та инструкция, которую он сам лично составил для царственных узников.[14] Керенский вдавался в ней в большие и совершенно излишние подробности. Указывая, какие блюда может кушать семья, он требовал, чтобы заключенный Царь был скромен, чтобы семья впредь «воздерживалась употреблять горячие закуски».

[14] Инструкция в разорванном виде найдена 8 сентября 1918 года в г. Екатеринбурге, в здании Волжско-Камского Банка, где помещался Уральский областной совет, товарищем прокурора Н.И. Остроумовым.

А после убийства царской семьи в Екатеринбурге были найдены военные шаровары Императора.[15] На них оказались маленькие заплаты, а внутри левого их кармана, на материи, оказалась надпись-пометка: «Изготовлены 4 августа 1900 года», «возобновлены 8 октября 1916 года».

Камердинер Волков, много лет знавший личную жизнь Государя, обучавший его с молодых лет военному строю, показывает:

> «Его платья были часто чиненны. Не любил он мотовства и роскоши. Его штатские костюмы велись у него с жениховских времен, и он пользовался ими».

Своей инструкцией, чуждой, конечно, и тени джентльменства, начал Керенский общение с Царем.

Как он его закончил?

Я упоминал выше имя Маргариты Сергеевны Хитрово. Молоденькая девушка любила царскую семью, и в особенности Ольгу Николаевну. Это было чувство личного «институтского» обожания, чуждое всяких иных интересов. Ее облик был прекрасно известен Керенскому.

Как только она узнала, что царскую семью увезли в Тобольск, она сейчас же последовала за ней.

А Керенский, как только узнал об отъезде Хитрово, отправил в Тобольск прокурору такую телеграмму:

> «Тобольск Прокурору Суда Вне очереди
> Расшифруйте лично и если комиссар Макаров или член Думы Вершинин Тобольске их присутствии точка Предписываю установить строгий надзор за всеми приезжающими на пароходе в Тобольск выясняя личность и место откуда выехали равно путь которым приехали а также остановки точка Исключительное внимание обратите приезд Маргариты Сергеевны Хитрово молодой светской девушки которую немедленно на пароходе арестовать обыскать отобрать все письма паспорта и печатные произведения все вещи не составляющие личного дорожного багажа деньги обратите внимание на подушки во-вторых имейте в виду вероятный приезд десяти лиц из Пятигорска могущих впрочем прибыть и окольным путем точка Их тоже арестовать обыскать указанным порядком точка Ввиду того что указанные лица могли уже прибыть в Тобольск произведите тщательное дознание и в случае их обнаружения арестовать обыскать тщательно выяснить с кем виделись точка У всех кого видели произвести обыск и всех их впредь до распоряжения из Тобольска не выпускать имея бдительный надзор точка Хитрово приедет одна остальные вероятно вместе точка Всех арестованных немедленно под надежной охраной доставить в Москву Прокулату Если (они) кто-либо из них проживал уже Тобольске произвести (обыск) доме обитаемом бывшей царской семьей тщательный обыск отобрав переписку возбуждающую малейшее подозрение а также все не привезенные раньше вещи и все деньги лишние точка Об исполнении предписания по мере осуществления действий телеграфировать мне и Прокулату Москвы приказания которого надлежит исполнять всеми властями точка 2992.
> Министр Председатель Керенский».[16]

Хитрово была арестована, обыскана и отправлена в Москву, где дело о ней и было прекращено.

Керенский показал на допросе:

> «Действительно, по поводу приезда в Тобольск Маргариты Хитрово было произведено по моему требованию телеграфному расследование. Вышло это таким образом. Во время Московского Государственного Совещания были получены сведения, что к Царю пытаются проникнуть 10 человек из Пятигорска. Это освещалось как попытка увезти царскую семью. В силу этого и производилось расследование. Однако эти сведения не подтвердились. Ничего серьезного тут не было».

Не подлежит сомнению, что, будучи любезным и внимательным к Царю, как о том говорят единогласно все свидетели, Керенский ни на одну минуту не был искренен с ним.

---

[15] Шаровары Императора были похищены из дома Ипатьева охранником Леонидом Васильевичем Лабушевым. Они были найдены в частной квартире 7 августа 1918 года чинами Екатеринбургского Уголовного Розыска в присутствии камердинера Чемодурова.

[16] Телеграмма эта получена от прокурора Тобольского Окружного Суда, в числе других документов по делу, при отношении от 29 марта 1919 года за № 13.

Глава 4.

§1. Причины перевоза царской семьи из Царского в Тобольск

Что послужило причиной перевоза царской семьи в Тобольск?

Выше я приводил уже показание свидетельницы Эрсберг по этому вопросу. Так же освещают его и другие свидетели:

> Теглева: «Мне говорили дети, что причиной нашего переезда в Тобольск послужило опасение правительства за наше благополучие. Правительство опасалось ожидавшихся тогда беспорядков».
>
> Жильяр: «Этот перевод был вызван опасениями Правительства за благополучие семьи. Правительство тогда решило взять более твердый курс в управлении страной. Но в то же время оно опасалось, что новый курс может повлечь за собой народные вспышки, с которыми ему придется бороться вооруженной силой. Опасаясь, что эта борьба может ударить, так сказать, «рикошетом» по нас, Правительство и решило выбрать для царской семьи иное, более спокойное место. Обо всем этом я Вам передаю со слов или Ее Величества, или Великих Княжен. Им же мотивировал так решение Правительства Керенский».

Так ли это было на самом деле?

Князь Львов показал:

> «Летом в первой половине июля Правительство пришло к убеждению, что нахождение царской семьи около Петрограда стало абсолютно невозможным. Страна явно шла под уклон. Нажим на Правительство со стороны советов делался всё сильнее... Ясно было, что царскую семью для ее благополучия нужно было куда-то увезти из Царского. Обсуждение всех вопросов, связанных с этой необходимостью, было поручено Керенскому. Он делал тогда доклад Правительству. Было решено перевезти ее в Тобольск. Сибирь тогда была покойна, удалена от борьбы политических страстей, и условия жизни в Тобольске были хорошие: там удобный, хороший губернаторский дом. Юг не мог быть таким местом: там уже шла борьба. Решение вопроса о перевозе семьи в Тобольск состоялось при мне. Но самый ее отъезд имел место уже после моего ухода из состава Правительства».

Керенский показал:

> «Причиной, побудившей Временное Правительство перевезти царскую семью из Царского в Тобольск, была всё более обострявшаяся борьба с большевиками. Сначала проявлялось большое возбуждение в этом вопросе со стороны солдатско-рабочих масс. Мое упоминание 20 марта в Москве про возможный отъезд царской семьи из Царского (в Англию) вызвал налет на Царское со стороны петроградского совета. Совет тут же отдал распоряжение по линиям не выпускать никаких поездов из Царского, а потом в Царское явился с броневыми машинами член военной секции совета Масловский (левый эсер, библиотекарь Академии Генерального Штаба) и пытался взять Царя. Он не исполнил этого только потому, что в последнюю минуту он растерялся. Царское было для нас, для Временного Правительства, самым больным местом. Для большевиков это было бельмом на глазу. Кронштадт и Царское: два полюса. Они вели сильнейшую агитацию против Временного Правительства и лично против меня, обвиняя нас в контрреволюционности. Они усерднейшим образом вели пропаганду среди солдат, несших охрану в Царском, и разлагали их. Бывая в Царском и узнавая там о разных непорядках, я должен был реагировать на это, иногда прибегая к резким выражениям. Настроение солдат было напряженно-недоверчивое. Из-за того, что дежурный офицер, по старой традиции дворца, получал из царского погреба полбутылки вина, о чем узнали солдаты, вышел большой скандал. Неосторожная езда какого-то шофера, повредившего ограду парка автомобилем, также вызвала среди солдат подозрения и толки, что Царя хотели увезти. Всё это создавало дурную атмосферу; мешало Временному Правительству работать и отнимало у нас реальную силу: царскосельский гарнизон, настроенный до того лояльно по отношению к Временному Правительству; гарнизон, в котором мы видели опору против разложившегося уже Петрограда».

Мне кажется, что вопрос, который я анализирую, об увозе царской семьи в Тобольск, по самой логике является соединением двух разных вопросов: а) почему царская семья была увезена из Царского; б) почему новым местом ее заключения оказался г. Тобольск.

Случай с Масловским, о котором говорит Керенский, имел место в первые дни смуты. Он был индивидуален. После этого не случилось ничего, что непосредственно угрожало бы царской семье в Царском.

Мотивируя Царю необходимость отъезда из Царского, Керенский, конечно, должен был говорить о благополучии семьи. Что иное мог он сказать в его положении? На следствии он указал иные причины, связанные с благополучием не Царя, а Временного Правительства. К этому ничего добавить нельзя.

Почему для нового заключения царской семьи был выбран именно Тобольск?

Глава Временного Правительства князь Львов объяснил такой выбор опять-таки благополучием семьи: в Сибири спокойно, а в губернаторском доме удобно.

Сам Керенский показал:

> «Было решено (в секретном заседании) изыскать для переселения царской семьи какое-либо другое место, и всё разрешение этого вопроса было поручено мне. Я стал выяснять эту возможность. Предполагал я увезти их куда-нибудь в центр России, останавливаясь на имениях Михаила Александровича и Николая Михайловича. Выяснилась абсолютная невозможность сделать это. Просто немыслим был самый факт перевоза Царя в эти места через рабоче-крестьянскую Россию. Немыслимо было увезти их и на Юг. Там уже проживали некоторые из Великих Князей и Мария Федоровна, и по этому поводу там уже шли недоразумения. В конце концов я остановился на Тобольске. Отдаленность Тобольска и его особое географическое положение, ввиду его отдаленности от центра, не позволяло думать, что там возможны будут какие-либо стихийные эксцессы. Я, кроме того, знал, что там удобный губернаторский дом. На нем я и остановился. Первоначально, как я припоминаю, я посылал в Тобольск комиссию, в которую, кажется, входили Вершинин и Макаров, выяснить обстановку в Тобольске. Они привезли хорошие сведения».

Я не могу понять, почему везти Царя из Царского куда-либо, кроме Тобольска, означало везти его через рабоче-крестьянскую Россию, а в Тобольск – не через рабоче-крестьянскую Россию.

Жизнь того времени была повсюду полна «недоразумений», но все Августейшие Особы, жившие на Юге, спаслись, так как они были вблизи границ страны.

Место увоза Царя из Царского тщательно скрывалось от него до последнего момента. Свидетельница Занотти показывает:

> «Они надеялись, что их из Царского отправят в Крым, и им этого хотелось. Они не знали потом, куда именно их отправляют, когда их увозили в Тобольск. Им это не было известно даже в тот момент, когда они в самый отъезд были еще в доме. Я знаю, что Государя это раздражало: что ему не говорят, куда именно их везут, и он выражал свое неудовольствие по этому поводу».

Так же говорят об этом и все другие свидетели.

Такой способ заботы об удобствах других не представляется ли странным? И разве ливадийские дворцы были менее удобны, чем губернаторский дом захолустного города?

Часто бывает, что истина, когда ее пытаются скрыть, обнаруживается в маленьких штрихах, в деталях.

Полковник Кобылинский, описывая отъезд из Царского, показывает:

> «Приблизительно за неделю до отъезда из Царского, к нам приехал Керенский, вызвал меня, председателя совдепа (царскосельского) и председателя военной секции царскосельского гарнизона прапорщика Ефимова. Керенский сказал нам следующее: «Прежде чем говорить вам что-либо, беру с вас слово, что всё это останется секретом». Мы дали слово. Тогда Керенский объявил нам, что по постановлению Совета Министров вся царская семья будет перевезена из Царского; что Правительство не считает это секретом от демократических учреждений».

Временным Правительством были командированы доставить царскую семью в Тобольск два лица: член Государственной Думы Вершинин и помощник комиссара по Министерству Двора Макаров. Они составили в Тобольске акты, подписанные Государем.

Но Керенский не ограничился этим. Вместе с указанными лицами он отправил сопровождать семью еще упомянутого прапорщика Ефимова. Зачем? Кобылинский, бывший в курсе намерений Керенского, показал: «*Для того чтобы он, по возвращении из Тобольска, мог доложить совдепу* (царскосельскому) *о перевозе семьи*».

Вот где лежала причина того, что царская семья оказалась в Тобольске, мог ли Керенский поселить семью в крымских дворцах? Что стал бы тогда докладывать совдепу демократ Ефимов?

Был только один мотив перевоза царской семьи в Тобольск. Это тот именно, который остался в одиночестве от всех других, указанных князем Львовым и Керенским: далекая, холодная Сибирь, тот край, куда некогда ссылались другие.

§2. Отъезд из Царского. Прибытие в Тобольск

С царской семьей отбыли в Тобольск следующие лица: 1) генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев, 2) гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков, 3) лейбмедик Евгений Сергеевич Боткин, 4) воспитатель Наследника Цесаревича Петр Андреевич Жильяр, 5) личная фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, 6) гофлектрисса Екатерина Адольфовна Шнейдер, 7) воспитаница Гендриковой Викторина Владимировна Николаева, 8) няня детей Александра Александровна Теглева, 9) ее помощница Елизавета Николаевна Эрсберг, 10) камер-юнгфера Мария Густавовна Тутельберг, 11) комнатная девушка Государыни Анна Степановна Демидова, 12) камердинер Государя Терентий Иванович Чемодуров, 13) его помощник Степан Макаров, 14) камердинер Государыни Алексей Андреевич Волков, 15) лакей Наследника Сергей Иванович Иванов, 16) детский лакей Иван Дмитриевич Сиднев, 17) дядька Наследника Клементий Григорьевич Нагорный, 18) лакей Алексей Егорович Трупп,[17] 19) лакей Тютин, 20) лакей Дормидонтов, 21) лакей Киселев, 22) лакей Ермолай Гусев, 23) официант Франц Журавский, 24) повар Иван Михайлович Харитонов, 25) повар Кокичев, 26) повар Иван Верещагин, 27) поварской ученик Леонид Сиднев, 28) служитель Михаил Карпов, 29) кухонный служитель Сергей Михайлов, 30) кухонный служитель Франц Пюрковский, 31) кухонный служитель Терехов, 32) служитель Смирнов, 33) писец Александр Кирпичников, 34) парикмахер Алексей Николаевич Дмитриев, 35) гардеробщик Ступель, 36) заведующий погребом Рожков, 37) прислуга при Гендриковой Паулина Межанц, 38 и 39) прислуга при Шнейдер Екатерина Живая и Мария (фамилия неизвестна).

Позднее в Тобольск прибыли: 40) преподаватель английского языка Сидней Иванович Гиббс, 41) доктор медицины Владимир Николаевич Деревенько, 42) личная фрейлина баронесса София Карловна Буксгерден, 43) камер-юнгфера Магдалина Францевна Занотти, 44) комнатная девушка Анна Яковлевна Уткина, 45) комнатная девушка Анна Павловна Романова, но три последние допущены к семье в Тобольске не были.

Татищев немедленно ответил согласием, когда узнал, что на него пал выбор Государя. Позднее, когда он был отделен от семьи и заключен в тюрьму, намекая, видимо, на раздумье Нарышкина, он говорил своему компаньону по тюремной камере: «На такое Монаршее благоволение у кого и могла ли позволить совесть дерзнуть отказать Государю в тяжелую минуту? Было бы нечеловечески черной неблагодарностью за все благодеяния идеально доброго Государя даже думать над таким предложением; нужно было считать его за счастье».

Керенский показал:

> «Царю не делалось никаких стеснений в выборе тех лиц, которых он хотел видеть около себя в Тобольске. Я хорошо помню, что первое лицо, которое он выбрал, не пожелало быть с ним и отказалось. Я положительно это удостоверяю. Кажется, таким лицом был Нарышкин. Тогда Царь выбрал Татищева. Татищев согласился. Я нахожу нужным, чтобы Вами, г. следователь, было отмечено следующее: Татищев держал себя вообще с достоинством, вообще, как должно, что тогда в среде придворных было редким исключением».

14 августа царская семья выбыла из Александровского дворца на нескольких автомобилях под охраной драгун 3-го Прибалтийского полка.

---

[17] **В.Э. 2017-06-06:** Составители «Указателя имен» к книге Вильтона пишут о нем: «Трупп Алексей (Алоизий) Егорович (..), латышский поляк» {CARJ1}. Бессмысленное словосочетание «латышский поляк» скрывает то обстоятельство, что Алоизий был латгальцем и что в прежние времена для этого племени не существовало ни русского, ни вообще научного обозначения (см. {UHOV}). Написание его фамилии как «Трупп» сделано по немецкому образцу, чтобы избежать совпадения с русским словом «труп». На самом деле его фамилия «Trūps», где «s» – окончание, исчезающее при склонении слова и поэтому отбрасываемое в русской транскрипции (чтобы можно было склонять уже по-русски), а «ū» – длинное (долгле) гласное, не существующее в русском языке и поэтому отображаемое простым «у». Чтобы максимально подражать латышскому (латгальскому) произношению, фамилия должна была писаться как «Трууп». Слово означает «улей».

Отъезд ее с вокзала состоялся в 6 часов 10 минут утра.

Было два поезда. Оба они следовали под японским флагом. В одном находилась царская семья, свита, часть прислуги и рота 1-го Лейб-Гвардии Стрелкового полка, в другом – остальная прислуга и роты 2-го и 4-го полков.

В вагоне международного общества царской семье было предоставлено четыре купе. С ней ехали в этом вагоне Демидова, Теглева, Эрсберг, Чемодуров и Волков.

Поезда останавливались на малых станциях. Более продолжительные остановки делались в поле.

Путешествие через «рабоче-крестьянскую» Россию прошло благополучно. Только на станции Званке железнодорожные рабочие пожелали узнать, кто следует в специальном поезде. Узнав, они удалились.

На станции Тюмень семья села на пароход «Русь» и прибыла в Тобольск 19 августа в 4 часа дня.

Дом не был готов к ее приезду. Несколько дней она провела на пароходе и перешла в дом 26 августа. Государыня с Наследником ехали в экипаже, Государь с Княжнами – пешком.

Глава 5.[18]

§1. Тобольский дом

Тобольский дом, где жила заключенная царская семья, находился на улице, получившей после переворота название «улица Свободы». Ранее в нем жил губернатор.

Это каменный дом в два этажа, с коридорной системой.

Первая комната нижнего этажа справа, если идти по коридору от передней, занималась дежурным офицером. В соседней с ней – помещалась комнатная девушка Демидова. Рядом с ее комнатой – комната Жильяра, а далее столовая.

Против комнаты дежурного офицера находилась комната камердинера Чемодурова. Рядом с ней – буфетная, а далее шли две комнаты, где жили камер-юнгфера Тутельберг, няня детей Теглева и ее помощница Эрсберг.

Над комнатой Чемодурова шла лестница в верхний этаж. Она выходила в угловую комнату-кабинет Государя. Рядом с ним был зал. Одна из его дверей выходила в коридор, также деливший дом на две половины. Первая комната направо, если идти от зала, служила гостиной. Рядом с ней – спальня Государя и Государыни, а далее – комната Княжен.

С левой стороны коридора, ближе к передней, была шкафная комната. Соседняя с ней – спальня Наследника, а далее – уборная и ванная.

Дом был теплый, светлый.

§2. Жизнь семьи в Царском (Тобольске – В.Э.)

Первое время, приблизительно месяца 1 ½, было едва ли не лучшим в заключении семьи.

Власть была в руках полковника Кобылинского. Местным властям он не подчинялся. Посланцев же центра не существовало.

Жизнь сразу вошла в спокойное, ровное русло.

В 8 часов 45 минут подавался утренний чай. Государь пил его в своем кабинете всегда с Ольгой Николаевной; остальные дети – в столовой.

После чая до 11 часов Государь занимался у себя: читал или писал свои дневники. Затем он шел на воздух и занимался физическим трудом. Обыкновенно он пилил дрова.

Дети, кроме Ольги Николаевны, до завтрака, с часовым перерывом, занимались уроками.

В час был завтрак.

Затем Государь и Княжны шли на воздух. К ним приходил несколько позднее и Наследник, обычно отдыхавший после завтрака по требованию врачей.

---

[18] Кроме указанных выше судебных доказательств я пользуюсь в освещении тобольского периода показаниями свидетелей: учительницы детей К.М. Битнер, офицера отряда Н.А. Мунделя и записями в дневнике графини А.В. Гендриковой. Битнер и Мундель были допрошены мною в г. Ишиме – первая 4 августа, а второй 6 августа 1919 года. Дневник графини Гендриковой был обнаружен в здании Уральского областного Совета 4 сентября 1918 года товарищем прокурора Н.И. Остроумовым.

Все они обыкновенно пилили дрова. Их общими трудами была выстроена площадка над оранжереей и лестница. Здесь на площадке, обращенной к солнцу, они любили сидеть.

От 4 до 5 часов Государь преподавал Наследнику историю.

В 5 часов подавался чай.

После чая Государь проводил обычно время у себя в кабинете. Дети до 8 часов занимались уроками.

В 8 часов подавался обед.

После обеда семья собиралась вместе. К ней приходили Боткин, Татищев, Долгоруков и другие. Беседовали, играли. Иногда Государь читал вслух.

В 11 часов подавался чай. Затем все расходились. Наследник ложился спать вскоре после обеда.

Государыня обычно не покидала своей комнаты до завтрака. В эти часы она или преподавала у себя некоторые предметы детям, или занималась чтением, рукоделиями, живописью. Чаще всего она и обедала у себя вместе с Алексеем Николаевичем: она всё время жаловалась на сердце и избегала ходить в столовую, находившуюся в нижнем этаже. Иногда, оставаясь одна в доме, она играла на пианино и пела.

Вместе с семьей обедали Гендрикова, Шнейдер, Татищев, Долгоруков, Боткин, Жильяр и Гиббс. По праздникам приглашался доктор Деревенько и его сын гимназист Коля.

Обед готовил старый царский повар Харитонов. Стол был удовлетворительный. За завтраком подавались супы, мясо, рыба, сладкое, кофе. Обед состоял из таких же блюд и фруктов, какие можно было достать в Тобольске.

В сравнении с царскосельской жизнь в Тобольске имела одно преимущество: семья имела возможность здесь посещать церковь. Всенощные богослужения и в Тобольске совершались на дому. Литургии же (ранние) совершались для нее в церкви Благовещения.

Население участливо относилось к заключенным. Когда народ, проходя мимо дома, видел кого-либо в окнах, он снимал шапки. Многие крестили узников.

Разные лица присылали провизию. Большое участие в жизни семьи принимал Ивановский женский монастырь.

В Тобольске было спокойнее, чем в Царском. Но это было... сибирское спокойствие. Всё здесь было однообразно. Семья жила в темном мире одних и тех же событий, одних и тех же интересов. Здесь было скучно. Дом, огороженный двор да небольшой сад – вот вся территория, доступная семье. Всегда одни и те же люди. Даже в церкви узники не могли иметь ни с кем общение, так как народ не допускался, когда там молилась семья.

Физический труд, качели и ледяная гора – это все развлечения, доступные для них.

Чтобы скрасить жизнь, дети усиленно занимались уроками. Им преподавали: Государь – историю Алексею Николаевичу, Государыня – богословие всем детям и немецкий язык Татьяне Николаевне. Математику и русский язык преподавала Битнер. Гендрикова занималась по истории с Татьяной Николаевной. Жильяр и Гиббс преподавали французский и английский языки.

Иногда ставились домашние пьесы на английском и французском языках. В них принимали участие дети.

Грусть была у детей, когда они в свободные часы сумерек сидели у окна и на «улице свободы» видели свободных людей.

То же чувство звучит в некоторых записках Государыни к Гендриковой, когда она именует в них себя «узницей».

Наследник отмечает в дневнике 22 ноября 1917 года: «*Весь день прошел как вчера и так же скучно*».

Среди документов царской семьи имеется записка, писанная рукою Шнейдер.[19] Там записаны отрывочные мысли:

> «...Расхищают казну и иноплеменники господствуют... Насильственное пострижение – тяжелая смерть... А на окнах не легкие узоры, а целые льдины».

Чьи скорбные думы оставила после себя Шнейдер?

---

[19] Эта записка, относящаяся к тобольскому периоду заключения царской семьи, обнаружена в числе других документов товарищем прокурора Н.И. Остроумовым 4 сентября 1918 года в здании Уральского областного совета в г. Екатеринбурге.

§3. Комиссар Временного Правительства Панкратов и его помощник Никольский

В сентябре месяце в Тобольск прибыл комиссар Панкратов и его помощник Никольский. Это были посланцы центра.

Полковник Кобылинский показал:

> «Панкратов привез с собой бумагу за подписью Керенского, в коей говорилось, что я поступаю в полное подчинение Панкратова и должен исполнять то, что он мне будет приказывать».

В показании Керенского значится:

> «Главным лицом, представлявшим в Тобольске власть Временного Правительства, был Панкратов, назначенный мною. Затем, по его ходатайству и по его рекомендации, ему был назначен помощником Никольский, мне неизвестный».

Василий Семенович Панкратов имел в своем прошлом весьма солидный багаж, чтобы оказаться достойным караулить заключенного Царя. Полковник Кобылинский показал:

> «Этот Панкратов, как он сам рассказывал, будучи 18 лет, убил в Киеве, защищая какую-то женщину, какого-то жандарма, был за это судим и заключен в Шлиссельбургскую крепость, где в одиночном заключении пробыл 15 лет; после этого он был сослан в Якутскую область, где пробыл 27 лет».

Помощник его Александр Владимирович Никольский был также в ссылке в Якутской области за свою принадлежность к партии эсеров, где и сошелся с Панкратовым.

Свидетели характеризуют этих людей и их отношение к царской семье в таких красках:

> Кобылинский: «Панкратов был человек умный, развитой, замечательно мягкий. Никольский – грубый, бывший семинарист, лишенный воспитания человек, упрямый как бык: направь его по одному направлению, он и будет ломить, невзирая ни на что».
>
> Теглева: «Про Панкратова я должна по совести сказать, что он был человек по душе хороший. Он был социалист и был в ссылке где-то в Сибири. Он был человек добрый и сердечный. К семье, в особенности к Княжнам, и особенно к Марии Николаевне, он относился хорошо. Марию Николаевну он любил больше всех. Государь при встречах разговаривал с ним. Никольский же был груб и непорядочен. Он был противоположностью Панкратову. Панкратов проявлял заботу о семье, как мог. Никольский держал себя совсем по-другому, и, не будь около нас Кобылинского, он бы, пользуясь слабохарактерностью Панкратова, наделал нам много плохого».
>
> Эрсберг: «Панкратов был хороший, честный, добрый человек. Он хорошо в душе относился к ним и, как заметно было, жалел их. Особенно он любил Марию Николаевну. Однажды она зашибла себе глаз: упала. Он, услыхав об этом, сейчас же прибежал и заметно беспокоился из-за этого. Так же он относился к болезням Алексея Николаевича. Он и к Государю относился внимательно. Иногда он приходил к нам и любил рассказывать Княжнам и Алексею Николаевичу о своей ссылке в Сибири. Они любили его слушать. Никольский был страшно грубый и недалекий. Он худо относился не только к ним, но и к нам».

Ввиду однообразия не привожу показаний других свидетелей.

Однако дело было не в личных свойствах Панкратова и Никольского. Они были представителями власти. Чем они были для семьи в этом отношении?

Свидетели показали:

> Жильяр: «Они (Панкратов и Никольский) были главными распорядителями нашей жизни, и им был подчинен полковник Кобылинский... Они принесли нам вред бессознательно: своим обращением с нашими стрелками они их разложили».
>
> Кобылинский: «Панкратов сам лично не был способен причинить сознательно зло кому-либо из царской семьи, но тем не менее выходило, что эти люди ей его причиняли. Это они делали как партийные люди. Совершенно не зная жизни, они, самые подлинные эсеры, хотели, чтобы все были эсерами, и начали приводить в свою веру солдат. Они завели школу, где учили солдат грамоте, преподавая им разные хорошие предметы, но после каждого урока понемногу они освещали солдатам политические вопросы. Это была проповедь эсеровской программы. Солдаты слушали и

переваривали по-своему. Эта проповедь эсеровской программы делала солдат, благодаря их темноте, большевиками».

То же самое говорят все другие свидетели.

Сердце Царя скорбело, когда он наблюдал, что новая власть стала проделывать над русскими солдатами. Здесь лежал источник той иронии, с которой Государь относился к Панкратову, дав ему прозвище «маленький человек»: Панкратов был невысокого роста.

Кроме пропаганды были и другие причины, разлагавшие солдат. Когда отряд уходил из Царского в Тобольск, Керенский обещал солдатам всякие льготы: улучшенное вещевое довольствие по петроградским ставкам, суточные деньги. Условия эти не соблюдались, суточные деньги совсем не выдавались. Это сильно злобило солдат и способствовало развитию среди них большевистских настроений.

Пребывание в Тобольске Панкратова и Никольского продолжалось довольно долго: они пережили власть Временного Правительства, оставаясь комиссарами и после большевистского переворота. Их выгнали сами солдаты, обольшевичившиеся в громадной массе. Это произошло 9 февраля 1918 года.

§4. Тобольский отряд. Солдаты и офицеры. Полковник Кобылинский

Комиссар Макаров, доставивший царскую семью в Тобольск, прислал ей из Царского вино «сен-рафаэль». Им пользовались как лекарством.

Когда Никольский увидел ящики с вином, он собственноручно вскрыл их и перебил топором все бутылки. Эрсберг показала: «*Его даже солдаты ругали за это идиотом*».

Детям скучно было в доме. Хотелось на воздух. Невесело было и во дворе, закрытом высоким забором. Тянуло посмотреть на улицу, на свободных людей. Никольский заметил это и решил пресечь такое нарушение правил.

> «Взрослый человек, – *показывает Теглева*, – Никольский имел глупость и терпение долго из окна своей комнаты наблюдать за Алексеем Николаевичем и, увидев, что он выглянул через забор, поднял целую историю».
>
> «Он, – *показывает Кобылинский*, – прибежал на место, разнес солдата и в резкой форме сделал замечание Алексею Николаевичу. Мальчик обиделся на это и жаловался мне, что Никольский «кричал» на него. Я тогда же потребовал от Панкратова, чтобы он унял усердие не по разуму Никольского... Когда они (Панкратов и Никольский) приехали и ознакомились с нашими порядками, Никольский сразу же заявил мне: «Как это у вас так свободно уходят, приходят? Так нельзя. Так могут и чужого человека впустить. Надо их всех снять». Я стал его отговаривать от этого, так как часовые и без того прекрасно всех знают. Никольский ответил мне: «А нас, бывало, заставляли сниматься и в профиль и в лицо! Так надо же и их (прислугу и свиту) снять»».

Не разум носителя власти руководил Никольским, а чувство тупой злобы и бессмысленной мести. Он хотел мстить и в злобе не разбирал, что мстит не Царю даже, а свите и прислуге.

Наглядное поведение Никольского развращало солдат: они тоже мстили. Первое, на что устремилось их внимание, были качели для детей. Они стали покрывать доску качелей отвратительными по цинизму надписями.

Как в Царском под влиянием Домодзянца, так здесь под влиянием Никольского солдаты перестали отвечать на приветствия Государя. Однажды он поздоровался с солдатом: «Здорово, стрелок» – и получил в ответ: «Я не стрелок. Я – товарищ».

> Кобылинский показывает: «Государь надел черкеску, на которой у него был кинжал. Увидели это солдаты и подняли целую историю: «Их надо обыскать. У них есть оружие». Кое-как удалось мне уговорить эту потерявшую всякий стыд ватагу, что не надо производить обыск. Пошел я сам просить Государя отдать мне кинжал, объяснив ему о происшедшем. Государь передал кинжал».

Провожая старых солдат, выражавших чувства преданности семье, Государь и Государыня поднялись на ледяную гору во дворе, чтобы через забор видеть их отъезд. Оставшиеся солдаты ночью срыли гору.

Во время литургии в первый день Рождества диакон Евдокимов, по приказанию священника Васильева, провозгласил за молебном многолетие Императору по старой формуле. Это вызвало бурю в солдатской среде. Солдаты вынесли постановление убить священника, и епископ Гермоген был вынужден удалить его временно в монастырь. В конце концов злоба их пала на

семью. Они постановили запретить царской семье посещать церковь: пусть молятся дома в присутствии и под наблюдением солдат. С трудом Кобылинскому удалось вырвать решение, чтобы семья посещала церковь в двунадесятые праздники.

В дневнике графини Гендриковой значится: 27 января:

> «В церкви не были; солдаты постановили пускать в церковь только по двунадесятым праздникам»; 15 февраля: «Солдатский комитет не позволил им и сегодня пойти в церковь»; 17 февраля: «Вчера и сегодня службы дома».

Присутствовал за домашним богослужением в роли контролера солдат Дорофеев. Священник упомянул в молитве Святую Царицу Александру. По невежеству Дорофеев не понял смысла молитвы и поднял большой скандал. Едва его умиротворил полковник Кобылинский.

Без всякого видимого повода солдаты выселили свиту и прислугу, живших в отдельном доме купца Корнилова, и поселили всех с царской семьей, стеснив ее удобства.

Долго обсуждали они вопрос о снятии погон офицерами. Вынесли решение и потребовали через Кобылинского, чтобы снял погоны и Государь. Понимая, как оскорбительно будет для него это требование, Кобылинский долго боролся с солдатами, грозя им и английским королем и германским императором. Солдаты стояли на своем и грозили Государю насилием. Кобылинский вынужден был обратиться к нему через Татищева. Государь подчинился насилию и снял погоны.

Рядом с этими прискорбными фактами данные следствия устанавливают, однако, и иные.

В Царском едва намечалось деление офицерского и солдатского настроения к Царю и его семье. В Тобольске оно выразилось резко.

Я не могу назвать ни одного имени из офицерской среды, с которым бы связывалось что-нибудь худое для семьи.

Наряду с солдатами, отравлявшими жизнь в Тобольске, были солдаты, питавшие совсем иные чувства к Царю и его семье.

Свидетели показывают:

> Теглева: «Все они (солдаты) разделялись на две партии. Одна партия относилась к семье хорошо, другая худо. С этими Кобылинскому приходилось туго. Когда дежурили хорошие солдаты, Государь ходил к ним в их караульное помещение, где помещались дежурные солдаты, разговаривал с ними и играл в шашки. Ходил туда к ним и Алексей Николаевич, и Княжны тоже ходили с Государем».
>
> Эрсберг: «Многие солдаты из нашего караула относились к ним хорошо. Такие жалели и на словах, и на деле семью. Помню, особенно хорошо к ним относился солдат 1-го полка стрелок... Он весьма старался, от души старался устроить в доме как лучше для них, когда мы приводили его в порядок».

Этот стрелок, когда ему истек срок службы, не желал уходить от семьи. Он хотел остаться в составе охраны, считая «своим долгом» остаться служить Царю. Ему не позволили этого сделать другие солдаты.

Стараясь не показывать воочию своих чувств, некоторые солдаты тайком пробирались в кабинет Царя и там давали простор им. Кобылинский показывает:

> «Когда солдаты, хорошие, настоящие солдаты уходили из Тобольска, они тихонько ходили к нему (к Государю) наверх (в его кабинет) и прощались, целовались с ним».

Много злостного мне приходилось слышать о полковнике Кобылинском: ставленник Керенского, тюремщик, погубивший царскую семью. Скажу о нем, как его роль устанавливается следствием.

Евгений Степанович Кобылинский – офицер Лейб-Гвардии Петроградского полка. Участник европейской войны, он был ранен в боях под Лодзью. Раненый, он вернулся на фронт и в боях под Гутой Старой был сильно контужен. Снова он вернулся на фронт, но контузия повлекла за собой острый нефрит, и он потерял боеспособность.

В его исключительно трудном положении он до конца проявил исключительную преданность Царю.

Свидетели показывают:

Теглева: «Кобылинскому приходилось туго. Он однажды потерял надежду справиться с ними (с солдатами) и заявил Государю об этом. Государь просил его остаться, и он остался. Я должна сказать про него, что он явно был на стороне Августейшей Семьи, делал для нее всё, что мог хорошее, и всячески боролся с хулиганскими проявлениями солдатского настроения».

Эрсберг: «В высшей степени хорошо, душевно относился к ним Кобылинский. Он их любил, и они все хорошо относились к нему. Он был весьма предупредителен к ним и заботился о них. Но ему было очень тяжело ладить с распущенными солдатами и приходилось быть весьма осмотрительным. Он, однако, проявлял большой такт. Не будь около них Кобылинского, я уверена, много худого они могли бы пережить при ином человеке».

§5. Денежный вопрос

Для трагической судьбы царской семьи большое значение имел денежный вопрос.

Князь Львов показал:

«Разрешался (Правительством) также вопрос о средствах, принадлежавших царской семье. Семья, конечно, должна была жить на свои личные средства. Правительство должно было нести лишь те расходы, которые вызывались его собственными мероприятиями по адресу семьи».

Логическая несообразность такой точки зрения очевидна.

Императору, как бывшему главе России, приличествовал известный образ жизни. Создать и поддерживать уклад этой жизни было обязанностью Временного Правительства, так как оно лишило Царя свободы.

Предложение покинуть царскую семью создало тяжелое состояние для всех тех, кто был действительно предан им и кто в своей совести считал унизительным для человеческого достоинства бросить царскую семью в тяжелую для нее минуту.

Мог ли Царь содержать всех этих лиц?

Князь Львов показал:

«Их личные средства были выяснены. Они оказались небольшими. В одном из заграничных банков, считая все средства семьи, оказалось 14 миллионов рублей. Больше ничего у них не было».

Керенский показал:

«Их личные средства по сравнению с тем, как говорили, оказались невелики. У них оказалось всего в Англии и в Германии не свыше 14 миллионов рублей».

Фактически и эти деньги были недоступны для царской семьи. Она жила на средства Правительства.

В Царском недостатка в денежных средствах не было. В Тобольске же положение стало хуже: Временное Правительство как бы забыло о семье и не посылало пополнений ни на содержание семьи, ни на содержание отряда. Кобылинский показывает:

«Деньги уходили, а пополнений мы не получали. Пришлось жить в кредит. Я писал по этому поводу генерал-лейтенанту Аничкову, заведовавшему хозяйством гофмаршальской части, но результатов никаких не было. Наконец, повар Харитонов стал мне говорить, что больше «не верят», что скоро и отпускать в кредит больше не будут».

В конце концов Кобылинский был вынужден пойти по городу и просить денег на содержание Царя и его семьи. Он достал их под вексель за своей личной подписью, Татищева и Долгорукова.

«Я просил, – *показывает Кобылинский*, – Татищева и Долгорукова молчать о займе и не говорить об этом ни Государю, ни кому-либо из Августейшей Семьи».

Когда Керенский отправлял семью в Тобольск, он говорил Кобылинскому: «Не забывайте, что это бывший Император. Его семья ни в чем не должна нуждаться».

Почему слово его разошлось с делом?

Он показал при допросе:

«Конечно, Временное Правительство принимало на себя содержание самой царской семьи и всех, кто разделял с ней заключение. О том, что они терпели в Тобольске нужду в деньгах, мне никто не докладывал».

В показании Кобылинского значится:

«...Все эти истории были мне тяжелы. Это была не жизнь, а сущий ад. Нервы были натянуты до последней крайности. Тяжело ведь было искать и выпрашивать деньги на содержание царской семьи. И вот, когда солдаты вынесли постановление о снятии нами, офицерами, погон, я не выдержал. Я понял, что больше нет у меня власти, и почувствовал полное свое бессилие. Я пошел в дом и попросил Теглеву доложить Государю, что мне нужно его видеть. Государь принял меня в ее комнате. Я сказал ему: «Ваше Величество, власть выскальзывает из моих рук. С нас сняли погоны. Я не могу больше Вам быть полезным. Если Вы мне разрешите, я хочу уйти. Нервы у меня совершенно растрепались. Я больше не могу». Государь обнял меня одной рукой. На глаза у него навернулись слезы. Он сказал мне: «Евгений Степанович, от себя, жены и детей я Вас прошу остаться. Вы видите, что мы всё терпим. Надо и Вам потерпеть». Потом он обнял меня, и мы поцеловались. Я остался и решил терпеть».

§6. Первые меры большевиков по адресу семьи

Большевики еще более ухудшили денежный вопрос. Это было самой первой их мерой.

23 февраля 1918 года полковник Кобылинский получил от комиссара по Министерству Двора Карелина телеграмму. В ней говорилось, что «у народа нет средств содержать царскую семью». Она должна жить на свои средства. Советская же власть дает ей квартиру, отопление, освещение и солдатский паек.

В то же время запрещалось тратить из своих средств больше 600 рублей в месяц на человека.

Это всё ухудшало жизнь. Со стола исчезли кофе, сливки, масло. Стол вообще стал хуже, скуднее. Испытывали нужду в сахаре. Были уволены 10 служащих.

12 апреля от пика пришло письменное распоряжение об аресте Татищева, Долгорукова, Гендриковой и Шнейдер.

Но солдаты пошли дальше. Они самовольно арестовали всех лиц, бывших при семье, не исключая и прислуги. В это время они и поселили их в губернаторском доме. Только один англичанин Гиббс упорно боролся за свою свободу и настоял на своем.

Глава 6.

§1. Последние дни в Тобольске перед увозом Государя

Этот период кончился 26 апреля 1918 года.

Семья оказалась в Екатеринбурге, где она нашла себе вечное успокоение.

Что же означал увоз ее из Тобольска?

Я считаю факты, разрешающие этот вопрос, самыми важными во всей системе следствия. Они и самому преступлению над Царем и его семьей придают особый характер, имея для нас, русских, глубокое национальное значение.

В сознании этого я буду излагать их наиболее детально.

Вспомним несколько прошлое.

В первое время жизни семьи в Тобольске власть над ней была в руках полковника Кобылинского. Потом приехал комиссар Панкратов с помощником своим Никольским.

Вследствие целого ряда причин власть постепенно стала переходить в руки солдат, и они сделались единственными распорядителями в жизни семьи.

Конечно, самое нарастание их властвования шло медленно. Я думаю, что самым сильным толчком для этого послужил большевистский переворот в центре.

Появилось состояние какой-то неопределенности: в центре новая власть, а здесь – агенты старой.

Было много причин, побуждавших солдат выяснить эту неопределенность.

Самой главной была неаккуратная выплата суточных денег. Требования солдат, иногда очень бурные, обрушивались на Кобылинского. Он писал в центр бесконечные бумаги. Центр

молчал. Боясь за царскую семью, на которую могла пасть злоба солдат, Кобылинский занимал деньги, успокаивая страсти.

Большевистский переворот сильно осложнил положение Кобылинского. Раньше он занимал деньги у губернского комиссара под авторитет Временного Правительства. После большевистского переворота занимать стало не у кого.

Выгнав Панкратова и Никольского как людей им совершенно чуждых и бесполезных, солдаты не дерзнули поднять руку на Кобылинского. Но они неизбежно пришли в конце концов к выводу: нужен постоянный комиссар из центра.

Такое настроение передалось всем лицам, окружавшим семью. Читая дневник Гендриковой, видишь, что все изо дня в день ждали, когда же приедет этот комиссар.

§2. Комиссар Яковлев. 22 и 23 апреля

Он прибыл в Тобольск 22 апреля.

Он назывался Василием Васильевичем Яковлевым и держал себя как высокое лицо. При нем был отряд красноармейцев в 150 человек. В его свите был даже особый телеграфист, через которого шли сношения по телеграфу.

Яковлев прибыл в Тобольск вечером и остановился в доме Корнилова.

Было уже поздно. Комиссар ничем себя не проявил в этот день.

23 апреля утром он явился к полковнику Кобылинскому, отрекомендовался ему «чрезвычайным комиссаром» и предъявил свои документы.

Их было три. Все они исходили из ЦИКа и имели подпись председателя ЦИКа Свердлова.

Первый документ был удостоверением о личности Яковлева. В нем говорилось, что он – член ЦИКа, что на него возложено поручение «особой важности».

Второй документ был предписанием на имя Кобылинского, третий – на имя отряда. В них ЦИК требовал беспрекословного исполнения приказаний Яковлева и предоставлял ему право расстрелять неповинующегося на месте.

Ни в одном из документов не было ни малейшего указания, в чем же именно состояло возложенное на Яковлева поручение «особой важности».

Ни одним словом не обмолвился об этом и Яковлев в беседе с Кобылинским. Сам же Кобылинский не спросил его об этом, так как принимал его за комиссара, присланного в Тобольск на постоянное жительство из центра.

После беседы с Кобылинским Яковлев отправился вместе с ним в губернаторский дом.

Там не всё было благополучно. Наследник был болен. Он ушибся. Ушиб повлек за собой паралич обеих ног. 12 апреля он был уже в постели и в момент прибытия Яковлева сильно страдал.

Яковлев обошел снаружи дом, осмотрел нижний этаж и поднялся наверх.

В коридоре, вблизи комнаты Наследника, он встретился с Государем.

Они познакомились. Государь тут же повел Яковлева в комнату Наследника. Около него в ту минуту был Гиббс. Он показывает:

> «Яковлев смотрел на Алексея Николаевича. Государь сказал Яковлеву: «Мой сын и его воспитатель»».

Они вышли, но почти тут же Яковлев снова вошел в комнату Наследника. Гиббс показывает: «*Он смотрел на Алексея Николаевича и ничего не говорил*».

Ни Государыни, ни Княжен Яковлев не видел в этот день. Он совсем не спрашивал о них, не интересовался ими: как будто бы их совсем не существовало.

Ни слова не сказал никому Яковлев, для чего прибыл он в Тобольск.

Еще утром Яковлев просил Кобылинского собрать солдат отряда. Они были собраны в 12 часов дня.

Яковлев представился солдатам как «чрезвычайный комиссар» и держал к ним речь.

Он начал со словами благодарности, вкрадчивой лести. Свидетель-очевидец Мундель показывает: «*Льстил он им вовсю. Он благодарил их за то, чего они никогда не делали, восхваляя их за доблести, за их верную службу*».

Обнаружив знание местных интересов, он обрушился на Временное Правительство, восхваляя советскую власть. Мундель показывает:

> «Он всячески подчеркивал, что Временное Правительство не заботилось о них: солдаты получали 5 рублей в месяц, а советская власть платит солдатам уже давно 150 рублей; он говорил, что они получали грошовые суточные (50 копеек), а он им привез и выдаст по 3 рубля».

Тонкий, талантливый демагог, он подготовил нужное ему настроение и только после этого показал солдатам свои документы. Они с некоторой подозрительностью стали всматриваться в новые для них печати. Кобылинский показывает: «*Он это сразу же понял и снова начал говорить солдатам о суточных*».

В конце речи он туманно намекнул солдатам, что скоро они все будут отпущены и разойдутся по домам.

Он ни слова не сказал солдатам, для чего он прибыл в Тобольск, в чем именно заключается его поручение «особой важности».

Но Кобылинский и Мундель насторожились: они поняли, что у Яковлева есть какая-то особая цель, что он осторожно идет к ней, подготовляя у солдат нужное ему настроение.

> Кобылинский показывает: «Видно было, что он прекрасно умеет говорить с толпой, умеет играть на ее слабых струнках и говорить хорошо, красно».
>
> Мундель показывает: «Совершенно ясно было, что Яковлев подделывается к нашим стрелкам и всеми правдами и неправдами льстит им напропалую, чтобы достичь одного: чтобы они не оказали какого-то противодействия».

Не могу не признать авторитетности мнения этих свидетелей, сумевших в таких трудных условиях охранять покой семьи.

§3. 24 апреля

На следующий день, 24 апреля, Яковлев снова собрал солдат отряда.

Нельзя понять, что происходило на этом собрании, если не знать фактов более раннего времени.

Мы знаем, что центральная советская власть прежде всего лишила семью содержания от казны. Это произошло 23 февраля.

Город же Тобольск не испытывал советского режима и более продолжительное время.

Ближайшими к нему крупными пунктами, где большевики укрепились, были Омск, столица Западной Сибири, и Екатеринбург, столица Урала. Но Тобольск, глухой, захолустный город, продолжал жить своей жизнью и в течение 4 ½ месяцев совершенно не испытывал давления Омска, которому он подчинялся в административном отношении как город Западной Сибири.

За 3 ½ недели до приезда Яковлева в нем вдруг, как бы по мановению чьей-то дирижерской палочки, закипела внезапно бурная жизнь.

24 марта сюда прибыл из Омска комиссар Дуцман. Хотя он значился комиссаром г. Тобольска, но он был в то же время и комиссаром над царской семьей и поселился в доме Корнилова. Он не имел абсолютно никаких связей в Тобольске. Латыш по национальности, этот человек, как показывает Боткина, «*с непроницаемым, равнодушным лицом, полуприкрытыми веками глазами*», держал себя очень осторожно и замкнуто. Он не вмешивался совершенно в жизнь семьи, и вся его роль сводилась только к одному: к наблюдению за семьей, за самим фактом пребывания ее в доме.

Ровно через два дня после его приезда в Тобольск появился первый отряд красноармейцев под командой красных офицеров: Демьянова и Дегтярева.

Их обоих хорошо знали в Тобольске. Первый был человек с юности, видимо, выбитый из жизненной колеи, «выгнанный из семинарии, про которого говорили, что он был мальчишкой скверного поведения». Так говорят о нем свидетели. Второй – «сирота, чуть ли не родственник одного из тобольских губернаторов, известный с гимназической скамьи своим крайним монархическим направлением. При поступлении в Петроградский Университет он был членом Союза Михаила Архангела – и вдруг появился в роли красногвардейца».

Боткина показывает:

> «За всё время пребывания в Тобольске этот отряд красногвардейцев не произвел ни одного обыска, не сделал ни одного расстрела, не вмешался ни в одну скандальную историю».

Тем не менее эти люди ввели в Тобольске большевистские учреждения, разогнав суд, земскую и городскую управы.

Они же произвели большие перемены в составе губернского совдепа. Он состоял до них из эсеровских элементов. Его председателем был известный нам Никольский. С их приездом во главе совдепа оказался Павел Хохряков. Следствием добыты документы, которыми установлено, что Хохряков – родом из Вятской губернии, был раньше кочегаром на броненосце «Император Александр II». Совершенно малограмотный человек, с большим трудом умеющий писать, это был тип темного, невежественного, распропагандированного русского рабочего. Его никто не знал в Тобольске. Как и Дуцман, он не имел здесь никаких связей.

Только что успел прибыть отряд Демьянова-Дегтярева, как через два дня – 28 марта – в Тобольск прибыл отряд из Екатеринбурга. Однако главари омского отряда потребовали от екатеринбуржцев, чтобы они ушли из Тобольска. Последний отряд был вдвое малочисленное омского. Он подчинился требованию омичей и ушел из Тобольска 4 апреля.

Но 13 апреля сюда пришел из Екатеринбурга другой отряд под командой некоего Заславского. Этот отряд был равен по силам омскому.

Он был прямой угрозой царской семье. Заславский с первых же дней повел пропаганду в совдепе, что царскую семью необходимо немедленно заключить в каторжную тюрьму, что ее хотят увезти, что под губернаторский дом ведутся подкопы. Он имел некоторый успех в совдепе, и Кобылинский был туда вызван. Будучи в курсе намерений Заславского, Кобылинский пошел в совдеп, взяв с собой некоторых из солдат своего отряда. Там он заявил, что он согласен перевести царскую семью в тюрьму, но под одним условием, чтобы в тюрьму были помещены и все солдаты его отряда, так как они обязаны охранять семью. Солдаты запротестовали. Попытка Заславского не удалась.

Но он не сдался и повел агитацию среди солдат отряда. Свидетель Мундель показывает:

> «Это был (Заславский) злобный еврей. Он собирал наших солдат на митинг и настраивал их, чтобы семья немедленно была переведена в каторжную тюрьму».

Узнав об этом, Демьянов явился к Кобылинскому и предложил ему, в случае дальнейших столкновений с Заславским, помощь своего отряда.

24 апреля, когда солдаты отряда собрались, туда прибыл, по требованию Яковлева, Заславский.

Явился также и Дегтярев.

Всё, что здесь происходило, носило характер «судбища» над Заславским перед солдатами отряда. Кобылинский показывает:

> «Студент (Дегтярев) стал держать к солдатам речь, всё содержание которой сводилось к обвинениям Заславского в том, что он искусственно нервировал отряд, создавая ложные слухи о том, что семье угрожает опасность, что под дом ведутся подкопы и т.д. Идея речи заключалась именно в этом. Заславский пытался защищаться, но бесполезно. Его ошикали, и он удалился... Яковлев во время этого судбища над Заславским принял сторону Дегтярева».

В этот же день обнаружилось, что у Яковлева существовали старые отношения с Хохряковым и они давно знали друг друга.

Некоторые из солдат, питая сомнения к личности Яковлева, пошли в совдеп и обратились к Хохрякову, как его председателю. Свидетель Мундель, очевидец их бесед, показывает:

> «Хохряков поддержал Яковлева. Он говорил солдатам при мне, что он хорошо знает Яковлева как видного деятеля-революционера на Урале, что он его хорошо знает».

Посторонним наблюдателям было очевидно, что действия Дуцмана, Демьянова, Дегтярева, Хохрякова и Яковлева связаны одной и той же целью.

Полковник Кобылинский начал в этот день догадываться, что Яковлев, не питая плохих намерений в отношении царской семьи, установил контакт с местным совдепом, пытается создать благоприятное себе настроение у солдат отряда и борется с екатеринбургскими большевиками в лице Заславского.

24 апреля Яковлев снова был в губернаторском доме. Теглева показывает:

«Я его видела, когда он приходил в детскую, где находился Алексей Николаевич, тогда болевший. Около Алексея Николаевича в то же время находилась и Императрица... Когда он вошел к нам, он сказал: «Я извиняюсь. Я еще раз хочу посмотреть», не называя Алексея Николаевича. Молча он посмотрел на Алексея Николаевича и ушел».

Яковлев видел в этот день Императрицу, но ни к ней, ни к Княжнам он по-прежнему не проявлял никакого интереса.

В этот день в губернаторском доме поняли, для чего ходит туда Яковлев.

Волков показывает:

«Все мы видели, что он высматривает Алексея Николаевича, проверяет, действительно ли он болен, не притворяется ли он, не напрасно ли говорят о его болезни. Я категорически удостоверяю, что это так именно и было. Очевидно было, что для этого Яковлев и ходил тогда в дом».

Убедившись, что Наследник действительно болен, Яковлев прямо из губернаторского дома отправился на телеграф и вел через своего телеграфиста переговоры с Москвой.

В этот день поздно вечером, соблюдая осторожность, тайно даже от Кобылинского, он собрал солдатский отрядный комитет, то есть ту организацию, которой фактически принадлежала власть над царской семьей. Ей он секретно открыл цель своего приезда. Кобылинский показывает:

«...Часов в 11 вечера ко мне пришел капитан Аксюта и сказал мне, что Яковлев собирал отрядный комитет и заявил комитету, что он увозит царскую семью; об этом Аксюта мне передавал со слов члена этого комитета солдата Киреева».

§4. 25 апреля

25 апреля утром Яковлев пришел к Кобылинскому.

В показании последнего значится:

«Он сказал мне, что по постановлению центрального исполнительного комитета он должен увезти всю семью. Я спросил его: «Как же? А Алексей Николаевич? Ведь он не может ехать. Ведь он болен». Яковлев мне ответил: «Вот в том и дело. Я говорил по прямому проводу с ЦИКом. Приказано всю семью оставить, а Государя, – он называл обыкновенно Государя «бывший Государь», – перевезти. Когда мы с вами пойдем к ним? Я думаю завтра ехать».

Сейчас же Кобылинский пошел в губернаторский дом и через Татищева просил у Государя аудиенции для Яковлева. Государь назначил после завтрака в 2 часа.

Когда Яковлев с Кобылинским пришли в дом, их встретил камердинер Волков. Он показывает:

«Яковлев сказал мне, что он желает наедине переговорить с одним Государем. Я хоть сейчас пойду под присягу и клятвенно могу удостоверить, что это было именно так. Именно Яковлев просил меня передать Государю, что он желает говорить с ним наедине. Я сказал Яковлеву, что мое дело доложить, а там – как Его Величеству угодно будет. Государь вместе с Государыней были в это время в гостиной рядом с залом. Когда я сказал Государю, что Яковлев желает с ним говорить наедине, Государь пошел в зал. Яковлев также пошел в зал. Тут же был и полковник Кобылинский. Яковлев сказал Государю, что он желает говорить с Государем наедине. Я это категорически удостоверяю. Государыня, услышав эти слова Яковлева, сказала ему: «Это еще что значит? Почему я не могу присутствовать?» Я не могу сказать, было ли при этих словах Императрицы заметно смущение у Яковлева. Я не придал тогда этому значения и не обратил внимания на него. Я только помню, что он уступил и сказал, кажется, так: «Хорошо». После этого он сказал, обращаясь к одному Государю: «Вы завтра безотлагательно должны ехать со мной». Я тут же ушел и дальнейшего разговора Их Величества с Яковлевым не слышал».

Он говорил Государю, показывает Кобылинский, следующее:

«Я должен сказать Вам, – он говорил, собственно, по адресу одного Государя, – что я чрезвычайный уполномоченный из Москвы от центрального исполнительного комитета и мои полномочия заключаются в том, что я должен увезти отсюда всю семью, но так как Алексей Николаевич болен, то я получил вторичный приказ выехать с одним Вами». Государь ответил

Яковлеву: «Я никуда не поеду». Тогда Яковлев продолжал: «Прошу этого не делать. Я должен исполнить приказание. Если Вы отказываетесь ехать, то я должен или воспользоваться силой, или отказаться от возложенного на меня поручения. Тогда могут прислать вместо меня другого, менее гуманного человека. Вы можете быть спокойны. За Вашу жизнь я отвечаю своей головой. Если Вы не хотите ехать один, можете ехать с кем хотите. Завтра в 4 часа мы выезжаем».

Поклонившись Государю и Государыне, Яковлев вышел. С ним пошел и Кобылинский. Государь сделал ему знак остаться. Проводив Яковлева вниз, Кобылинский снова вошел в зал. Там у стола стояли Государь, Государыня, Татищев и Долгоруков.

Государь спросил Кобылинского, куда его везут.

Вспомним утренний разговор Яковлева с Кобылинским в этот день 25 апреля. Когда Яковлев выяснил, что ЦИК [требует] немедленного увоза одного Государя, он сказал Кобылинскому, что он вернется за остальными членами семьи. Кобылинский спросил его, когда он думает возвратиться. Яковлев стал высчитывать время:

«Ну, что же? Дней в 4–5 доедем; ну, там несколько дней и назад; недели через 1½ – 2 вернусь».

Наблюдая Яковлева, Кобылинский понимал, что этот посланец центра, ведя борьбу с местными большевистскими элементами, исполняет директивы центра. Расчет времени, приведенный Яковлевым, убедил его, что он везет Государя в центр: в Москву.

Так Кобылинский и ответил Государю.

Государь сказал тогда: «Ну, это они хотят, чтобы я подписался под Брестским договором. Но я лучше дам отсечь себе руку, чем сделаю это».

Далее Кобылинский показывает:

> «Сильно волнуясь, Государыня сказала: «Я тоже еду. Без меня опять его заставят что-нибудь сделать, как раз уже заставили», и что-то при этом упомянула про Родзянко. Безусловно, Государыня намекала на акт отречения Государя от Престола».

Разговор кончился. Государь пошел на воздух, Государыня – к себе.

Она сказала, что она тоже едет с Государем. Но это было не решение. Это была только мысль, вырвавшаяся от сердца, а не от разума.

Что в это время было в детской с тем, кого она больше всех любила?

С Алексеем Николаевичем был в это время мистер Гиббс, дежуривший около его постели.

Гиббс показывает:

> «Он был очень болен и страдал. Императрица обещала после завтрака прийти к нему. Он все ждал, ждал, а она всё не шла. Он всё звал: «Мама, мама...»

Он звал, она не шла. В этих словах всё для тех, кто способен понять ее любовь к сыну.

Гиббс продолжает:

> «Мне кто-то сказал, что она встревожена, что она поэтому не пришла, что встревожена, что увозят Государя. Я опять стал ждать. Между 4 и 5 часами она пришла».

Что было с ней в это время, между уходом Яковлева и ее приходом к сыну?

С ним был Гиббс. С ней был ее ближайший друг: ее любимая Татьяна.

Но буря была столь сильна в ее душе, что ей мало было Татьяны, и она позвала к себе другого близкого: Жильяра.

Он показывает:

> «Я прекрасно помню эту тяжелую сцену. После ухода Яковлева Государь ушел гулять. Государыня в четвертом часу позвала меня к себе. Она была в будуаре. С ней Татьяна Николаевна. Она была так взволнована, так страшно расстроена, как никогда раньше. Ничего подобного я не видел раньше, даже в Спале во время болезни Алексея Николаевича, даже при перевороте и при известии об отречении Государя. Она не могла сидеть. Она не находила себе покоя, ходила по комнате, нервно сжимая руки, и говорила вслух сама с собой. Вот были ее мысли.
>
> «Государь уезжает. Его увозят ночью одного. Этого отъезда не должно быть и не может быть. Я не могу допустить, чтобы его увезли одного. Я не могу его оставить в такую минуту. Я чувствую, что его увозят, чтобы попробовать заставить сделать что-нибудь нехорошее. Его увозят одного потому, что они хотят его отделить от семьи, чтобы попробовать заставить его подписать гадкую

вещь под страхом опасности для жизни всех своих, которых он оставит в Тобольске, как это было во время отречения в Пскове. Я чувствую, они хотят его заставить подписать мир в Москве. Немцы требуют этого, зная, что только мир, подписанный Царем, может иметь силу и ценность в России. Мой долг не допустить этого и не покинуть его в такую минуту. Вдвоем легче бороться, чем одному, и вдвоем легче перенести мучения, чем одному. Но ведь я не могу оставить Алексея. Он так болен. Я ему так нужна. Что будет с ним без меня?»

Она, которая едва могла стоять более 5 минут и всегда обыкновенно сидела, вся рвалась почти в течение часа, пока Государь гулял, и все время ходила по комнате. Она говорила далее: «Но отъезда не может быть и не будет. Я знаю, я убеждена, что река сегодня же пойдет вечером; и тогда отъезд волей-неволей должен отложиться. Это даст нам время, чтобы выйти из этого ужасного положения. Если надо чуда, я убеждена, что чудо будет».

Татьяна Николаевна после нескольких минут молчания сказала:

«Но, Мама, надо все-таки решить что-нибудь, если ничего не будет и если отъезд Папы должен быть».

Государыня долго ничего не отвечала, всё ходила в ужасном состоянии. Потом она стала говорить со мной, повторяя то, что сказала уже, как будто ожидая от меня убеждения, что отъезда не может быть. Я сказал ей, что Татьяна Николаевна права, что надо всё предвидеть и решить что-нибудь; что, если она считает своим долгом поехать с Государем, мы все оставшиеся здесь будем ухаживать за Алексеем Николаевичем и оберегать его. Ее нерешительность продолжалась долго и была для нее мучительна. Я помню отлично ее фразу, которую она тогда сказала: «Это первый раз в моей жизни, что я не знаю совершенно, как поступить. До сих пор Бог мне всегда указывал дорогу. А сегодня я не знаю, как поступить, и никакого указания не получаю». Вдруг она сказала: «Ну, это решено. Мой долг – это ехать с ним. Я не могу его пустить одного. И вы будете смотреть за Алексеем здесь». Государь вернулся с прогулки. Она пошла ему навстречу и сказала ему: «Я поеду с тобой. Тебя не пущу одного». Государь ответил ей: «Воля твоя». Они стали говорить по-английски, и я ушел. Я сошел вниз к Долгорукову. Через полчаса приблизительно мы поднялись наверх, и Долгоруков спросил Государя, кто с ним поедет: Татищев или он? Государь обратился к Государыне: «Как ты думаешь?» Она выбрала Долгорукова».

Оставив мужа, она пошла к сыну. Там всё еще дежурил Гиббс. Он показывает:

«Она пришла. Она была спокойна. На лице ее остались следы слез. Чтобы не беспокоить Алексея Николаевича, она стала рассказывать с «обыкновенными манерами», что Государь должен уехать с ней, что с ними едет Мария Николаевна, а потом, когда Алексей Николаевич поправится, поедем и все мы. Алексей Николаевич не мог спросить ее, куда они едут, а я не хотел, чтобы не беспокоить его. Я скоро ушел».

Когда Гиббс уходил, вошел камердинер Волков. Он показывает:

«Я нашел Императрицу в комнате Алексея Николаевича. Лицо ее было заплакано, и она плакала в это время, но скрывала свое лицо от Алексея Николаевича, не желая, видимо, чтобы он видел ее слезы. Когда она выходила из этой комнаты, я спросил ее: «В чем дело? Что случилось?» Государыня мне ответила: «Государя увозят в Москву. Хотят, чтобы он заключил мир, но я сама поеду с ним. Я никогда не допущу этого...» Алексей Николаевич в это время был болен той же болезнью, что и в Спале. Но на этот раз он страдал гораздо сильней, чем в Спале. Тогда у него отнялась одна нога, а в это время у него отнялись обе ноги, и он ужасно страдал, плакал, кричал, всё звал к себе мать. Государыня всё время находилась при нем. И вот в это-то время она так убивалась, как она никогда не убивалась раньше. Я даже сравнить не могу ее состояние при отречении Государя с этим ее состоянием в Тобольске, когда она решила оставить Алексея Николаевича и ехать с Государем. Там она была спокойна, а здесь она уже не могла сладить с собой и плакала, как она никогда не плакала раньше».

Этих свидетелей-очевидцев я проверял другими свидетелями. Они показывают:

Тутельберг: «Государыня тогда была очень огорчена предстоящим отъездом из Тобольска. Я прямо должна сказать, что это был для Ее Величества самый тяжелый момент. Этот момент был для нее гораздо тяжелее, чем революция. Она страшно убивалась. Я попыталась ее утешить. Она сказала мне: «Не увеличивайте, Тутельс, моего горя. Это самый тяжелый для меня момент. Вы знаете, что такое для меня сын. А мне приходится выбирать между сыном и мужем. Но я решила, и надо быть твердой. Я должна оставить мальчика и разделить жизнь или смерть мужа».

Теглева: «Дети передавали мне, как их убеждение, что Яковлев увозит их в Москву».

Эрсберг: «Княжны передавали мне со слов, конечно, родителей, что Яковлев везет Государя в Москву. И Государь и Государыня, по словам Княжен, думали, что большевики хотят перевезти его

в Москву, чтобы он заключил мирный договор с немцами. Из-за этого Государыня и страдала. Она знала слабый характер Государя. Алексей Николаевич болен. Значит, на Государя там они и могли подействовать в желательном для себя направлении, угрожая ему благополучием сына и оставшихся с ним. Вот почему Императрица и решила ехать сама с Государем, думая, что она может воздействовать на него».

§5. 26 апреля

Что делал в это время Яковлев?

После свидания с Государем он пришел в корниловский дом. Туда же зашел и Кобылинский, когда Государь отпустил его. Яковлев спросил Кобылинского: «Кто же едет?» «И еще раз, – показывает Кобылинский, – повторил, что с Государем может ехать кто хочет, лишь бы не много брали вещей».

По требованию Яковлева Кобылинский тут же пошел в губернаторский дом узнать, кто едет с Государем. Выяснилось, что с Государем и Государыней выедут Великая Княжна Мария Николаевна, Долгоруков, Боткин, Чемодуров, лакей Иван Седнев и горничная Демидова.

Выслушав Кобылинского, Яковлев сказал: «Мне это всё равно».

Он обнаруживал большую торопливость, спешил сам и торопил других. Кобылинский показывает:

> «У Яковлева, я уверен, была в это время мысль: как можно скорее уехать, как можно скорее увезти. Встретившись с противодействием Государя... Яковлев думал: мне всё равно. Пусть берут кого хотят. Только бы поскорее. Вот почему он тогда так часто и повторял слова: «Мне всё равно; пусть едет, кто хочет», не выражая на словах второй части своей мысли: только бы поскорее. Об этом он не говорил, но все его действия обнаруживали это желание: он страшно торопился. Поэтому он и обусловил: не много вещей, чтобы не задержать время отъезда».

В этот день Яковлев и Кобылинский вступили в открытую стачку.

Открыв цель своего приезда отрядному комитету, Яковлев не решался до последнего момента открыть ее солдатам, делясь своими соображениями с Кобылинским.

Кобылинский хорошо понимал настроение солдат. Обольшевичившаяся солдатская вольница не всё еще потеряла в своей душе. У нее была смутная боязнь «выдать» Царя Яковлеву: как бы потом не досталось за это. Кобылинский предвидел, что, когда настанет последняя минута и Яковлев скажет солдатам, что он увозит Царя, они могут или не выпустить Государя, или потребовать сопровождения его, что осложнит задачу Яковлева и задержит его отъезд. Он указал Яковлеву имена некоторых солдат, хотя и занимавших выборные должности, но всё же достаточно порядочных и нежных. Поздно вечером собрал Яковлев солдат, за несколько часов до отъезда, и объявил им, что он увозит Государя, прося их держать это в секрете. Заявление Яковлева и особенно его просьба держать отъезд в секрете смутили солдат. Они потребовали, чтобы и они все сопровождали Государя.

Яковлев решительно воспротивился и указал на надежность своего отряда. Солдаты настаивали. Яковлев пошел на компромисс и стал называть имена солдат, указанных Кобылинским. Солдаты-большевики поняли хитрость: «Это всё штучки Кобылинского». Яковлев пригрозил и настоял на своем: в числе солдат, выбранных отрядом, оказалось два ставленника Кобылинского.

Как Яковлев обращался с Государем?

Будучи тверд в своих требованиях, он был почтителен к Царю. Так обрисовывают его поведение свидетели-очевидцы.

Он понравился Государю. Жильяр показывает:

> «Его Величество говорил мне про него (Яковлева), что он человек недурной, прямой».

§6. Отъезд Государя, Государыни и Великой Княжны Марии Николаевны из Тобольска

26 апреля за 3 ½ часа утра к подъезду губернаторского дома были поданы экипажи. То были сибирские «кошевы» – тележки на длинных дрожинах, без рессор, все парные, кроме одной троечной.

В нее села Государыня с Великой Княжной Марией Николаевной. Она хотела, чтобы с ними сел Государь. Яковлев запротестовал и поместился с Государем сам.

В остальных экипажах были Боткин, Долгоруков, Чемодуров, Иван Седнев и Демидова.

Спереди и сзади ехали солдаты отряда Яковлева и восемь солдат тобольского отряда с двумя пулеметами.

Яковлев совершил при отъезде ошибку: он не взял с собой весь свой отряд, оставив большую часть его в Тобольске, куда он надеялся скоро вернуться. Он, видимо, больше не выдерживал своей роли и считал свою цель слишком рано достигнутой. Его обращение с Государем в минуту отъезда свидетели описывают:

> Волков: «Он (Яковлев) относился в это время к Государю не только хорошо, но даже внимательно и предупредительно. Когда он увидел, что Государь сидит в одной шинели и больше у него ничего нет, он спросил Его Величество: «Как! Вы только в этом и поедете?» Государь сказал: «Я всегда так езжу». Яковлев возразил ему: «Нет, так нельзя». Кому-то он при этом приказал подать Государю еще что-нибудь. Вынесли плащ Государя и положили его под сиденье».
>
> Битнер: «Я прекрасно помню, он (Яковлев) стоял на крыльце... и держал руку под козырек, когда Государь садился в экипаж».

Дочь Боткина Татьяна Евгеньевна Мельник не спала в эту ночь. Она сидела у окна своей комнаты, закрылась шторой и наблюдала отъезд. Она показывает:

> «Комиссар Яковлев шел около Государя и что-то почтительно говорил ему, часто прикладывая руку к папахе... Всё это (подводы) со страшной быстротой промелькнуло и скрылось за угол. Я посмотрела в сторону губернаторского дома. Там на крыльце стояли три фигуры в серых костюмах и долго смотрели вдаль, потом повернулись и медленно одна за другой пошли в дом».

§7. Попытка Яковлева прорваться с ними в Европейскую Россию

Ближайшим пунктом, куда стремился Яковлев, была Тюмень, отстоявшая от Тобольска в 285 верстах.

От Тюмени – железнодорожный путь в Европейскую Россию: прямой, ближайший – через Екатеринбург, окольный, более отдаленный – через Омск.

26 и 27 апреля Кобылинский получил от своих солдат две телеграммы.

Они обе были посланы с пути: одна из с. Ивлева, другая – из с. Покровского. В них сообщалось, что путешествие по направлению к Тюмени идет благополучно.

27 апреля в 9 часов вечера состоялось прибытие в Тюмень.

Об этом 28 апреля была получена Кобылинским телеграмма. В тот же день вечером была получена вторая телеграмма: «Едем благополучно. Христос с нами. Как здоровье маленького. Яковлев».

После этого не было никаких известий, и лишь 3 мая вечером на имя отрядного комитета пришла телеграмма от одного из солдат, что узники находятся в Екатеринбурге.

Все были поражены этим и не знали, как объяснить остановку в Екатеринбурге. Гендрикова отмечает в дневнике 3 мая: «*Вечером пришло известие, что застряли в Екатеринбурге. Никаких подробностей*». Кобылинский показывает: «*Нас всех эта телеграмма огорошила: что такое случилось? почему в Екатеринбурге? Все были этим поражены, так как все были уверены, что Государя с Государыней повезли в Москву*».

8 мая возвратились из поездки солдаты тобольского отряда. Все слышали их рассказы. Показаниями свидетелей Кобылинского, Мунделя, Жильяра, Боткиной, Эрсберг выяснена следующая картина.

Яковлев торопился. Он не допускал ни малейшего промедления, никаких остановок. Когда подъезжали к станции, сейчас же перепрягали лошадей и мчались дальше. Путь был плохой, была распутица. Во многих местах весенняя вода покрывала мосты. Узники шли в таких местах пешком. Боткин не выдержал бешеной езды и заболел. Только тогда Яковлев допустил остановку на несколько часов.

Прибыв в Тюмень 27 апреля вечером, он без всякого промедления повез узников в специальном поезде на запад, то есть к Екатеринбургу.

Дорогой он известился, что Екатеринбург его не пропустит далее и задержит.

Он кинулся назад в Тюмень и отсюда поехал на восток, то есть к Омску. Но до Омска ему не удалось доехать. На станции Куломзино, ближайшей к Омску, его поезд был остановлен и окружен силами красных.

Яковлеву было заявлено, что Екатеринбург объявил его вне закона за то, что он пытается увезти Царя за границу, о чем Екатеринбург известил Омск. Отцепив паровоз, Яковлев поехал в Омск, говорил оттуда по прямому проводу с ЦИКом и получил приказание ехать в Екатеринбург.

Как только он прибыл туда, его поезд был оцеплен большим отрядом красноармейцев, сильно вооруженных.

Он отправился в совдеп, пытался бороться, но безуспешно. Вернулся он в поезд «расстроенный» и предложил солдатам тобольского отряда поехать с ним в Москву и свидетельствовать о происшедшем. Тотчас же эти солдаты были поодиночке разоружены и посажены в какой-то погреб. Их выпусти через несколько дней.

Яковлев уехал в Москву. Оттуда он прислал своему телеграфисту телеграмму: «Собирайте отряд. Уезжайте. Полномочия я сдал. За последствия не отвечаю».

Гражданская война не позволила мне отыскать этих солдат тобольского отряда. Некоторые из них были убиты, другие рассеялись. Но я проверял, как мог, их рассказы.

Был среди солдат тобольского отряда стрелок Григорий Лазарев-Евдокимов. Впоследствии он находился в армии Адмирала Колчака. Когда она отступала в сентябре месяце 1919 года, Евдокимов решил перейти к красным. Но его попытка кончилась неудачей. Он был пойман. При допросе его военной властью Евдокимов рассказал, что был в Тобольске и охранял Царя. На него обратили внимание. Он был расспрошен про жизнь царской семьи.

Допрашивал его малограмотный воинский чин, не имевший никакого представления о всем том, что мне было известно по делу к сентябрю месяцу 1919 года. Я особенно ценю это, ибо правда говорит здесь языком малограмотного акта сама за себя.

Весь рассказ Евдокимова, как Яковлев увозил Царя, совершенно тождественен с рассказами восьми тобольских стрелков, как они только что изложены.

Яковлев вез Государя в вагоне 1 класса Самаро-Златоустовской железной дороги № 42. Проводником этого вагона был некто по фамилии Чех. Я не знал, что он находился на территории Адмирала, и не делал попыток отыскать его.

26 ноября 1919 года состоявший при Французской Военной Миссии в Сибири русский офицер граф Капнист ехал из Омска в Иркутск и разговорился с проводником своего вагона. Проводник этот оказался Чех.

Он рассказал Капнисту подробно, обстоятельно про поездку Яковлева с Государем. Капнист тогда же записал рассказ Чеха и при допросе у меня представил к следствию эту запись.[20]

Допрашивая Чеха, Капнист не имел никакого представления об известных следствию фактах, что также представляется особенно ценным для дела.

Рассказ Чеха совершенно соответствует рассказам тобольских стрелков.

В показании Капниста, между прочим, значится:

> «Чех говорил мне, что во всю дорогу Яковлев был почтителен к Государю, часто входил в его купе и вел с ним долгие разговоры... Ввиду тех разговоров, какие ходили среди отряда, Чех определенно говорил, что Государя везли в Москву, чтобы отправить его за границу».

В поезде Государь ехал в отдельном купе: Яковлев отделил его от Императрицы.

Оставшиеся в Тобольске расспрашивали про поездку возвратившихся кучеров. Жильяр показывает:

> «Кучер, который вез Государя и Яковлева, рассказал, что Государь с Яковлевым вели беседы на политические темы, спорили между собой, и Государь не бранил большевиков. Кучер говорил, что Яковлев «вертел» Царя, а Царь ему «не поддавался».

Большевиками не было сделано заранее приготовлений к задержанию Государя в Екатеринбурге. Владелец дома, где был заключен Государь, Ипатьев очистил его к 3 часам дня 29 апреля.[21]

---

[20] Свидетель граф Б.М. Капнист был допрошен мною 21 февраля 1920 года в г. Харбине.

Не было специального отряда для караула. Его несли случайные красноармейцы, караулившие в тюрьмах и в других местах.

Вместе с Государем, Государыней и Марией Николаевной в доме Ипатьева были заключены: Боткин, Чемодуров, Иван Седнев и Демидова. Долгоруков был отправлен в тюрьму.

Задержан был Государь в Екатеринбурге 30 апреля.

Войдя в дом Ипатьева, Государыня сделала отметку на косяке окна своей комнаты. Она нарисовала свой индийский знак и рядом указала дату «17/30 Апр. 1918 г.».

Этим же числом датирована и расписка, выданная в Екатеринбурге комиссару Яковлеву в получении от него узников.

§8. Личность комиссара Яковлева

Кто был этот таинственный комиссар Василий Васильевич Яковлев?

Мне не удалось разрешить этого вопроса, и я не знаю, мог ли даже он называть себя так, как называл.

Все свидетели, видевшие его, говорят о нем как о человеке интеллигентном. Он знал французский язык. Свидетель Мундель, владеющий этим языком, удостоверяет, что в разговорах с ним Яковлев употреблял целые французские фразы. Я имею основания также думать, что он знал еще английский язык и немецкий.

О своем прошлом он говорил полковнику Кобылинскому. Его прошлое знали и в его отряде.

Некогда, будучи, видимо, в составе нашего флота, Яковлев совершил на территории Финляндии политическое преступление. Он был осужден к смертной казни, но был помилован Государем и бежал сначала в Америку, а затем жил в Швейцарии и в Германии. После переворота 1917 года он вернулся в Россию.

Яковлев был у большевиков их политическим комиссаром на уфимском фронте. Осенью – зимой 1918 года он обратился к чешскому генералу Шениху и просил принять его в ряды белых войск. Он указывал, что это он именно увозил Государя из Тобольска.

Ему ответили согласием, и он перешел к нам. В дальнейшем с ним поступили неразумно и неосторожно. Он тут же был арестован и отправлен в Омск в распоряжение военных властей. Не дали надежного караула, и он вместо генерал-квартирмейстера Штаба Верховного Главнокомандующего, по ошибке якобы конвоира, попал к некоему полковнику Зайчеку.

Здесь он и пропал. У Зайчека не оказалось абсолютно никаких документов на Яковлева.[22]

Зайчек возглавлял в Омске контрразведку Генерального Штаба. Он – офицер австрийской армии, плохо говоривший по-русски, – пришел в Сибирь в рядах чешских войск.

Все ли освободители Сибири шли сюда с жертвенной любовью к России и с ненавистью к Германии и большевикам?

Во внешних фактах мы, служители правосудия, познаем мысль человеческую. Оценивая всё поведение Яковлева, я мыслю следующее:

Комиссар Яковлев, скрываясь под маской большевика был враждебен их целям.

Его действия координировались с действиями других лиц одной общей волей.

Будучи враждебен намерениям большевиков в отношении Царя, он был посланцем иной, небольшевистской силы.

Действуя по ее директивам, он вез Царя не в Екатеринбург, а пытался увезти его через Екатеринбург и Омск в Европейскую Россию.

Эта попытка имела исключительно политическую цель, так как всё внимание Яковлева было направлено исключительно на особу Императора и Наследника Цесаревича.

Какая же сила, зачем и куда увозила Царя?

---

[21] Свидетель Н.Н. Ипатьев был допрошен членом суда Сергеевым 30 ноября 1918 года в Екатеринбурге.

[22] Сведения о переходе к нам Яковлева были мною получены от генерал-лейтенанта Дитерихса 17 апреля 1919 года. Я в тот же день командировал доверенное лицо к военному министру генерал-майору Степанову и просил его принять все меры к розыску Яковлева. Арестован он был по телефонограмме чешского полковника Клецанда от 30 декабря 1918 года за № 3909 и отправлен в Омск. Все приведенные выше сведения основаны на точных документах. Они были мне представлены командированным мною лицом 4 июня 1919 года.

Государь сам дал ответ на эти вопросы. В лице Яковлева, в этом «неплохом и прямом человеке», он видел посланца немцев. Он думал, что его хотят принудить заключить мирное соглашение с врагом.

Я знаю, что подобное толкование уже встретило однажды в печати попытку высмеять мысль Царя: подписать Брестский договор. Писали, что над этим рассмеется любой красноармеец.

Свидетеля Кобылинского я допрашивал лично в течение нескольких дней. Он вдумчиво и объективно давал свое пространное показание. Но всё же я убежден, что его слова о «Брестском договоре» не соответствовали мысли Государя. Сопоставляя показание Кобылинского со всеми данными следствия по этому вопросу, я не сомневаюсь, что мысль Царя была гораздо шире. Дело было, конечно, не в Брестском договоре, который стал уже фактом. Наблюдая из своего заключения ход событий в России и считая главарей большевизма платными агентами немцев, Царь думал, что немцы, желая создать нужный им самим порядок в России, чтобы, пользуясь ее ресурсами, продолжать борьбу с союзниками, хотят через него дать возможность его сыну воспринять власть и путем измены перед союзниками заключить с ними соглашение. Такова была его мысль, полнее выраженная Государыней.

Я думаю, что для всякого, кто пожелает вспомнить, в каких условиях произошел самый большевистский переворот в России, кто пожелает вспомнить, что весной 1918 года на ее территории гремели еще немецкие пушки, а генерал Гофман угрожал Петрограду, – мысль Царя родит не насмешку, а вызовет к себе серьезное отношение.

Глава 7.

§1. Цель увоза Государя из Тобольска. Оценка ее Государем и основной лозунг революции

Высок, авторитетен источник, оценивший поведение Яковлева в Тобольске. Так говорил человек, правивший многомиллионным народом, державший многие годы в своих руках тайны мировой политики.

Но могу ли, прикрывшись этой авторитетностью, замкнуться в ней и без всякого обследования принять такое толкование фактов следствия?

Увоз из Тобольска и убийство в Екатеринбурге – два смежных явления. Закрыть глаза на первое из них – это лишить себя возможности понять характер преступления, жертвой которого стал Царь и его семья.

При этом я должен оговориться.

В нашем судебном творчестве мы часто ищем истину, оперируя фактами общеизвестными. Здесь они имеют особый характер: они факты исторические. Я никогда не мыслил и менее всего теперь претендую выступать в роли исторического исследователя.

Я не знал жизни, психологии той среды, к которой принадлежали потерпевшие от преступления.

В глухом углу России я охранял от лихого человека мужичью жизнь, мужичье добро, честь и свободу.

И я надеюсь, что те, кто любят истину, сумеют отличить мои, быть может, ошибочные выводы от строгих фактов следствия.

Царь Николай II... Да разве мог он сказать такие слова: лучше смерть, чем соглашение с немцами?

Уже несколько лет бьется в судорогах смерти наша Родина. Это началось с отречения Императора. Ему предшествовала давняя, многолетняя борьба с властью, сначала глухая, неясная, робкая, как боязливый шепот недовольных рабов. Потом этот шепот стал громче, смелее, назойливее и перешел в звонкий набат, звучавший на весь мир.

Недовольство охватывало многих людей из самых различных слоев русского общества. Оно владело многими монархистами с известными именами. Оно захватило такие учреждения, как Государственный Совет, как Совет Объединенного Дворянства, дерзавших обращаться к Монарху с всеподданнейшими просьбами, носившими по существу характер требований.

Говорят, что его отзвуки не доходили до простого народа. Неправда. Нужно видеть надписи, какими русские красноармейцы покрывали стены Ипатьевского дома, чтобы откинуть эту мысль.

Как же имя этому недовольству? В какой одной формуле объемлется вся его сущность?

Сначала не было одной формулы. Ее не было до тех пор, пока все считали, что недовольство не переходит за пределы своей страны. Она была найдена, когда с интересами России переплелись в общей борьбе с врагом чужие интересы. С этого момента у недовольства явился лозунг. Он означал: измена Царя и Царицы.

Это было сказано впервые 1 ноября 1916 года вождем революции Милюковым в речи, произнесенной им с кафедры Государственной Думы. Правда, он не говорил про Царя. Но он говорил про Царицу, про роль около нее Распутина, про безволие Императора.

Какое это имело значение для всей страны, для всего мира, объятого пламенем войны, знают все. Ныне говорит об этом сам Милюков:

> «Не было министерства и штаба в тылу и на фронте, в котором не переписывались бы эти речи, разлетевшиеся в стране в миллионах экземпляров. Этот громадный отзвук сам по себе превращал парламентское слово в штурмовой сигнал и являлся красноречивым показателем настроения, охватившего всю страну. Теперь у этого настроения был лозунг, и общественное мнение единодушно признало 1 ноября 1916 года началом русской революции».[23]

Увоз Царя из Тобольска поставил передо мною вопрос, действительно ли Государь Император Николай II, обладая слабой личной волей и будучи всецело подавлен волей Государыни Императрицы Александры Федоровны, руководившейся своими германофильскими тенденциями и руководимой лицами, группировавшимися около Распутина, шел к измене России и союзникам, готовясь к заключению сепаратного мира с Германией.

§2. Царская семья

Государь Император Николай Александрович получил воспитание, какое обыкновенно давала среда, в которой родился и жил он. Оно привило ему привычку, ставшую основным правилом поведения, быть всегда ровным, сдержанным, не проявляя своих чувств. Всегда он был ровен, спокоен. Никто из окружающих не видел его гнева.

Он любил книгу и много читал по общественным наукам, по истории.

Он был очень прост и скромен в своих личных привычках, потребностях.

Не только русская пресса времен революции, но и некоторые историки[24] и ныне стараются внедрить в сознание масс, что Царь при всех его недостатках, отличался еще склонностью к спиртным напиткам. Это неправда. Вино никогда не было для него потребностью. Он выпивал за завтраком, за обедом обычно не более рюмки сливовицы. Не пил коньяка; не любил шампанского. Если ему приходилось пить по необходимости, он пил столько, сколько требовала обстановка.

Воспитанный в условиях простоты жизненного уклада, он с давних лет привык отдавать свой досуг, если не занимался чтением, физическому труду.

Он любил природу и охоту.

Будучи весьма религиозным, Царь был наделен сильным чувством любви к простому русскому народу. В заключении, если только позволяли обстоятельства, он шел к солдатам, сидел с ними, разговаривал, играл в шашки, проявляя чрезвычайную простоту. Он вел к ним и детей.

В нем крепко сидела мысль: русский человек – мягкий, хороший, душевный человек. Он многого не понимает, но на него всегда можно воздействовать добром. Он остался с такими взглядами до самого конца. Ничто не могло изменить их. Это было столь выпукло, что полковник Кобылинский, явивший великую преданность Царю, жалуется на него на следствии: «*Иногда из-за этого мне было тяжело*». Царь не хотел видеть вины солдата-хулигана и винил не его, а командный состав. Благодаря этому он не понимал в заключении той опасности, которая ему угрожала.

Его власть, как таковая, была для него ничто, Россия – всё. Он больше всего боялся быть увезенным за границу и не хотел этого.

Самой типичной чертой его натуры, поглощавшей все другие, была доброта его сердца, его душевная мягкость, утонченнейшая деликатность. По своей природе он был совершенно не способен причинить лично кому-нибудь зло.

---

[23] Милюков П.Н. История второй русской революции, с. 34.

[24] Милюков П.Н. История русской революции, с. 28.

Этим своим свойством он оставлял почти у всех людей одно и то же впечатление: очарования.

Было два свидетеля, вынужденных всей своей ролью около Царя давать отрицательное о нем толкование. Это – Керенский и князь Львов.

Первый видит в Царе скрытность, недоверчивость к людям, презрение к ним, ограниченность интеллекта, не отрицая, однако, у него «какого-то чутья к жизни и к людям».

Князь Львов говорит о Царе как о «лукавом византийце».

И в то же время оба они: и Керенский, и князь Львов, характеризуя Царя, употребляют одно и то же выражение. Керенский говорит о его «чарующих глазах». Львов говорит об «очаровании», которое он производил на людей.

Эта черта его натуры приводила к тому, что люди в общении с ним забывали в нем Императора.

По своему душевному складу он был живым отрицанием идеи самодержавия.

Государыня Императрица Александра Федоровна основной чертой своего характера являла резкую противоположность Императору. На ней была написана властность, величественность. Никогда она не теряла сознания своего положения, разве только в детской. Такой она осталась до самого конца и не перестала казаться людям Царицей даже в заключении.

Многим она казалась гордой. Это было не так. Она была слишком умна, чтобы быть в состоянии понимать значение этого недостатка в ее положении. Она не была гордой и в тайниках ее души. Но мне кажется, что ее доброта, смирение шли не от сердца, а от разума, являясь последствием размышления.

Александра Федоровна

С Вырубовой

Она была религиозна. И эта черта наложила основной фон на всё ее мышление. Здешний мир – это лишь преддверие. Жизнь начнется там, а всё, что здесь, это лишь приготовление. Смерть – это только переход в другой мир. Нужно подготовляться к такому переходу и открыть смерти «ворота» своей души со спокойствием христианина.

Церковь была для нее самым большим утешением, но она снова подходила к ней не просто с чувством, а с размышлением. Здесь в Церковных догматах она воспитывала самое себя и отсюда черпала объем «должного».

Властная и вспыльчивая по природе, сдержанная и замкнутая в силу воспитания, она в религиозных нормах находила для себя правила своего личного поведения и личного для себя принуждения.

Англичанин Гиббс говорит о ней:

«Она была самоуверенная. Она не была гордая в грубом значении этого слова, но она постоянно сознавала и никогда не забывала своего положения. Поэтому она всегда казалась Императрицей. С ней я никогда не мог себя чувствовать просто, без стеснения. Но я очень любил быть с ней и говорить. Она была добрая и любила добрые дела. Без цели она никогда не работала...»

Битнер показывает:

«В ней самым ее характерным отличием была ее величественность. Такое впечатление она производила на всех. Идет, бывало, Государь, нисколько не меняешься. Идет она, обязательно одернешься и подтянешься. Однако она вовсе не была гордой. Она не была и женщиной с злым характером, недобрым. Она была добра и в душе смиренна».

Она много отдавала своей души чужому горю, когда узнавала о нем. Письма ее к графине Анастасии Васильевне Гендриковой ярко рисуют ее духовный облик. Она пишет графине 5 апреля 1912 года, утешая ее после смерти отца:

«Милая крошка Настенька, мое сердце переполнено состраданием, любовью ко всем Вам. Не могу не написать Вам хотя несколько строк. Не смею беспокоить Вашу бедную Мама; мои молитвы и мысли с нею. Ужасно подумать о всем Вами переживаемом. Я так чувствую Ваше горе, испытав ужас потери возлюбленного отца. И такой внезапный удар, как у Вас.

Но я всегда думаю, что светлые пасхальные молитвы приносят много утешения душе, даруя нам уверенность в том, что настоящая наша жизнь там, где ожидают нас дорогие наши.

Не могу себе представить, как устроится теперь Ваша жизнь без отца, советника и руководителя, но Всемогущий Бог Вас не оставит. Он даст силы и мужество достойно продолжать Вашу жизнь, полную самоотречения, и благословит Вас полностью за всю Вашу любовь.

Бедная, милая Мама. Поцелуйте ее нежно от меня. Я посылаю ей маленький пасхальный образок. Надеюсь, что она примет в память того, кого мы так любили в продолжение 17 лет. Мы его никогда не забудем. А Вам с сестрой Вашей – цветы, собранные моими детьми в саду. Поставьте несколько из них в вазочку возле постели Вашей мама. Они так сладко пахнут весной и говорят о Воскресении. В этой чудной обстановке еще явственнее чувствуется близость Бога. Птички поют, воспевая Господа Бога нашего, а цветы поднимают головки после зимнего сна, просыпаясь к расцвету и возвеличивая Создателя своего. Все умирает в этом мире, чтобы проснуться к жизни вечной на том берегу, – все пути ведут нас рано или поздно туда. Прощайте, дорогая моя девочка. Благослови, защити и утешь Вас Бог. Я всех Вас целую со всею нежностью. Любящая Вас Александра».

24 апреля 1914 года:

«Держитесь ради нее (матери). Она так страшно страдала все эти годы. Нельзя желать продолжения страданий. Но Вашу скорбь при мысли, что она уже недолго останется с Вами, тяжело переносить. Невыносимо больно убеждаться в том, что любимое существо ускользает из рук. Но Вы будьте храбры и помогите ей силой Вашей веры до конца. Когда наступит тяжелый час – утешайте ее, будьте веселы, улыбайтесь. Ворота ее души наконец широко раскрываются, и это дает ей новое чувство спокойствия и изменяет ее душевное состояние. Конечно, бывают минуты угнетения и отчаяния – физические страдания так ослабляют. Не удручайтесь мыслью, что Вы не знаете, как ей помочь. Дайте любви, светлое лицо – несмотря на страдания Вашей бедной души, говорите ей о Боге...»

22 октября 1916 года:

«Мне жаль, что Ваше настроение опять понизилось, но такие моменты неизбежны. Если бы мы могли всегда сохранять душевное равновесие (как нам бы следовало), то мы достигли бы совершенства. Это наитруднейшая задача. А когда физическое состояние неважно, то настроение падает еще, и тогда благодать Божья на время покидает нас. Но не тревожьтесь – с помощью молитвы Вы снова подниметесь. Было бы слишком легко жить, если бы благодать всегда сопутствовала нам – приходится ее добиваться, вырабатывать собственный характер. Минуты гнева должны подавляться. Надо много трудиться для достижения совершенства. Бодрствуйте и молитесь, как нам указано. Зло всегда стремится завладеть нами и беспокоить нас в минуты упадка духа. Жизнь – вечная борьба, но Бог Всемогущий поможет нам победить, если мы смиримся перед Ним и покорны Его воле».

Черпая свой жизненный долг в цикле религиозных идей, она здесь же, конечно, искала и обоснование власти Царя. Власть Самодержца – от Бога. Государь не может отказаться от нее, ибо, вступая на Престол, он дал клятву самому Богу блюсти власть самодержавия. Эти взгляды она упорно защищала в спорах с другими.

Немка по крови, она никогда не была немкой по духу. Только одна черта выдавала ее национальность: хозяйственная расчетливость. Англичанин Гиббс говорит о ней: «*Она была более бережлива, чем англичанка*».

Я не знаю, можно ли вообще говорить о преобладании в ее натуре каких-либо иноземных черт. Если можно, то у нее преобладало исключительно английское влияние, что явилось результатом ее воспитания.

Если сравнить ее с Государем в их отношениях к немецким настроениям, то нельзя не признать, что в царской семье наиболее резким противником немецких симпатий была Государыня.

Она гнала из жизненного уклада все немецкое, как нелюбимое ею.

Наследник русского Престола, будущий Царь России, не знал ни одного слова по-немецки: его не хотели учить этому языку. Им плохо владели и Княжны.

В ее отношении к главе немецкого народа императору Вильгельму лежало чувство презрения, которого она не только не скрывала, но и передала детям. «Комедиант», «фальшивый человек», «презренный человек, унизившийся до таких приемов борьбы: до общения с большевиками» – это ее слова о нем.

И такое чувство было у нее давно, потому что дети, выражая настроение матери, не желали иметь подарков от германского императора и отдавали их прислуге.

Она была совершенно искренне и глубоко уверена, что простые массы русского народа понимают ее, как и она их; что ее религиозные настроения находят в них полный отклик. Нельзя было причинить ей более сильной обиды, как сказать, что она не знает и не понимает русского народа. Она как бы жила с закрытыми глазами, не видела, что проделывали около нее обольшевичившиеся солдаты, и не хотела видеть в них плохих людей. Однажды на эту тему между нею и учительницей Битнер, винившей в большевизме русский народ, произошел горячий спор. Императрица расплакалась и, указывая на проходивших по улице красноармейцев, кричала:

«Вон, говорят, они нехорошие! Посмотрите на них! Вон они смотрят, улыбаются! Они хорошие».

Их брак был основан на чувстве сильной взаимной любви. Государь любил ее как женщину. Она любила его как мужа, к которому привело ее сильное чувство любви. Его жениховский подарок ей – кольцо с рубином она всегда носила на шее вместе с крестом.

Ниже я попытаюсь выяснить ее отношения с Распутиным. Сейчас скажу лишь несколько слов.

Распутин был убит в ночь на 17 декабря 1916 года (по старому стилю). Через неделю после его убийства, в Рождественский сочельник, Государыня пишет графине Гендриковой. Она несомненно страдала, когда писала это письмо. Бросается в глаза ее почерк: не твердый, как обычно, а неровный, выдающий волнующуюся душу и, пожалуй, даже некоторую несвязанность в выражении мыслей:

> «Дорогая маленькая Настенька, спасибо за Ваше письмо. Целую неделю я ждала нежного слова от Вас. Мама бы написала. Знаю, как страшно недостает Вам ее особенно в эти дни Великого Праздника. Но она близка к Вам всегда, молит Бога утешить и укрепить Вас. Бедное дитя. Какая боль и какое одиночество. Я нежно сочувствую Вам, совершенно вполне понимая Ваше горе. Она видит ясное светило, маленькие сверкающие деревья отражают небесные звезды и свет. Больше не могу писать. Слишком тяжело на сердце. Господь благослови Вас. Нежный поцелуй от старой старухи Александры. Помимо всего представьте себе на минуту, что такое знать, что друг находится ежедневно, ежечасно в опасности быть также подвергнутым возмутительному убийству. Но Господь всемилостив».

Я не знаю, за кого опасалась Государыня в этом письме: за Государя или за Вырубову. Но одно я знаю: такие письма в известном настроении может писать только жена непорочная.

Никогда не было борьбы между ними. Его природная духовная мягкость при ее порывистой властности, неизбежно без всякой борьбы повлекла за собой подчинение его воли ее воле.

Государыня, как говорит один из свидетелей, была «крышей» для всей семьи и «опекала» ее. Так было издавна. И мне кажется, что, помимо более сильной воли Государыни, здесь играло

еще роль чувство любви Государя к ней как к женщине. Я думаю, что по типу своей натуры он мог любить женщину, не властвуя над ней, а только покоряясь ей.

В доме Ипатьева после убийства царской семьи была найдена в уборной запрятанная книжечка с шифром Государя и Государыни. Это английский код, где в порядке алфавита указаны вымышленные слова, которыми следовало зашифровывать нужные понятия.

Достаточно этой книжечки, чтобы понять громадное влияние Императрицы в делах управления. В ней зашифрованы собственноручно Императрицей вопросы управления и имена государственных и общественных деятелей: «роспуск Думы, перерыв занятий Думы, мятежи, беспорядки, прекращение их, Алексеев, Рузский, Гурко, Безобразов, Протопопов, Пуришкевич, Милюков и т.д. И вместе с тем зашифрованы фразы: «любовь и поцелуй, я люблю вас».

Обращает на себя внимание дата, когда была подарена ею эта книжечка Государю. В самой надписи на лицевой стороне книжечки чувствуется уже намек на преобладание ее над ним еще до их замужества:

> «Для моего собственного любимого Ники полезно употреблять, когда он вдали от своего спицбуб
> от любящей Алисы Осборн
> Июль 1894 г.».

Отказавшись от власти, лишенный свободы, он не оставил этого дорогого для него предмета и не решился уничтожить его даже в екатеринбургском застенке.

Их старшая дочь Ольга Николаевна {CARJ1} была девушка 22 лет. Стройная, худенькая, изящная блондинка, она унаследовала глаза отца. Была вспыльчива, но отходчива. Она имела сердце отца, но не имела его выдержанности: ее манеры были «жесткие». Она была хорошо образована и развита. В ней чувствовали «хорошую русскую барышню», любившую уединение, книжку, поэзию, не любившую будничных дел, непрактичную. Она была наделена большими музыкальными способностями и импровизировала на рояле. Прямая, искренняя, она была не способна скрывать своей души и была, видимо, ближе к отцу, чем к матери.

Татьяна Николаевна {CARJ1} имела 20 лет, была темная блондинка, худенькая, элегантная. Она была противоположностью старшей сестре. Была замкнута, сдержанна, сосредоточенна и самостоятельна. Ее сферой было хозяйство, рукоделия, будничный домашний уклад. Благодаря таким чертам ее характера, в ней, а не в Ольге Николаевне видели старшую дочь в семье. Она более всех сестер напоминала мать и была ей самым близким человеком, другом и советчиком.

Мария Николаевна {CARJ1}, 18 лет, была светлее Татьяны и темнее Ольги, с очень красивыми светло серыми глазами. Она была сложена из «широкой кости» и, обладая большой физической силой, напоминала, кажется, одна из всех детей, деда Императора Александра III. В семье она была самая простая, самая ласковая, приветливая. По натуре это была типичнейшая мать. Ее сферой были маленькие дети. Больше всего она любила возиться и нянчиться с ними. Она любила быть с простым народом, умела поговорить с солдатами, расспросить их про их домашнюю жизнь и в совершенстве знала, какое у кого хозяйство, сколько детей, сколько земли и т.п. За свою простоту и ласковость она получила от сестер и брата имя «Машки».

Анастасия Николаевна {CARJ1}, 16 лет, была еще не сложившийся девушка-подросток. Была самая полная из сестер и стыдилась своей полноты. Любила читать, но была с ленцой и не любила готовить уроков. Ее отличительной особенностью было подмечать смешные стороны людей и воплощать их с талантом природного комика.

Наследник Цесаревич Алексей Николаевич {CARJ1} был мальчик 14 лет, умный, наблюдательный, восприимчивый, ласковый, жизнерадостный. Был с ленцой и не особенно любил книги. Он совмещал в себе черты отца и матери: унаследовал простоту отца, был чужд надменности, заносчивости, но имел свою волю и подчинялся только отцу. Мать хотела, но не могла быть с ним строгой. Его учительница Битнер говорит о нем: «*Он имел большую волю и никогда не подчинился бы никакой женщине*». Он был весьма дисциплинирован, замкнут и очень терпелив. Несомненно, болезнь наложила на него свой отпечаток и выработала в нем эти черты. Он не любил придворного этикета, любил быть с солдатами и учился их языку, употребляя в своем дневнике чисто народные, подслушанные им выражения. Скуповатостью напоминал мать: не любил тратить своих денег и собирал разные брошенные вещи: гвозди, свинцовую бумагу, веревки и т.п.

Дети говорили с отцом по-русски, с матерью – по-английски и по-французски. Они все были воспитаны в условиях чрезвычайной скромности и простоты, что стало уже их привычкой.

Кобылинский и Битнер, не знавшие семьи до революции, впитавшие до некоторой степени в себя ее отзвуки, были поражены, когда воочию увидели царскую семью.

Кобылинский говорит про Княжен:

> «Все они были милые, простые, чистые, невинные девушки. Куда они были чище в своих помыслах очень многих из современных девиц-гимназисток даже младших классов».
>
> Волков: «Я не умею рассказать про характеры царской семьи, потому что я человек неученый, но я скажу, как могу. Я скажу про них просто: это была самая святая и чистая семья».

§3. Императрица и ее «немецкие симпатии». Ее болезнь и ее отношение к Распутину

Я признал преобладание воли Императрицы над волей Императора. Это существовало с самого начала их совместной жизни и коренилось в их натурах.

В последние годы ее воля подавляла его волю. Быть может, это было не всегда и не во всем, но тенденция этого несомненно была и проявлялась в фактах.

В то же время я не только отрицаю наличие у Императрицы немецких симпатий, но признаю как раз обратное; она не любила немецкой культуры и гнала ее из уклада жизни семьи.

Впрочем, все попытки отыскать здесь источник стремления ее к сепаратному миру с врагом несерьезны. Что ей немецкие симпатии, когда она властная Царица России? Какие воспоминания пробуждала в ней роль скромной Гессенской принцессы? Чем во всё царствование проявила она свои симпатии к Германии? Сколько раз она была там за все эти годы?

Более серьезной является другая область: влияние на нее Распутина.

Чем был для нее Распутин?

Я посвятил много труда, чтобы данными следствия разрешить этот вопрос.

Вряд ли можно отрицать, что счастье человеческой пары, связанной чувством взаимной любви в браке, мыслимо только тогда, когда она рождает детей. Императрица имела детей, но она прошла длинную полосу жизни, причинившую ей больше огорчений, чем всякой другой женщине, лишенной ее положения. Она была нежная мать. Но нет сомнений, что она была гораздо больше Императрица, чем мать. Несмотря на то, что ее сын, которого она так безумно любила, был болен 26 апреля 1918 года, как никогда ранее, она оставила его и уехала с Императором, так как думала, что его увозят с политическими целями.

При властности ее характера нет сомнений, что ее преследовало желание иметь рожденного ею Наследника Престола. Судьба долго была немилостива к ней. И эти годы супружеской жизни, представлявшие очередные этапы надежд и горьких разочарований, были безусловно роковыми для ее нервной системы.

Наконец родился сын. Достигнут был венец желаний. Но какой же был удар для Императрицы, когда она узнала, что ее сын – гемофилик!..

Эта болезнь, почти неизвестная у нас в России, очень известна некоторым кантонам Швейцарии: там от нее вымирают деревни.

В роду Императрицы от нее погибли ее дядя, ее брат и ее два племянника. Сердце матери должно было страдать от материнской жалости к ребенку. Но она должна была вдвойне страдать от сознания, что это она, которая так хотела его, с таким напряжением ждала, причина его страданий, так как это она передала ему ужасную болезнь.

Ребенок был очень подвижен, очень резв. Какой бы ни был за ним надзор, нельзя было заранее рассчитать и предусмотреть каждый его шаг. Но то, что без всяких последствий проходило каждому здоровому ребенку, ежеминутно могло убить его. Малейшая неосторожность, ничтожный ушиб, незначительная травма – и он может погибнуть; он – столь долгожданный, так ей необходимый, единственный!..

Во что превратилась жизнь Императрицы после рождения сына?

Жильяр показывает:

> «Она отлично знала, что смерть может наступить от этой болезни каждую минуту, при малейшей неосторожности Алексея, которая даром пройдет каждому другому. Если он подходил к ней двадцать раз в день, то не было случая, чтобы она его не поцеловала, когда он, подойдя к ней, уходил от нее. Я понимал, что она каждый раз, прощаясь с ним, боялась не увидеть его более».

Первые годы супружеской жизни не дали ей покоя, потому что они полны были напряженного ожидания и горьких разочарований. Эти чувства заменил постоянный страх потерять единственного сына.

Все эти переживания на пространстве целых лет могли бы сломить и здорового человека. Но может ли быть признана здоровой женщина, дающая жизнь гемофилику?

Нося в своем организме наследственное болезненное начало, она всей брачной жизнью была поставлена в необходимость болезненного страдания. Конечно, всё это существовало до рождения сына. После же его рождения ее истерия стала выпуклым фактом.

Аномальное сознание своего «я», навязчивость идей, чрезмерное волевое напряжение, раздражительность, частая смена настроений, нетерпимость к чужому мнению – всё это было налицо.

Ее камер-юнгфера Занотти показывает:

> «С Государыней я прожила всю мою жизнь. Я ее хорошо знаю, люблю. Мне кажется, что Государыня в последнее время была больна... Государыня была больна, как мне кажется, истерией. Она в последние годы была не такая, какой она была раньше... Чем именно питалась истеричность Императрицы, я не могу Вам сказать. Может быть, у нее была какая-либо женская болезнь. Что-то такое у нее было в этом отношении. Об этом могли бы сказать доктора Драницин и Фишер, лечившие Императрицу. Несколько лет тому назад Императрица, жаловавшаяся на сердце, была в Наугейме и обращалась к врачу Гротте. Гротте не нашел у нее сердечной болезни. Как мне кажется, он нашел у нее нервные страдания и требовал совершенно иного режима. То же самое находил потом у Ее Величества и Фишер. Он даже делал тайный доклад Императору по поводу болезни Императрицы. Фишер предсказал с буквальной точностью то, что потом стало делаться с Государыней. Именно он указывал на лечение не сердца, которое, очевидно, было здорово у нее, а ее нервной системы. Но Императрица узнала о таком докладе Фишера. Он был устранен и призван Боткин. Это было желание и ее, и Вырубовой. Боткин и стал ее врачом. Императрица и стала жить так, как, собственно, ей не следовало бы жить, а как ей хотелось. Сердце ее было, вероятно, здорово. Наблюдая ее, я удивлялась одному: находится она среди людей ей приятных, она делает положительно всё и совершенно не чувствует болезни сердца; не нравится ей обстановка данной минуты, не по ней что-нибудь говорится, делается, она начинает жаловаться на сердце. Считая сердце больным, она довольно значительную часть дня лежала. Я бы сказала, что в последнее время она большую часть дня проводила в лежании, считая сердце больным. На опасные последствия этого и указывал именно Фишер... Она была в последние годы нетерпимой к чужому мнению, которое было несогласно с ее мнением. Таких мнений, которые были не согласны с ее взглядами, она не выносила. Ей было очень неприятно слушать такие мнения... Вообще я скажу, что в последние годы свое «я» она чувствовала непогрешимым, обязательным для всех. Кто не согласны были с ее «я», должны были удаляться от нее».

Случилось самое опасное: Императрица не подчинилась авторитету науки и в своей болезненной самоуверенности вздумала подчинить авторитет науки своей больной воле. Я отдаю должное доктору Евгению Сергеевичу Боткину. Джентльменски благородный, он доказал свою глубокую преданность царской семье своей смертью. Но я не могу не признать, что он не обладал ни достаточной волей, ни достаточным авторитетом, чтобы взять в свои руки больного человека. Не врач победил его, а наоборот: этот больной человек победил врача. Сама судьба не благоприятствовала Государыне. Отдав всего себя царской семье, Боткин нажил драму в своей личной семье и оказался одинок. Страдая, он нашел себе облегчение в личности Императрицы, пробудившей в нем религиозное настроение.

В конце концов вынужден был признать правду и Боткин. В период царскосельского заключения он вышел однажды из комнаты Императрицы в сильно подавленном состоянии и пришел в комнату Жильяра. Тот спросил его, что с ним. Боткин не отвечал, задумался, а затем сказал вслух: «Теперь я, как врач, не могу считать Ее Величество вполне нормальной».

Отход людей, душевная пустота – неизбежные последствия болезненных переживаний Императрицы. Так это и было. Семья, где ей принадлежала руководящая роль, замкнулась в сфере узких семейных интересов, уйдя в последнее время даже от родственных отношений.

Многие свидетели, не задумываясь над тем, что они видели, говорят, что семья давала взаимное полное удовлетворение друг другу. Я не верю в это и думаю, что такая удовлетворенность была мнимой и менее всего она была характерна для Императрицы.

Ее мятежная душа, мужской склад ее ума вряд ли могли позволить ей удовлетворяться полностью жизнью семьи. С самых ранних лет своей жизни она была религиозна. Я не знаю, где

был скрыт этот источник ее души. Быть может, потеря матери, когда она осталась совсем маленьким ребенком, надломила ее душу. Но мистически она была настроена давно. Мало-помалу, постепенно она вся ушла в эту область, и здесь, в одиночестве души, она стала видеть весь смысл жизни, строя на началах религии все свои принципы.

Этими настроениями она заражала других. Их не избежал прежде всего сам Государь. Свидетели подметили это и говорят, что его религиозное настроение стало гораздо более заметно в последние годы, чем раньше.

Я уже говорил про Боткина. Но наиболее характерно это явление у Гендриковой.

Потеряв мать, молодая девушка беседует в своем дневнике с душой покойной и говорит себе самой от ее имени:

> «Ты видишь, как ты боялась этого ужасного следования за моим гробом, и я облегчила тебе это, я дала тебе почувствовать (то, о чем ты молилась), что я с тобою, и душу твою наполнил такой мир, что ты можешь только благодарить меня и говорить, что то, что ты чувствуешь, слишком хорошо и свято, что ты этого даже недостойна. Так же, как и в минуту моей смерти, когда ты почувствовала, будто я на минуту подняла тебя от земли с собою и дала тебе ощутить хоть малую долю того блаженства, которого я достигла (всего достигнуть мы, оставшиеся на земле, не в силах, этот свет бы нас ослепил). Но всегда нельзя испытывать эти блаженные чувства».

Графиня вверяет дневнику свои мысли и чувства после смерти ее матери.

> «...И я почувствовала, что надо ей улыбнуться, а не плакать, чтобы не препятствовать душе ее вернуться туда, куда она давно стремилась... Радость моя, помоги мне не чувствовать такое равнодушие к окружающей жизни, внеси в душу мою твою любовь ко всем. И избави меня от раздражения, научи меня совершенствоваться, чтобы приблизиться к Богу и к тебе».

Сравнивая этот дневник графини с письмами к ней Императрицы, я вижу в нем не графиню Гендрикову, а Государыню Императрицу Александру Федоровну: это не только ее мысли, но и ее слова, ее выражения.

Сюда, конечно, к религии, обратилась она, когда поняла, что жизнь ее надломлена, что ее сын гемофилик.

Наука облегчала страдания мальчика, но она не могла устранить их и избавить ее самое от вечного напряжения страха: увидеть сына внезапно мертвым.

Она обратилась к Богу и стала искать в молитве то, чего не давала наука. О чем могла молиться она? Ее экзальтированная вера, порывистая властность ее натуры, любовь к сыну – всё заставляло ее молить у Бога исцеления ему, полного излечения.

Ее молитва не дала этого. Продолжалась его болезнь и опасные кризисы. Продолжались и ее мучения. Я не знаю, к чему пришел бы другой человек в ее положении. Быть может, в гордыне души своей он пришел бы к неверию. Она не пришла к этому. Ее искренняя вера и ее созерцательно-рассуждающий ум повели ее по иному пути: я недостойна милости Бога. По моей молитве Он не хочет мне дать свою благодать и исцелить моего сына.

Она стала искать человека, который вымолил бы спасение ее сыну. Куда она могла обратиться, цепляясь за эту мысль, ставшую для нее основной? Только среда простого народа, безыскусственно живущего верой, могла создать нужного ей человека.

Она и дала ей его. Это был мужик из Сибири Григорий Распутин.

В один из наиболее опасных кризисов болезни Наследника, когда его жизнь была на волоске, Распутин был приглашен к его постели молиться о его спасении. Распутин молился. Наследнику стало лучше. Он поправился.

Человек, в котором так нуждалась Императрица, был найден.

Свидетели показывают:

> Теглева: «Она много молилась и была очень религиозна. Я не видела никогда столь религиозного человека. Она искренне верила, что молитвой можно достичь всего. Вот, как мне кажется, на этой почве и появился во дворце Распутин. Она верила, что его молитвы облегчают болезнь Алексея Николаевича».
>
> Гиббс: «Государыня верила в его (Распутина) праведность, в его душевные силы, что его молитва помогает».
>
> Занотти: «Всегда она была религиозной... Мало-помалу она из религиозной превратилась в фанатичку. Религия для нее в последние годы была всё. Она очень любила молитву и богослужения,

но обрядность самая ее не захватывала всю. Она отдавалась религии умом... На все вещи она мало-помалу стала смотреть именно с точки зрения религиозной. Только так она и смотрела на всё: грех или не грех. Она не рассматривала вопроса с точки зрения жизненной, а исключительно с точки зрения религиозной... На этой почве ее религиозного фанатизма и существовал Распутин... Она твердо верила, что Распутин имеет особый дар – дар молитвы, что Распутин может молиться и молитвой своей может достигнуть таких результатов, которые желательны. Облегчения болезни Алексея Николаевича она приписывала исключительно молитве Распутина».

Жильяр: «Мои многолетние наблюдения и попытки объяснить причину его (Распутина) значения у них довели меня до полного убеждения, которое мне кажется истиной или очень близким к истине, что его присутствие во дворце тесно было связано с болезнью Алексея Николаевича. Узнав его болезнь, я понял тогда силу этого человека. Когда мать поняла, что ее единственный, ее любимый сын страдает такой страшной болезнью (гемофилия), которую передала ему она, от которой умерли ее дядя, ее брат, ее два племянника, зная, что не будет ему помощи от человека, от науки, она обратилась к Богу. Она отлично знала, что смерть может наступить от этой болезни каждую минуту, при малейшей неосторожности Алексея... Мне кажется, что ее религия не дала ей того, чего она ожидала: кризисы с ним продолжались, грозя ему смертью. Чуда, которого она так ждала, всё еще не было. Когда ее познакомили с Распутиным, она была убеждена им, что, если она обратится к нему во время болезни Алексея Николаевича, он «сам» будет молиться и Бог услышит его молитву. Она должна верить в его молитву, и, пока он, Распутин, будет жив, сын будет жив. Алексею Николаевичу как будто стало лучше. Называйте это как хотите: совпадением ли, но факты общения с Распутиным и облегчение болезни Алексея Николаевича совпадали. Она поверила. Ей и не оставалось ничего более. В этом она нашла себе самой успокоение.

Она была убеждена, что Распутин есть посредник между ею и Богом, потому что одной ее молитва не дала ей облегчения. Они смотрели на Распутина как на полусвятого. Я могу отметить такой факт. Я с ними жил четыре года. Они меня любили. И никогда, ни одного раза они не сказали со мной ни одного слова про Распутина. Я ясно понимал: они боялись, что я, как кальвинист, не пойму их отношения к Распутину».

Если вдуматься в этот сложный клубок переживаний Императрицы, слушая показания многолетних очевидцев ее настроений до рождения сына и после рождения, делается ясным, что с болезнью сына она зашла в тупик переживаний. Ее больной, истеричной душе нужен был покой. Кто же мог дать ей его? Наука? Она не могла обещать ей жизни сына. Наоборот, при каждом кризисе она только подчеркивала опасность, создавая для матери чувство вечного напряженного страха. Этот свой покой она нашла в лице Распутина, ибо он мог обещать ей и действительно обещал жизнь сына, пока жив он сам.

Для Государыни Императрицы Александры Федоровны Григорий Распутин был психологической неизбежностью.

§4. Расследование Чрезвычайной Следственной Комиссии об «измене» Государя и Государыни

Истерия, как таковая, при известных условиях может сама быть фактором воспитания данного индивидуума в опытных и умелых руках.

Подвергаясь болезненным переживаниям, Императрица искала себе исхода. Она нашла его в религиозных нормах. Всё шло отсюда. На этом же покоилось и влияние Распутина.

Каким же образом могла возникнуть мысль о столь тяжком преступлении, как измена?

Я старался проверять выводы следствия всеми доступными средствами. Когда я установил обстановку увоза Царя из Тобольска, работа Чрезвычайной Следственной Комиссии о «вине» Царя и Царицы и выводы ее следователя Руднева получили для меня большое значение.[25]

Я устанавливал самую достоверность этой работы. В показании Керенского значится:

«Судебным следователем, производившим расследование о роли Николая, Александры Федоровны и ее кружка, был Руднев. Я сам его до этого времени лично не знал. Он был привлечен к работе в Комиссии как талантливый и энергичный следователь, как мне его рекомендовали члены Комиссии, сходящиеся, кажется, все в такой оценке. Рудневу было дано определенное задание: он должен был обследовать роль Николая II и Царицы по вопросу о наличии в их действиях 108 ст. угол. улож., то есть государственной измены».

[25] Сводка Руднева была получена мною через начальника Военно-Административных Управлений Фронта в Сибири генерал-майора С.А. Домонтовича 8 февраля 1920 года.

К чему же пришел Руднев?

Читая его сводку видишь, что даже самая постановка вопроса об «измене Царя и Царицы» у Руднева невозможна. Он не только не нашел намека на нее, но и пришел к выводам, как раз обратным и весьма близким к моим. А он оперировал в своем следствии материалами, совершенно отличными от моих.

Я проверял выводы Руднева.

В показании Керенского значится:

> «В результате работы Комиссии в этом направлении (по вопросу о наличии в действиях Государя и Государыни признаков «измены») мне было доложено, что в действиях Николая II и Александры Федоровны Комиссия не нашла этого преступления. Об этом я тогда же докладывал и Временному Правительству».

Говоря лично от себя, Керенский показывает:

> «Я убежден, что Николай II сам лично не стремился к сепаратному миру и ни в чем не проявил наличия у него такого желания. Я убежден в этом не только в результате работ Комиссии, но и в результате вообще моего наблюдения его за период его заключения в Царском и в результате моего пребывания у власти, что вообще давало мне большие возможности. Я считаю должным установить в этом отношении следующий факт. Было обнаружено в документах письмо императора Вильгельма к Государю, в котором Вильгельм на немецком языке предлагал Николаю заключение сепаратного мира. Был обнаружен ответ на это письмо, оказавшийся в виде отпуска в бумагах. По поручению Николая кем-то (положительно не могу припомнить, кем именно) по-французски было сообщено Вильгельму, что Государь не желает отвечать на его письма. Этот факт, известный и Следственной Комиссии, я считаю нужным категорически установить. Он имел место в 1916 году, но я теперь не могу припомнить более точно даты и указать, к какому именно месяцу относится эта переписка... Он сам, он один, он, Николай II, не был изменником. Он сам не пошел бы на сепаратный мир. Я в этом глубоко уверен. Каждый раз при свидании со мной он спрашивал меня про фронт: «Что на фронте? Как там дела?» Это было каждый раз».

Заместитель Керенского на посту министра юстиции Переверзев[26] показал на следствии:

> «Как министр юстиции, я был в курсе работ Чрезвычайной Комиссии, которая под председательством Муравьева обследовала деятельность министров и других высших лиц старого режима до февральского переворота. Мне было известно, что эта же Комиссия выясняла и роль Государя и Государыни и лиц, близких к ним. Я удостоверяю, что Муравьев несколько раз имел у меня доклады по вопросу о «вине» Царя. Муравьев находил его виновным единственно в том, что он по докладам Щегловитова иногда прекращал разные дела, на что он не имел права даже по той конституции, которая существовала в России до революции, так как это право не принадлежит монарху даже самодержавному, имеющему право лишь помилования, но не прекращения дел. Большей его вины не было обнаружено, и о его виновности в «измене» России в смысле готовности заключить сепаратный мир с Германией ни разу не было речи. Я сам в этом убежден совершенно и по сущей совести удостоверяю это обстоятельство».

Князь Львов показал:

> «Работы Следственной Комиссии не были закончены. Но один из самых главных вопросов, волновавший общество и заключавшийся в том подозрении, а может быть, даже убеждении у многих, что Царь, под влиянием своей супруги, немки по крови, готов был и делал попытки к сепаратному соглашению с врагом Германией, был разрешен. Керенский делал доклады Правительству и совершенно определенно, с полным убеждением утверждал, что невиновность Царя и Царицы в этом отношении установлена».

Русский Царь, отрекшийся от Престола, встретил суровый прием в лице новой власти. Она была враждебна Царю, подозрительно-недоверчива, потому что была революционна. Арестовав Царя и Царицу, она отобрала их документы, перерыла архивы дворцов, допросила множество лиц и, проделав всё это, пришла к выводу: нет их вины.

Истина есть истина.

---

[26] Свидетель П.Н. Переверзев был допрошен мною 8 июля 1921 года в Париже.

§5. Распутин

Мы знаем теперь, как Государь и Государыня относились к Распутину. Мы видели, на чем покоилось их отношение к нему. Но это не освещает целого множества других явлений, связанных с личностью самого Распутина.

Имел ли Распутин значение в политической жизни страны?

Я думал найти полное разрешение этого вопроса у Руднева, так как это составляло его прямую задачу.

Он говорит в своей сводке, что не добыл указаний на вмешательство Распутина в «политические дела», но в то же время признает, что влияние Распутина при дворе «несомненно было огромно». Указывая, что религиозное настроение царской семьи было причиной влияния Распутина, он говорит, что его влияние на царскую семью было «несомненно большое».

Где правда?

Руднев чувствовал сущность Распутина, так как он называет его «тонким эксплуататором доверия к нему Высоких Особ», но полной картины он установить не мог.

Я старался выяснить ее данными моего следствия.

Конечно, не существовало внешне видимого участия Распутина в политической жизни страны. В такой форме его влияние не могло проявляться, так как, благодаря своим личным свойствам, он не мог открыто выступать на политическом фоне.

Но, оставаясь внешне скрытым, его влияние в действительности было огромно. Одно положение его около Государыни делало из него политическую фигуру, так как люди, узнав, каким положением пользуется Распутин, пошли к нему. Мало-помалу он перестал быть явлением только частной жизни семьи, и его политическая роль стала расти.

Его дочь Матрена[27] показывает:

> «Целый день у отца уходил на приемы разных просителей. К нему обращались с очень разнообразными просьбами: его просили о местах, о помиловании разных лиц, сидевших в тюрьмах».

Жизнь загнала к Распутину одну женщину, которой нужна была его помощь.[28] Она пошла просить за отца, готовая принести в жертву многое. Она показывает:

> «Ежедневно у Распутина бывало в среднем 300–400 человек народа. Один раз, как мне помнится, было насчитано до 700 человек. Кто бывал? Я видела генералов в полной форме, с орденами, приезжавших к нему на поклон. Бывали студенты, курсистки, просившие денежной помощи. Шли офицерские жены, просившие по разным поводам за своих мужей».

К началу революции его роль была огромна.

Дочь его говорит:

> «Отец был горячим противником войны с Германией. Когда состоялось объявление войны, он, раненный Хионией Гусевой, лежал тогда в Тюмени. Государь присылал ему много телеграмм, прося у него совета... Отец всемерно советовал Государю в своих ответных телеграммах «крепиться» и войны не объявлять. Я тогда была сама около отца и видела, как телеграммы Государя, так и ответные телеграммы отца... Это его так сильно расстроило, что у него открылось кровотечение из раны».

Жильяр показывает:

> «Сначала влияние Распутина не выходило за пределы интересов семьи. Но потом он приобрел страшное влияние и сохранил его до самой смерти. Он имел действительно большое влияние на управление страной; и я имею определенный факт, я знаю положительно, что Протопопов был назначен благодаря Распутину. Распутин имел влияние на дела управления через Императрицу, но он имел значение и в глазах Его Величества».

Жильяр также подтверждает обращение к Распутину за советом по поводу объявления войны.

---

[27] Свидетельница М.Г. Соловьева (дочь Распутина) была допрошена мною 26–27 декабря 1919 года в г. Чите.

[28] Эта свидетельница была допрошена мною 6 августа 1920 года в Париже.

Занотти показывает:

> «Мало-помалу Распутин вошел в личную жизнь царской семьи. Для Государыни он был безусловно святой. Его влияние в последние годы было колоссально. Его слово было для нее законом. К его мнению она относилась как к мнению непогрешимого человека. Надо говорить правду, Распутин в последние годы часто бывал у нас: несколько раз в месяц. Он и наедине принимался Ее Величеством. Мало-помалу Императрица была совершенно обусловлена волей Распутина. Всю семью она вообще подавляла своим характером: главным лицом, главной волей была она, а не отец, который ей подчинялся. Я убеждена, живя с ними, что Государь в конце концов поддался настроению Императрицы: раньше он не был так религиозен, как сделался потом. Императрица в последнее время стала вмешиваться в дела управления. В действительности она и в этом не имела своей воли, а волю Распутина... Вместе с Вырубовой и Распутиным они обсуждали дела управления, сносясь с ним и непосредственно и при посредстве переписок. Из министров в последнее время с ними был близок Протопопов. Это я Вам сообщаю совершенно положительно. Протопопов имел поддержку именно в Распутине и Вырубовой».

Дочь Распутина говорит:

> «Он, как я думаю, пользовался большим все-таки доверием у Государя во многих делах. Я не знаю, в чем именно было дело, но был, кажется, в 1916 году один случай, когда отец повлиял на Государя. Что-то такое важное должно было случиться, Государь должен был быть в каком-то собрании, где его должны были видеть все министры. Отец уговорил Государя не ездить туда, и Государь его послушался».

В 1915 году одно лицо военно-судебного ведомства, по поручению высшей военной власти, работало над выяснением роли Распутина в немецком шпионаже.[29] Оно показывает:

> «На почве моей работы состоялось мое знакомство с Распутиным. Он сам искал его. Я не стал уклоняться от этого, так как, чувствуя много раз во время работы его руку, его заступничество за многих лиц, я должен был ради самого себя, ради самой пользы дела узнать его, чтобы убедить самого себя во многих фактах».

Показанием этого свидетеля воочию устанавливается связь Распутина с Протопоповым.

Начальник Главного Управления Почт и Телеграфов Похвиснев,[30] занимавший эту должность в 1913–1917 гг., показывает:

> «По установившемуся порядку все телеграммы, подававшиеся на имя Государя и Государыни, представлялись мне в копиях. Поэтому все телеграммы, которые шли на имя Их Величеств от Распутина, мне в свое время были известны. Их было очень много. Припомнить последовательно содержание их, конечно, нет возможности. По совести могу сказать, что громадное влияние Распутина у Государя и у Государыни содержанием телеграмм устанавливалось с полной очевидностью. Часто телеграммы касались вопросов управления, преимущественно назначения разных лиц... В телеграммах Распутина Штюрмер назывался «стариком». Я помню, в одной из них Распутин телеграфировал Государю: «Не тронь старика», то есть указывал, что не следует его увольнять. Я помню, что от Распутина исходила одна телеграмма, адресованная Государю или Государыне, относившаяся к Протопопову и указывавшая на связь последнего с Распутиным».

С целью предотвратить участие России в войне с Германией Распутин обращался к Государю с письмом. Это письмо хранилось Государем. Затем в Тобольске он возвратил его семье Распутиных.[31]

Главная роль в убийстве Распутина принадлежала князю Юсупову.[32] Он пришел к мысли убить Распутина, долго предварительно наблюдая его. С этой целью он конспиративно виделся с Распутиным и добился его доверия.

Князь Юсупов показывает:

---

[29] Этот свидетель был допрошен мною 15 апреля 1921 года в Париже.

[30] Свидетель В.В. Похвиснев был допрошен мною 7 мая 1921 года в Париже.

[31] Это письмо было получено мною у известного лица 12 июля 1922 года в Париже.

[32] Свидетель князь Ф.Ф. Юсупов был допрошен мною 3–4 января 1921 года в Париже.

> «Неоднократно, когда я сидел у него, его вызывали по телефону в Царское. Я сидел и ожидал его возвращения. От него самого я узнавал и убеждался в несомненности того, что его вызывали и с ним советовались по самым важным государственным делам, в самых серьезных случаях; что по его выбору назначались ответственные лица и в правительстве, и в армии».

Ограничивался ли Распутин только пассивной ролью советчика, или же он был активен и боролся за свое влияние?

Его дочь говорит:

> «Чаще всего отец и расстраивался по той причине, что ему противодействовали министры. Он часто приезжал из дворца расстроенный, и, когда мы его спрашивали, что с ним, он бранил министров за то, что они дурно влияют на Государя... Отец из-за этого и вздорил с Государем».

Как относились к Распутину дети Царя?

Однажды, когда Наследник был болен в Тобольске, и у его постели была учительница Битнер, она, убирая его столик, заметила отсутствие портрета Распутина. Думая, что портрет упал, Битнер стала искать его на полу. Наследник спросил ее, что она ищет. Не желая называть имя Распутина, Битнер сказала, что ищет иконку. Мальчик рассмеялся: «Ну уж и иконка! Это не иконка! Не ищите!» Битнер говорит:

> «В его словах ясно чувствовалась ирония. Я знала, что он говорит про портрет Распутина, которого действительно не было на столе. Ясно чувствовалось, что у него в тоне звучало отрицательное отношение к Распутину».

Девушка «с налетом грусти»... Девушка, в душе которой чувствовалось «горе». Это облик Великой Княжны Ольги Николаевны. Слушая свидетелей, невольно думаешь, что она, может быть и смутно, понимала отраву распутинского яда. Она не пожелала, между прочим, присутствовать на панихиде по Распутину, когда он был убит.

Если были намеки на отрицательное отношение к Распутину среди самой царской семьи, не может быть двух мнений, что отрицательное отношение к нему со стороны остальных членов Императорского Дома было всеобщим.

Как реагировал на это Распутин?

В конце 1916 года Государь был в Киеве. Там ему сообщено было о желании родственных кругов устранить Распутина и пойти на реконструкцию власти. В общем мнении родственников звучал также голос самого близкого Государю человека.

По возвращении Государя в ставку Штюрмер был уволен, и на его место был назначен А.Ф. Трепов. Но самая одиозная фигура в составе правительства – А.Д. Протопопов остался. Согласившись взять власть, Трепов поставил условием уход Протопопова. Государь согласился с ним. Жильяр, находившийся в соседней комнате, был невольным свидетелем их беседы. Он показывает:

> «...Но скоро прибыла Ее Величество. С ней была и Вырубова. Она (Вырубова) мне говорила в присутствии Гиббса (я передаю ее слова, как мне кажется, точно: ее детским языком): «Вот уже полтора суток Государь в ужасно нехорошем настроении. Мы все бьемся, чтобы устранить то, что было сделано в Киеве. Он слишком добр и слаб. Его там окрутили». Я знаю, что Императрица Александра Федоровна боролась тогда с разрешением указанных выше вопросов, как, очевидно, они были разрешены в Киеве. Я положительно знаю, что Ее Величество в те дни очень волновалась. Она написала Государю письмо, причем в написании (составлении текста) этого письма принимала участие и Вырубова. Было приказано офицеру передать это письмо Его Величеству немедленно, хотя бы и во время доклада кого-либо Государю. Я положительно знаю, что в это время Ее Величеством была получена от Распутина телеграмма, в которой были выражения: «Не бояться. Наша сила еще велика».

В декабре месяце 1916 года Великая Княгиня Елизавета Федоровна пыталась предотвратить надвигавшуюся катастрофу. Она приехала в Царское, думая убедить Императрицу устранить Распутина. После первой же беседы ей, по приказанию Государыни, был подан поезд и она была вынуждена уехать помимо своей воли.

Занотти говорит по этому поводу:

> «Она имела тогда с Государыней серьезный разговор про Распутина. Императрица очень любила сестру. Но и Елизавета Федоровна была бессильна бороться с его влиянием».

Распутину, конечно, не приходилось вести борьбу за свою волю с Государыней. Но я не могу себе представить, чтобы Государь, в его необычайно трудном положении, никогда бы не оказывал противодействия воле Распутина, проводившейся через Государыню.

Как в таких случаях поступал Распутин?

Юсупов наблюдал такие случаи. Он говорит о «злобе» Распутина к Государю, о «поношении» им Государя. Я не буду повторять этих распутинских слов, но я понимаю Юсупова, когда он говорит о Распутине как о «чудовище».

Что лежало в основе отношений Распутина к царской семье?

Я говорю не про оценку его действий Императрицей, а о нем самом: как он относился к семье и на этой почве к самому себе.

Его звали молиться о здоровье Наследника, что он, вероятно, делал.

Лжемонархисты распутинского толка пытаются ныне утверждать, что Распутин «благотворно» влиял на здоровье Наследника. Неправда. Его болезнь никогда не проходила, не прошла, и он умер, будучи болен.

Можно, конечно, бессознательно для самого себя обмануть больную душу матери один–два–три раза. Но нельзя этого делать на протяжении ряда лет без лжи перед ней и перед самим собой.

Лгать помогала Распутину сама болезнь Наследника. Она всегда была одна: он начинал страдать от травмы или ушиба, появлялась опухоль, твердела, появлялись параличи, мальчик испытывал сильные муки.

Около него был врач Деревенько. Наука делала свое дело, наступал кризис, опухоль рассасывалась, мальчику делалось легче.

Состояние матери понятно. Веря в Распутина, она в силу целого комплекса психопатологических причин весь результат благополучного исхода относила не к врачу, а к Распутину.

Но каким же образом на одной вере матери держался Распутин столько лет?

Ложь Распутина требовала помощников. При безусловной честности врача Деревенько, в чем я глубоко убежден, ему необходимо было, чтобы во дворце был или его соучастник, или полное орудие его воли, неспособное смотреть на вещи глазами нормального человека, от которого он в любую минуту мог бы получить нужные ему сведения, а около него, невежественного человека, был бы врач.

Так это и было.

Во дворце был его раб – Анна Александровна Вырубова.

Три фактора определяли ее положение во дворце: истерия Императрицы, истерия ее самой и Распутина.

Болезнь Императрицы влекла за собой отход людей, пустоту. Ее заполняли или святые люди, как графиня Гендрикова, или люди, не имеющие своего «я». Вырубова принадлежала к последней категории. Это был основной фон ее отношений с Императрицей. И я убежден, что Вырубова никогда не была другом ее души, так как Императрица не могла не понимать духовной нищеты Вырубовой.

Жильяр говорит:

> «Ее Величество любила окружать себя людьми, которые бы всецело отдавали ей самих себя, которые бы всецело отдавались ей и почти отказывались от своего «я». Она считала таких людей преданными ей. На этой почве и существовала Вырубова. Вырубова была неумная, очень ограниченная, добродушная, большая болтушка, сентиментальная и мистичная. Она была очень неразвитая и имела совершенно детские суждения. Она не имела никаких идей. Для нее существовали только одни личности. Она была совершенно неспособна понимать сущность вещей: идеи. Просто были для нее плохие и хорошие люди. Первые были враги, вторые – друзья. Она была до глупости доверчива, и к ней проникнуть в душу ничего не стоило. Она любила общество людей, которые были ниже ее, и среди таких людей она чувствовала себя хорошо. В некоторых отношениях она мне представлялась странной. Мне она казалась (я наблюдал такие явления у нее) женщиной, у которой почему-то недостаточно развито чувство женской стыдливости... С Распутиным она была очень близка».

Занотти показывает:

> «В конце концов около Государыни было два человека, с которыми никто бороться не мог: Распутин и Вырубова. Больше для нее из посторонних никого не существовало».

Приблизительно в 1913 году имел место случай, особенно ярко выясняющий Вырубову и Распутина.

Забыв свое положение, Вырубова однажды дала излишний простор своей истеричности, избрав предметом своего внимания Государя. Императрица сразу заметила это и запретила Вырубовой появляться в семье. Положение ее пошатнулось. Тщетно она молила прощение себе, обращаясь с письмами к Императрице. Не помогло и заступничество за нее духовника Государыни. Так продолжалось довольно долго. Но прибыл Распутин и одной беседой с Государыней восстановил положение Вырубовой.

В нашей следственной технике никогда не следует упускать из вида деталей. Они часто помогают понять истину.

Был болен ребенок и его мать. В такой обстановке Распутину нужна была во дворце скорее всего женщина. Так это и было.

При развратности своей натуры и истеричности Вырубовой Распутину ничего не стоило бы сделать ее жертвой своих вожделений. Он не делал этого, так как понимал, что он может утратить, если не свое положение, то Вырубову, нужную ему.

Когда же это было полезно ему, он прибегал и к подобным мерам, нимало не задумываясь, чем должно было быть для него жилище Царя.

У Наследника, когда он был еще маленьким ребенком, была няня Мария Ивановна Вишнякова, простая женщина. Занотти рассказывает:

> «Я относилась к нему (Распутину) отрицательно. Я считала его и теперь считаю тем именно злом, которое погубило царскую семью и Россию. Он был человек вовсе не святой, а был развратный человек. Он соблазнил у нас няньку Марию Ивановну Вишнякову. Это была няня Алексея Николаевича. Распутин овладел ею, вступив с нею в связь. Мария Ивановна страшно любила Алексея Николаевича. Она потом раскаялась и искренне рассказала о своем поступке Императрице. Государыня не поверила ей. Она увидела в этом чье-то желание очернить Распутина и уволила Вишнякову. А то была самая настоящая правда, о которой она в раскаянии не таилась, и мнение это знали от нее же самой. Вишнякова сама мне рассказывала, что Распутин овладел ею в ее комнате, у нас во дворце. Она называла его «собакой» и говорила о нем с чувством отвращения: Вишнякова тогда именно хотела открыть глаза на Распутина: какой это человек. Она хотела рассказать это и Государю, но она не была допущена к нему».

Большая близость была между Распутиным и врачом Бадмаевым. Князь Юсупов, выведывая Распутина, вел с ним большие разговоры на эти темы. Много порождают они размышлений о таинственном докторе, незаметно исчезнувшем с горизонта тотчас же после революции. Юсупов утверждает, что в минуты откровенности Распутин проговаривался ему о чудесных бадмаевских «травках», которыми можно было вызывать атрофию психической жизни, усиливать и останавливать кровотечения.

Жильяр говорит:

> «Я убежден, что, зная через Вырубову течение болезни (Наследника), он, по уговору с Бадмаевым, появлялся около постели Алексея Николаевича как раз перед самым наступлением кризиса, и Алексею Николаевичу становилось легче. Ее Величество, не зная ничего, была, конечно, не один раз поражена этим, и она поверила в святость Распутина. Вот где лежал источник его влияния».

Занотти показывает:

> «Я не могу Вам сказать, каково было влияние на здоровье Алексея Николаевича в первое посещение Распутина, но в конце концов у меня сложилось мнение, что Распутин появлялся у нас по поводу болезни Алексея Николаевича именно тогда, когда острый кризис его страданий уже проходил. Я, повторяю, в конце концов это заметила».

Потом Распутин пошел дальше лжи. Став необходимостью для больной Императрицы, он уже грозил ей, настойчиво твердя: Наследник жив, пока я жив. По мере дальнейшего разрушения ее психики он стал грозить более широко: моя смерть будет Вашей смертью.

Кем он был в своей личной жизни?

Крестьянин по происхождению, он не был мужиком-хозяином. За него работали другие: его отец и его сын. Он всегда носил в себе черты мужика-лодыря, и легкая жизнь, которая ему потом выпала на долю, легко затянула его.

Его дочь говорит о нем:

> «Пил много... Больше всего любил мадеру и красное вино. Пил он дома, но больше в ресторанах и у знакомых».

Женщина, жившая в его квартире и наблюдавшая его, показывает:

> «Пил он очень много, и часто за это время я видела его пьяным. Окружен он был группой его поклонниц, с которыми он находился в связи. Проделывал он свое дело с ними совершенно открыто, нимало не стесняясь. Он щупал их и вообще всех женщин, которые допускались до его столовой или кабинета, и, когда он или они этого хотели, вел их при всех тут же к себе в кабинет и делал свое дело. Пьяный он чаще сам приставал к ним; когда он был трезв, чаще инициатива исходила от них... Часто я слышала его рассуждения, представлявшие смесь религиозной темы и разврата. Он сидел и поучал своих поклонниц: «Ты думаешь, я тебя оскверняю? Я тебя не оскверняю, а очищаю». Вот это и была его идея. Он упоминал еще слово «благодать», то есть высказывал ту идею, что сношением с ним женщина получает благодать».

По мере укрепления его положения около Государыни росло и его честолюбие. Похвиснев показал, что незадолго до революции Распутин телеграфировал одному из вновь назначенных губернаторов: «Доспел тебя... губернатором».

Руднев считает Распутина бедняком, бессребреником. Не знаю, на чем он основывается. Мною установлено, что только в Тюменском Отделении Государственного Банка после его смерти оказалось 150˙000 рублей.

Свидетели говорят о нем как о неопрятном, неотесанном невежде. Не обладал умом, но был хитрый.

Изучив Распутина, Руднев пришел к выводу, что он

> «несомненно обладал в сильной степени какой-то непонятной внутренней силой в смысле воздействия на чужую психику, представлявшей род гипноза».

Князь Юсупов показывает:

> «Он был совершенно некультурный мужик, неумный, но очень вкрадчивый. Благодаря своему невежеству и разнице между той средой, к которой он принадлежал, и той, в которую он попал, он иногда производил своей личностью впечатление наивности и чего-то детского. Святости я в нем никогда не чувствовал. Я убежден, что религиозность его была личиной, которой он прикрывался и под которой я чувствовал обман и грязь. При всем том я видел в нем колоссальную силу духа зла, и этой силой он сознательно порабощал людей. Последние минуты его жизни меня окончательно убедили, что я имел в его лице дело с необыкновенным человеком по сумме той нечеловеческой силы, которая в нем заключалась и определенно проявилась в его необычайной живучести».

Сходясь с Распутиным, князь Юсупов согласился, чтобы Распутин лечил его. Распутин прибегал при этом к обычным приемам гипноза, в чем и состояло лечение.

Все свидетельские показания о Распутине сводятся в конце концов к двум точкам зрения: по одной – он громадная сила, по другой – он ничтожество: «побитый конокрад».

Я не считаю Распутина силой. Он не был ею, потому что он не обладал волей. Он, скорее, был безволен.

Но в нем несомненно была одна черта, выделявшая его из общего уровня. Он обладал редкой нервной приспособляемостью к жизни. Это позволяло ему очень быстро схватывать обстановку и человека. Подобное свойство всегда сильно действует на нервных людей, особенно на женщин. Они всегда склонны видеть в таких людях прорицателей, пророков. Мужичий облик, как контраст, служил в данном случае в пользу Распутина. Его громадная наглость сильно укрепляла общее впечатление.

В конце концов, как бы ни относиться к Распутину, нельзя отрицать в нем одной несомненной черты – его колоссального невежества.

Учитывая в то же время его бешеную активность, я решительно отказываюсь видеть в нем самодовлеющую личность. Он не был ею, и в своей политической роли он подчинялся, благодаря своему невежеству, чьим-то иным директивам.

Кто же стоял за ним?

Керенский показывает:

> «Пребывая у власти, я имел возможность читать многие документы Департамента Полиции в связи с личностью Распутина. Читая эти документы, поражаешься их внутренним духом, их чисто шпионским стилем. Что чувствовалось, например, в словах Распутина, когда он настойчиво до самого конца своего в неоднократных документах писал Царю про Протопопова: «Калинина не гони, он наш, его поддержи»? Я говорю в данном случае только про самого Распутина и хочу сказать, что его именно роль для меня не подлежит сомнению. Кого видел в нем Пуришкевич, убивавший его? Он нисколько не скрывал, что в его лице он убивал прежде всего изменника. Вспомните про Хвостова. Я лично не питаю положительных чувств к личности Хвостова. Но он открыто боролся с Распутиным как центральной фигурой немецкой агентуры. Как ожесточенно с ним боролся Распутин при помощи окружающих его лиц, того же Манасевича-Мануйлова! Так вот, я хочу сказать, что в результате знакомства моего с указанными документами у меня сложилось полное убеждение о личности Распутина как немецкого агента, и, будь я присяжным заседателем, я бы обвинил его с полным убеждением».

Член Государственной Думы Маклаков[33] показывает:

> «Я хорошо припоминаю, как Хвостов, бывший министром внутренних дел, в последние дни своего министерства рассказывал мне, что он учредил наблюдение за Распутиным и что для него было совершенно ясно, что Распутин был окружен лицами, которых подозревали как немецких агентов. Многие из тех лиц, на которых падало подозрение военной контрразведки как на немецких агентов, совершенно самостоятельно специальной разведкой за Распутиным оказывались в большой к нему близости. Это совпадение было настолько разительно, что Хвостов счел своим долгом, по его словам, доложить об этом Государю, и это было причиной его немилости, его опалы и отставки. Считаю, однако, своим долгом удостоверить, что тот же Хвостов, который в это время считал себя очень обиженным Императорской четой и очень дурно вообще отзывался о личности Государя, ни на минуту не допускал мысли, что Императорская чета могла бы иметь соприкосновение с германской интригой. Напротив, он рядом соображений и фактов это энергично отрицал».

Князь Юсупов показывает:

> «Я неоднократно видел у него в кабинете каких-то неизвестных мне людей еврейского типа. Чаще всего они появлялись у него тогда, когда он или уезжал в Царское, или уже был там. Они тотчас же окружали его после возвращения, подпаивали и о чем-то обстоятельно расспрашивали. Наблюдая их действия, я видел, что результаты своих расспросов они записывали в свои записные книжки. Понял я, откуда немцы черпали свои сведения о наших тайнах. Я понял, что Распутин – немецкий шпион».

Юсупов выведывал от Распутина, как он относится к сепаратному миру с Германией:

> «Я от него слышал: «Не надо этой войны, надо войну прекратить, довольно пролито крови». Он это говорил настойчиво, определенно. Я его раз спросил: «А как на это смотрят в Царском?» Он мне ответил: «Да что там смотрят? Конечно, дурные люди им другое говорят. Да всё равно по-моему будет. И Государь, и все устали... Куда ему справляться с таким делом! Вот Царица у нас мудрая. Ей нужно всё в руки дать. Чтобы она всем управляла. Тогда будет всё хорошо. Это – народная воля»».

Готовый дать Распутину обвинительный вердикт присяжного заседателя, Керенский всё же оговаривается:

> «Что Распутин лично был немецкий агент или, правильнее сказать, что он был тем лицом, около которого работали не только германофилы, но и немецкие агенты, это для меня не подлежит сомнению».

Даже Юсупов показывает:

---

[33] Свидетель В.А Маклаков был допрошен мною 10 сентября 1920 года в Париже.

> «Мне всё же кажется, что, являясь агентом немцев, он в своей политической деятельности не был вполне сознательным для самого себя и до известной степени поступал бессознательно в своей губительной для России деятельности».

Наблюдавшее за Распутиным по приказу высшей военной власти фронта лицо показывает:

> «Мне лично пришлось от него слышать в середине 1916 года: «Кабы тогда меня эта стерва не пырнула (Хиония Гусева), не было бы никакой войны, не допустил бы». Он откровенно говорил, что войну надо кончать: «Довольно ужо проливать кровь-то. Теперь ужо немец не опасен, он уже ослаб». Его идея была скорее мириться с ними... Для меня в результате моей работы и моего личного знакомства с Распутиным было тогда же ясно, что его квартира – это и есть то место, где немцы через свою агентуру получали нужные им сведения. Но я должен сказать по совести, что не имею оснований считать его немецким агентом. Он был безусловный германофил... Ни одной минуты не сомневаюсь, что говорил Распутин не свои мысли, то есть он, по всей вероятности, сочувствовал им, но они ему были напеты, а он искренне повторял их».

Я не верю в «германофильство» Распутина. Эта идея сама по себе может быть почтенна, так как культура, хотя бы и чужеземная, есть благо всего человечества. Но она может претендовать на уважение только тогда, когда ее защищает русский патриот, серьезно, научно обоснованно знающий прошлое и настоящее своего отечества.

Эта идея была не по плечу Распутину. Если она была продуктом его собственного мышления, это был выкрик большевика-дезертира.

Конечно, это была не его мысль: «...Кровь... Довольно проливать кровь...» Здесь глубоко продуманная цель: воздействовать на психологию больной женщины. Эту идею внушали Распутину, чтобы он, как слепое орудие, пользуясь своим необычайным положением, внушил ее Императрице.

Кто окружал Распутина? Я разумею при этом не круг его истеричных поклонниц, а тех, кто руководил им самим.

Самым близким человеком к русскому мужику Распутину, почти неграмотному, быть может, идолопоклоннически, но всё же православному, был Иван Федорович Манасевич-Мануйлов, лютеранин еврейского происхождения.

Человек весьма умный, энергичный, с громадным кругом знакомств, он был по натуре крупный авантюрист, обладавший большими связями не только в России. В душе это был стяжатель широкого размаха. Когда он был арестован, судебная власть не нашла его денег. Они составляли крупную сумму.

Перед первой смутой он долго проживал в Париже, числясь на службе по Департаменту Духовных Дел. Его настоящей сферой был, однако, Департамент Полиции.

Потом он состоял при графе Витте в качестве чиновника особых поручений и ушел со службы вместе с уходом Витте.

Как только министр иностранных дел Сазонов был заменен Штюрмером, Мануйлов сейчас же был назначен при нем чиновником особых поручений.

Это он был волей Распутина и поборол министра внутренних дел Хвостова, когда он пытался разоблачить шпионство Распутина.

Это он через Распутина добился ухода министра юстиции Макарова, последнего защитника нашего национального правосудия, неподкупного слуги закона, и замены его распутинцем Добровольским.

Скорбь охватывает душу, когда слушаешь свидетеля очевидца дружеской беседы Распутина и авантюриста Мануйлова, решавших судьбу российских министров.

Его последней креатурой был роковой человек, министр внутренних дел Протопопов. Я не буду говорить о нем. Приведу лишь показание свидетеля Маклакова:

> «Первое движение лиц, знавших Протопопова, когда они узнали, что он будет министром, был неудержимый смех, а не негодование, так как всем показалось смешным, что Александр Дмитриевич Протопопов может оказаться когда-нибудь на таком посту. Этому не противоречит и то, что он был избран в товарищи председателя Думы. Избрание его состоялось при несколько исключительных условиях... Всё то, что потом произошло с Протопоповым, можно в известной степени объяснить и несомненным его болезненным состоянием, признаки коего замечали давно. Так, когда он был избран товарищем председателя, он неожиданно для всех из своего думского кабинета устроил спальню и приходил туда ночевать, хотя имел квартиру; на мой вопрос, зачем он это делает,

> он мне ответил, что он очень расстроен нервами и не может спать дома. Припоминаю другую странность, которая показалась близкой уже к ненормальности. Когда он был назначен министром внутренних дел, то в первый раз явился в Думу на заседание бюджетной комиссии. Явился туда в жандармском мундире и, прежде, чем войти в комнату, где заседала комиссия, просил думских приставов, его встретивших, показать ему здание Думы; обходил вместе с ними все комнаты, не исключая и зала заседаний, которое он знал превосходно. Узнав про это, мы все, члены Думы, смеялись и говорили, что Протопопов сошел с ума».

Дело Чрезвычайной Комиссии о Протопопове, по освидетельствовании его врачами, и было направлено как о душевнобольном.

Другим близким к Распутину человеком был банкир Дмитрий Рубинштейн, еврей.

Он был другом Распутина, и последний с нежностью именовал его «другом Митей».

В 1916 году против Рубинштейна было возбуждено уголовное преследование за измену его России в пользу Германии, выразившуюся в том, что он: а) как директор страхового общества «Якорь», в коем правительство страховало наши военные заграничные заказы, сообщал немцам секретные сведения о движении наших военных транспортов, благодаря чему немцы топили их; б) как директор банков Русско-Французского и Юнкер-Банка в широких размерах тормозил производство боевого снабжения.

Тобольский мужик Распутин, не игравший, по мнению некоторых людей, политической роли, имел... личного секретаря.

Им был петроградский торговец бриллиантами Арон Самуилович Симанович, еврей.

Богатый человек, имевший свое торговое дело и свою квартиру, Симанович почему-то всё время пребывал в квартире Распутина. Он там был свой человек, и Матрена, дочь Распутина, ласково называет его в своем дневнике «Симочкой».

Открывался бесконечно широкий горизонт эксплуатировать пьяного мужика-невежду, хотя и его именем, но часто и без его ведома.

Изучая Распутина, еще Руднев подметил, что некоторые лица, имевшие связи с Распутиным или интересовавшие его, носили прозвища. Например, Протопопова Распутин называл всегда «Калининым», Штюрмера – «стариком», епископа Варнаву – «мотыльком».

Руднев прошел мимо этого явления и пытается объяснить его простым остроумием, игривостью ума Распутина: любил давать меткие прозвища.

Калинин – не прозвище, а условная замена одной фамилии другой.

Мотылька Руднев отыскал в переписке Императрицы с Вырубовой. Зная характер Императрицы и уважение, с которым она всегда относилась к сану самого простого священнослужителя, не могу себе представить, чтобы «мотылек» был игривостью, заимствованной хотя бы и у Распутина.

Думаю, что эта терминология указывает на конспиративную организацию.

В конце ноября 1916 года Центр Государственного Совета поручил одному из своих членов сообщить Протопопову, что его нахождение на посту министра абсолютно недопустимо, что он, ради блага Родины, должен уйти в отставку.

Свидание этого лица с Протопоповым состоялось в квартире первого 2 декабря (старого стиля) в 12 часов ночи.

Это лицо показывает[34]:

> «Я передал ему то, что мне было поручено. Проявив много черт, свойственных болезни истерии, Протопопов уверял меня, что его никто не понимает; что он – это несокрушимая мощь и воля; что он преисполнен такими планами, которые принесут благо России. В конце концов он дал мне слово, что завтра (3 декабря) он отправится в Царское и подаст прошение об отставке. При этом он просил меня как-нибудь поспособствовать, чтобы ему была дана возможность остаться при Государе, потому что он так полюбил Государя и Государыню, что абсолютно не может жить без них. В то же время он высказал желание, чтобы ему как-нибудь был устроен чин «генерал-майора». В самом конце нашей беседы я сказал ему, что возможно, конечно, что отставка его не будет принята Государем; что это, вероятно, изменит и позицию Государственного Совета, если к тому же он окажется таким деятелем, каким он сам себя рисует, но только при одном непременном условии: если он, Протопопов, не ставленник Распутина. В самых энергичных выражениях Протопопов стал меня уверять, что он не имеет связей с Распутиным, что он встречал его раза два: один раз в

[34] Этот свидетель был допрошен мною 16 апреля 1921 года в Париже.

лечебнице Бадмаева, где Распутин своими личными свойствами произвел на него огромное впечатление... На этом расстались около половины третьего».

На следующее утро к этому члену Государственного Совета явилось одно лицо и сообщило ему, что минувшей ночью Протопопов тут же после беседы с ним отправился в квартиру Распутина, где его ждали, и оттуда той же ночью была послана в Царское телеграмма такого содержания:

«Не соглашайтесь на увольнение директора-распорядителя. После этой уступки потребуют увольнении всего правления. Тогда погибнет акционерное общество и его главный акционер».

Подпись на телеграмму была: «Зеленый».
Начальник Главного Управления Почт и Телеграфов Похвиснев показал:

«Я помню, что была также телеграмма, отправленная Государыне и имевшая подпись «Зеленый». В ней говорилось, что если будет уволен кто-то из лиц, входивших в состав «акционерного общества», то потребуют увольнения и всего правления, что, грозит гибелью и главе общества. Я не знаю, от кого исходила эта телеграмма. Она прошла, как мне помнится, в конце 1916 года».

Характеризуя общий дух телеграмм Распутина Государыне, Похвиснев говорит:

«...Они всегда заключали в себе элемент религиозный и своей туманностью, каким-то сумбурным хаосом всегда порождали при чтении их тягостное чувство чего-то психопатологического. В то же время они были вообще затемнены условными выражениями, понятными только адресатам».

Протопопов лгал члену Государственного Совета, отрицая свою связь с Распутиным. Он сохранил ее до самой смерти Распутина и в ночь убийства его, за несколько часов до увоза Распутина князем Юсуповым, был у него в квартире и предупреждал его, чтобы он никуда не ездил в эту ночь, так как его хотят убить.

Протопопов понимал, какое значение имеют телеграммы Распутина, и в январе месяце 1917 года прислал к Похвисневу одного жандармского генерала, требуя нарушения закона: выдачи ему всех подлинных телеграмм Распутина. Похвиснев не подчинился, но скоро он понял, что служить больше нельзя, и ушел. Тогда Протопопов изъял их.

Кто же эти таинственные «зеленые»?

Юсупов попробовал выведать у Распутина, кто эти незнакомцы с их записными книжками, которых он видел в его кабинете. «Хитро улыбаясь, – показывает Юсупов, – Распутин ответил: «Это наши друзья. Их много. А главные – в Швеции. Их зовут зелеными»».

Стокгольм был главной базой, где находились немецкие организации в борьбе с Россией.

Не сомневаюсь, что отсюда шли директивы и тем людям, которые окружали Распутина.

Я изложил факты, как они установлены следствием. Будущий историк, не стесняясь моими не обязательными для него выводами, сделает в свое время свои, быть может, более правильные.

Я же, оставаясь в пределах моего исследования, считаю доказанными следующие положения.

В силу указанных выше причин, лежащих отчасти в натуре Императрицы, отчасти в соотношении характеров ее и Государя, Распутин воспринимался ими как олицетворение идей: религиозной, национальной и принципа самодержавия.

Попытку увоза из Тобольска Царь мог, конечно, оценить только так, как сделал это он, ибо в душе своей он всегда был одним и тем же: Русским Царем.

Свое отношение к Распутину они неминуемо переносили на всех тех, кто носил на себе печать его признания.

Все эти люди имели для них не менее роковое значение, чем и сам Распутин.

Мы скоро увидим, что преемник Распутина, порожденный той же самой средой, существовал и в Тобольске и обусловил их гибель.

Глава 8.

Политическая обстановка в Тобольске

Тобольская ли обстановка позволяла Царю видеть в Яковлеве посланца немцев, скрывавшегося под маской большевика?

Эта обстановка была последствием переворота 25 октября 1917 года.

Первая попытка Ленина свергнуть власть Временного Правительства в июле месяце 1917 года кончилась неудачей. Он бежал. Над ним было назначено судебное следствие.

Его производил судебный следователь по особо важным делам Александров. Акты следствия после 25 октября были захвачены большевиками. Но В.Л. Бурцев успел получить в свое время сводку материалов этого следствия.[35]

Я проверял достоверность ее допросами Переверзева и Керенского. Первому принадлежала в этом деле главная роль, так как он работал над изменой Ленина еще до его выступления, занимая пост прокурора Петроградской Судебной Палаты. Позднее, будучи министром юстиции, он возбудил формальное следствие.

Переверзев показал:

> «Я слышу содержание документов, которые Вы мне сейчас огласили, и могу по поводу их сказать следующее. Эти документы представляют собой сводку тех документальных данных, которые имелись тогда в моем распоряжении как министра юстиции. Еще будучи прокурором палаты, я вел расследование немецкого шпионажа вообще и, в частности, деятельности Ленина. Работа эта производилась подведомственными мне чинами под моим личным наблюдением. Добытыми данными роль Ленина и целого ряда других лиц как агентов Германии удостоверялась воочию... Первая попытка большевиков была подавлена. Возникло предварительное следствие. Его вел судебный следователь по особо важным делам Александров по моему предложению. Я тут же был вынужден выйти в отставку, так как мое открытое выступление против Ленина повлекло за собой бурю в петроградском совете рабочих депутатов, оказавших давление на Правительство».

Резолютивная часть этих документов так определяла вину вражеских агентов:

> «На основании изложенных данных Владимир Ульянов (Ленин), Овсей Герш Аронов Апфельбаум (Зиновьев), Александра Михайловна Коллонтай, Мечислав Юльевич Козловский, Евгения Маврикиевна Суменсон, Гельфанд (Парвус), Яков Фюрстенберг (Куба Ганецкий), мичман Ильин (Раскольников), прапорщик Семашко и Рошаль обвиняются в том, что в 1917 году, являясь русскими гражданами, по предварительному между собой уговору, в целях способствования находящимся в войне с Россией государствам во враждебных против них действиях, вошли с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла для ослабления боевой способности армии, для чего на полученные от этих государств денежные средства организовали пропаганду среди населения и войск с призывом к немедленному отказу от военных против неприятеля действий, а также в тех же целях в период времени с 3 по 5 июля организовали в Петрограде вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти, сопровождавшееся целым рядом убийств и насилий и попытками к аресту некоторых членов Правительства, последствием каковых действий явился отказ некоторых воинских частей от исполнения приказаний командного состава и самовольное оставление позиций, чем способствовали успеху неприятельских армий».

Как агент-пропагандист Ленин давно был привлечен к сотрудничеству немецко-австрийской властью в борьбе с Россией.

Уже через три месяца после начала войны возникла его связь с австрийским штабом, и он, будучи задержан как русский подданный, получил не только свободу, но и покровительство. В том же году он выехал в Швейцарию. Этот период его деятельности установлен следствием Александрова.

Над разоблачением его дальнейшей роли работал Бурцев.[36] Его работой установлено, что в 1915 году в Берне, куда Ленин специально приезжал из Цюриха, он вошел в тесную связь с немецким генеральным штабом и, получая от него деньги и инструкции, организовал широкую антинациональную борьбу с Россией. Подобрав штат сотрудников, он усиленно распространял

---

[35] Она была представлена к следствию Бурцевым 11 августа 1920 года в Париже.

[36] Свидетель В.Л. Бурцев был допрошен мною 11 августа 1920 года в Париже.

пораженческую литературу, вербовал и отправлял агентов-пропагандистов для работы в рядах Русской Армии и в тылу.

После отречения Царя неслыханное наше национальное разложение открыло широкие двери Ленину и его сотрудникам в Россию.

Я имею списки этих сотрудников. В числе их был один, кому принадлежала немалая роль в убийстве царской семьи.

Ныне измена Ленина открыто признана таким авторитетом, как немецкий генерал Людендорф.[37] В его воспоминаниях значится:

> «Наше правительство, посылая в Россию Ленина, приняло на себя тем самым большую ответственность. Это путешествие Ленина оправдывалось с военной точки зрения; нужно было, чтобы Россия была повержена...»

Керенский показал:

> «Как лицо, которому принадлежала в те дни власть в самом широком ее масштабе и применении, я скажу, что роль немцев не была так проста, как она казалась, может быть, даже судебному следователю Александрову, производившему предварительное следствие о событиях в июле месяце 1917 года. Они работали одновременно и на фронте, и в тылу, координируя свои действия. Обратите внимание: на фронте наступление (Тернополь), в тылу – восстание. Я сам тогда был на фронте, был в этом наступлении. Вот, что тогда было обнаружено. В Вильне немецкий штаб издавал тогда для наших солдат большевистские газеты на русском языке и распространял их по фронту. Во время наступления, приблизительно 2–4 июля, в газете «Товарищ», издаваемой в Вильне немцами и вышедшей приблизительно в конце июня, сообщались как уже случившиеся, такие факты о выступлении большевиков в Петрограде (первое выступление Ленина), которые случились позднее. Так немцы в согласии с большевиками и через них воевали с Россией. Точно так же, не так прост и факт переворота 25 октября. Германия сама вынуждена была в ходе войны бороться с Антантой приемами большевизма. Она избрала для этой цели Россию, как соперника, наиболее слабого в этом отношении. В ее союзе было в 1917 году не совсем благополучно. Австрия готова была выйти из союза с Германией и искать сепаратного мира. Германия поэтому и спешила совершить у нас переворот осенью 1917 года, стараясь предупредить выход из войны Австрии. Я констатирую Вам следующий факт. 24 октября 1917 года мы, Временное Правительство, получили предложение Австрии о сепаратном мире. 25 октября произошел большевистский переворот. Так немцы форсировали ход событий. Конечно, совершая этот переворот, они через большевиков делались господами положения».

Они делались господами положения в России. Эта мысль исторически верна, и она подтверждается общим ходом событий Великой Войны...

Сибирская обстановка, в частности, определялась после переворота 25 октября тремя факторами.

Налицо было решение союзников восстановить русский фронт, разрушенный немцами через большевиков.

Переговоры об этом происходили весной 1918 года. К концу этого года в Сибирь были двинуты союзные войска под общим командованием французского генерала Жанена. По плану союзников ему должны были подчиняться и русские силы.

Но сибирская обстановка сложилась иначе. Там до прибытия союзных сил вспыхнуло национальное движение, стряхнувшее большевиков собственными силами. Оно началось в мае 1918 года.

Это движение было тесно связано с третьим фактором, отчасти обусловливаясь им. Через Сибирь шли воевать с немцами на союзном фронте чехи. Их продвижение в Европейской России происходило в марте–апреле 1918 года.

Что было в это время в Москве?

Неслыханное за всё время существования Императорской России. Там сидел граф Мирбах, уполномоченный врага, с которым русский народ не заключал мира, ибо он был заключен Германией с ее собственными агентами и слугами интернационала, а не национальных интересов русского народа.

Весной 1918 года Русский Царь был на русской территории, которую враг оккупировал собственными силами русской народной темноты, поверившей новым вождям.

---

[37] Людендорф. *Воспоминания о войне* 1914–1918 гг.

Царь был в состоянии «вражеского пленения». Этот факт исторически верен.

Глава 9.

Преемник Распутина – Соловьев

Теперь вернемся к событиям прошлого.

Когда в Тобольск прибыл из Омска во главе своего отряда Демьянов, столь враждебный Екатеринбургу и столь дружественный комиссару Яковлеву?

Это произошло 26 марта 1918 года.

Я подчеркиваю это и обращаю внимание, что эта дата точно установлена следствием.

Под ней же Жильяр[38] заносит в свой дневник такие думы:

> «Отряд красных в сто с лишним человек прибыл из Омска; это первые солдаты большевики, которые составят гарнизон Тобольска. Наша последняя надежда на спасение бегством рухнула. Однако Ее Величество мне сказала, что она имеет основания думать, что среди этих людей имеется много офицеров под видом простых солдат. Она меня также уверяет, не называя источника, из которого она осведомлена об этом, что триста таких офицеров сконцентрировано в Тюмени».

Я проверил запись Жильяра. Он показал мне на следствии:

> «Я положительно могу удостоверить следующее. Государыня мне несколько раз говорила, что в Тюмени (именно в Тюмени) собирается отряд хороших людей для их защиты. Однажды Ее Величество определенно мне сказала, что там (в Тюмени) собралось триста хороших офицеров. Это было незадолго до прибытия в Тобольск омского отряда красноармейцев. Они все были убеждены, что в составе этого отряда имеются эти хорошие офицеры из Тюмени для их защиты».

В этот самый день происходил спор Императрицы с Битнер. На этих самых красноармейцев Демьянова показывала в окно Императрица. По их адресу кричала она, видя их в первый раз: «Хорошие русские люди».

Нет сомнения, Императрица еще до 26 марта возлагала надежды на Тюмень. Она Тюмень считала главной базой, где «хорошие русские люди» готовят им спасение. Она связывала Тюмень с Омском и в отряде Демьянова видела в красноармейской одежде тюменских офицеров. Своей верой Императрица заразила и других членов семьи, но в то же время она не хотела открыть источник своей веры даже такому человеку, как Жильяр.

На чем же была основана эта вера?

На обмане, ибо следствием абсолютно доказано, что не было ни в Тюмени, ни где-либо в другом месте Тобольской губернии никаких офицерских групп, готовых освободить семью.

Кто же обманывал Императрицу?

В декабре месяце 1919 года в г. Владивостоке был арестован военной властью некто Борис Николаевич Соловьев. Он возбудил подозрение своим поведением и близостью к социалистическим элементам, готовившим свержение власти Адмирала Колчака. Соловьев подлежал суду как большевистский агент. Но при расследовании выяснилась его подозрительная роль в отношении царской семьи, когда она была в Тобольске. Он был отправлен поэтому ко мне.

Вот что удалось мне установить.

Отец Соловьева, Николай Васильевич, был маленьким провинциальным чиновником: секретарем Симбирской Духовной Консистории. Почему-то он пошел в гору и получил назначение в Киев. Затем он был членом Училищного Совета и казначеем Святейшего Синода.

Не знаю истории его карьеры, но Соловьев-сын[39] показал у меня при допросе: «*Отец мой был в большой дружбе с Григорием Ефимовичем* (Распутиным). *Они с ним были старые знакомые и приятели*».

Учился Борис Соловьев некоторое время в Киевской гимназии, но не окончил ее будто бы по слабости здоровья. После этого он, по его словам, стал готовиться к поступлению в духовную семинарию, так как-де с детства был проникнут «религиозными» стремлениями.

---

[38] Жильяр П. *Трагическая судьба Императора Николая II и его семьи*, с. 216.

[39] Б.Н. Соловьев был допрошен мною в качестве заподозренного свидетеля (722 ст. уст. угол. суд.) 26 декабря 1919 года – 3 января 1920 года в г. Чите.

В 1914 году он солдат 137-го Нежинского пехотного полка. В 1915 году он в тылу: во 2-й Ораниенбаумской школе прапорщиков, каковую и кончил, а затем, по его словам, кончил еще офицерскую стрелковую школу, не возвращаясь больше на фронт.

С 1915 года – он член распутинского кружка.

С первых же дней смуты Соловьев – в Государственной Думе.

Он объяснил это простой случайностью:

> «2б или 27 февраля (старого стиля), когда, собственно, еще не было революции, а был просто бунт, я был схвачен как офицер на одной из улиц Петрограда солдатами и приведен в Государственную Думу».

Так ли это?

За Соловьевым вел наблюдение во Владивостоке поручик Логинов. Он в этих целях близко сошелся с Соловьевым и пользовался его доверием.

Логинов[40] показал, что Соловьев был одним из вожаков революционного движения среди солдат и сам привел их к зданию Государственной Думы.

Где правда? Его, офицера, «притащили» мятежные солдаты в Думу, или он, мятежный офицер, сам привел солдат к Думе?

Правду говорит Логинов, лжет Соловьев.

Одним из первых полков, взбунтовавшихся в дни смуты, был 2-й пулеметный полк. Соловьев был офицером в составе этого полка в дни смуты. Вместе с полком он и пришел к Думе.

Этим роль его не ограничилась. Он играл более активную роль.

Как известно, Комитет Государственной Думы, возглавивший революционное движение, возник 12 марта. В этот же самый день образовалась Военная Комиссия этого Комитета: первый революционный штаб.

С первого же момента Соловьев был назначен «обер-офицером для поручений и адъютантом» председателя Военной Комиссии.

Логинов показывает, что революционная роль Соловьева и этим не ограничилась: он тогда же организовал истребление кадров полиции в Петрограде.

Не пойду так далеко, но нет сомнения: такое назначение мог получить только офицер-мятежник.

Эта Военная Комиссия с первого же момента была большевистской по духу и враждебной Временному Правительству. В ней главная роль принадлежала генералу Потапову, ныне одному из большевистских генералов.[41]

Первый председатель Комиссии Энгельгард говорит о ней на следствии:

> «Комиссия при ее стремлении расширить свою компетенцию была учреждением, тормозившим правильное функционирование военного министерства. Она пыталась расширить свою деятельность не только за счет военного министерства, но, например, и за счет командующего войсками петроградского военного округа. Корнилов, например, просил меня однажды съездить в эту комиссию и повлиять там на кого следовало в этом направлении».

О генерале Потапове даже Керенский показывает:

> «Мы на него смотрели как на человека весьма неуравновешенного, вряд ли нормального вполне. Он был склонен к демагогическим приемам».

В 1918 году Потапов оказался на территории Адмирала Колчака, откуда он был выслан в Японию за его большевистскую деятельность.

В дневнике Соловьева[42] за этот год написано:

> «Интеллигентных людей немного – искать приходится, а единомышленников и не найти. Генерал Потапов уехал в Японию, к моему великому сожалению».

---

[40] Свидетель Е.К. Логинов был допрошен военным контролем 24 октября 1919 года в г. Владивостоке.

[41] Генерал А.И. Деникин. *Очерки русской смуты*, т. 1, в. 1, с. 102.

[42] Дневник Б.Н. Соловьева был изъят мною у него 28 декабря 1919 года в г. Чите.

Я предложил Соловьеву объяснить мне, почему он, случайно попав в Думу, не ушел оттуда при первой же возможности.

Он отвечал:

> «Вы спрашиваете меня, почему так вышло. Потому что я, получив воспитание в консервативно-патриархальной среде, никогда не интересовался и никогда не занимался никакой политикой, будучи проникнут с детства религиозными началами, занимавшими меня почти всецело. Всё кругом опрокидывалось, рушилась Святая Святых. Хотелось не молчать, протестовать, но что же можно было сделать? Не «тащили» больше никуда из Думы, куда меня притащили солдаты, вот и сидел».

Я просил его объяснить мне, как можно совместить в себе консерватора патриархальной среды и офицера-мятежника. Ответом мне было молчание.

В августе месяце 1917 года, когда царская семья была уже в Тобольске, Соловьев едет туда и пытается проникнуть к епископу Гермогену, установившему добрые отношения с семьей.

Это ему не удается.

5 октября 1917 года он женится на дочери Распутина Матрене и снова едет в Сибирь. Семья покойного Распутина проживала в с. Покровском Тобольской губернии. Соловьев поселился не с ней, а в Тюмени, узловом пункте, которого нельзя миновать едущим в Тобольск. Он жил здесь под именем Станислава Корженевского.

Я спрашивал Соловьева, как же объяснить его роль в дни смуты и близость к Распутину.

Он много говорил мне о запросах человеческого духа. В чрезвычайно светлых тонах рисовал он на следствии личность Распутина, а себя самого как моралиста и глубоко религиозного человека.

Но моральный облик Соловьева его жена в своем «дневнике»[43] рисует так: 27 января 1918 года:

> «Очень часто любит немножко прибавить мне это не нравится, но перевоспитать человека трудно. Я люблю людей правдивых это для меня главное. Правда солнце яркое».

13 февраля того же года:

> «Решила ни на грош не верить Боре. Он мне всё врет, как не стыдно вот низость-то для мужчины врать, по моему такому мужчине и руки не надо подавать, а я еще его жена. Надо его от этого отучивать, но как. Раз его с малых лет не воспитали и не научили. Он мне много говорил неправд... Буду надеяться, что Господь его исправит, хотя и существует пословица «горбатого одна могила исправит»».

30 сентября того же года:

> «Не знаю что писать, с чего начать, так много было разных происшествий, что передать трудно и думать и писать обо всем. Только одно могу написать и сказать, что Боря страшный хвастун».

Религиозные стремления своего мужа Соловьева в том же дневнике изображает нам так: 22 апреля 1918 года:

> «Вот и дождались Христову Пасху к заутрене не ходили – проспали и досадно страшно; была у обедни одна, Боря не пошел, спал». 25 декабря того же года: «Была утром в церкви; Боря проспал».

Я спрашивал Соловьева, на чем основан его брак с дочерью Распутина. Он ответил мне, что он женился по любви. То же показала и она.

Но вот что читаем мы в дневнике его жены:

> 27 января 1918 года: «Вот я не думала, что будет скучно без Бори, но ошиблась... Оказывается, я его люблю».

---

[43] Дневник М.Г. Соловьевой был изъят мною у нее 28 декабря 1919 года в г. Чите. Цитирую его, сохраняя орфографию.

24 февраля того же года: «Дома был полный скандал, он мне бросил обручальное кольцо и сказал: «Я ему жена»».

25 февраля того же года: «Чувствую себя ужасно. Со вчерашнего дня перемену слышу в моей совести и не могу так горячо любить Борю, это конечно пройдет. Мне тяжело на него смотреть. Мне кажется, что повешено на меня 100 пудов тяжести».

26 февраля того же года: «Борю видела очень мало, последнее время он чаще стал уходить по делам, чему я очень рада. Чувствую себя немного лучше, но осадок прошлого вчерашнего еще не оставляет меня в покое. Когда же я наконец найду тихую пристань».

27 февраля того же года: «Чаще и чаще учащаются ссоры. Жить уже стало невыносимо».

3 марта того же года: «Жалко мне расстаться с ним».

23 марта того же года: «Несколько месяцев тому назад он был для меня нуль, а теперь я его люблю безумно, страдаю, мучаюсь целыми днями».

16 апреля того же года: «С Борей встретилась после продолжительной разлуки – была я лично рада, но Боря нет – я для него не гожусь ни телом ни душой. Зачем я вышла замуж. Разве я такова – как он говорит».

11 мая того же года: «Ссоры да ссоры нет им конца... Каждый день от Бори слышу: «У тебя рожа и фигура никуда не годятся». А мне разве приятно слышать такие вещи. Ну Бог с ним миленьким».

30 июня того же года: «Сегодня мне он объявил, что он страдает из-за нас, ой как мне было неприятно слушать, говорит, что кается, что поженился на мне; на такую идет откровенность, от которой уши болят, а сердце разрывается».

3 августа того же года: «Вообще есть ли у меня хорошие светлые, радостные дни кажется их нету, видишь живешь среди горестей и обид. Боря страшный эгоист; он любит только себя больше никого; ко мне он относится ужасно, груб, неимоверно; мне кажется долго мы с ним не проживем; меня как то эта мысль и не пугает очень то уж свыклась с ней. Где же мое счастье. Я его не вижу. За 10 месяцев вижу только грубости».

6 июля того же года: «Слава Богу пришлось уладить ужасную сцену; Боря вчера решил уехать от меня совсем, собрал все вещи, если бы я его не умолила остаться, он бы уехал. В минуту сколько мне пришлось пережить, прямо трагедия. Теперь конечно ему стыдно неприятно оставаться здесь; мама ничего не знает о том, что Боря меня ударил, а только одна Варя.[44] Боря ненавидит всех наших это видно по всему».

16 августа того же года (во время поездки в поезде): «Ах как я бы хотела видеть Варю, теперь я понимаю, что ближе Вари у меня никого нету. У меня сегодня ночью нету места и Боря не пускает меня, потому что ему неудобно, даже дал пощечину, а разве Варя сделала бы так да никогда, ей бы даже не было удобно, но и то уступила бы».

19 августа того же года. «Мне кажется до старости лет мы не доживем, разведемся».

28 августа того же года: «Со мной он совершенно не считается да и не желает».

2 сентября того же года: «Сегодня я рассердила Борю и он на меня так рассердился как никогда: гнал меня от себя, назвал сволочью, дурой».

8 октября того же года: «Как я вижу Боря меня стесняется то есть не меня а моей фамилии, боится, а вдруг что-нибудь скажут».

18 октября того же года: «Прямо беда тоска непомерная. Я бы много могла написать в дневник, но оказывается – говорить можно только с подушкой-подружкой. Одно боюсь – развода».

25 ноября того же года: «Ах, как я бы хотела иметь близкого человека. Боря иногда настолько бывает груб и дерзок нету сил никаких; я его тогда прямо ненавижу. Тогда мне хочется броситься к кому-нибудь другому на шею и забыться от горя».

2 декабря того же года: «Страшно хочется увидеть Варю... Почему мы с Борей ссоримся часто даже он меня ударяет сильно иногда, ужасно тяжело переносить оскорбления».

Сам Соловьев в своем дневнике 13 апреля 1918 года отмечает:

«Продолжая жить с ней, надо требовать от нее хоть красивого тела, чем не может похвастаться моя супруга, значит, просто для половых сношений она служить мне не может – есть много лучше и выгоднее».

Матрена Соловьева кончает свой дневник за 1918 год такой записью:

«Недаром дорогой мой отец сказал: «Ну, Матрешка, ты у меня злочастная». Да я и есть такая, вижу, что он ни говорил, всё буквально исполняется. Много мне приходится страдать, надо молиться Богу, а не роптать, а я ропчу бывают конечно и хорошие минуты в моей жизни, но это редко. Боря оказывается совсем не такой, как я его представляла и благодаря этому испортил меня».

[44] Сестра Соловьевой, младшая дочь Распутина.

Наблюдавший Соловьевых поручик Логинов, живший во Владивостоке в общей с ними квартире, показывает:

> «Матрена Соловьева до самой смерти своего отца не любила Соловьева, и, как она говорит, с ней произошла неожиданная для нее перемена. Она неразвитая, простая, запуганная и безвольная. Он делает с ней что хочет. Бьет ее. Он гипнотизирует ее. В его присутствии она ничего не может говорить что-либо нежелательное ему. Я и моя жена были свидетелями, как он усыпиил ее на Русском Острове. Перед нами прошла сцена усыпления – ненормальный сон, беспорядок в костюме, бессмысленно раскрывающийся рот, пот и судороги. Истерический смех и крики – она видела падающий и разбивающийся поезд, в котором ехала ее сестра. Он приказал ей забыть о сестре, и она уже не вспоминала о ней».

И как бы в подтверждение этих слов, мы читаем в дневнике Соловьева:

> «Имею силу заставить Мару[45] не делать так, заставить даже без ведома ее, но как осмелюсь, зная начало вещей».

Дневник Матрены Соловьевой несколько вскрывает тайну ее брака. Мы читаем там:

> 15 марта 1918 года. «Дивны дела твои Господи... Первый раз чувствовали так близко нашего дорогого тятеньку, так было хорошо и вместе с тем горько и обидно, что не могли слышать папиных слов из его уст, но умы ясно чувствовали, что он был с нами. Я его видела во сне он мне сказал: я буду в 4 часа у Раи, и мы как раз собрались вместе у нее. Ольга Владимировна[46] говорила по тятенькиному ученью, не она говорила с нами, а тятенька».
>
> 16 марта того же года: «После вчерашнего дня я еще больше полюбила Ольгу Владимировну она рассказывала, что была на Гороховой заходила во двор и чувствовала папин дух. Ольга Владимировна велела мне любить Борю и я должна это делать».
>
> 5 апреля того же года: «Была у Ольги Владимировны... Почему-то все говорит чтобы я любила Борю, ведь я его и так люблю».

По чужой воле и не любя, вышла дочь Распутина за Соловьева. Не знаю, была ли она ему женой или рабыней. Но ему нужна была не она, а имя Распутина.

Зачем?

Распутина не было, но его кружок и руководители существовали. По-прежнему царила в нем сплошная истерия. По-прежнему там пребывала самый вредный его член Вырубова.

Поселившись в Тюмени, Соловьев вошел в сношении с Императрицей. Он был посредником распутинского кружка и Императрицы, доставляя в Тобольск и в Петроград письма.

Я указывал в свое время, что в Тобольске проживали две горничных Государыни: Уткина и Романова. Они не значились в списках прислуги, приехали в Тобольск уже после приезда царской семьи и жили отдельно на частной квартире.

Обе они были распутинианки, а одна из них впоследствии вышла замуж за большевика. Через них Соловьев и имел сношения с Императрицей.

Характерная деталь. С ними вместе жила преданнейшая Государыне ее камер-юнгфера Занотти. Она не знала о сношениях Императрицы с Соловьевым: от нее это скрывалось.

Следствие вскрыло, кто был тот «хороший русский человек», который обманывал Императрицу и усыплял ее лживыми надеждами на мнимое спасение. Это был Соловьев. Не нужно доказывать, почему ему верили. Ведь он – зять Распутина.

Но он делал нечто большее.

Боткина показывает:

> «Надо отдать справедливость нашим монархистам, что они собирались организовывать дело спасения Их Величеств, вели всё это, не узнав даже подробно тобольской обстановки и географического положения города. Петроградские и московские организации посылали многих своих членов в Тобольск и в Тюмень, многие из них там даже жили по нескольку месяцев, скрываясь под чужим именем и терпя лишения и нужду, в ужасной обстановке, но все они

---

[45] Матрена Соловьева старается пользоваться более благозвучным именем Мария. Так называет ее муж.

[46] Ольга Владимировна Лохтина – поклонница Распутина.

попадались в одну и ту же ловушку: организацию о. Алексея[47] и его главного руководителя поручика Соловьева, вкравшегося в доверие недальновидных монархистов, благодаря женитьбе на дочери одного лица, пользовавшегося уважением Их Величеств... Соловьев действовал определенно с целью погубить Их Величества и для этого занял очень важный пункт Тюмень, фильтруя всех приезжавших и давая директивы в Петроград и Москву... Всех стремившихся проникнуть к Их Величествам Соловьев задерживал в Тюмени, пропуская в Тобольск или на одну ночь, или совершенно неспособных к подпольной работе людей. В случае же неповиновения ему он выдавал офицеров совдепам, с которыми был в хороших отношениях... Никакой организации не было, и все 300 человек, о которых любил говорить о. Васильев и о которых даже Их Величества знали, были чистым вымыслом».

Лидер русских монархистов член Государственной Думы Марков[48] показал:

«В период царскосельского заключения Августейшей Семьи я пытался вступить в общение с Государем Императором. Я хотел что-нибудь делать в целях благополучия царской семьи и в записке, которую я послал при посредстве жены морского офицера Юлии Александровны Ден, очень преданной Государыне Императрице, и одного из дворцовых служителей, я извещал Государя о желании послужить царской семье, сделать всё возможное для облегчения ее участи, прося Государя дать мне знать через Ден, одобряет ли он мои намерения, условно: посылкой иконы. Государь одобрил мое желание: он прислал мне через Ден образ Николая Угодника. К осени кое-что удалось сделать, и мы решили послать в Тобольск своего человека для установления связи с царской семьей, выяснения обстановки и, буде того потребуют обстоятельства, увоза ее, если ей будет угрожать что-либо. Наш выбор пал на офицера Крымского полка, шефом которого была Императрица, N. Это был человек, искренне и глубоко преданный Их Величествам. Он был лично и хорошо известен Государыне Императрице. Его также знал и Государь. В выборе N мы руководствовались началом выбрать человека преданного, надежного и в то же время без громкого имени. N вполне удовлетворял нашим желаниям... Я удостоверяю, что перед посылкой N я пытался ради общей цели установить соглашение с Анной Александровной Вырубовой, но она дала мне понять, что она желает действовать самостоятельно и независимо от нас. Я не помню, называл ли я ей фамилию N, но о намерении нашем послать в Тобольск своего человека она знала... Мы получили от N письмо, в котором он извещал о своем прибытии в Тюмень. Но этим всё и ограничилось. Больше от N не было никаких известий. Спустя некоторое время был решен отъезд в Сибирь офицера Сергея Маркова. Этот Марков был близок с Ден и, вероятно, с Вырубовой. Он ехал на деньги Вырубовой и по ее желанию. А так как наша организация в денежных средствах была весьма стеснена, то воспользовался отъездом Маркова, дав ему поручение отыскать N, войти с ним в сношения и побудить его известить нас о ходе его работы. Пока N еще не возвращался, мне из кружка Вырубовой было дано понять, что мы совершенно напрасно пытаемся установить связи с царской семьей посылкой наших людей; что там на месте работают люди Вырубовой; что мы напрасно путаемся в это дело и неуместным рвением только компрометируем благое дело. Я совершенно не помню теперь, кто именно из кружка Вырубовой передал мне это. Но факт этот я положительно и точно утверждаю. Кроме того, я положительно утверждаю, что при этом делалась ссылка на волю Ее Величества: что наша работа вызывает опасения Государыни. Если не ошибаюсь, нам было передано, кажется, что Ее Величество в письме к Вырубовой высказала это... Весной 1918 года в Петроград приехал Марков. Он нам сказал, что в Тюмени (может быть, он говорил еще и про Тобольск) во главе вырубовской организации стоит зять Распутина Соловьев; что дело спасения, если понадобится, царской семьи налажено Соловьевым; что нахождение там N и вообще кого-либо другого нежелательно. Никаких подозрений в то время мне не запало в голову. Отсутствие у нас денежных средств наводило меня тогда на мысль: кружок Вырубовой, вероятно, обладает средствами, и, быть может, действительно посылка наших людей может повредить общему делу спасения царской семьи. Только сам Марков, которого я лично знал очень мало и относился к нему исходя из оценки его, данной мне Ден, мне после возвращения его из Сибири представился в ином свете: его рассказы внушали мне мало доверия, представлялись малоубедительными, сам он лично производил впечатление молодого человека излишне смелого и чрезвычайно настойчивого и притязательного в денежных вопросах. Позднее приехал N. Из его доклада я увидел, что он абсолютно ничего не сделал для установления связи с царской семьей; что он ни разу не побывал в Тобольске, когда там находился Государь Император, и выехал туда только тогда, когда Их Величества и Великая Княжна Мария Николаевна ехали из Тобольска. Из его слов было совершенно ясно, что каким-то образом его в Тюмени совершенно подчинил себе Соловьев, препятствовавший ему ехать в Тобольск и выпустивший его только тогда, когда Государь уже уезжал из Тобольска.

[47] Васильев – священник в Тобольске, как указывалось выше. Он не имел никакой организации, но был в первое время связан с Соловьевым. Потом они рассорились на почве денежных дел.

[48] Свидетель Н.Е. Марков был допрошен мною 2 июня 1921 года в г. Рейхенгалле.

Самый факт подчинения воли N воле Соловьева был очевиден: он доказывался поведением N; кроме того, он об этом говорил сам. Какими способами достиг этого Соловьев, я не знаю».

Я допрашивал наиболее активного работника в той же группе русских монархистов Соколова.[49] Он показал:

«Положение царской семьи, заключенной в Царском, озабочивало нас, но мы не могли ничего предпринять в первые месяцы после отречения Государя в силу общих событий: более, чем кто-либо, гонениям подвергались именно мы, правые монархисты. К осени 1917 года всё же удалось кое-что сделать в смысле собирания наших сил. Было решено озаботиться о судьбе царской семьи и попытаться выяснить ее положение, установить известное общение с ней, дабы в случае опасности прийти на помощь к ней. С нашими кругами имела общение Юлия Александровна Ден, близкое лицо к Государыне Императрице. Когда нами было решено послать определенное лицо в Тобольск, Ден указала двоих офицеров: N и Маркова. N производил лучшее впечатление в сравнении с Марковым, как человек более серьезный, вдумчивый, основательный; при этом же он был и более известен Их Величествам. Организация предпочла послать его, и он уехал, кажется, в сентябре 1917 года... Он известил нас о своем прибытии в Тюмень. Дальше мы сведений о нем никаких не получали и совершенно не знали, где он и что делает. Это обстоятельство смущало нас, и мы стали обдумывать вопрос о посылке других офицеров в Тобольск... Состоялась посылка Маркова, о котором я говорил раньше. Я не могу Вам хорошо сказать, на чьи деньги ездил Марков тогда в Тобольск. Николай Евгеньевич Марков, вероятно, знает это лучше меня. Уехал Марков приблизительно в январе 1918 года. Ему было поручено отыскать N, поставить ему на вид его молчание, но в дальнейшем поступить под его начало и слушаться его. Я затрудняюсь сказать, когда именно: до посылки Маркова или после его посылки, но только нам дано было знать из кружка Анны Александровны Вырубовой, что мы напрасно посылаем в Тобольск людей, что это нежелательно для налаженного уже силами кружка Вырубовой дела спасения царской семьи. Кажется, в это же время и было названо имя Соловьева как организатора на месте этого дела. Приблизительно в конце марта или в начале апреля вернулся из поездки Марков. Он начал нам рассказывать что-то несусветное. Он говорил, что на месте в Тобольске и вокруг него собраны громадные силы, говорил про целые кавалерийские полки, совершенно готовые для спасения в любую минуту царской семьи, занимавшие известные пункты, и во главе всего этого дела стоит Соловьев. В то же время выяснилось из рассказа Маркова, что он сам в Тобольске не был и не только не установил связи с N, но, кажется, даже и не видел его. Вместо того, чтобы найти N и поступить под его начало, он был в полном подчинении Соловьева, который давал ему вышеуказанные сведения и руководил его действиями. Я, признаться, отнесся с недоверием к рассказам Маркова: как-то не походило на правду всё то, что он нам говорил. Приблизительно в конце апреля приехал N. Из его доклада выяснилось, что он ничего абсолютно не выполнил из тех поручений, которые были возложены на него в отношении царской семьи; что, прибыв в Тюмень, он каким-то образом сошелся с Соловьевым и всецело руководился его указаниями, а Соловьев отговаривал его ехать в Тобольск и вообще предпринимать что-либо, уверяя, что всё им налажено, что он в сношениях с царской семьей, что пребывание в Тобольске N может только повредить делу. Я не помню, говорил ли N об угрозах ему от Соловьева, если он не подчинится его требованиям, но выходило-то так, что N слушался не нас, а Соловьева. N было указано нами, что он не сделал того, что на него было возложено, и он чувствовал себя сконфуженным».

22 ноября 1918 года офицер N по своей инициативе явился в Екатеринбург к моему предшественнику, члену суда Сергееву, и заявил ему следующее:

«Узнав о том, что Вы производите следствие об убийстве б. Императора Николая Александровича и членов его семьи, я явился к Вам, чтобы сообщить следующие факты: как офицер полка, шефом которого была б. Императрица Александра Федоровна, я по соглашению с некоторыми другими офицерами, преданными царской семье, задался целью оказывать заключенному Императору возможную помощь. Почти всю минувшую зиму я провел в г. Тюмени, где познакомился с Борисом Николаевичем Соловьевым, женатым на дочери известного Григория Распутина. Соловьев, узнавший как-то о моем появлении в Тюмени, сообщил мне, что он стоит во главе организации, поставившей целью своей деятельности охранение интересов заключенной в Тобольске царской семьи путем: наблюдения за условиями жизни Государя, Государыни, Наследника и Великих Княжен, снабжением их различными необходимыми для улучшения стола и домашней обстановки продуктами и вещами и, наконец, принятием мер к устранению вредных для царской семьи людей. По словам Соловьева, все сочувствующие задачам и целям указанной организации должны были

[49] Свидетель В.И. Соколов был допрошен мною 3 июня 1921 года в г. Рейхенгалле.

являться к нему, прежде чем приступить к оказанию в той или иной форме помощи царской семье; в противном случае, говорил мне Соловьев, я налагаю «вето» на распоряжения и деятельность лиц, работающих без моего ведома. Налагая «вето», Соловьев в то же время предавал ослушников советским властям; так, им были преданы большевикам два офицера гвардейской кавалерии и одна дама; имен и фамилий их я не знаю, а сообщаю Вам об этом факте со слов Соловьева».

Хотя и поздно, но всё же освободился от чар Соловьева офицер N. До судьи Сергеева он дошел не сразу. Переживая свои злоключения в Тюмени, он говорил о них некоторым другим людям.

В мае месяце 1918 года в Тобольск прибыл офицер Мельник. Он женился на дочери доктора Боткина Татьяне. С молодыми Мельниками сошелся офицер N и многое рассказывал им.

Мельник показывает[50]:

«О деятельности Соловьева я очень много слышал от N. который был послан в Тобольск петроградской организацией, но в Тюмени принужден был прожить более четырех месяцев, где в это же время находился и Соловьев. Только один раз Соловьев разрешил, перед самым увозом большевиками царской семьи из Тобольска в Екатеринбург, N поездку в Тобольск, но на одни сутки. На мой вопрос, почему N так слушался Соловьева, N мне сказал, что Соловьев рассказал ему о том, как он выдал двоих офицеров тюменскому совдепу за то, что эти офицеры без разрешения Соловьева ездили в Тобольск, о чем Соловьеву не могло быть не известно. Соловьев говорил N, что всех едущих в Тобольск офицеров без его разрешения он выдает совдепу».

Брат доктора Боткина полковник Боткин[51] показывает:

«N рассказывал мне о том, что в Тюмень приезжали офицеры каких-то организаций к Соловьеву и также передавали ему деньги для вышеуказанной цели, причем Соловьев не допускал этих офицеров в Тобольск, а деньги присвоил себе. Тех же офицеров, которые помимо разрешения Соловьева пытались проехать в Тобольск, Соловьев выдавал большевикам».

Он выпустил офицера N в Тобольск только на один день. Знаменательно: это был день, когда Яковлев увозил Государя. N встретил их в пути.

Мы видели, что Императрица считала Тюмень основной базой, где работает для спасения семьи «хороший русский человек». Но ведь она связывала, объединяла в одно целое и Тюмень, где сидел Соловьев, и Омск, откуда приехал Демьянов.

Нет сомнений, одними общими действиями Соловьев был связан с Демьяновым.

Но роль Демьянова была подсобна: он помогал Яковлеву увезти Царя, что было главной целью.

Не был ли связан с Яковлевым и Соловьев?

Царь не знал заранее, что его увезут из Тобольска. Он не хотел этого. Никто вообще не знал об этом в Тобольске. Но Соловьев знал об этом заранее, ровно за две недели. Под датой 12 апреля 1918 года (нового стиля) он отмечает в своем дневнике о предстоящем увозе семьи из Тобольска.

Есть и другой факт.

Сергей Марков – офицер Крымского полка, шефом которого была Императрица, пасынок известного Ялтинского градоначальника генерала Думбадзе. Его связь с Распутиным началась с 1915 года. Он был в его кружке свой человек. Матрена Соловьева везде называет его в дневнике «Сережей».

Проживая в Тюмени под именем Сергея Соловьева, Марков служил у большевиков как красный офицер и командовал у них в Тюмени «революционным уланским эскадроном».

Этот эскадрон, по выбору Яковлева, и конвоировал Государя в последний переезд к Тюмени.

Марков был в полном повиновении у Соловьева.

С увозом царской семьи из Тобольска роль их в Тюмени кончилась.

22 мая проехали через Тюмень, направляясь в Екатеринбург, дети Царя.

---

[50] Свидетель К.С. Мельник был допрошен военным контролем 2 ноября 1919 года: Судебным Следователем по важнейшим делам Ростовского-на-Дону Окружного Суда Павловым, по моему требованию, 18–19 августа 1923 года в Сербии.

[51] Свидетель В.С. Боткин был допрошен военным контролем 2 ноября 1919 года.

Марков отправился следом за ними и через Екатеринбург прибыл в Петроград. Как он лгал здесь, нам рассказали свидетели.

В августе месяце 1918 года Марков – в Киеве, занятом немцами. Его роль здесь всё та же. В Петрограде он лгал русским монархистам, что всё готово для спасения царской семьи. В Киеве он лгал им, что ее спасли.

Странным казалось поведение молодого русского офицера. Некоторым оно казалось подозрительным.

Генерал N[52] показывает:

> «В Киеве в германской комендатуре я встретился с неизвестным мне господином. Он называл себя корнетом Крымского Конного полка имени Государыни Императрице Александры Федоровны. Он говорил, что он пасынок генерал-губернатора Думбадзе, по фамилии Марков. Мать его – урожденная Краузе. Марков – определенный монархист ярко выраженной германской складки. Марков рассказывал, что он ездил по пятам, за царской семьей и был в Царском, когда она была там заключена. Потом, как он говорил, командовал где-то эскадроном красных и попал в Тобольск... Он говорил, что, уехав из Тобольска, он уже в Москве узнал, что их перевозят в Екатеринбург. Все, кто его слушали, указывали ему на это, что царская семья убита... Марков уверял нас, что вся царская семья жива и где-то скрывается. Он говорил, что он знает, где они все находятся, но не желал указать, где именно... В Киеве этот самый Марков был на совершенно особом положении у немцев. Он сносился телеграммами с немецким командованием в Берлине. Немцы за ним очень ухаживали. Из Киева он выехал не с нашим эшелоном, а с германским командованием. Если он выходил в город, его сопровождали два немецких капрала. Он говорил, что он сам бывал везде и в советской России имел повсюду доступ у большевиков через немцев».

Марков представил, по моему требованию, свои письменные показания по делу.[53]
Нужно самому читать их.

> «В период от 19 июля по 15 августа (когда я уехал из Петербурга в Киев) по всем наведенным мною справкам у немцев, которые имели связь тогда со Смольным (чиновник немецкого генерального консульства в Питере Герман Шилль, других не помню), – семья была жива. Постоянно немцы говорили: «Да, вероятно, Государь расстрелян, но семья жива». Да, я говорил с Шиллем, других, с кем говорил, не помню».

В октябре месяце 1918 года происходит в Киеве свидание Маркова с неким г. Магенером:

> «...Магенер в половине октября приехал в Киев. Оказался чиновником германского министерства иностранных дел. Лет 53-х. Говорит отлично по-русски, до войны 23 года жил в Одессе, у него было какое-то коммерческое дело. Перед войной он уехал в Германию. Магенер категорически заявил, что царская семья жива, но о Государе он ничего не знает, но во всяком случае Государь не с семьей. Это он узнал от германской разведки в Пермской губернии. Он говорил с Иоффэ и Радеком, они оба категорически сказали, что царская семья жива».
>
> «К концу 1918 года я познакомился с немецким военным шпионом, фамилии его не помню, но знаю, что он работал два с половиною года во время войны на радиотелеграфах в Москве. Он сказал мне, что его племянник работал в последнее время в пределах Пермской губернии и говорил ему, что царская семья безусловно жива и находится в постоянных передвижениях в Пермской губернии».

Так говорит «хороший русский человек», от которого Императрица ждала себе спасения. И какой странный круг знакомств для русского офицера...

В конце 1918 года Марков уехал в Берлин.

Еще до отъезда Маркова из Сибири думал о «заграницe» и Соловьев.

В дневнике его жены мы читаем:

> 9 мая 1918 года: «В последнее время Боря стал раздражителен, сердит. Прямо беда. Мечтаем ехать за границу, едва ли наши мечты исполнятся. Что Бог даст, ну и слава Богу».
>
> 18 мая того же года: «Мечтаем ехать за границу, не знаем, что Бог даст».

---

[52] Этот свидетель был допрошен мною 2 сентября 1919 года в г. Омске.

[53] Свои письменные показания С.В. Марков представил доверенному от меня лицу 26 марта, 18 и 19 апреля 1921 года.

Уехать в то время за границу Соловьеву не удалось. Он остался в Сибири.

Весь мир свидетель, что происходило в то время в Сибири. Там доблестное русское офицерство жертвенно проливало свою кровь за жизнь и за честь Родины.

А Соловьев?

В дневнике его супруги мы читаем:

> 13 августа 1918 года: «Всех офицеров забирают, боюсь, как бы Борю не забрали, и он тоже боится этого».
>
> 28 сентября того же года: «Когда-то Боря приедет, уж соскучилась я о нем ужасно. Бедный, тяжело ему. Ведь его могут взять на войну, а он так боится всего этого».

Чрезвычайно странную жизнь вел в это время Соловьев. Он разъезжал по свободной от большевиков территории от Симбирска до Владивостока, бывая иногда и в Тобольске.

Иногда у него не бывало денег, иногда он откуда-то доставал их и сорил ими.

В Тобольск он кинулся в тот самый день, как через Тюмень проехали дети. Там он видел Анну Романову и узнал от нее, где находятся в Тобольске царские драгоценности, часть которых была оставлена там. Позднее он продал содержанке атамана Семенова бриллиантовый кулон за 50˙000 рублей.

Когда военная власть обыскивала его во Владивостоке, у него нашли два кредитных письма на английском языке. Неизвестное лицо предлагало в них Русско-Азиатскому Банку уплатить «в наилучшем размене» самому Соловьеву 15˙000 рублей и его жене 5˙000 рублей.

Я спрашивал Соловьева, кто и за что дал ему эти письма. Он показал, что ему дал их незнакомый, с которым он только в первый раз встретился в поезде, по имени «Ганс Ван дер Дауэр».

Есть один штрих, проливающий некоторый свет на эту пору жизни Соловьева.

Свидетель Мельник показывает:

> «В последних числах сентября 1918 года (старого стиля) N[54] приехал ко мне в Тобольск; к этому времени относится и появление там Соловьева, которого я раз видел мельком на улице. Я попросил N узнать, для чего Соловьев здесь и почему он не мобилизован. На первый вопрос Соловьев ответил уклончиво, а на второй сказал, что от военной службы он уклоняется, скрывая свое офицерское звание. Я просил N не терять его из вида. Через два или три дня рассказал, что он был у Соловьева, у которого в номере сидели три незнакомых человека. Соловьев представил им N как своего друга. Подозрительный вид этих людей и иностранный акцент одного из них заставили N насторожиться. Много пили, но N был осторожен и внимательно следил за ними, когда уже было много выпито и N вел беседу с Соловьевым, то слышал какие-то странные разговоры остальных гостей между собой. Говорили о какой-то подготовке и о каких-то поездках, но, заметив, что обратили на себя внимание N, замолчали. Перед уходом N Соловьев посоветовал ему скорее уезжать, так как в Тобольске небезопасно. Когда я попросил N выяснить, почему считают пребывание здесь небезопасным, Соловьев представился ничего не помнящим. Мы не обратили на всё это должного внимания, но дней через 5–6 в тобольской тюрьме, в которой содержалось больше 2000 красноармейцев и до 30 красных офицеров, вспыхнуло восстание, чуть ли не окончившееся разгромом города, так как в гарнизоне насчитывалось только 120 штыков. Аналогичные наступления большевиков были одновременно и в других городах. Поручик Соловьев исчез с горизонта за день или за два до восстания. Его приятели, которые, по собранным сведениям, имели какое-то отношение к шведской миссии, состоявшей из немцев (был только один швед, но шведского языка не знал, а говорил только по-немецки), тоже исчезли. Еще до приезда Соловьева в Тобольск мне от многих лиц приходилось слышать, что священник Васильев, поссорившись с Соловьевым, грозил запрятать его в тюрьму как германского шпиона».

Долго, упорно скрывал Соловьев свое офицерское звание. Но дальше скрываться было нельзя. Он открыл его 26 ноября 1918 года в г. Харбине, за несколько тысяч верст от фронта. Я спросил его, почему он не сделал этого в Омске. Он ответил, что служить в Омске ему не позволили его «монархические» убеждения.

При обыске у Соловьева были найдены четыре книги. Это – секретная разведка Штаба Приамурского Военного Округа во владениях Китая и Японии. Она широко освещала политическую жизнь этих стран.

---

[54] Офицер N – посланец Н.Е. Маркова, о котором шла речь выше.

В этих книгах, как они были найдены у Соловьева, оказались карандашные пометки. Они сделаны там, где освещаются отношения Китая к Германии.

В дневнике Соловьева я нашел тот самый знак, которым пользовалась Императрица.

Соловьев ответил мне, что это – индийский знак, означающий вечность. Он уклонился от дальнейших объяснений.

Марков был более откровенен и показал: «Условный знак нашей организации был . Императрица его знала».

Соловьев пытался выдать себя на следствии за простого симбирского обывателя. Марков показал, что Соловьев до войны проживал некоторое время в Берлине, а затем в Индии, где обучался под руководством какого-то испытателя в теософической школе в г. Адьяре.

Соловьев доставил в Тобольск Императрице от имени Вырубовой 35˙000 рублей. Это создавало, конечно, хорошее впечатление, вызывало доверие, чувство трогательной признательности.

На чьи деньги работала Вырубова?

Многим, вероятно, известно имя банкира и сахарозаводчика К.И. Ярошинского.

Поручик Логинов, наблюдавший за Соловьевым, показывает, что Ярошинский был агент немцев; что в войну он имел от них громадные денежные суммы и на них вел по директивам врага борьбу с Россией, что на эти деньги и работала в Сибири Вырубова.

Как судья, я по совести должен сказать, что роль Ярошинского осталась для меня темной.

Мой долг указать строгие факты.

Ярошинский был известен Императрице. Он финансировал лазарет имени Великих Княжен Марии Николаевны и Анастасии Николаевны и в то же время был помощником коменданта личного санитарного поезда Императрицы.

Нет сомнений, что он имел связи с кружком Распутина и был близок и с Манасевичем-Мануйловым, и с Вырубовой.

Ярошинский[55] показал мне при допросе, что он давал деньги Вырубовой для царской семьи, когда она была в Тобольске, и израсходовал на это дело 175˙000 рублей.

В то же время он категорически отверг всякую связь, даже простое знакомство с Соловьевым.

Соловьев же показал, что он состоял на службе у Ярошинского, был его личным секретарем за определенное жалованье.

В дневнике его жены мы читаем 2 марта 1918 года:

> «Только что Боря ушел к Ерошкину... Я знаю, сколько дал Боре денег Ерошинский, но он не хочет дать денег мне. Он рассуждает так: его деньги есть его, а мои тоже его».

Как бы ни было, роль Соловьева ясна. Он вел наблюдение за царской семьей и пресекал попытки русских людей прийти к ней на помощь.

В чьих интересах делалось это?

Весной 1918 года русские монархисты вели переговоры с немцами о свержении власти большевиков.

Одно из таких лиц – член Государственного Совета Гурко[56] показывает:

> «Когда во время этих переговоров немцам было указано на опасность, угрожавшую царской семье, если мы начнем своими силами переворот, то немцами был дан ответ: «Вы можете быть совершенно спокойны. Царская семья под нашей охраной и наблюдением». Я не могу ручаться, что я точно передаю их слова, но смысл был именно тот».

Не питаю сомнений, что Соловьев работал на немцев.

---

[55] Свидетель К.И. Ярошинский был допрошен мною 1 сентября 1920 года в Париже.

[56] Свидетель В.И. Гурко был допрошен мною 20 ноября 1920 года в Париже.

Глава 10.

Попытка русских людей спасти царскую семью

Всё поведение Яковлева исключало даже и тень подозрения, что увоз Государя из Тобольска грозил ему лично какой-либо опасностью.

Так думал и сам Государь. Он выразил свой взгляд в отзыве о Яковлеве.

Может быть, в таком случае увоз Царя из Тобольска был простой попыткой спасти его, вырвав его из рук большевиков?

Конечно, такое намерение могло родиться только в русских монархических группах. Оно могло стать реальной попыткой, в силу политической обстановки, только по воле немцев.

Если до войны многие из нас, являясь ее противниками, не видели врага в Германии, то после революции, когда страна всё больше охватывалась пламенем анархии и, брошенная союзниками, была всецело предоставлена самой себе, такой взгляд стал находить еще больше сторонников.

Самый переворот 25 октября ст. ст. многим казался кратковременным, непрочным и усиливал надежды на помощь Германии.

Окончательно ликвидировав эфемерную власть Временного Правительства, он тем самым ускорил группировку общественно-политических сил.

После прибытия в Петроград в конце 1917 года немецких комиссий во главе с Кайзерлингом и графом Мирбахом русские группы начали переговоры с немцами. Позднее, с переездом Мирбаха в Москву, переговоры велись здесь.

Они не привели ни к чему.

Полагая, что, быть может, первая стадия этих переговоров, когда не определился еще разрыв, обусловила согласие немцев вырвать царскую семью из рук большевиков, я здесь искал разрешение вопроса.

В январе месяце 1918 года группа русских монархистов в Москве послала в Тобольск своего человека к царской семье.

Примыкавший к этой группе Кривошеин[57] показал на следствии:

> «Главная задача была обеспечить возможность быть в курсе того, что делается с царской семьей, облегчить в той или иной степени и форме условия ее жизни и в этих целях установить способы постоянного общения с ней на будущее время».

Посланец выяснил обстановку на месте и сообщил тревожные сведения. Царская семья прежде всего не имела денег. Правда, она имела драгоценности, но в ее положении их было затруднительно превратить в деньги.

Было собрано 250˙000 руб. Эти деньги то же самое лицо в марте месяце вторично доставило в Тобольск и вручило их Татищеву и Долгорукову.

Через последних группа установила условное письменное общение с Государем.

Дня за два до увоза его из Тобольска группа получила оттуда тревожную телеграмму.

Кривошеин передает ее содержание:

> «Врачи потребовали безотлагательного отъезда на юг, на курорт. Такое требование нас чрезвычайно тревожит. Считаем поездку нежелательной. Просим дать совет. Положение крайне трудное».

В таких же выражениях передает содержание этой телеграммы участник группы сенатор Нейдгарт.[58]

Кривошеин показывает:

> «Смысл ее тогда для нас был совершенно не ясен, но несомненно тревожен. Наш ответ был примерно такого содержания: «Никаких данных, которые могли бы уяснить причины подобного требования, к сожалению, не имеется. Не зная положения больного и обстоятельств, высказаться

[57] Свидетель А.В. Кривошеин был допрошен мною 17 января и 6 февраля 1921 года в Париже.

[58] Свидетель Д.Б. Нейдгарт был допрошен мною 27 и 29 января 1921 года в Париже и 29 мая того же года в Рейхенгалле.

определенно крайне трудно, но советуем поездку по возможности отдалить и уступить лишь в крайнем случае только категорическому предписанию врачей».

Спустя короткое время тем же порядком была получена вторая телеграмма из Тобольска: «Необходимо подчиниться врачам».

Кривошеин говорит:

«Обе эти телеграммы нас до крайности смутили и встревожили, но в чем именно состояла угроза, которой Государь вынуждался выехать из Тобольска, от кого именно она исходила и какая при этом преследовалась цель, нам в то время было, конечно, неясно».

Чтобы выяснить всё это, в Тобольск были отправлены два лица. Было поздно. Они не застали Государя в Тобольске. Он был уже в Екатеринбурге.

Общая разруха всё более охватывала страну. Она внушала всё более беспокойства за царскую семью.

«Мучительно ища выхода, – говорил Кривошеин, – и сознавая свое бессилие помочь царской семье, мы решили обратиться к той единственной тогда силе, которая могла облегчить положение семьи и предотвратить опасность, буде она ей угрожала, – в германское посольство».

Несколько лиц обращались к графу Мирбаху. В числе их был сенатор Нейдгарт.

Он показал:

«Ввиду того положения, которое занимали немцы весной 1918 года в России, наша группа, в целях улучшения положения царской семьи, пыталась сделать всё возможное в этом отношении через немецкого посла графа Мирбаха. По этому вопросу я сам лично обращался к Мирбаху три раза. В первый раз я был у него еще тогда, когда мы ничего не знали об отъезде царской семьи из Тобольска. В общей форме я просил Мирбаха сделать всё возможное для улучшения ее положения. Мирбах обещал мне оказать свое содействие в этом направлении, и, если не ошибаюсь, он употребил выражение «потребую». Как мы узнали об увозе семьи, я снова был у Мирбаха и говорил с ним об этом. Он успокаивал меня общими фразами. На меня произвело впечатление, что остановка царской семьи в Екатеринбурге имела место помимо его воли. Исходило ли от него приказание о самом увозе семьи из Тобольска куда-либо в целях ее спасения, я сказать не могу».

По некоторым причинам, о которых я не считаю возможным говорить здесь, сенатор Нейдгарт сглаживает горечь мирбаховских ответов.

Проверяя его, я допрашивал лидера русского монархического движения Трепова[59], проживавшего в то время в Петрограде. Он показал:

«По вопросу о действиях московских монархических групп, имевших целью спасение жизни Государя Императора и царской семьи, я могу показать следующее. В 1918 году, когда я проживал в Петрограде, ко мне обратился приехавший из Москвы сенатор Нейдгарт с просьбой обсудить указанный вопрос. Он сообщил мне, что московская группа монархистов, изыскивая способы охранить жизнь Его Величества, нашла нужным обратиться в данном случае к содействию немецкого в Москве представительства, что ею и было сделано. Однако она далеко не удовлетворена отношением как к ней, так и к возбужденному ею вопросу со стороны германского посла. Граф Мирбах, по словам Нейдгарта, сначала вовсе уклонялся от всяких сношений с группой. В конце концов он согласился принять Нейдгарта, но свидания были короткие, холодные, не дали ничего определенного и, скорее, как говорил Нейдгарт, свидетельствовали об уклончивом отношении графа Мирбаха к указанному вопросу об охранении благополучия Государя Императора и царской семьи. Поэтому-то, изыскивая способы воздействия на немецкую власть в том или ином смысле, сенатор Нейдгарт и прибыл тогда в Петроград и пришел для обсуждения этого вопроса ко мне. Разделяя в душе соображения московских монархистов, я весьма обеспокоился создавшимся положением. Обсудив его совместно с Нейдгартом, я остановился на мысли, что он обратится с письмом к обер-гофмаршалу графу Бенкендорфу и предложит ему написать письмо к графу Мирбаху. При этом я категорически высказался, что письмо это, на мой взгляд, во-первых, отнюдь не должно было иметь просительного тона, и, во-вторых, оно отнюдь не должно было носить политического характера, ибо в противном случае вопрос о жизни Государя Императора, буде бы Его Величеству угодно было не разделить того или иного нашего политического взгляда, предположения и т.п., высказанных в этом письме, носил бы не абсолютный, а условный характер. Я находил нужным высказать в письме, что

[59] Свидетель А.Ф. Трепов был допрошен мною 16 февраля 1921 года в Париже.

по условиям тогдашней русской действительности одни только немцы могли предпринять реальные действия, способные достигнуть желательной цели. Поэтому раз они могут спасти жизнь Государя и его семьи, то они и должны это сделать по чувству чести. Если они этого не исполнят, они явятся или могут оказаться в роли попустителей тягчайшего преступления, о чем мы в свое время объявим всему миру. Хотя для нас ясно, что они и сами это отлично понимают, но чтобы не было никаких отговорок, и пишется настоящее письмо, дабы впоследствии они не могли сказать, что не были предупреждены нами о грозящей царской семье опасности. Кроме того, я находил нужным непременно поместить в письме, что настаивается на необходимости, чтобы содержание его было доложено императору Вильгельму, который, вследствие этого, и явится главным ответственным лицом в случае несчастья. Вот именно таким должно было быть письмо от графа Бенкендорфа к графу Мирбаху, как я находил, с чем был согласен и сенатор Нейдгарт. Нейдгарт, как только мы с ним обсудили этот вопрос, отправился немедленно к графу Бенкендорфу... Оттуда, если не ошибаюсь, он мне протелефонировал, что граф Бенкендорф предварительно желает видеться со мной. На следующий день я был у Бенкендорфа в его квартире. Наше свидание имело место в присутствии также Нейдгарта. Я снова повторил те мысли, которые я уже высказал Нейдгарту и которые я находил нужным поместить в письме. Граф Бенкендорф вполне со мной согласился и просил меня быть у него на следующий день, обещаясь изготовить к этому времени письмо. Я был на другой день у Бенкендорфа. Составленное им письмо содержало в точности высказанные мною пожелания; кроме них, в письме была лишь ссылка на личные отношения графа Бенкендорфа и графа Мирбаха. Письмо графа Бенкендорфа было передано Нейдгарту, и он, как мне помнится, на следующий день уехал в Москву.

Нейдгарт не видел в этот раз Мирбаха и оставил письмо в немецком посольстве. Это произошло 7 или 8 мая, когда Государь был уже в Екатеринбурге.

Увоз Государя из Тобольска не зависел от желания русских монархистов спасти его. Они даже и не знали об этом. Быть может, немцы сами хотели спасти Царя? Кривошеин показывает:

«Мы не преследовали при этом никаких политических целей и исходили из самых элементарных побуждений гуманности и нашей преданности семье... Граф Мирбах принимал их (русских монархистов) весьма сухо, и сказанное им в ответ на просьбу обратить внимание на необходимость принять меры для отражения безопасности царской семьи сводилось приблизительно к следующему: «Всё происходящее с Россией есть вполне естественное и неизбежное последствие победы Германии. Повторяется обычная история: горе побежденным. Если бы победа была на стороне союзников, положение Германии несомненно стало бы гораздо худшим, чем положение России теперь. В частности, судьба Русского Царя зависит только от русского народа. Если о чем надо подумать, это об ограждении безопасности находящихся в России немецких принцесс».

Государь правильно понял Яковлева. Скрываясь под маской большевика, он пытался увезти Царя и Наследника, выполняя немецкую волю. Нельзя не видеть этого, если вдумчиво отнестись к тому, что делал Яковлев в Тобольске и в пути.

Но не Царя спасали немцы, пытаясь увезти его из Тобольска, а свои интересы.

Всё время в Тобольске Царь был под их наблюдением. Было использовано старое, испытанное средство: их шпионы имели на себе печать Распутина. Таким путем немцы боролись с русскими патриотами, не допуская увоза ими Царя.

Они сами увезли его, когда опасность их интересам стала реальной. Если Государь и после отречения от Престола призывал к борьбе с врагом, мог ли враг оставить его и его сына там, где для него снова возникла угроза восстановления фронта, возникновения былой русской мощи в лице Русской Армии, на знамени которой всегда были начертаны слова «Великая Россия», пока она была Императорской?

Цель увоза несомненно носила политический характер. Поэтому-то всё внимание Яковлева и было приковано к особе Государя и Наследника Цесаревича. Но она была не положительная, а отрицательная: не допустить, чтобы Государь остался в обстановке, опасной для немцев.

Сам Государь думал иначе. Он полагал, что им и его сыном хотят воспользоваться в положительных целях.

Я не нахожу в данных следствия подтверждения такому взгляду и объясняю его психологическим состоянием Государя.

Мужественно, без ропота, с истинным достоинством нес он крест своих личных страданий.

Но те, кто его близко знали, поймут, вероятно, что означало, что в Тобольске он потерял самую типичную черту своего характера: свою нечеловеческую выдержанность. Он был не в

силах более скрывать надлома своей души и выражал это и в беседах, и в молчаливо-мрачном состоянии духа.

Жильяр показывает:

> «Однако как ни старался владеть собой Государь, при всей его выдержанности, он не мог скрыть своих ужасных страданий, которым он подвергался со времени Брестского договора. С ним произошла заметная перемена. Она отражалась на его настроении, духовных переживаниях. Я бы сказал, что этим договором Его Величество был подавлен, как тяжким горем. В это именно время Государь несколько раз вел со мной разговоры на политические темы, чего он никогда не позволял себе ранее. Видно было, что его душа искала общения с душой другого, чтобы найти себе облегчение. Я могу передать смысл его слов, его мысли. До Брестского договора Государь верил в будущее благополучие России. После же этого договора он, видимо, потерял эту веру. В это время он в резких суждениях выражался о Керенском и Гучкове, считая их одними из самых главных виновников развала армии. Обвиняя их в этом, он говорил, что тем самым бессознательно для самих себя они дали немцам возможность разложить Россию. На Брестский договор Государь смотрел как на позор перед союзниками, как на измену России и союзникам. Он говорил приблизительно так: «И они смели подозревать Ее Величество в измене! Кто же на самом деле изменник?»»

Царя пугала судьба России. Он скорбел за свой народ.

Многие из нас легко похоронили Императора Николая II. Он в своей душе никогда не хоронил нас и продолжал оставаться нашим Царем.

Здесь и коренится источник его взгляда, что враг хотел воспользоваться им с положительными целями.

Куда везли Государя?

Немцы увозили его ближе к расположению своих вооруженных сил на территории России. Князь Долгоруков был с Государем до самого последнего времени. От дверей Ипатьевского дома отправили его в тюрьму. Там он говорил, что Яковлев вез Государя в Ригу.

Почему большевики не пропустили Царя?

Это вопрос – праздный. Царь был им всегда опасен, хотя бы и в немецких руках.

Нельзя думать, что Екатеринбург самовольно не подчинился Москве и сам задержал Государя. Подписывая одной рукой полномочия Яковлева, Свердлов другой рукой подписывал иное. Задержала Царя в Екатеринбурге, конечно, Москва. Свердлов обманывал немцев, ссылаясь на мнимый предлог неповиновения Екатеринбурга.

Мы скоро увидим, как всё это произошло.

Глава 11.

Перевоз детей из Тобольска

Задержание Государя в Екатеринбурге, вероятно, не встретило в конце концов возражений немцев. Екатеринбург лежит на железной дороге. Он был более безопасен для них, чем глухой Тобольск, отрезанный от железнодорожных путей и дальностью расстояния, и реками.

Но здесь оставался еще Наследник Цесаревич. Нужно было спешить с увозом его.

С отъездом Яковлева власть над детьми перешла в руки его сподвижника матроса Павла Хохрякова, имевшего полномочия от ЦИКа и уральского областного совдепа.

Хохряков копировал Яковлева.

Всё его внимание было сосредоточено на Наследнике. Он спешил увезти его и тщательно следил, действительно ли он болен.

Гиббс показывает:

> «Он приходил и смотрел Алексея Николаевича. Он, должно быть, не верил его болезни, потому что, посмотрев его, он ушел, но тут же вернулся, думая, должно быть, что он после его ухода встанет».

Гендрикова отмечает в своем дневнике 16 мая:

> «Хохряков приходит по нескольку раз в день, видимо, очень торопится с отъездом».

Кончилось тем, что Наследник был увезен из Тобольска полубольным. С чьими интересами считался Хохряков?

17 мая отряд полковника Кобылинского был распущен и заменен красногвардейцами.

Вот его состав[60]:

1 взвод	
Зен. Кокоруш. Дрерве. Неброчник. Иковнек или Иковиен. Виксна. Гравит. Страздан. Таркш. Пурин.	Овсейчи. Прус. Аленкуц или Лясикуц. Брандт или Брайдт. Гредзен или Герзден. Лепин. Эгель. Герунас. Озолин.
2 взвод	
Плуме. Грике. Пранучкис или Транучкис. Бильскам. Вилемсон. Цекулит. Макон. Якубовский. Альшкин. Баранов. Рольман. Крайно.	Оявер. Киршянский. Фруль. Блуме. Мальне или Мельне. Яунзен или Яунзем. Тиман. Дзиркал или Дзиркам. Корсак или Карсак. Ларишев или Ларинцев. Штернберг. Гинтар.
3 взвод	
Дубульд или Дубульт. Аунин. Берзин. Сирснин или Сирсник. Табак. Штеллер. Чсальнек (фамилия точно не установлена). Сея. Рейнгольд. Бойлик или Байлик.	Герц. Зиверт. Таркянин. Диев. Залин. Лигбард. Пумпур. Гейде. Волков. Кейре.
Пулеметная команда	
Гаусман. Лицит. Перланцек. Тобок. Цалит или Цалищ.	Зильберт. Берзин. Орлов. Гусаченко.

[60] Эти списки представлены к следствию 1 сентября 1919 года № 29386 начальником контрразведки Штаба Верховного Главнокомандующего.

Во главе этого отряда, состоявшего почти сплошь из латышей, был человек, носивший фамилию Родионова.

При встрече с ним кому-то из свиты припомнилось: пограничная с Германией станции Вержболово, проверка паспортов, жандарм, похожий на Родионова.

Завеса над ним немного приподнялась, когда он увиделся с Татищевым.

Камердинер Волков показывает:

> «Родионов, увидев Татищева, сказал ему: «Я вас знаю». Татищев его спросил, откуда он его знает, где он его видел. Родионов не ответил ему. Тогда Татищев спросил его: «Где же Вы могли меня видеть? Ведь я же жил в Берлине». Тогда Родионов ему ответил: «И я был в Берлине». Татищев попытался подробнее узнать, где же именно в Берлине видел его Родионов, но он уклонился от ответа, и разговор остался у них неоконченным».

Так же говорят и другие свидетели: Кобылинский, Жильяр, Гиббс, Теглева, Эрсберг.

Генерал М.К. Дитерихс занимал должность генерал-квартирмейстера в ставке, когда был убит генерал Духонин. Он говорит в своей книге, что этот Родионов был в числе убийц Духонина.[61]

Как Родионов относился к детям Царя и к тем, кто самоотверженно служил им до самого конца?

Свидетели показывают:

> Кобылинский: «Я бы сказал, что в нем чувствовался «жандарм», но не хороший, дисциплинированный солдат-жандарм, а кровожадный, жестокий человек с некоторыми приемами и манерами жандармского сыщика... Родионов, как только появился у нас, пришел в дом и устроил всем форменную перекличку. Это поразило меня и всех других. Хам, грубый зверь сразу же показал себя... Была в это время всего-навсего одна, кажется, служба в доме. Латыши обыскивали священника; обыскивали грубо, ощупывая монашенок, перерыли всё на престоле. Во время богослужения Родионов поставил латыша около престола следить за священником. Это так всех угнетало, на всех так подействовало, что Ольга Николаевна плакала и говорила, что, если бы она знала, что так будет, она и не стала бы просить о богослужении. Когда меня не впустили больше в дом, я и сам не выдержал и заболел: слег в постель».
>
> Мундель: «Сам Родионов производил впечатление наглого, в высшей степени нахального человека, с язвительной улыбочкой. Это не тип прапорщика, а скорее всего жандармского офицера. Вот что я могу удостоверить: у него была шинель офицерского сукна, как носили и жандармы».
>
> Теглева: «Про Хохрякова я не могу сказать ничего плохого. Он не играл значительной роли. Заметно было, что главным лицом был не он, а именно Родионов. Это был гад, злобный гад, которому, видимо, доставляло удовольствие мучить нас. Он это делал с удовольствием... Он явился к нам и всех нас пересчитал, как вещи. Он держал себя грубо и нагло с детьми. Он запретил на ночь запирать комнаты даже Княжен, объясняя, что он имеет право во всякое время входить к ним. Волков что-то сказал ему по этому поводу: девушки, неловко. Он сейчас же помчался и в грубой форме повторил свой приказ Ольге Николаевне. Он тщательно обыскивал монахинь, когда они приходили к нам петь при богослужении, и поставил своего красноармейца у престола следить за священником. Когда мы укладывались, и я, убрав кровать, собиралась спать на стуле, он мне сказал: «Это полезно. Вам надо привыкать. Там совсем другой режим, чем здесь».

20 мая в 11 часов дня детей поместили на тот же пароход «Русь», на котором они приехали в Тобольск. В 3 часа дня они уехали в Тюмень.

С ними отправились: 1) Илья Леонидович Татищев, 2) Петр Андреевич Жильяр, 3) Сидней Иванович Гиббс, 4) графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, 5) баронесса Софья Карловна Буксгевден, 6) Екатерина Адольфовна Шнейдер, 7) Александра Александровна Теглева, 8) Елизавета Николаевна Эрсберг, 9) Мария Густавовна Тутельберг, 10) камердинер Алексей Андреевич Волков, 11) дядька Наследника Клементий Григорьевич Нагорный, 12) повар Иван Михайлович Харитонов, 13) повар Кокичев, 14) поварской ученик Леонид Седнев, 15) официант Франц Журавский, 16) писец Александр Кирпичников, 17) парикмахер Алексей Дмитриев, 18) лакей Сергей Иванов, 19) лакей Тютин, 20) лакей Алексей Егорович Трупп, 21) кухонный служитель Франц Пюрковский, 22) кухонный служитель Терехов, 23) служитель Смирнов, 24) прислуга Гендриковой Паулина Межанц, 25 и 26) прислуга Шнейдер Екатерина Живая и Мария.

---

[61] Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале, часть I, с. 252.

Как ехали дети?
Свидетели показывают:

Жильяр: «Родионов держал себя очень нехорошо. Он запер каюту, в которой находились Алексей Николаевич с Нагорным, снаружи. Все остальные каюты, в том числе и Великих Княжен, были не заперты на ключ изнутри».

Теглева: «Родионов запретил Княжнам запирать на ночь их каюты, а Алексея Николаевича с Нагорным он запер снаружи замком. Нагорный устроил ему скандал и ругался: «Какое нахальство! Больной мальчик! Нельзя в уборную выйти!» Нагорный вообще держал себя смело с Родионовым, и свою будущую судьбу он предсказал себе сам».

22 мая утром дети приехали в Тюмень. Несколько часов ушло в ожидании поезда. Затем они уехали в Екатеринбург.

Дети ехали в классном вагоне. С ними помещались Татищев, Гендрикова, Буксгевден, Шнейдер, Эрсберг и Нагорный. Все остальные ехали в товарном вагоне.

23 мая в 2 часа утра дети приехали в Екатеринбург. Всю ночь вагоны катались по путям. В 9 часов их продвинули между вокзалами Екатеринбург I и Екатеринбург II. Были поданы извозчики. На них детей увезли в ипатьевский дом.

Отмечу, что председатель тобольского совдепа Павел Хохряков, доставив детей в Екатеринбург, больше не возвращался в Тобольск. Видимо, миссия никому здесь не известного «выборного» председателя этого «выборного» учреждения была окончена.

Глава 12.

Задержание Государя, Государыни и Великой Княжны Марии Николаевны в Екатеринбурге. Переезд их и остальных детей в дом Ипатьева

Весной 1918 года был в Екатеринбурге особый железнодорожный отряд, занимавшийся расстрелами в пределах железной дороги.

Во главе его был кр-н Парфений Титов Самохвалов, служивший также шофером в советском гараже.

Ему и было доверено перевезти в автомобиле Государя, Государыню и Марию Николаевну с вокзала в дом Ипатьева.

Самохвалов[62] показал на следствии:

«Я не помню, какого числа это было, но помню, что в апреле месяце меня вызвал в здание Екатеринбургского Окружного Суда комиссар Голощекин и приказал мне следить, чтобы все благополучно было в гараже с машинами».

Через несколько дней ему было приказано подать автомобиль к дому Ипатьева. Самохвалов не знал тогда этого дома. Он говорит описательно:

«Мы все поехали к дому на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. Я не знаю, кому именно принадлежал этот дом. Он каменный, белый. В тот момент он был обнесен деревянным забором, не закрывавшим парадного крыльца и ворот. Я вижу фотографические изображения дома, которые Вы мне сейчас показываете, и утверждаю, что к этому именно дому мы и подъехали. Из дома вышли комиссар Голощекин, комиссар Авдеев и еще какие-то лица (кроме Голощекина и Авдеева вышло еще человека два), сели в автомобили, и мы все поехали на станцию Екатеринбург I... Когда мы прибыли на станцию Екатеринбург I, здесь от народа я услышал, что в Екатеринбург привезли Царя. Голощекин сбегал на станцию и велел нам ехать на Екатеринбург II. Все мы опять поехали на автомобилях на Екатеринбург II. Там мы подъехали на машинах к одному месту, где стоял вагон 1 класса, окруженный солдатами. Оттуда вышли Государь Император, Государыня Императрица и одна из дочерей их. Я хорошо помню, Государь был одет в шинель солдатского сукна, то есть цвета солдатского сукна, как носили в войну офицеры. Я хорошо помню, что погон на ней не было; помнится мне также, что пуговицы на его шинели были защитные. Фуражка его была офицерского фасона из защитного сукна с козырьком также защитного цвета и

[62] Самохвалов скрывался на территории Адмирала и был пойман контрразведкой Штаба Верховного Главнокомандующего в октябре месяце 1919 года. Он был мною допрошен в качестве свидетеля 20–21 ноября 1919 года в г. Чите.

таким же ремешком, но сукном ни козырек, ни ремешок, обшиты не были. Государыня была в черном пальто; пуговиц на нем я не заметил. Княжна также была в каком-то темном пальто. Их посадили в мой автомобиль... Опять мы поехали к тому самому дому, обнесенному забором, про который я уже говорил. Командовал здесь всем делом Голощекин. Когда мы подъехали к дому, Голощекин сказал Государю: «Гражданин Романов, Вы можете войти». Государь прошел в дом. Таким же порядком Голощекин пропустил в дом Государыню и Княжну и сколько-то человек прислуги, среди которых, как мне помнится, была одна женщина. В числе прибывших был один генерал.[63] Голощекин спросил его имя, и, когда тот себя назвал, он объявил ему, что он будет отправлен в тюрьму. Я не помню, как себя называл генерал. Тут же в автомобиле Полузадова он и был отправлен... Когда Государь был привезен к дому, около дома стал собираться народ. Я помню, Голощекин кричал тогда: «Чрезвычайка, чего вы смотрите!» Народ был разогнан».

Переезд детей в дом Ипатьева свидетели описывают:

Жильяр: «Приблизительно часов в 9 утра поезд остановился между вокзалами. Шел мелкий дождь. Было грязно. Подано было 5 извозчиков. К вагону, в котором находились дети, подошел с какими-то комиссарами Родионов. Вышли Княжны. Татьяна Николаевна имела на одной руке свою любимую собаку. Другой рукой она тащила чемодан, с трудом волоча его. К ней подошел Нагорный и хотел ей помочь. Его грубо оттолкнули. Я видел, что с Алексеем Николаевичем сел Нагорный. Как разместились остальные, не помню. Помню только, что в каждом экипаже был комиссар, вообще кто-то из большевистских деятелей. Я хотел выйти из вагона и проститься с ними. Меня не пустил часовой. Я не думал, что вижусь с ними в последний раз, и даже не думал, что буду отстранен от них».

Гиббс: «Были приготовлены извозчики, и я видел, как увозили детей. Я проститься с ними не мог: не пустили».

Теглева: «Прибыв ночью в Екатеринбург, мы утром были передвинуты куда-то за город, и детей увезли. Я только в щель вагона видела, как Татьяна Николаевна сама тащила тяжелый саквояж с подушкой, а рядом с ней шел солдат, ничего не имея в руках».

С прибытием в Екатеринбург роль Хохрякова и Родионова кончилась. Кто же здесь распоряжался судьбой детей и приехавших с ними?

Ни Жильяр, ни Гиббс, ни Теглева, никто вообще из лиц, бывших в товарном вагоне, не могли выяснить этого: дверь вагона оставалась закрытой, красноармейцы не выпускали узников, и они не могли видеть, кто распоряжался здесь.

В классном вагоне с детьми были Татищев, Гендрикова, Шнейдер, Нагорный, Буксгевден и Эрсберг. Первые четверо погибли, две последние уцелели. Показания их являлись бы особенно важными. Но баронесса Буксгевден не пожелала свидетельствовать по делу. Отмечено это только потому, что не могу принять на себя всю тяжесть упрека в нежелании открыть истину.

Эрсберг показала:

«Утром, когда мы были в Екатеринбурге, в наш вагон (я была с детьми) явились двое. Один был Заславский, другого я не знаю... Они потребовали от детей, чтобы они выходили. Были поданы извозчики. На одном из них с Ольгой Николаевной и сел Заславский».

Доставив детей в дом Ипатьева, Заславский с неизвестным снова вернулись к вагонам. Первый из них взял из классного вагона Татищева, Гендрикову и Шнейдер, а второй из товарного вагона – Труппа, Харитонова, Леонида Седнева и Волкова.

Эрсберг показывает:

«Потом, спустя некоторое время, явился снова Заславский и потребовал Татищева, Гендрикову и Шнейдер. Он сам их куда-то увел. После этого Родионов сказал нам: «Ну, через полчаса и ваша судьба решится. Только ничего страшного не бойтесь». После этого, кажется, тот же самый, который приходил в вагон с Заславским, увел Труппа, Харитонова, маленького Седнева и Волкова».

Всех этих лиц повезли на извозчиках сначала к дому Ипатьева. С ними ехали Заславский, неизвестный и Родионов. Здесь Трупп, Харитонов и Леонид Седнев были пропущены в дом Ипатьева. Татищева же, Гендрикову, Шнедер и Волкова неизвестный с Родионовым повезли в тюрьму. Волков показывает:

---

[63] Князь В.А. Долгоруков.

> «Нас остальных повезли дальше. Я спросил извозчика: «Далеко ли до дома?» Я думал, что нас везут куда-либо еще. Молчит. Я опять его спросил: «Ты куда нас везешь?» Опять молчит. И привезли нас в тюрьму. Когда нас привели в контору, Татищев не утерпел и сказал мне: «Вот, Алексей Андреевич, правду ведь говорят: от сумы да от тюрьмы никто не отказывайся». Родионов ничего на это не сказал Татищеву, а другой комиссар ответил: «По милости царизма я родился в тюрьме». Сказал он эти слова по нашему адресу и сказал их злобно. Не было тогда на меня ордера, а на всех остальных ордера уже были. Начальник тюрьмы и сказал тогда об этом комиссару. Он махнул рукой и сказал: «Потом пришлю». Я не знаю, кто это был. Но потом, когда был в тюрьме, комиссар юстиции Поляков, и мы обращались к нему по поводу отобрания у нас вещей (у меня взял саквояж этот самый неизвестный мне комиссар), и Поляков нас спросил, кто нас арестовывал и кто у нас отбирал наши вещи, и мы не могли ему ответить на его вопрос, начальник тюрьмы сказал Полякову, что нас привозил и сдавал ему Юровский. Это я хорошо помню».

Голощекин, Юровский и Заславский были теми людьми, которые проявляли власть над царской семьей с первого момента прибытия ее в Екатеринбург.

Очень скоро число обитателей Ипатьевского дома стало уменьшаться. 24 мая был взят камердинер Чемодуров, 28 мая – дядька Наследника Нагорный и лакей Иван Седнев. Они были отправлены в тюрьму.

С царской семьей оставались доктор Боткин, повар Харитонов, лакей Трупп, поварской ученик Леонид Седнев и комнатная девушка Демидова.

Всем остальным, кроме заключенных в тюрьмы и доктора Деревенько, было приказано покинуть пределы Пермской губернии. Деревенько остался в Екатеринбурге и проживал на свободе.

Глава 13.

Дом Ипатьева

Дом Ипатьева находится на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка, сравнительно в центральной части города.

Фотографический снимок № 21 передает его вид.[64]

Передним фасадом дом обращен на восток в сторону Вознесенского проспекта.

Здесь почва перед фасадом дома сильно понижается и имеет резкий уклон по Вознесенскому переулку.

Благодаря этому нижний этаж дома носит совершенно подвальный характер и окна его со стороны Вознесенского проспекта ниже уровня земли.

Ворота и калитка (не видны на снимке за выступом дома) ведут во двор, вымощенный каменными плитами. Здесь расположены различные хозяйственные службы.

Вблизи дома – деревянная будка, давно существующая при доме.

Задним фасадом дом обращен в сад, идущий вдоль Вознесенского переулка. В саду растут тополя, березы, липы, одна ель, кусты желтой акации и сирени.

Фотографический снимок № 22 передает со стороны Вознесенского переулка эту часть дома с террасой, выходящей в сад.

В сравнении с другими домами данной местности дом Ипатьева оставляет благоприятное впечатление. Садик же его мал и однообразен.

Ход в верхний этаж – со стороны Вознесенского проспекта.

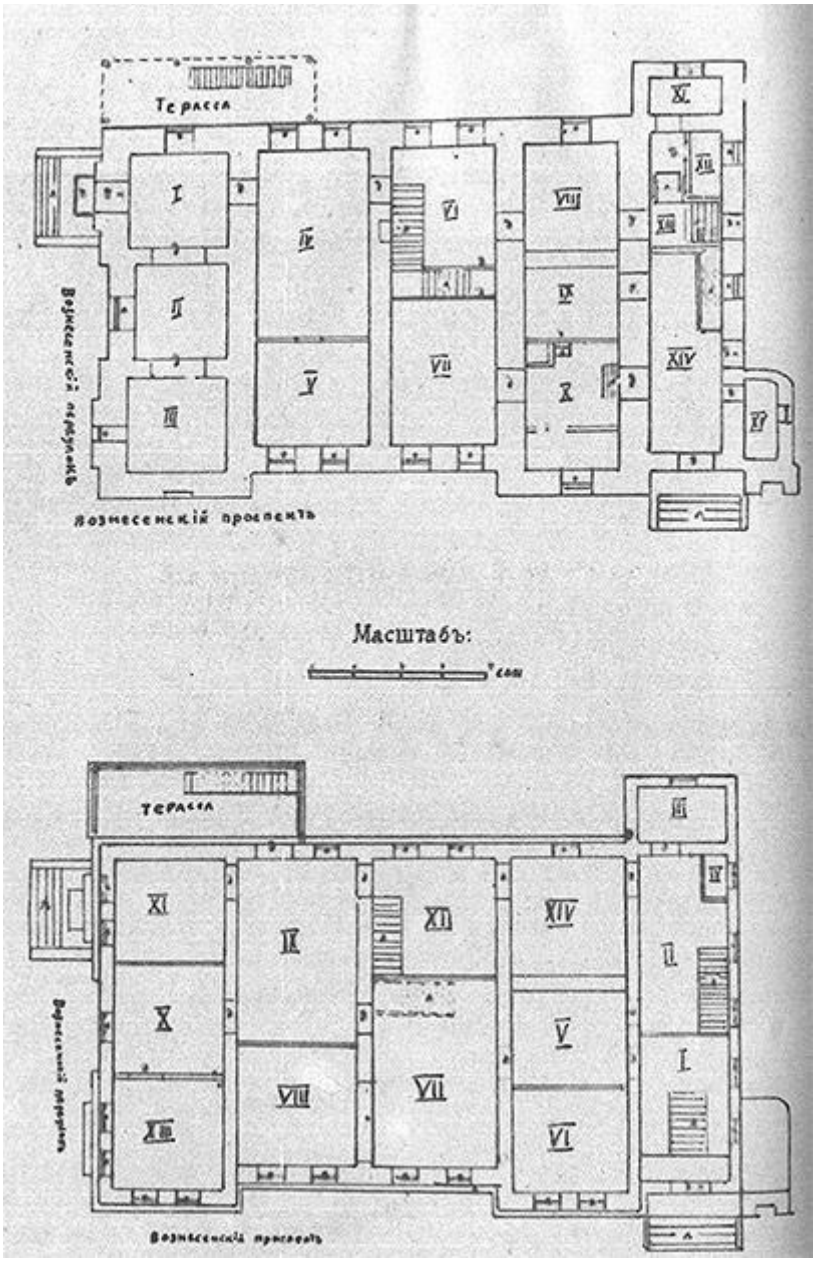
Тут же за дверью открывается помещение, обозначенное на снимке № 23 и на чертеже цифрой 1. Здесь расположена внутренняя парадная лестница дома. Она освещена окнами со стороны двора.

Деревянная перегородка с маленькой дверкой, видимой на снимке, отделяет это помещение от соседнего, обозначенного на снимках № 24–25 и на чертеже цифрой II.

Из помещения на снимке № 23 тут же за лестницей налево дверь ведет в прихожую верхнего этажа, обозначенную на чертеже цифрой V.

---

[64] Дом Ипатьева осматривался судебным следователем по важнейшим делам Наметкиным 2–8 августа 1918 года, членом суда Сергеевым 11–14 того же августа, мною 15–25 апреля 1919 года. Фотографические снимки № 26–31, 33 сделаны Наметкиным, снимки № 21–25, 32, 36, 37 – мною.



Соседняя с ней комната (под цифрой VI) занималась большевистским начальством.

Фотографический снимок № 26 передает ее вид.

Все остальные комнаты верхнего этажа предназначались для царской семьи и состоявших при ней лиц.

Показаниями камердинера Чемодурова и доктора Деревенько, допускавшегося иногда в дом Ипатьева, установлено, что Их Величества и Наследник Цесаревич занимали одну комнату под цифрой XIII, а Великие Княжны – соседнюю под цифрой X.

В комнате под цифрой XI помещалась Демидова, под цифрами VII и VIII (зал и гостиная) – Боткин и Чемодуров, под цифрой XII (проходная) и под цифрой XIV (кухня) – лакей Трупп, повар Харитонов и Леонид Седнев.

Комната под цифрой IX служила столовой.

Фотографические снимки № 27–31 передают вид: первый – комнаты Их Величеств и Наследника Цесаревича, второй – комнаты Великих Княжен[65], третий – зала и гостиной, перегороженных аркой, четвертый – столовой, пятый – из комнаты Демидовой через столовую, проходную и кухню.

Пять окон верхнего этажа дома обращены на Вознесенский переулок. Из них два, ближайшие к заднему фасаду дома, выходят из комнаты Демидовой; окно, соседнее с ними, из

[65] Видимая на снимке № 30 дверь (в столовой) ведет в комнату Великих Княжен.

комнаты Княжен; два окна, ближайшие к углу, и два соседние с ними со стороны Вознесенского проспекта – из комнаты Их Величеств и Наследника Цесаревича.

На чертеже нижнего этажа под цифрами I, II, III, V, VII, VIII и X обозначены жилые комнаты; под цифрами III, IX, XII, XV – кладовые; под цифрой XI – уборная и под цифрами XIII и XIV сени. Из этих сеней имеются двери во двор дома.

Фотографический снимок № 32 передает вид этих дверей.

Верхний этаж сообщается с нижним при помощи лестницы, идущей с верхнего этажа из помещения на снимке № 25 в сени под цифрой XIV.

Из всех этих комнат для нас имеет значение лишь комната под цифрой II.

Ее размеры 7 аршин 8 вершков и 6 аршин 4 вершка. В ней одно окно с двойными рамами, покрытое снаружи толстой железной решеткой. Оно обращено в сторону Вознесенского переулка.

На снимке № 22 это окно находится как раз под окном комнаты Великих Княжен.

Смежная с этой комнатой кладовая (III) глухая, выхода не имеет. Ее окно также с двойными рамами и железной решеткой снаружи, оно ближайшее к будке.

Дом Ипатьева, когда царская семья была заключена в нем, обнесен был двумя заборами. Первый проходил почти у самых стен дома, закрывая дом с окнами. Второй шел на некотором расстоянии от первого, образуя как бы дворик между заборами. Он совершенно закрывал весь дом вместе с воротами.

В наружном заборе были свои ворота и калитка.

Фотографический снимок № 33 передает вид внутреннего забора, снимок № 34 – наружного.

По углам его видны на снимке две будки, где помещались постовые охранники.

На снимке № 35 изображен наружный забор с Вознесенского переулка.

Эти два последние снимка были сделаны в момент заключения в доме царской семьи известным мне лицом тайно от большевиков при помощи малого карманного аппарата.

На снимке № 36 ворота дома и калитка.

На снимке № 37 сад при доме Ипатьева.

Глава 14.

Стража. Система постов. Режим в доме Ипатьева

Дом Ипатьева, когда там находилась царская семья, назывался у большевиков «домом особого назначения», а узники его назывались «жильцами дома Ипатьева».

Система караулов была такая.

С первого же момента стража делилась на наружную и внутреннюю.

Наружная стража занимала посты: 1) в будке у наружного забора на Вознесенском проспекте 2) в другой будке у того же забора на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка, 3) между наружным и внутренним заборами вблизи парадного крыльца, ведущего в верхний этаж дома, 4) в старой будке между стенами дома и внутренним забором, так что охранник всегда видел окна верхнего этажа и со стороны проспекта, и со стороны переулка, 5) в переднем дворе дома у калитки, 6) в саду, 7) на террасе дома, 8) в комнате нижнего этажа под цифрой IV у окна.

Внутренняя стража занимала два поста в верхнем этаже дома:

1) за передней дверью в помещении под цифрой I: здесь у окна вблизи перегородки стоял диванчик; в нем обычно сидел охранник,

2) в помещении под цифрой II вблизи уборной.

В первых числах июля число постов было увеличено. Были созданы посты: 1) на заднем дворе, 2) на чердаке и 3) где-то внутри дома.

Из всех перечисленных постов наружный на террасе дома, в комнате нижнего этажа под цифрой IV, на чердаке и внутри верхнего этажа дома были пулеметными.

Достаточно простого взгляда на чертежи Ипатьевского дома, чтобы понять, что при такой системе караулов царская семья была в западне, в безвыходном положении.

Сначала состав наружной охраны был случайный. Ее несли различные красноармейские отряды, постоянно менявшиеся.

Двое из таких охранников, Суетин и Латыпов, показали[66]:
Суетин:

> «В марте месяце сего года я поступил в особокараульную конвойную команду в г. Екатеринбурге, начальником которой был какой-то латыш, имя и фамилию его не знаю. Службу приходилось нести в тюрьме № 1, государственном банке и других местах. В апреле месяце меня назначили в караул в дом Ипатьева, где содержался Царь, там в карауле я был трое суток, стоял на посту внутри двора у ворот. Каждый день выходил в сад около 12 часов дня сам Государь, его жена и все четыре дочери, выходили все вместе и гуляли минут 30–40. За время прогулки Государь иногда подходил к кому-нибудь из часовых и разговаривал с ними, некоторых спрашивал, с какого года на службе. Я видел, что часовые к Государю относились хорошо, жалеючи, некоторые даже говорили, что напрасно человека томят. В охране Царя я был всего лишь трое суток, после чего я более там не дежурил».

Латыпов:

> «Весной нынешнего года я поступил на службу в караульную конвойную команду в г. Екатеринбурге, в которой служил всего лишь около месяца. За время этой службы меня вместе с другими назначили в караул по охране бывшего Царя, где я был всего лишь три дня, хотя назначали на неделю. В карауле я стоял на разных местах, иногда снаружи, а одни сутки стоял внутри двора. Находясь там, я один раз видел на прогулке в саду бывшего Царя с которой-то дочерью, во время прогулки везде во дворе стояли часовые. В разговоре в караульном помещении я слышал от некоторых часовых, что Царь с ними иногда здоровается, а дочери смеются. Часовые к Царю относились хорошо».

Иначе обстоял вопрос с внутренней охраной. Она сразу же была специально подобрана. Ее составили рабочие местной фабрики братьев Злоказовых. Это было общеизвестно, и выяснить ее состав не представило затруднений.[67]

Эту охрану составляли:

Авдеев Александр Дмитриев, 35 л., из Южноуфмского завода той же волости Осинского уезда Пермской губернии, слесарь.

Мошкин Александр Михайлов, 28 л., из г. Семипалатинска, слесарь.

Логинов Иван Петров из Каштымского завода той же волости Екатеринбургского уезда.

Логинов Василий Петров, его брат.

Логинов Владимир Петров, их брат.

Гоншкевич Василий Григорьев, 30 л., из Локшинской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии, слесарь.

Соловьев Александр Федоров, из м. Гусевского Заболкской волости Меленковского уезда Владимирской губернии, слесарь.

Люханов Сергей Иванов, из Ревдинского завода той же волости Екатеринбургского уезда, шофер.

Люханов Валентин Сергеев, его сын.

Шулин Иван Степанов, из Шадринского завода той же волости Екатеринбургского уезда, слесарь.

Бабич Антон, 20 л., из г. Уфы, слесарь.

Мишкевич Николай, матрос, из Петрограда.

---

[66] Удалось выяснить личность трех охранников этого раннего периода, несших наружную охрану. Это были: кр-н Каменомской волости Святцанского уезда Виленской губернии Феликс Михайлов Якубцов, кр-н Н.-Салдинской волости Верхотурского уезда Пермской губернии Григорий Иванов Суетин и кр-н В.-Вишнединской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии Мухамет Закир Абдул Латыпов. Они были допрошены начальником Екатеринбургского Розыска – первый 10 августа, второй – 2 октября и третий 3 октября 1918 г. в Екатеринбурге.

[67] Начальником Екатеринбургского Уголовного Розыска были допрошены: 28 сентября 1918 года кр-нка с. Уктуса Н.-Исетской волости Екатеринбургского уезда Анна Петрова Белозерова, 30 октября того же года кр-нка того же села Уктуса Ольга Иванова Степанова и того же 30 октября кр-нка с. Крутихина той же волости Шадринского уезда, Евдокия Семенова Межина – бывшая в интимной близости к некоторым из рабочих. Их показаниями состав охраны удалось установить точно. Он проверялся осмотрами книг фабрики.

Мишкевич Станислав, его брат.
Крашенинников Иван, из Пензы.
Украинцев Константин Иванов.
Лабушов Леонид Васильев, слесарь.
Комендантов Алексей.
Сидоров Алексей.
Корякин Николай.

Все эти люди жили в верхнем этаже дома Ипатьева, занимая комнаты под цифрами V и VI. Только они несли охрану на двух внутренних постах. Но не следует думать, что роль их ограничивалась только охраной этих постов. Они были хозяевами в доме и вторгались во все комнаты, где жила царская семья.

С момента приблизительно приезда детей был создан постоянный кадр наружной охраны.

Она была набрана из рабочих Сысертского завода, верстах в 35 от Екатеринбурга.

Ее составили:

Никифоров Алексей Никитин.
Добрынин Константин Степанов.
Старков Иван Андреев.
Старков Андрей Алексеев.
Стрекотин Андрей Андреев.
Стрекотин Александр Андреев.
Котов Михаил Павлов.
Проскуряков Филипп Полиевктов.
Столов Александр Алексеев.
Орлов Александр Григорьев.
Теткин Роман Иванов.
Подкорытов Николай Иванов.
Турыгин Семен Михайлов.
Луговой Виктор Константинов.
Семенов Василий Егоров.
Попов Николай Иванов.
Таланов Иван Семенов.
Садчиков Николай Степанов.
Кесарев Григорий Александров.
Зайцев Николай Степанов.
Беломоин Семен Николаев.
Летемин Михаил Иванов.
Сафонов Вениамин Яковлев.
Шевелев Семен Степанов.
Чуркин Алексей Иванов.
Кронидов Александр Алексеев.
Вяткин Степан Григорьев.
Котегов Иван Павлов.
Котегов Александр Алексеев.
Медведев Павел Спиридонов.
Дроздов Егор Алексеев.
Емельянов Федор Васильев.
Русаков Николай Михайлов.
Ладасщиков Петр Акимов.
Талонов Константин Васильев.[68]

Спустя неделю кадр наружной охраны был пополнен рабочими той же злоказовской фабрики. В нее вошли:

[68] Из числа этих лиц были задержаны Летемин, Медведев и Проскуряков. Летемин был допрошен в качестве свидетеля начальником Екатеринбургского Уголовного Розыска 7 августа 1918 года и членом суда Сергеевым 18–19 октября того же года. Медведев, как обвиняемый, был допрошен агентом Розыска Алексеевым 12 февраля 1919 года в Перми и членом суда Сергеевым 21–22 того же февраля в Екатеринбурге. Проскуряков был допрошен Алексеевым 26 того же февраля в Екатеринбурге и мною 1–3 апреля того же года в Екатеринбурге.

Якимов Анатолий Александров, 31 г., из Юговского завода той же волости Пермского уезда.

Лесников Григорий Тихонов, 29 г., из Кушвинского завода Соликамского уезда Пермской губернии.

Вяткин Филипп Ильин, из с. Уктуса Екатеринбургского уезда.

Путилов Николай Васильев, Базаровского общества Напорской волости Сарапульского уезда Вятской губернии, слесарь.

Смородяков Михаил, 18 л., из Нейво-Рудянского завода той же волости Екатеринбургского уезда.

Дерябин Никита Степанов, из д. Тимошиной Меркушинской волости Верхотурского уезда Пермской губернии.

Устинов Александр Иванов, 27 л., из Пожевского завода той же волости Соликамского уезда Пермской губернии.

Корзухин Александр Степанов, из с. Уктуса Екатеринбургского уезда.

Романов Иван Иванов, из Гарской волости Ростовского уезда Ярославской губернии.

Дмитриев Семен Герасимов, 21 г., из Ваньчуговской волости Кашинского уезда Тверской губернии.

Клещев Иван Николаев, 21 г., из г. Шадринска, слесарь.

Пермяков Иван Николаев, 18 л., из с. Уктуса Екатеринбургского уезда, слесарь.

Варакушев Александр Семенов, из Тулы или Петрограда, слесарь.

Прохоров Александр из Катав-Ивановского завода Уфимской губернии.

Брусьянин Леонид Иванов.

Пелегов Василий.

Осокин Александр.

Лякс Скорожинский.

Скороходов.

Фомин.

Зотов.[69]

Самые стены Ипатьевского дома выдали многих из этих лиц. Они были покрыты всевозможными надписями: результаты склонности охранников к заборной литературе. Удалось прочесть многие имена.

Среди множества брошенных документов оказались денежные расписки злоказовских рабочих, несших внутреннюю охрану, и требовательные ведомости сысертских рабочих, несших охрану наружную.

Наружная охрана поселилась в нижнем этаже ипатьевского дома: злоказовские рабочие в комнате под цифрой VI, сысертские – в комнате под цифрами IV и V. Спустя некоторое время наружная охрана была переведена в соседний дом Попова.

Когда возник кадр постоянной наружной охраны, она стала допускаться и на внутренние посты верхнего этажа дома. Но различие между ею и охраной внутренней не исчезло. По-прежнему злоказовские рабочие внутренней охраны царили в доме и имели доступ во все комнаты, куда не допускались рабочие наружной охраны.

Самым главным лицом среди охранников был Авдеев. Он назывался «комендантом дома особого назначения».

Мошкин был его помощником.

Медведев был «начальником» всей караульной команды, несшей охрану как на внутренних, так и на внешних постах.

Якимов, Старков и Добрынин были разводящими. Они ставили охранников на посты и наблюдали за ними, сами не неся охраны.

Только братья Мишкевичи и Скорожинский были, вероятно, польской национальности. Все остальные охранники были русские.

Что они представляли собой?

Фабрика братьев Злоказовых работала во время войны на оборону: изготовляла снаряды. Работа на фабрике избавляла от фронта. Сюда шел самый опасный элемент, преступный по типу:

---

[69] Из числа этих лиц был задержан Якимов. Он был допрошен агентом Екатеринбургского Уголовного Розыска Алексеевым как обвиняемый. 2 апреля 1919 года в Перми и мною 7–11 мая того же года в Екатеринбурге.

дезертир. Он сразу выплыл на поверхность в дни смуты, а после большевистского переворота создал его живую силу.

Авдеев – самый яркий представитель этих отбросов рабочей среды: типичный митинговый крикун, крайне бестолковый, глубоко невежественный, пьяница и вор.

Лучше всего слушать о нем рассказ рабочего той же фабрики Анатолия Якимова:

> «Прибыл в Екатеринбург я в первых числах ноября месяца 1917 года. Тогда же я и поступил на злоказовскую фабрику. Фабрикой в это время еще владели пока хозяева Злоказовы, но уже существовал «фабричный комитет» из рабочих. Был и комиссар фабрики. Этим комиссаром был Александр Дмитриев Авдеев. Откуда он родом, я не знаю. Полагаю я, что по ремеслу он слесарь. Говорили про него, что он был где-то машинистом на каком-то заводе при локомобиле... В декабре месяце Авдеев отвез хозяина фабрики Николая Федоровича Злоказова в острог. Вместо хозяев образовался «деловой совет». Этот совет и стал править фабрикой. Главой на заводе и стал Авдеев. Около него самыми приближенными к нему лицами были рабочие: братья Иван, Василий и Владимир Логиновы, Василий Григорьев Гоншкевич, Николай и Станислав Мишкевичи, Александр Федоров Соловьев, Николай Корякин, Иван Крашенинников, Алексей Сидоров, Константин Иванов Украинцев, Алексей Комендантов, Леонид Васильев Лабушев, Сергей Иванов Люханов и его сын Валентин... В апреле месяце стало известно в городе, что к нам в Екатеринбург привезли Царя. Объясняли об этом среди нас, рабочих, так, что Царя-де хотели выкрасть из Тобольска; потому-де его и перевезли в надежное место: в Екатеринбург. Такие разговоры тогда в нашей рабочей среде ходили. В первых числах мая месяца, в скором времени после перевезения к нам Царя, стало известно, что наш Авдеев назначен главным начальником над домом, где содержался Царь. Дом этот почему-то все называли «дом особого назначения», а про Авдеева говорили, что он над этим домом комендантом назначен. Действительно, скоро сам Авдеев об этом нам объяснил на митинге. Как произошло его назначение, я хорошо Вам объяснить не берусь. Авдеев был большевик самый настоящий. Он считал, что настоящую хорошую жизнь дали они, большевики. Он много раз открыто говорил, что большевики уничтожили богачей-буржуев, отняли власть у Николая «кровавого» и т.п. Постоянно он терся в городе с здешними заправилами из областного совета. Я думаю, что таким образом он, как ярый большевик, и был назначен областным советом «комендантом» дома особого назначения. На митинге же, который он тогда собирал, он нам рассказывал, что вместе с Яковлевым он ездил за Царем в Тобольск.[70] Что это был за Яковлев, я сам не знаю. Авдеев его поносил и говорил нам, что Яковлев хотел увезти Царя из России и повез его для этого в Омск. Но они, то есть екатеринбургские большевики, всё это узнали и не допустили увоза Царя, сообщив о намерении Яковлева в Омск. Смысл его речи был именно тот, что Яковлев держал руку Царя, а он, Авдеев, вместе с большевиками охраняет революцию от Царя. Про Царя он тогда говорил со злобой. Он ругал его, как только мог, и называл не иначе, как «кровавый», «кровопийца». Главное, за что он ругал Царя, была ссылка на войну: что Царь захотел этой войны и три года проливал кровь рабочих, что рабочих массами в эту войну расстреливали за забастовки. Вообще он говорил то, что везде говорили большевики. Из его слов можно было понять, что за эту его заслугу перед революцией, то есть за то, что он не допустил Яковлева увезти Царя, его и назначили комендантом дома особого назначения. И, как видать было, этим самым назначением Авдеев был очень доволен. Он был такой радостный, когда говорил на митинге и обещал рабочим: «Я вас всех свожу в дом и покажу вам Царя...» Постоянно туда ходили с нашей фабрики рабочие, только не все, а те, которых выбирал Авдеев... Главная цель у них, как я думаю, была в деньгах. За пребывание в доме особого назначения они получали особое содержание из расчета 400 рублей в месяц за вычетом кормовых. Кроме того, они и на фабрике получали жалованье, как состоящие в фабричном комитете или деловом совете».

Хорошо знали в Екатеринбурге охранника Шулина. Заведующий фабрикой Чистякова Шульц[71] рассказывает:

> «Я Шулина очень хорошо знаю. Я служу на заводе Чистякова, куда Шулин во время советской власти постоянно являлся... Шулин был членом делового совета злоказовского завода, несомненный большевик, агитатор и вербовщик в Красную Армию. Он являлся на завод Чистякова и произносил перед рабочими речи, призывая их вступать в ряды Красной Армии, чтобы уничтожать всех паразитов, – это его собственное выражение. Он арестовал управляющего заводом и добивался расстрела его, и только благодаря ходатайству рабочих тот был спасен. Хотел арестовать хозяина завода. Являлся на завод с вооруженными красноармейцами и отбирал хлеб...

---

[70] Авдеев был в Тобольске в отряде не Яковлева, а Заславского. Они выехали из Тобольска в Екатеринбург, опередив Яковлева шестью часами.

[71] В.К. Шульц был допрошен в г. Екатеринбурге военным контролем 3 июля 1919 года.

Совместно с заводскими красноармейцами составлял списки рабочих и служащих завода Чистякова, предназначенных к расстрелу перед приходом чешских войск».

«Красноармеец[72] Иван Николаев Клещев имеет от роду 21 год... С детского возраста имел дурные наклонности и, будучи еще несовершеннолетним, начал заниматься кражами, чему потворствовала ему мать. Учился плохо, также и вел себя плохо в ученическом возрасте, так что жаловались на его поведение учители; родители к исправлению его мер не принимали, и, в конце концов, он, как неисправимый по поведению человек, был исключен из училища. После этого он начал приучаться при отце слесарному искусству и работал на фабрике Ушкова до возмужалого возраста. Взрослый тоже замечался в кражах... Незадолго до февральской революции уходил искать работы на стороне от своих родителей и затем оказался в г. Тюмени в команде босяков, где мать его разыскала и привезла домой на фабрику Ушкова... При большевистском перевороте он примкнул к партии большевиков и вскоре сделался ярым красноармейцем и являлся предводителем шаек большевиков при отобрании и реквизиции имущества у владельцев».

Охранник Медведев откровенно объяснил при допросе, что кадр охраны потому был набран за 35 верст от Екатеринбурга, что здесь «организация партии большевиков считалась лучшей».

Его жена[73], скрашивая горькую правду, рассказала, что до революции она хорошо жила с мужем. После революции муж тут же записался в партию большевиков и стал «*непослушный, никого не признавал и как будто даже свою семью перестал жалеть*».

Охранник Летемин сознается, что, когда он предложил свои услуги по охране Царя, о его поведении справлялись и, справившись, приняли в охрану. В прошлом этого человека был приговор Екатеринбургского Окружного Суда с участием присяжных заседателей: в 1911 году Летемин был осужден на четыре года в арестантские роты с лишением прав за покушение на растление малолетней девочки, каковое наказание и отбыл.

Как жилось Царю и его семье в такой обстановке?

Императрица, Мария Николаевна и Демидова писали в Екатеринбург, когда там оставались дети. Они прибегали к конспиративному языку. Несомненно, в доме Ипатьева жилось плохо.

Свидетели показывают:

Жильяр: «24 апреля (старого стиля) от Государыни пришло письмо. Она извещала нас в нем, что их поселили в двух комнатах Ипатьевского дома; что им тесно; что они гуляют лишь в маленьком садике; что город пыльный; что у них рассматривали все вещи и даже лекарства. В этом письме в очень осторожных выражениях она давала понять, что надо взять нам с собой при отъезде из Тобольска все драгоценности, но с большими предосторожностями. Она сама драгоценности называла условно «лекарствами». Позднее на имя Теглевой пришло письмо от Демидовой, писанное несомненно по поручению Ее Величества. В письме нас извещали, как нужно поступить с драгоценностями, причем все они были названы «вещами Седнева»».

Битнер: «Я знаю, были тогда письма от Государыни и Марии Николаевны. Они писали, что спят «под пальмами» (на полу, без кроватей) и едят вместе с прислугой, что обед носят из какой-то столовой, а Государыне Седнев готовит макароны на спиртовке».

Теглева: «Были получены письма от Государыни и Марии Николаевны на имя Княжен и мною от Марии Николаевны и Демидовой. Из этих писем можно было понять, что им живется худо. Мария Николаевна писала, что они спят в одной комнате, что они все (вместе с прислугой) обедают вместе, что им Седнев готовит только кашу и что обед они получают из советской столовой. Демидова мне писала: «Уложи, пожалуйста, хорошенько аптеку и посоветуйся об этом с Татищевым и Жильяром, потому что у нас некоторые вещи пострадали». Мы поняли, что пострадали у них некоторые ценные вещи, и решили, что это Императрица дает нам приказание позаботиться о драгоценностях».

Чемодуров: «Как только Государь, Государыня и Мария Николаевна прибыли в дом, их тотчас же подвергли тщательному и грубому обыску, обыск производили некий Б.В. Дидковский[74] и Авдеев – комендант дома, послужившего местом заключения. Один из производивших обыск выхватил ридикюль из рук Государыни и вызвал замечание Государя: «До сих пор я имел дело с честными и порядочными людьми». На это замечание Дидковский ответил: «Прошу не забывать,

---

[72] Рапорт агента Екатеринбургского Уголовного Розыска Алексеева от 9 апреля 1919 года за № 26.

[73] Мария Даниловна Медведева была допрошена в качестве свидетельницы начальником Екатеринбургского Розыска 7 августа и Сергеевым 9–10 ноября 1918 г. в г. Екатеринбурге.

[74] Борис Владимирович Дидковский был, видимо, эмигрант и проживал в Швейцарии. Был близок к профессору геологии Дюпарку и состоял при нем коллекционером. Национальности его не знаю.

что Вы находитесь под следствием и арестом». В ипатьевском доме режим был установлен крайне тяжелый, и отношение охраны было прямо возмутительное, но Государь, Государыня и Великая Княжна Мария Николаевна относились ко всему происходившему по наружности спокойно и как бы не замечали окружающих лиц и их поступков. День проходил обычно так: утром вся семья пила чай – к чаю подавался черный хлеб, оставшийся от вчерашнего дня; часа в 2 обед, который присылали уже готовым из местного совета рабочих депутатов, обед состоял из мясного супа и жаркого; на второе чаще всего подавались котлеты. Так как ни столового белья, ни столового сервиза с собой мы не взяли, а здесь нам ничего не выдали, то обедали на не покрытом скатертью столе; тарелки и вообще сервировка стола была крайне бедная; за стол садились все вместе, согласно приказанию Государя. Случалось, что на семь обедавших подавалось только пять ложек. К ужину подавались те же блюда, что и к обеду. Прогулка по саду разрешалась только один раз в день, в течение 15–20 минут; во время прогулки весь сад оцеплялся караулом; иногда Государь обращался к кому-либо из конвойных с малозначащим вопросом, не имевшим отношения к порядкам, установленным в доме, но или не получал никакого ответа, или получал в ответ грубое замечание. День и ночь в верхнем этаже стоял караул из трех красноармейцев: один стоял у наружной входной двери, другой в вестибюле, третий близ уборной. Поведение и вид караульных были совершенно непристойные: грубые, распоясанные, с папиросами в зубах, с наглыми ухватками и манерами, они возбуждали ужас и отвращение».

Я допускал, что Чемодуров мог быть не вполне откровенен в своих показаниях перед властью, и выяснял, что он рассказывал другим людям про жизнь в Ипатьевском доме.

Свидетели показали:

Волков: «Я разговаривал с ним. Он был сильно потрясен. Он мне говорил, что из Тюмени их возил Яковлев куда-то взад и вперед, так что он совсем потерялся и не знал, куда же именно возил Яковлев. Привезли их в Екатеринбурге прямо в дом Ипатьева... Обращались плохо, грубо. Он рассказывал, что однажды один какой-то из большевиков стал рассматривать флаконы Государя и нюхать их. Государь сказал ему на это: «До сих пор я имел дело все-таки с порядочными людьми». Этот большевик ушел, сказал о словах Государя кому-то другому, и тот грубо сделал замечай Государю: «Не забывайте, что Вы арестованный». Обедали они все вместе. Во время обеда подходил какой-нибудь красноармеец, лез ложкой в миску с супом и говорил: «Вас все-таки еще ниче кормят». Видимо, здесь, в Екатеринбурге, обращение было совсем иное, чем в Тобольске».

Гиббс: «Чемодуров мне говорил, что здесь (в Екатеринбурге) им было плохо: с ними обращались грубо. Он говорил, что на Пасху у них был маленький кулич и пасха. Комиссар пришел, отрезал себе большие куски и съел. Он вообще говорил про грубости».

Кобылинский: «Передаю главное из его рассказов, что сохранила память. Когда Государь, Государыня и Мария Николаева прибыли в дом Ипатьева, их обыскали. Обыскивали хамски, грубо. Государь вышел из себя и сделал замечание. На это ему было в грубой форме указано, что он арестованный... Обед был плохой. С ним запаздывали: приносили его готовым из какой-то столовой вместо часа в три–четыре. Обед был общий с прислугой. Ставилась на стол миска; ложек, ножей, вилок не хватало; участвовали в обеде и красноармейцы; придет какой-нибудь и лезет в миску: «Ну, с вас довольно». Княжны спали на полу, так как кроватей у них не было. Устраивалась перекличка. Когда Княжны шли в уборную, красноармейцы, якобы для караула, шли за ними... Вообще даже со слов Чемодурова можно было понять, что царская семья подвергалась невыносимым моральным мукам».

Жильяр: «Про Чемодурова я могу сказать следующее. После допроса его Сергеевым он приехал ко мне в Тюмень. Он мне рассказывал, что его допрашивал Сергеев. Чемодуров мне говорил, что он не сказал всей правды Сергееву. Он был недоволен не лично Сергеевым, а самым фактом допроса его. У него была вера, что царская семья жива, и он мне говорил, что, пока он не убедился к ее смерти, он не скажет правды при допросе. Со мной он был откровенен. Он называл мне Авдеева, как главное лицо в доме Ипатьева. Он говорил, что Авдеев относился к семье отвратительно. Я точно и хорошо помню следующие случаи, о которых он рассказывал. Чемодуров говорил, что вместе с царской семьей за одним столом обедали и прислуга и большевистские комиссары, которые находились в доме. Однажды Авдеев, присутствуя за таким обедом, сидел в фуражке, без кителя, куря папиросу. Когда ели битки, он взял свою тарелку и, протянув руку между Их Величествами, стал брать в свою тарелку битки. Положив их на тарелку, он согнул локоть и ударил локтем Государя в лицо. Я передаю Вам точно слова Чемодурова. Когда Княжны шли в уборную, их там встречал постовой красноармеец и заводил с ними «шутливые» разговоры, спрашивая, куда они идут, зачем и т.д. Затем, когда они проходили в уборную, часовой, оставаясь снаружи, прислонялся спиной к двери уборной и оставался так до тех пор, пока ею пользовались. Вот эти случаи издевательства над ними я хорошо помню из рассказов Чемодурова».

Лакей Иван Седнев и дядька Наследника Нагорный сидели в одной тюрьме с князем Львовым.

Он показывает:

«Про екатеринбургский режим Седнев и Нагорный говорили в мрачных красках... Они (охранники) начали воровать первым делом. Сначала воровали золото, серебро. Потом стали таскать белье, обувь. Царь не вытерпел и вспылил: сделал замечание. Ему в грубой форме ответили, что он арестован и распоряжаться больше не может. Самое обращение с ними вообще было грубое. И Седнев и Нагорный называли режим в доме Ипатьева ужасным. Становилось, по их словам, постепенно всё хуже и хуже. Сначала, например, на прогулки давали 20 минут времени, а потом стали всё уменьшать это время и довели до 5 минут. Физическим трудом совсем не позволялось заниматься, Наследник был болен... В частности, дурно обращались с Княжнами. Они не смели без позволения сходить в уборную. Когда они шли туда, их до уборной обязательно провожал красноармеец. По вечерам Княжен заставляли играть на пианино. Стол у них был общий с прислугой. Седнев удивлялся, чем была жива Императрица, питавшаяся исключительно одними макаронами. Седнев и Нагорный ссорились в доме Ипатьева из-за царских вещей: как преданные семье люди, они защищали ее интересы. В результате они попали в тюрьму. Их рассказы подтверждали и красноармейцы, которые караулили нашу тюрьму[75]. Эти красноармейцы по очереди караулили то у нас, то в доме Ипатьева. Они со мной разговаривали. Их рассказы во всем сходились с рассказами Седнева и Нагорного. Они – это я помню – подтверждали, что Княжен заставляли играть на пианино, и вообще говорили, что с семьей обращаются худо».

Анна Белозерова жила с охранником Василием Логиновым. Стараясь говорить в мягких тонах про охранников, она говорит, что Княжны «учили играть их на какой-то музыке».

Обвиняемые Медведев, Проскуряков и Якимов объяснили:

Медведев[76]:

«Царь по внешнему виду все время был спокоен, ежедневно с детьми выходил гулять в сад, сын Алексей ходить не мог, у него болела нога, и его выносили в сад на руках, выносил его на руках всегда сам Царь, который вообще всегда сам ходил за ним, супруга Царя в сад не выходила никогда, а выходила лишь на парадное крыльцо к тыну, окружавшему дом, а иногда сидела возле сына, который обычно сидел в коляске. Царь по виду был здоров и не старел, седых волос у него не было, а супруга Царя начинала седеть и была худощава. Дети вели себя «обыкновенно» и улыбались при встрече с караульными. Разговаривать с ними запрещалось. Доводилось ему, Медведеву, разговаривать с Царем при встрече в саду; однажды он спросил его: «Как дела, как война, куда ведут войско», – на это он ему ответил, что война идет между собой, русские с русскими дерутся между собой. Также однажды Царь увидал, что он, Медведев, рвет лопушки в саду, и спросил его, на что он это рвет, он сказал ему – для табаку. Вообще много говорить не приходилось... Пищу для царской семьи первое время носили из советской столовой, находившейся на Главном проспекте; пищу эту носили из столовой женщины и девушки, от коих принимал караул у парадного крыльца, в дом они не входили... На пищу приносили суп, котлеты, белый хлеб, мясо и молоко. Потом разрешено было варить пищу повару их, который и приготовлял пищу. Неоднократно приглашался в дом священник для богослужения. За все время охраны дома при нем, Медведеве, никакого издевательства над Царем и его семейством не делалось и никаких оскорблений и дерзостей не допускалось. Спала царская семья в двух комнатах».

Проскуряков: «Вставали они утром часов в 8–9. У них была общая молитва. Они все собирались в одну комнату и пели там молитвы. Обед у них был в 3 часа дня. Все они обедали вместе в одной комнате, то есть я хочу сказать, что вместе с ними обедала и прислуга, которая была при них. В 9 часов вечера у них был ужин, чай, а потом ложились спать. Время дня они проводили, по словам Медведева, так: Государь читал, Государыня также читала или вместе с дочерьми вышивала что-нибудь или вязала. Наследник, если мог, делал из проволоки цепочки для своих игрушек – корабликов. Гуляли они в день часа полтора. Никаким физическим трудом им не позволялось заниматься (на воздухе)... Их пение я сам не один раз слышал. Пели они исключительно духовные песни. По воскресеньям у них служил священник с диаконом... Файка, Сафонов стал сильно безобразничать. Уборная в доме была одна, куда ходила вся царская семья. Вот около этой уборной Файка стал писать разные нехорошие слова... и разные другие слова, совсем неподходящие... Залез раз Файка на забор перед самыми окнами царских комнат и давай разные

[75] Красноармейцы наружной охраны самого раннего периода.

[76] Я привожу объяснение Медведева, которое он дал агенту Алексееву под наблюдением прокурора Пермского Окружного Суда Шамарина. Член суда Сергеев допросил его менее обстоятельно.

нехорошие песни играть. Андрей Стрекотин в нижних комнатах начал разные безобразные изображения рисовать. В этом принимал участие и Беломоин: смеялся и учил Стрекотина, как лучше надо рисовать. Это я сам видел, как Стрекотин эти вещи рисовал».

Якимов: «Они иногда пели. Мне приходилось слышать духовные песнопения. Пели они Херувимскую Песнь. Но пели они и какую-то светскую песню. Слов ее я не разбирал, а мотив ее был грустный. Это был мотив песни «Умер бедняга в больнице военной». Слышались мне одни женские голоса, мужских ни разу не слышал... Непосредственно наблюдать, как Авдеев относился к Царю и его семье, мне не приходилось. Но я наблюдал самого Авдеева, имевшего с ними общение. Авдеев был пьяница, грубый и неразвитой; душа у него была недобрая. Если, бывало, в отсутствие Авдеева кто-нибудь из царской семьи обращался с какой-либо просьбой к Мошкину, тот всегда говорил, что надо подождать возвращения Авдеева. Когда же Авдеев приходил и Мошкин передавал ему просьбу, у Авдеева был ответ: «Ну их к черту!» Возвращаясь из комнаты, где жила царская семья, Авдеев, бывало, говорил, что его просили о чем-либо, и он отказал. Это отказывание ему доставляло видимое удовольствие. Он об этом радостно говорил. Например, я помню, его просили разрешить открывать окна, и он, рассказывая об этом, говорил, что он отказал в этой просьбе. Как он называл Царя в глаза, не знаю. В комендантской он называл всех «они». Царя он называл Николашкой... Он, как только попал в дом Ипатьева, так начал таскать туда своих приближенных рабочих... Все эти люди бражничали в доме Ипатьева, пьянствовали и порвали царские вещи. Раз Авдеев напился до того пьяный, что свалился в одной из нижних комнат дома... А в нижний этаж он попал тогда после посещения в таком виде царской семьи; он в таком виде ходил к ней. Пьяные они шумели в комендантской комнате, орали, спали вповалку, кто где хотел, и разводили грязь. Пели они песни, которые, конечно, не могли быть приятны для Царя. Пели они всё «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Отречемся от старого мира», «Дружно, товарищи, в ногу». Вот, зная Авдеева как большевика, как человека грубого, пьяного и душой недоброго, я думаю, что он обращался с царской семьей плохо: не мог он обращаться с ней хорошо по его натуре, по его поведению; как я сам его наблюдал в комендантской, думаю, что его обращение с царской семьей было для нее оскорбительным. Припоминаю еще, что вел Авдеев со своими товарищами разговоры и про Распутина. Говорил он то, что многие говорили, о чем и в газетах писали много раз...»

Красноречивее всяких слов говорит сам дом Ипатьева, как жилось здесь узникам. Необычные по цинизму надписи и изображения с неизменной темой: о Распутине. Как глубоко ошибаются те, кто думает, что яд этого чудовища не проник в народные массы.

Глава 15.

Окружение царской семьи чекистами

В первых числах июля в доме Ипатьева произошли большие перемены.

Авдеев, его помощник Мошкин и все рабочие злоказовской фабрики, жившие в верхнем этаже, были внезапно изгнаны, а Мошкин был даже арестован.

Вместо Авдеева комендантом стал известный уже нам Юровский, а его помощником некто Никулин.

Они заняли ту же комнату под цифрой VI, где жил и Авдеев. Но Юровский проводил лишь день в доме Ипатьева. Никулин жил в нем.

Через несколько дней после появления их прибыли еще десять человек, поселившиеся в нижних комнатах под цифрами II, IV и VI.

Они и стали нести внутреннюю охрану. Злоказовские же и исетские рабочие, жившие в доме Попова, были совершенно устранены от нее и продолжали нести исключительно охрану наружную.

Что означала эта перемена?

Чувство лодыря, соблазна легкого труда и небывалая по тем временам его оплата привели в дом Ипатьева пьяного слесаря от локомобиля и его пьяную ватагу. По своему круглому невежеству эти распропагандированные отбросы из среды русского народа, вероятно, сами себя считали крупными фигурами в доме Ипатьева. Они не сами пришли сюда. Их сюда посадили, а затем в нужную минуту выгнали.

Прибытие в Екатеринбург Императора вскрыло фигуру распорядителя Голощекина, прибытие детей – Юровского.

Шая Исакович Голощекин – мещанин г. Невеля Витебской губернии, еврей, родился в 1876 году. Партийная его кличка – Филипп.

Он кончил гимназию в Витебске и зубоврачебную школу в Риге.

В 1906 году он был арестован как большевик-пропагандист в пределах Петроградской губернии и в 1907 году был осужден Петроградской Судебной Палатой на 2 года в крепость.

Едва отбыв наказание, он тотчас же возобновил свою революционную деятельность в Москве и играл большую роль в московском комитете партии. Но скоро он был вновь арестован и сослан в Нарымский край.

В 1911 году он бежал из ссылки за границу.

Там в это время шла большая борьба в рядах большевистских фракций. С Лениным боролось левое крыло большевиков, обвиняя его в узурпаторских наклонностях и в измене принципам чистого большевизма. Правое крыло стремилось к соглашению с меньшевиками. Сам Ленин шел к захвату власти в партии и пытался создать сплоченное ядро профессиональных революционеров, чтобы, действуя через них как своих агентов, проводить нужные ему идеи. Подготовляя созыв общепартийной конференции, он домогался провести туда нужных ему людей.

Вернувшись в Россию, Голощекин оказал громадную услугу Ленину агитацией в рабочих районах и, в частности, на Урале.

Конференция собралась в Праге в 1912 году.

Голощекин был на этой конференции как представитель Москвы. Он тогда же был избран членом ЦК партии. Ему было поручено сделать доклады о работах конференции в Москве и на Урале с назначением его разъездным агентом «Русского Бюро ЦК».

В том же 1912 году он вновь был арестован и сослан в Сибирь на 4 года.

В.Л. Бурцев говорит о нем:

> «Я знаю Голощекина и узнаю его на предъявленной мне Вами карточке. Это типичный ленинец. В прошлом он организатор многих большевистских кружков и участник всевозможных экспроприаций. Это человек, которого кровь не остановит. Эта черта особенно заметна в его натуре: палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации».

Он был на Урале членом областного совета и областным военным комиссаром.

Этим положением Голощекина и определялась его роль в ипатьевском доме.

Когда возникла угроза большевистскому игу в лице атамана Дутова, Голощекин быстро создал кадры вооруженных уральских рабочих и бросил их в тыл Дутова. Бешено энергичный, он знал, благодаря своим старым связям на Урале, где брать живую силу большевизма.

Сысертский завод был одним из тех, кто дал Голощекину эту силу. Большинство сысертских рабочих входили в отряды, боровшиеся с Дутовым. Злоказовская фабрика была гнездом большевизма.

Охрана в доме Ипатьева носила характер военной организации. Рабочие, вошедшие в нее, считались красноармейцами. Их обучали военной службе.

Эту охрану в ипатьевском доме и создал Голощекин. Она и подчинилась ему как областному комиссару.

Медведев был давно агентом Голощекина. Он и набирал в Сысерти нужных Голощекину людей.

Жена Медведева откровенно показала при допросе: «*Поручение* (набрать охрану) *было дано моему мужу комиссаром Голощекиным*».

Яков Михайлович Юровский – мещанин г. Каинска Томской губернии, еврей, родился в 1878 году.[77]

Когда Юровский злобно иронизировал в тюрьме по адресу Татищева: «По милости царизма я родился в тюрьме», он лгал, одеваясь в чужой костюм наследственного революционера.

---

[77] Сведения о личности Юровского основаны на точных данных: на показаниях его матери Эстер Моисеевны, допрошенной агентом Алексеевым 27 июня 1919 года в Екатеринбурге, родных его братьев Эле-Мейера и Лейбы и жены первого Леи-Двейры Мошковой, допрошенных мною 5 ноября того же года в г. Чите.

Его дед Ицка проживал некогда в Полтавской губернии. Сын последнего, Хаим, отец Юровского, был простой уголовный преступник. Он совершил кражу и был сослан в Сибирь судебной властью.

Яков Юровский получил весьма малое образование. Он учился в Томске в еврейской школе «Талматейро» при синагоге и курса не кончил.

Мальчиком он поступил учеником к часовщику еврею Перману, а в 1891–1892 гг. открыл в Томске свою мастерскую.

В 1904 году он женился на еврейке Моне Янкелевой. В годы первой смуты он почему-то уехал в Германию и год жил в Берлине.

Там он изменил вере отцов и принял лютеранство.

Из Берлина он сначала проехал на юг и проживал, видимо, в Екатеринодаре. Затем он вернулся в Томск и открыл здесь часовой магазин.

Можно думать, что его заграничная поездка дала ему некоторые средства. Его брат Лейба говорит: «*Он был уже богат. Его товар в магазине стоил по тому времени тысяч десять*».

Это же время было и началом его революционной работы. Он был привлечен к дознанию в Томском Губернском Жандармском Управлении и выслан в Екатеринбург. Это произошло в 1912 году.

Здесь Юровский открыл фотографию и занимался этим делом до войны. В войну он был призван как солдат и состоял в 698-й Пермской пехотной дружине. Ему удалось устроиться в фельдшерскую школу. Он кончил ее, получил звание ротного фельдшера и работал в одном из екатеринбургских лазаретов.

По характеру – это вкрадчивый, скрытный и жестокий человек. Его братья говорят о нем:

> Эле-Мейер: «Он у нас считался в семье самым умным, а я человек рабочий. То, что он считался у нас самым умным, меня от него и отталкивало... Только могу сказать, что он человек с характером».
>
> Лейба: «Характер у Янкеля вспыльчивый, настойчивый. Я, учился у него часовому делу и знаю его характер: он любит угнетать людей».

Жена Эле Лея показывает:

> «Янкеля, брата мужа, я, конечно, знала. Мы никогда не были с ним близки. Мы с ним разные люди: он перешел из иудейства в лютеранство, я – еврейка фанатичка. Я его не любила: он был мне всегда несимпатичен. Он по характеру деспот. Он страшно настойчивый человек. Его выражение всегда было: «Кто не с нами, тот против нас». Он эксплуататор. Он эксплуатировал моего мужа, своего брата».

До революции Юровский не был заметен на фоне местной жизни. После переворота 1917 года он – большевик с первых же дней. Озлобленный демагог, он участник митингов и в солдатской шинели натравливает солдатские массы на офицеров.

После большевистского переворота Юровский – член Уральского областного совета и областной комиссар юстиции.

Ему принадлежала в доме Ипатьева не меньшая роль, чем Голощекину: он бывал здесь в роли наблюдателя за жизнью семьи.

Врач Деревенько[78] показывает:

> «С убийцей Государя Императора Николая II Юровским я встретился в г. Екатеринбурге в июне месяце 1918 года в доме Ипатьева, где находилась царская семья. Там я был как личный врач Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, у которого состоял безотлучно с 1912 года... В одно из посещений, зашедши в комнату, я увидел сидящего около окна субъекта в черной тужурке, с бородкой клинчиком черной, черные усы и волнистые, черные, не особенно длинные, зачесанные назад волосы, черные глаза, полное скуластое лицо, чистое, без особых примет, плотного телосложения, широкие плечи, короткая шея, голос – чистый баритон, медленный, с большим апломбом, с чувством собственного достоинства... Осмотревши больного, Юровский, увидев на ноге Наследника опухоль, предложил мне наложить гипсовую повязку и обнаружил этим свое знание медицины. При нашем входе сидевший тут же Государь встал. Юровский, осмотрев больного, повернулся к столу, остановился, заложив руки в карманы, и начал рассматривать находившееся на столе. После этого все мы вышли. При выходе я спросил Авдеева: «Что это за господин?» Послед-

[78] В.Н. Деревенько был допрошен военным контролем 11 сентября 1919 года в г. Томске.

ний ответил: «Это Юровский». Какую роль играл Юровский, он не сказал, но я знал, что Юровский играл очень, очень важную роль».

Дом Ипатьева выделяет еще третью фигуру: Белобородова.

Александр Георгиевич Белобородов – родом из Лысьвенского завода Пермской губернии, в возрасте 32–35 лет, русский, конторщик по профессии. Он числился председателем Уральского областного совета.

Из него хотят сделать крупную революционную фигуру. Это неправда. Распропагандированный рабочий, невежественный, он был порождением уральской глуши. Его, быть может, никогда бы не увидели за ее пределами, если бы не убийство царской семьи. Только после этого он оказался членом ЦИКа и видным столичным чекистом.

Он никогда не был самостоятелен и в роли председателя областного совета. Одно время он был арестован за кражу или присвоение 30˙000 рублей, содержался в тюрьме, был освобожден и снова занял свой пост.

Местный большевик Юровский бледнеет перед Голощекиным. Я не могу и сравнивать с ним Белобородова. Он ближе к Авдееву, отличаясь от него разве красным почерком.

Для Ипатьевского дома эти три человека связывались, как, впрочем, и для всего населения Екатеринбурга, не их положением в областном совдепе. Они были страшны, внушали ужас своей ролью в чека, где они были руководителями.

Областная чека занимала в Екатеринбурге гостиницу, известную под именем «американской».

Когда она была занята большевиками, там остался старый аппарат служащих.

Горничные гостиницы Пьянкова, Морозова, Дедюхина и Швейкина показали[79]:

Пьянкова: «Из комиссаров я знаю Голощекина и Юровского; за первым из них числился номер 10, а за вторым номер 3. Юровский постоянно принимал участие в заседаниях чрезвычайной комиссии; бывал на них и Голощекин».

Морозова: «Комиссия собиралась часто на заседание в номере 3-м, числящемся за комиссаром Юровским. Юровский в гостинице не жил, но почти всегда присутствовал на заседаниях и сидел на главном месте... Комиссар Голощекин также приезжал на заседания, но числился ли за ним номер, не припомню».

Дедюхина: «Из комиссаров я знаю Голощекина и Юровского; за Голощекиным числился номер 10, а за Юровским номер 3 (лучший и самый большой), в номерах этих они не жили, а приходили только на занятия».

Швейкина: «Я служила около 25 лет горничной в американской гостинице до занятия ее большевиками в начале июня прошлого года. После занятия гостиницы служащие, в числе их и я, остались на своих местах. В гостинице поселились Чрезвычайная комиссия и боевой отряд палачей, красноармейцев... В тех заседаниях, которые были важными (судя по их продолжительности), участвовали комиссары Белобородов, Голощекин, Чуцкаев, Жилинский и Юровский... За Юровским числился номер 3, но он в нем не жил, а только занимался. За Голощекиным числился номер 10, но жил он в нем лишь последние 4–5 дней перед эвакуацией».

Летом 1918 г. в г. Алапаевске Пермской губернии находился в ссылке в числе других лиц Императорской Фамилии Князь Иоанн Константинович со своей женой Княгиней Еленой Петровной – Королевной Сербской.

В июне месяце Княгиня поехала в Екатеринбург, надеясь получить разрешение для поездки в Петроград к своим детям. Ее должны были сопровождать ее секретарь Смирнов, сербский майор Мичич и два сербских солдата Божичич и Абрамович. 7 июля все они были арестованы и отправлены в чека. Смирнов[80] показывает:

«...В нашу комнату вошла группа чекистов с неизвестным мне лицом во главе, распоряжавшимся обыском. Это лицо обратило главное внимание на майора и само производило у него личный обыск, обнаружив приемы опытного сыщика. Оно само ломало воротничок майора, осматривало тщательно подошвы его сапог и т.п. Красноармейцы, к которым я обратился за вопросом, сказали мне, что человек этот Юровский, что он «комиссар дома Романова»».

---

[79] Свидетельницы А.М. Пьянкова, П.И. Морозова, Ф.А. Дедюхина и А.Н. Швейкина были допрошены Сергеевым 18–26 февраля 1919 года в Екатеринбурге.

[80] Свидетель С.Н. Смирнов был допрошен мною 16 марта 1922 г. в г. Фонтенбло.

20 июля узники были переведены в пермскую тюрьму. Это было ужасное время. Многие погибли, кто содержался здесь.

Смирнов показывает:

> «Голощекина я видел в пермской тюрьме. Я видел его раза два. В первый раз он был в тюрьме в сопровождении каких-то других комиссаров, обходил камеры, был и в нашей. Я положительно знаю, что в это посещение решался вопрос о том, кто будет расстрелян. Голощекин был главным лицом в этой комиссии. Во второй раз он был у нас в камере в сопровождении какого-то местного комиссара, и этот комиссар делал ему, Голощекину, доклад, какие арестанты и за что сидят... Он был главным лицом. Роль Юровского в областной чека была очевидна».

Откуда взялись те десять человек, которые составили новую внутреннюю охрану?

Якимов объяснил:

> «Юровский тогда же (в первый день прибытия в дом Ипатьева в качестве коменданта) спрашивал Медведева, кто несет охрану внутри дома, т.е. на постах № 1 и 2. Узнав, что внутреннюю охрану несут эти самые «привилегированные» из партии Авдеева, Юровский сказал: «Пока несите эту охрану на этих постах вы, а потом я потребую к себе людей на эти посты из Чрезвычайной комиссии». Я категорически утверждаю подлинность этих слов Юровского о людях из Чрезвычайной комиссии. Действительно, через несколько дней эти люди из Чрезвычайной следственной комиссии и прибыли в дом Ипатьева. Их было десять человек. Их имущество привозилось на лошади. Чья была эта лошадь, кто был кучер, не знаю. Но только всем тогда было известно, что прибыли эти люди из чрезвычайки, из американской гостиницы».

Обвиняемые Медведев, Якимов и Проскуряков называют этих людей «латышами».

В их устах это слово имеет, однако, несколько иной смысл.

Главную вооруженную силу большевиков в Сибири составляли латышские отряды и австро-немецкие пленные. Они держались замкнуто, отчужденно от русских красноармейцев.

Последние противопоставляли себя им и всех вообще нерусских большевиков называли «латышами». Большевик Медведев, состоявший в сысертской партии, плативший даже партийные взносы, отнюдь не считал себя большевиком. Он называл большевиками людей нерусских.

Следствием удалось установить, что из этих десяти человек пятеро были нерусские и не умели говорить по-русски. Юровский, знавший немецкий язык, говорил с ними по-немецки.

На террасе Ипатьевского дома, где был пост № 6, я обнаружил надпись на русском языке: «№ 6. Вергаш карау... 1918. VII/15».

Кто-то, стоявший на этом посту за сутки до убийства, хотел увековечить свое имя, но запутался в слове «караулил».

Тогда он написал по-мадьярски: Verhás András 1918 VII/15 eörsegen.

Осматривая сады Ипатьева, я нашел здесь обрывок письма на мадьярском языке на имя «Терезочки». Его писал весной 1918 года охранник.

Экспертиза пришла к выводу, что это письмо писано мадьяризированным немцем.

Из остальных пяти один был русский и носил фамилию Кабанов. Другие четверо говорили по-русски, но их национальности я не знаю.

Помощник Юровского Никулин был, видимо, русский. Удалось точно установить, что он до переселения в дом Ипатьева жил в американской гостинице и был назначен чека, как и остальные десять человек.

В доме Ипатьева поселился отдел чека во главе с самым видным чекистом Юровским. Вот смысл перемены, происшедшей здесь в первых числах июля месяца. Чем она была вызвана?

В мае месяце близкие царской семье Толстые послали в Екатеринбург своего человека Ивана Ивановича Сидорова.

Он отыскал доктора Деревенько, и тот сказал Сидорову, что царской семье живется худо: тяжелый режим, суровый надзор, плохое питание.

Они решили помочь семье и вошли в сношения: Сидоров с Новотихвинским женским монастырем, а Деревенько – с Авдеевым.

Было налажено доставление семье разных продуктов из монастыря. Их носили послушницы Антонина и Мария. Они показали[81]:

---

[81] Свидетельницы послушницы Антонина и Мария допрошены были мною 9 июля 1919 гола в Екатеринбурге.

Антонина: «После того, как стал этот господин (Сидоров) к нам ходить, однажды пришел к нам доктор Деревенько. Я его видела сама. Он мне сказал, что у него, Деревенько, был разговор с комендантом ипатьевского дома Авдеевым, и тот позволил в этот дом царской семье разную провизию доставлять. Я знала, что Иван Иванович должен был идти к доктору Деревенько относительно царской семьи. Вот после этого Деревенько к нам и пришел. Ну, тут матушка Августина приказала нам с послушницей Марией идти в дом Ипатьева и нести туда четверть с молоком. Мы ее отнесли. Это было 5 июня по старому стилю. Потом мы так и стали носить разную провизию царской семье. Носили яйца по два десятка, сливки, сливочное масло, иногда мясо, колбасу, редис, огурцы, ботвинью, разные печенья (пироги, ватрушки, сухари), орехи. Как-то сам Авдеев сказал нам, что Император нуждается в табаке. Так он и сказал тогда – «Император». Мы и табаку доставали и носили. Всё от нас всегда принимал или Авдеев, или его помощник. Как, бывало, мы принесем провизию, часовой пустит нас за забор к крыльцу. Там позвонят, выйдет или Авдеев, или его помощник, и всё возьмут. Авдеев и его помощник очень хорошо к нам относились, и никогда мы от них худого не слыхали. 22 июня (по старому стилю) мы принесли разную провизию. Ее от нас взяли. Кажется, помощник Авдеева взял, но тут заметно было, что у них смущение: брать или не брать. Мы ушли, но скоро нас догнали двое красноармейцев с винтовками, посланные из ипатьевского дома, и нас вернули назад. Там к нам вышел новый уже комендант, вот этот самый, карточку которого я вижу (предъявлена карточка Юровского), по фамилии, как потом мы узнали, Юровский, и строго нас спросил: «Это вам кто позволил носить?» Я сказала: «Носим по разрешению коменданта Авдеева и по поручению доктора Деревенько». Тогда он стал нам говорить: «А другим арестованным вы носите, которые в тюрьмах сидят?» Я ему отвечаю: «Когда просят, носим». Ну, больше ничего не было, и мы ушли. На другой день 23 и 24 июня мы опять носили провизию. Носили молоко и сливки, Юровский опять к нам пристал: «Вы это что носите?» Мы говорим:

«Молоко». – «А это что в бутылке? Тоже молоко? Это сливки». Ну, после этого мы стали при Юровском носить только одно молоко. Так и носили до 4 июля по старому стилю... Носили мы царской семье провизию не в монастырском одеянии, а в вольном платье. Нам так доктор Деревенько сказал, а он об этом с Авдеевым уговорился. Авдеев и знал, что мы из монастыря носим, но никому, должно быть, из своих красноармейцев не сказывал».

Мария: «В прошлом году позвала меня матушка Августина к себе и приказала мне: «Надень светское! Будешь с Антониной молоко носить в ипатьевский дом». Тут сказала она, что царской семье это молоко пойдет. Светское я надела, Антонина тоже, и понесли мы молоко. Четверть понесли. А было это 5 числа июня месяца. Потом мы стали носить сливки, сливочное масло, редис, огурцы, ботвинью, разные печенья, иногда мясо, колбасу, хлеб. Всё это брал у нас или Авдеев, или его помощник. За забор нас пустят, к крыльцу мы подойдем; часовой позвонит, выйдет Авдеев или его помощник, возьмут от нас провизию, и мы уйдем... Очень хорошо к нам Авдеев и его помощник относились. Так и носили мы провизию до 22 июня. 22 числа приносим. Какой-то, кажется, солдат взял у нас провизию, но какое-то смущение у них было, и что-то такое непонятное говорили: «Брать или не брать?» Взяли. Дорогой нас солдаты с винтовками догнали и назад вернули. Мы пришли. К нам вышел новый комендант, вот этот самый, который на карточке изображен (предъявлена карточка Юровского), Юровский по фамилии, и говорит строго нам: «Кто вам носить дозволил?» Мы отвечаем: «Авдеев приказал по распоряжению доктора Деревенько». А он говорит: «Ах, доктор Деревенько! Значит, тут и доктор Деревенько!» Видать, что он тут доктора Деревенько с Авдеевым в одном повинил: что оба они царской семье облегчение делали. А потом нас и спрашивает: «Вы откуда носите?» Ну, мы знали, что известно было Авдееву, кто мы такие и откуда молоко носим. А тут скрываться хуже, пожалуй, будет, мы и говорим: «С фермы носим». – «Да с какой фермы?» Мы и сказали: «С монастырской фермы». Юровский тут же наши имена записал. Ничего больше он нам не сказал. Запрещения не было носить, мы и на другой день снесли провизию и на третий день (24 июня по старому стилю) понесли. Тут нас Юровский спрашивает, на каком основании мы сливки носим. Мы говорим, что молоко носим, а не сливки (в отдельной бутылке), а что не было запрещения носить кроме четверти еще и бутылку. Он сказал, чтобы мы носили только одну четверть молока, а больше бы не смели носить. Мы стали носить одно молоко».

Скажут, что не царской семье шли продукты, а товарищу Авдееву. Я допускаю, что многое, быть может, не доходило до семьи. Но нет сомнения, что соглашение у Деревенько с Авдеевым было, и чекисты не знали об этом.

Обвиняемые Проскуряков и Якимов объяснили:

Проскуряков: «Я вполне сам сознаю, что напрасно я не послушался отца и матери и пошел в охрану. Я сам теперь сознаю, что нехорошее это дело сделали, что побили царскую семью, и я понимаю, что и я нехорошо поступил, что кровь убитых уничтожал. Я совсем не большевик и

никогда им не был. Сделал это я по глупости и по молодости. Если бы я теперь мог чем помочь, чтобы всех тех, кто убивал, переловить, я бы всё для этого сделал».

Якимов: «Вы спрашиваете меня, почему я пошел караулить Царя. Я не видел в этом тогда ничего худого. Как я уже говорил, я все-таки читал разные книги. Читал я книги партийные и разбирался в партиях. Я, например, знаю разницу между взглядами социалистов-революционеров и большевиков. Те считают крестьян трудовым элементом, а эти – буржуазным, признавая пролетариатом только одних рабочих. Я был по убеждениям более близок большевикам, но и я не верил в то, что большевикам удастся установить настоящую, правильную жизнь их путями, то есть насилием. Мне думалось и сейчас думается, что хорошая, справедливая жизнь, когда не будет таких богатых и таких бедных, как сейчас, наступит только тогда, когда весь народ путем просвещения поймет, что теперешняя жизнь не настоящая. Царя я считал первым капиталистом, который всегда будет держать руку капиталистов, а не рабочих. Поэтому я не хотел Царя и думал, что его надо держать под стражей, вообще в заключении для охраны революции, но до тех пор, пока народ его не рассудит и не поступит с ним по его делам: был он плох и виноват перед Родиной или нет. И если бы я знал, что его убьют так, как его убили, я бы ни за что не пошел его охранять. Его, по моему мнению, могла судить только вся Россия, потому что он был Царь всей России. А такое дело, какое случилось, я считаю делом нехорошим, несправедливым и жестоким. Убийство же всех остальных из его семьи еще и того хуже. За что же убиты были его дети? А так, я еще должен сказать, что пошел я на охрану из-за заработка. Я тогда был всё нездоров и больше поэтому пошел: дело нетрудное... Я никогда, ни одного раза не говорил ни с Царем, ни с кем-либо из его семьи. Я с ними только встречался. Встречи были молчаливые... Однако эти молчаливые встречи с ними не прошли для меня бесследно. У меня создалось в душе впечатление от них ото всех.

Царь был уже немолодой. В бороде у него пошла седина... Глаза у него были хорошие, добрые... Вообще он на меня производил впечатление как человек добрый, простой, откровенный, разговорчивый. Так и казалось, что вот-вот он заговорит с тобой, и, как мне казалось, ему охота была поговорить с нами.

Царица была, как по ней заметно было, совсем на него непохожая. Взгляд у нее был строгий, фигура и манеры ее были как у женщины гордой, важной.

Мы, бывало, в своей компании разговаривали про них, и все мы думали, что Николай Александрович простой человек, а она не простая и, как есть, похожа на Царицу. На вид она была старше его. У нее в висках была заметна седина, лицо у нее было уже женщины не молодой, а старой. Он перед ней означался моложе.

Такая же, видать, как Царица, была Татьяна. У нее вид был такой же строгий и важный, как у матери. А остальные дочери Ольга, Мария и Анастасия важности никакой не имели. Заметно по ним было, что были они простые и добрые.

Наследник был всё время болен, ничего про него я сказать Вам не могу.

От моих мыслей прежних про Царя, с какими я шел в охрану, ничего не осталось. Как я их своими глазами поглядел несколько раз, я стал душой к ним относиться совсем по-другому: мне стало их жалко...

Раньше, как я поступил в охрану, я, не видя их и не зная их, тоже и сам перед ними несколько виноват. Поют, бывало, Авдеев с товарищами революционные песни, ну, и я маленько подтяну, бывало, им. А как я разобрался, как оно и что, бросил я всё это, и все мы, если не все, то многие, Авдеева за это осуждали...»

Не сомневаюсь: общение с Царем и его семьей что-то пробудило в пьяной душе Авдеева и его товарищей. Это было замечено. Их выгнали, а всех остальных отстранили от внутренней охраны.

Семья была окружена чекистами. Это было уже приготовлением к убийству.

Глава 16.

Царская семья была в доме Ипатьева до ночи на 17 июля

Оно случилось в ночь на 17 июля.

Чем устанавливается, что царская семья была в доме Ипатьева до этой роковой ночи?

Священник Сторожев[82] показывает:

«В воскресенье 20 мая (2 июня) я совершил очередную службу – раннюю литургию – в Екатерининском Соборе и только что, вернувшись домой около 10 часов утра, расположился пить

[82] Свидетель о. Сторожев был допрошен членом суда Сергеевым 8–10 октября 1918 года в Екатеринбурге.

чай, как в парадную дверь моей квартиры постучали. Я сам открыл дверь и увидел перед собой какого-то солдата невзрачной наружности с рябоватым лицом и маленькими бегающими глазами. Одет он был в ветхую телогрейку защитного цвета, на голове затасканная солдатская фуражка. Ни погон, ни кокарды, конечно, не было. Не видно было на нем и никакого вооружения. На мой вопрос, что ему надо, солдат ответил: «Вас требуют служить к Романову». Не поняв, про кого идет речь, я спросил: «К какому Романову?» – «Ну, к бывшему Царю», – пояснил пришедший. Из последующих переговоров выяснилось, что Николай Александрович Романов просит совершить последование обедницы. «Он там написал, чтобы служили какую-то обедницу», – заявил мне пришедший... Выразив готовность совершить просимое богослужение, я заметил, что мне необходимо взять с собой диакона. Солдат долго и настойчиво возражал против приглашения о. диакона, заявляя, что «комендант» приказал позвать одного священника, но я настоял, и мы вместе с этим солдатом поехали в Собор, где я, захватив всё потребное для богослужения, пригласил о. диакона Буймирова, с которым в сопровождении того же солдата поехали в дом Ипатьева. С тех пор, как здесь помещена была семья Романовых, дом этот обнесли двойным дощатым забором. Около первого верхнего деревянного забора извозчик остановился. Впереди прошел сопровождавший нас солдат, а за ним мы с о. диаконом. Наружный караул нас пропустил; задержавшись на короткий срок около запертой изнутри калитки, выходящей в сторону дома, принадлежавшего ранее Соломирскому, мы вошли внутрь второго забора, к самым воротам дома Ипатьева. Здесь было много вооруженных ружьями молодых людей, одетых в общегражданское платье, на поясах у них висели ручные бомбы. Эти вооруженные несли, видимо, караул. Провели нас через ворота во двор и отсюда через боковую дверь внутрь нижнего этажа дома Ипатьева. Поднявшись по лестнице, мы вошли наверх к внутренней парадной двери, а затем через прихожую в кабинет (налево), где помещался комендант. Везде, как на лестницах, так и на площадках, а равно и в передней были часовые – такие же вооруженные ружьями и ручными бомбами молодые люди в гражданском платье. В самом помещении коменданта мы нашли каких-то двоих людей, средних лет, помнится, одетых в гимнастерки. Один из них лежал на постели и, видимо, спал, другой молча курил папиросы. Посреди комнаты стоял и стол, на нем – самовар, хлеб масло. На стоявшем в комнате этой рояле лежали ружья, ручные бомбы и еще что-то. Было грязно, неряшливо, беспорядочно. В момент нашего прибытия коменданта в этой комнате не было. Вскоре явился какой-то молодой человек, одетый в гимнастерку, брюки защитного цвета, подпоясанный широким кожаным поясом, на котором в кобуре висел большого размера револьвер; вид этот человек имел среднего «сознательного рабочего». Ничего яркого, ничего выдающегося, вызывающего или резкого ни в наружности этого человека, ни в последующем его поведении я не заметил. Я скорее догадался, чем понял, что этот господин и есть «комендант» дома особого назначения, как именовался у большевиков дом Ипатьева за время содержания в нем семьи Романовых. Комендант, не здороваясь и ничего не говоря, рассматривал меня (я его видел впервые и даже фамилии его не знал, а теперь запамятовал). На мой вопрос, какую службу мы должны совершить, комендант ответил: «Они просят обедницу». Никаких разговоров ни я, ни диакон с комендантом не вели, я лишь спросил, можно ли после богослужения передать Романову просфору, которую я показал ему. Комендант осмотрел бегло просфору и после короткого раздумья возвратил ее диакону, сказав: «Передать можете, но только я должен вас предупредить, чтобы никаких лишних разговоров не было». Я не удержался и ответил, что я вообще разговоров вести не предполагаю. Ответ мой, видимо, несколько задел коменданта, и он довольно резко сказал: «Да, никаких, кроме богослужебных рамок». Мы облачились с о. диаконом в комендантской, причем кадило с горящими углями в комендантскую принес один из слуг Романовых (не Чемодуров – я его ни разу не видел в доме Ипатьева, а познакомился с ним позднее, после оставления Екатеринбурга большевиками). Слуга этот высокого роста, помнится, в сером с металлическими пуговицами костюме... Итак, облаченные в священные ризы, взяв с собой всё потребное для богослужения, мы вышли из комендантской в прихожую. Комендант сам открыл дверь, ведущую в зал, пропуская меня вперед, со мной шел диакон, а последним вошел комендант. Зал, в который мы вошли, через арку соединялся с меньшим по размерам помещением – гостиной, где ближе к переднему углу я заметил приготовленный для богослужения стол.[83] Но от наблюдения обстановки залы и гостиной я был тогда отвлечен, так как, едва переступил порог залы, как заметил, что от окон отошли трое, – это были Николай Александрович, Татьяна Николаевна и другая старшая дочь, но которая именно, я не успел заметить. В следующей комнате, отделенной от залы, как я уже объяснил, аркой, находилась Александра Федоровна, две младшие дочери и Алексей Николаевич. Последний лежал в походной (складной) постели и поразил меня своим видом: он был бледен до такой степени, что казался прозрачным, худ и удивил меня своим большим ростом. В общем вид он имел до крайности болезненный, и только глаза у него были живые и ясные, с заметным интересом смотревшие на меня, нового человека. Одет он был в белую нижнюю рубашку и покрыт до пояса одеялом. Кровать его стояла у правой от входа стены, тотчас за аркой. Около кровати стояло кресло, на котором сидела Александра Федоровна,

[83] Фотографический снимок № 29.

одетая в свободное платье, помнится, темно-сиреневатого цвета. Никаких драгоценных украшений на Александре Федоровне, а равно и на дочерях я не заметил. Обращал внимание высокий рост Александры Федоровны, манера держаться, манера, которую иначе нельзя назвать, как «величественной». Она сидела в кресле, но вставала (бодро и твердо) каждый раз, когда мы входили, уходили, а равно и когда по ходу богослужения я преподавал «мир всем», читал Евангелие, или мы пели наиболее важные молитвословия. Рядом с креслом Александры Федоровны, дальше по правой стене, стали обе младшие дочери, а затем сам Николай Александрович; старшие дочери стояли в арке, а отступя от них, уже за аркою, в зале, стояли: высокий пожилой господин и какая-то дама (мне потом объяснили, что это был доктор Боткин и состоящая при Александре Федоровне девушка). Еще позади стояло двое служителей: тот, который принес нам кадило, и другой, внешнего вида которого я не рассмотрел и не запомнил. Комендант стоял всё время в углу залы около крайнего дальнего окна на весьма, таким образом, порядочном расстоянии от молящихся. Более решительно никого ни в зале, ни в комнате за аркой не было.

Николай Александрович был одет в гимнастерку защитного цвета, таких же брюках при высоких сапогах. На груди был у него офицерский Георгиевский крест. Погон не было. Все четыре дочери были, помнится, в темных юбках и простеньких беленьких кофточках. Волосы у всех у них были острижены сзади довольно коротко: вид они имели бодрый, я бы даже сказал, почти веселый.

Николай Александрович произвел на меня впечатление своей твердой походкой, своим спокойствием и особенно манерой пристально и твердо смотреть в глаза. Никакой утомленности или следов душевного угнетения в нем я не приметил. Показалось мне, что у него в бороде едва заметны седые волосы (борода, когда я был в первый раз, была длиннее и шире, чем 1(14) июля, тогда мне показалось, что Николай Александрович постриг кругом бороду).

Что касается Александры Федоровны, то у нее изо всех вид был какой-то утомленный, скорее даже болезненный. Я забыл отметить то, что всегда особенно останавливало мое внимание, – это та исключительная – я прямо скажу – почтительность к носимому мною священному сану, с которой отдавали каждый раз поклон все члены семьи Романовых в ответ на мое молчаливое им приветствие при входе в зал и затем по окончании богослужения.

Став на свое место перед столом с иконами, мы начали богослужение, причем диакон говорил прошения ектении, а я пел. Мне подпевали два женских голоса (думается, Татьяна Николаевна и еще кто-то из них), порой подпевал низким басом и Николай Александрович (так, он пел, например, «Отче наш» и друг.). Богослужение прошло бодро и хорошо, молились они очень усердно. По окончании богослужения я сделал обычный отпуст со Святым Крестом и на минуту остановился в недоумении: подходить ли мне с Крестом к молившимся, чтобы они приложились, или этого не полагается, и тогда бы своим неверным шагом я, быть может, создал бы в дальнейшем затруднения в разрешении семье Романовых удовлетворять богослужением свои духовные нужды? Я покосился на коменданта, что он делает и как относится к моему намерению подойти с Крестом. Показалось мне, что Николай Александрович бросил быстрый взгляд в сторону коменданта. Последний стоял на своем месте в дальнем углу и спокойно смотрел на меня. Тогда я сделал шаг вперед, и одновременно твердыми и прямыми шагами, не спуская с меня пристального взора, первым подошел к Кресту и поцеловал его Николай Александрович, за ним подошла Александра Федоровна, все четыре дочери, а к Алексею Николаевичу, лежащему в кровати, я подошел сам. Он на меня смотрел такими живыми глазами, что я подумал: «Сейчас он непременно что-нибудь да скажет», но Алексей Николаевич молча поцеловал Крест. Ему и Александре Федоровне диакон дал по просфоре. Затем подошли к Кресту доктор Боткин и названные служащие – девушка и двое слуг.

30 июня (13 июля) я узнал, что на другой день 1(14) июля – воскресенье – о. Меледин имеет служить в доме Ипатьева литургию, что о сем он уже предупрежден от коменданта, а комендантом в то время состоял известный своею жестокостью некий Юровский – бывший военный фельдшер.

Я предполагал заменить о. Меледина по Собору и отслужить за него литургию 1(14) июля.

Часов в 8 утра 1(14) июля кто-то постучал в дверь моей квартиры, я только что встал и пошел отпереть. Оказалось, явился опять тот же солдат, который и первый раз приезжал звать меня служить в доме Ипатьева. На мой вопрос: «Что угодно», – солдат ответил, что меня комендант «требует» в дом Ипатьева, чтобы служить обедницу. Я заметил, что ведь приглашен о. Меледин, на что явившийся солдат сказал: «Меледин отменен, за Вами прислано». Я не стал расспрашивать и сказал, что возьму с собой диакона Буймирова – солдат не возражал – и явлюсь к десяти часам. Солдат распростился и ушел, я же, одевшись, направился в Собор, захватил здесь всё потребное для богослужения и в сопровождении о. диакона Буймирова в 10 часов утра был уже около дома Ипатьева. Едва мы переступили через калитку, как я заметил, что из окна комендантской на нас выглянул Юровский. (Юровского я не знал, видел лишь его как-то раньше ораторствовавшим на площади.)

Когда мы вошли в комендантскую комнату, то нашли здесь такой же беспорядок, пыль и запустение, как и раньше; Юровский сидел за столом, пил чай и ел хлеб с маслом. Какой-то другой человек спал одетый на кровати. Войдя в комнату, я сказал Юровскому: «Сюда приглашали духовенство, мы явились, что мы должны делать?» Юровский, не здороваясь и в упор рассматривая

меня, сказал: «Обождите здесь, а потом будете служить обедницу». Я переспросил: «Обедню или обедницу?» – «Он написал обедницу», – сказал Юровский.

Мы с диаконом стали готовить книги, ризы и проч., а Юровский, распивая чай, молча рассматривал нас и, наконец, спросил:

«Ведь Ваша фамилия С-с-с?» – и протянул начальную букву моей фамилии, тогда я сказал: «Моя фамилия Сторожев». – «Ну да, – подхватил Юровский, – ведь Вы уже служили здесь». – «Да, – отвечаю – служил». – «Ну, так вот и еще раз послужите».

В это время диакон, обращаясь ко мне, начал почему-то настаивать, что надо служить не обедню, а обедницу. Я заметил, что Юровского это раздражает и он начинает метать на диакона свои взоры. Я поспешил прекратить это, сказав диакону, что и везде надо исполнять ту требу, о которой просят, а здесь, в этом доме, надо делать, о чем говорят. Юровский, видимо, удовлетворился. Заметив, что я зябко потираю руки, Юровский спросил с оттенком насмешки, что такое со мной. Я ответил, что недавно болел плевритом и боюсь, как бы не возобновилась болезнь. Юровский начал высказывать свои соображения по поводу лечения плеврита и сообщил, что у него самого был процесс в легком. Обменялись мы и еще какими-то фразами, причем Юровский держал себя безо всякого вызова и вообще был корректен с нами... Когда мы облачились и было принесено кадило с горящими углями (принес какой-то солдат), Юровский пригласил нас пройти в зал для служения. Вперед в зал прошел я, затем диакон и Юровский. Одновременно из двери, ведущей во внутренние комнаты, вышел Николай Александрович с двумя дочерьми, но которыми именно, я не успел рассмотреть. Мне показалось, что Юровский спросил Николая Александровича: «Что, у вас все собрались?» Николай Александрович ответил твердо: «Да, все».

Впереди за аркой уже находилась Александра Федоровна с двумя дочерьми и Алексеем Николаевичем, который сидел в кресле-каталке, одетый в куртку, как мне показалось, с матросским воротником. Он был бледен, но уже не так, как при первом моем служении, вообще глядел бодрее. Более бодрый вид имела и Александра Федоровна, одетая в то же платье, как и 20 мая (старого стиля). Что касается Николая Александровича, то на нем был такой же костюм, что и в первый раз. Только я как-то не могу ясно себе представить, был ли на этот раз на груди его Георгиевский крест. Татьяна Николаевна, Ольга Николаевна, Анастасия Николаевна и Мария Николаевна были одеты в черные юбки и белые кофточки. Волосы у них на голове (помнится, у всех одинаково) подросли и теперь доходили сзади до уровня плеч.

Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были – я не скажу: в угнетении духа, но всё же производили впечатление как бы утомленных. Члены семьи Романовых и на этот раз разместились во время богослужения так же, как и 20 мая ст. ст. Только теперь кресло Александры Федоровны стояло рядом с креслом Алексея Николаевича – дальше от арки, несколько позади него; позади Алексея Николаевича стала Татьяна Николаевна (она потом подкатила его кресло, когда после богослужения они прикладывались к Кресту), Ольга Николаевна и, кажется (я не запомнил, которая именно), Мария Николаевна. Анастасия Николаевна стояла около Николая Александровича, занявшего обычное место у правой от арки стены.

За аркой в зале стояли доктор Боткин, девушка и трое слуг: высокого роста, другой – низенький, полный и третий молодой мальчик. В зале у того же дальнего угольного окна стоял Юровский. Больше за богослужением в этих комнатах никого не было.

По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитву «Со Святыми упокой». Почему-то на этот раз диакон вместо прочтения запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава, но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади меня члены семьи Романовых опустились на колени...

После богослужения все приложились к Св. Кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Федоровне о. диакон вручил по просфоре. (Согласие Юровского было заблаговременно дано.)

Когда я выходил и шел очень близко от бывших Великих Княжен, мне послышалось едва уловимое слово: «Благодарю», не думаю, чтобы это мне только показалось...

Молча мы дошли с о. диаконом до здания Художественной Школы, и здесь вдруг диакон сказал мне: «Знаете, о. протоиерей, у них там что-то случилось». Так как в этих словах о. диакона было некоторое подтверждение вынесенного мною впечатления, то я даже остановился и спросил, почему он так думает. «Да, так, – говорит дьякон, – они все какие-то другие точно, даже и не поет никто». А надо сказать, что действительно за богослужением 1(14) июля впервые никто из семьи Романовых не пел вместе с нами».

В понедельник 15 июля от профессионального союза были посланы женщины мыть в ипатьевском доме полы. Удалось допросить двух: Стародумову и Дрягину. Они показали:

Стародумова[84]: «Если не ошибаюсь, в понедельник 15 июля с.г. от союза послали четырех женщин мыть полы в доме, где жил Государь с семьей... От дома Ипатьева нас послали в дом Попова, где жила Государева стража. Здесь начальник караула Медведев приказал нам вымыть полы в помещении команды, а потом повел нас в дом Ипатьева, который назывался домом особого назначения. Нас провели во двор и по лестнице, ведущей из нижнего этажа в верхний, нас пропустили в верхний этаж, где жил Царь со своей семьей. Я лично мыла полы почти во всех комнатах, отведенных для царской семьи; в помещении коменданта мы полов не мыли. При нашем появлении в доме Государь, Государыня и все дети были в столовой... Княжны помогали нам убирать и передвигать в их спальне постели и весело между собой разговаривали. Мы сами ни с кем из царской семьи не разговаривали; почти всё время за нами присматривал комендант Юровский. Я видела, что он сидел в столовой и разговаривал с Наследником, справляясь об его здоровье».

Дрягина: «Я также мыла полы в доме Ипатьева вместе с Марией Стародумовой и другими женщинами. Было это, насколько помню, в понедельник 15 июля с.г.; в дом нас провел разводящий Павел Медведев. В доме я видела Государя, Государыню, Наследника, четырех Княжен, доктора и какого-то старичка. Наследник сидел в кресле-коляске, Княжны были веселы и помогали нам переставлять в их комнате постели».

Охранники Проскуряков, Летемин и Якимов объяснили:

Проскуряков: «В последний раз я видел всю царскую семью, кроме Государыни, за несколько дней до их убийства. Они тогда все гуляли в саду и гуляли, как есть, все, кроме Государыни. Значит, тут были сам Государь, сын, дочери: Ольга, Татьяна, Мария в Анастасия; тут же были доктор, лакей, повар, горничная и мальчик... В какой именно это было день, я не могу припомнить, но было это незадолго до их смерти».

Летемин: «16 июля я дежурил на посту № 3 (во дворе у калитки), с 4 часов дня до 8 часов вечера, и помню, что, как только я вышел на дежурство, б. Царь и его семья возвращались с прогулки, ничего особенного я в этот раз не заметил».

Якимов: «Последний раз я видел Царя и дочерей 16 июля. Они гуляли в саду в 4 часа дня. Видел ли я в этот раз наследника, не помню. Царицы я не видел. Она тогда не гуляла».

Глава 17.

§1. Верхний этаж дома Ипатьева в описании судебного следователя Наметкина

Как произошло убийство царской семьи?

Я предпочитаю рассказать об этом языком хотя и сухих, но юридических актов.

19 июля началось бегство большевиков из Екатеринбурга. 22 июля они передали Ипатьеву владение домом. 25 июля Екатеринбург был взят войсками Сибирской Армии и чехами.

В тот же день к дому была приставлена стража.

2 августа в него вошел судебный следователь Наметкин.

В его описании верхний этаж представлялся в следующем виде:

Помещение под цифрой I

Наметкин называет вестибюлем и описывает его так:

«Несколько каменных ступенек и большая двустворчатая дверь ведут в вестибюль, в котором девять ступенек от парадной двери приводят на площадку.

В вестибюле направо от входа два окна, стены обиты светлыми обоями.

Около двери валяется небольшой дубовый шкафчик для корреспонденции, сорванный с внутренней стороны парадной двери.

Около шкафчика в углу стоит черного стекла бутылка, на дне которой какая-то маслянистая жидкость без запаха, и валяется длинный металлический согнутый прут, служащий для предохранения от порчи электрического шнура.

Имеющийся на правой стене от входа электрический провод сорван с роликов, и выключатель сломан.

Во втором окне у летней рамы сломано в левой половине нижнее матовое стекло; у этой рамы нижний переплет выворочен; выломана также часть среднего звена правой половины рамы. На подокон-

[84] Свидетельницы М.Г. Стародумова и В.О. Дрягина были допрошены членом суда Сергеевым 11 ноября 1918 года в Екатеринбурге.

нике валяются обломки стекла и стоит грязное блюдечко с имеющимся в середине его государственным гербом.

На полу около подоконника лежит небольшой кусок промасленной фланели.

В правом переднем углу стоит небольшой деревянный диванчик венского типа с решетчатым сиденьем и спинкой; в этом же углу плевательница с древесными опилками, частью разбросанными по полу; среди них несколько осколков, по-видимому, от разбитого стакана.

Прямо против входной лестницы у передней внутренней стены стоит зеркало в черной оправе с подзеркальником; с правой его стороны на обоях написано: «Комиссар дома особого важного А. Авдеев» и ниже этого другим почерком и химическим карандашом:

«Шуры» и «Шура».

Помещение под цифрой II.

«В правом углу комнаты имеется отделение – уборная с окном и справа же лестница книзу в 19 ступенек, огороженная балясником.

В правой наружной стене два окна, причем в первом одна летняя рама, а во втором и та и другая. На подоконнике первого окна стеклянная банка с элементом. В этой раме в нижнем летнем переплете стекло разбито, шесть его осколков торчат в звене и одно в выходящем во двор зонте.

Стены комнаты оклеены темно-серыми полосатыми обоями, причем обои во многих местах порваны и загрязнены.

Задняя стена комнаты занята электрическими проводами, сборной доской и счетчиком; всех проводов 14, из них 10 идут вправо и внутрь, один в вестибюль и три к наружной стене; от доски книзу идет провод, заключенный в медную трубу, причем у самой доски он оторван.

У этой же стены, ближе к окну, стоит небольшое железное ведро с опилками, часть которых разбросана по полу; в опилках набросаны окурки папирос.

Слева от входной двери во внутренней стене – окно с одностворчатой рамой, нижние два звена его оклеены цветной бумагой.

Далее в расстоянии 4 аршина от внутреннего окна находится шкаф с двумя створками, оклеенными снаружи теми же обоями, что и стены комнаты, в нем четыре коричневых полки. На нижней и второй снизу рассыпано немного какого-то белого порошку, и на этой же полке лежит смятая, тонкая медная небольшая пластинка.

В переднем углу той же внутренней стены – запертая двустворчатая дверь.

В переднем левом углу комнаты водопроводный кран с железной раковиной; кругом нее на стене грязь.

Возле этой двери во внутренней стенке уборной печка с герметически закрывающейся дверкой: в ней немного золы и осколки разбитого стекла».

Ванная комната:

«Налево от входной двери в задней стене – деревянная с железными крючками вешалка, крашенная белой краской. На одном из крючков небольших размеров белая грязная батистовая наволочка.

На левой боковой стене приделан крючок, на нем висит железный совок.

На этой же стене, в середине, водопроводный кран и фаянсовая раковина со спуском книзу. В левом углу четыре водопроводных трубы. Над раковиной, под потолком, во всю ширину комнаты, длиною и шириною 1/2 аршина, железный бак, в нем воды нет.

В передней наружной стене комнаты продолговатое узкое окно, длиною 1 3/4 аршина и шириною 14 вершков, стекла зимней рамы заклеены цветной с синими четырехугольниками матовой бумагой; на подоконнике находится глиняный горшок для цветов с землей, в котором посеян овес, небольшая стеклянная грязная банка с остатками соснового экстракта, жестяная крышка от коробки печений «Жорж Борман», вырванный откуда-то вентилятор, обрывок какой-то французской газеты и небольшая грязная тряпка.

Под окном на полу 14 мелких коротких поленьев – дров для колонки; тут же грязное железное ведро на железной прямоугольной подставке, грязный железный лист и небольшая березовая палка.

Рядом с окном, ближе к правому углу, черная железная колонка с трубой, уходящей в потолок.

У правой боковой стены эмалированная ванна, поперек которой лежит сосновая дощечка, а на дне маленький кусочек мыла; над ванной пустой бак для воды, заключенный в деревянную коробку.

В правом же переднем углу четыре водопроводных крана; рядом с ванной у внутренней задней стенки стоит небольшой деревянный диванчик; около него на полу лежит большая тонкая простыня с меткой: «Императорская корона» и инициалы «Т. Н.», ниже их цифра «24», черта и «1911», полотенце для пыли с инициалами «А.Ф. 10», обрывок полотна от укладочной простыни, серовато-голубая косоворотка и вязаные кальсоны.

В левом переднем углу на линолеуме, возле водопроводных труб, найдены короткие остриженные волосы».

Уборная:

«На внешней стенке уборной имеются две карандашные надписи: «Сидоров». В правом углу уборной фаянсовое судно с дубовым сиденьем и пустым резервуаром для воды; в судне остатки газетной бумаги и кусок ваты, запачканный калом.

В левом переднем углу простая печь, на лицевой стороне которой прикреплен клочок линованной бумаги с надписью чернилами:

«Убедительно просят оставлять стул таким чистым, каким его занимают». Под клочком бумаги на печи надпись каким-то острым предметом: «Писал и сам не знаю, а Вы незнакомые читайте». Остальные слова надписи неразборчивы.

Рядом с печкой у правого переднего угла писсуар с водопроводными кранами.

У правой наружной стены окно с двумя рамами, два нижних звена обеих половинок рамы оклеены матовой бумагой.

На подоконнике пустая жестяная коробка и два картона с надписями: «Serviettes indis pensables!»

Прихожая под цифрой V.

«Стены окрашены серой масляной краской.

Из нее слева двустворчатая дверь, по словам присутствовавших при осмотре Терентия Ивановича Чемодурова и Владимира Николаевича Деревенько, ведет в комендантскую комнату, и прямо от входа другая дверь – в зал.

Вправо, в задней стене, окно, о котором упоминалось при описании вестибюля; на подоконнике его стоит бутылка из-под ижевской воды и лежит небольшой железный кусок с острыми концами.

В правом заднем углу стоит деревянный, простой, сосновый, окрашенный светло-желтой краской шкаф с пятью полками; размер его – вышина 3 аршина, ширина 2 аршина и глубина 1 аршин. На второй снизу полке оказались испорченная маленькая спиртовка, стеклянная крышка для кувшина, пустой аптекарский флакон, пузырек с небольшим количеством ароматического уксуса, шесть бутылок, в одной прованское масло, в другой остатки какого-то вина, а остальные пустые; маленький пузырек чернил, два медных шурупчика и щетка. На следующей полке 6, 7, 9 и 11 томы сочинений Салтыкова-Щедрина, издание Стасюлевича, номер газеты «Копейка» 2213 от 13 сентября 1914 года, маленький флакон-капельница желтого цвета из-под лекарства, бутылка из-под минеральной воды «Эмс» и кусок веревки. На второй полке 1, 2, 3, 4, 5, 8, 10 и 12 томы сочинений Салтыкова-Щедрина того же издания.

На шкафу изголовье для походной кровати, обрывок газеты «Известий совета рабочих и солдатских депутатов», часть медного шпингалета, небольшой квадратный обрывок от плюшевой малинового цвета портьеры с кистью, кусок согнутой проволоки, небольшая тонкая веревочка, ковровая дорожка тигрового цвета с красной каймой длиною 3 аршина и 5 четвертей, прибор для зонтиков от входной двери.

Рядом с шкафом по стене стоит деревянная вешалка с десятью крючками, окрашенная в темный коричневый цвет; впереди нее – чучело бурого медведя с медвежонком.

В правом углу между вешалкой и печкой полушелковая свернутая портьера.

В том же углу печка с герметической заслонкой; на полу у печи лежит куча золы, мелких углей, жженой бумаги, среди которых оказались сгоревшие гильзы от револьвера, волосы, медальоны, половина погона, куски материи, пуговицы и разные металлические пластинки.

Налево от ведущей в зал двери, в углу, около устья герметически закрывающейся печки, лежит обложка и шесть листов иллюстрированного английского журнала «The Graphic» от 21 ноябри 1914 года, короба с остриженными волосами четырех цветов, принадлежащими, по словам присутствовавшего при осмотре Терентия Ивановича Чемодурова, бывшим Великим Княжнам Татьяне, Ольге, Марии и Анастасии Николаевнам, номера «Красной Газеты» 37 и 38 от 9 и 10 марта 1918 г., номер «Уральского Рабочего» 83-й от 1 мая 1918 г., «Веселый Выпуск» № 32 «Петроградской Вечерней Почты» – январь 1918 года, под названием «Керенский в аду на Страшном суду», экстренный выпуск «Торжество Пролетариата», обрывки газет «Зауральский Край», «Известия», рваная промасленная бумага, куски ваты, кусок проволоки, квитанция с китайскими марками, тиковые с красными полосками рваные штаны, кусок кожи от свиного окорока».

Комендантская комната под цифрой VI.

«Пол выкрашен под паркет, стены оклеены толстыми, узорчатыми, под тисненую кожу, финикового цвета обоями, вделанными в золотой багет. Потолок узорчатый.

Против входной двери два выходящих на улицу к церкви Вознесения окна точно такого же размера, как в вестибюле и остальных комнатах.

Направо от входной двери печь, расписанная тем же рисунком, что и потолок.

Возле печки стоит небольшой липовый шкафчик с двумя створчатыми дверками. На верхней его доске небольшая коробка, обтянутая снаружи черной кожей, а изнутри желтоватой кожей. На крышке, внутри на замше, надпись: «Для лампады». В коробке лежит небольшой бронзовый подсвечник; по словам присутствовавшего при осмотре Т.И. Чемодурова, вещи эти принадлежат бывшему Императору. Далее деревянный, обтянутый зеленоватой кожей футляр для хранения каких-то вещей; верхняя часть застежки этого футляра вырвана из дерева; банка с заплесневевшими оливками, пустая бутылка из-под сельтерской воды с выдвигающейся крышкой; на дне ее оказалось незначительное количество табаку; графин без

пробки с какой-то желтоватой мутной жидкостью, чайная чашка с зеленым рисунком, медный средней величины шуруп, маленькая, без ручки, отвертка, небольшой железный крюк, розетка с солью, электрическая машинка Шпамера с прибором, по словам доктора Деревенько, предназначавшаяся для лечения бывшего Наследника Цесаревича Алексея Николаевича.

Внутренняя часть шкафа имеет вверху выдвигающийся ящик, оказавшийся пустым, и три полки, на которых лежат куски заплесневевшего хлеба, два небольших флакона с чернилами, четырехугольная чашка, внутренняя ее сторона белая и наружная желтая, принадлежавшая, по словам Т.И. Чемодурова, кухне бывшего Императора; два листа желтой оберточной бумаги, два электрических звонка, два маленьких желтых бурава, небольшой железный ключик, погнутая, с дырами, железная стамеска, отвертка и подпилок. Под шкафчиком ничего не оказалось.

По правой стене стоит варшавского типа кровать черная, железная, с никелированными на стенках верхушками и натянутой сеткой; в примыкающей к кровати стене имеется внутренний шкаф с вещами владельца квартиры.

В правый угол вдвинут кабинетного типа рояль фабрики Шредера, покрытый парусиновым чехлом. На рояле разбросаны: несколько пустых небольших коробочек, кусок желтой резины, флакон от духов, металлический футляр для чернильницы, линейка, нитки и узкая в переплете книга, разлинованная наподобие конторских. По словам Т.И. Чемодурова, флакон принадлежал Императрице; черные и белые треугольники в виде пластинок с коробочкой – игра, называющаяся «Jeu le parquet, modele R. C. C.», принадлежавшая, по словам того же Чемодурова, Наследнику. Коробочка с металлическими блестками и пришитое к небольшой бархотке украшение в виде трехлистника, засохшие ягоды земляники и список телефонных абонентов. Под чехлом на крышке 36 сборных игральных карт.

На ближайшем к роялю окне, завешанном тюлевыми шторами и драпри, – жестяная крышка от коробки, промасленная половина транспорта, три электрических лампочки, четыре ручки с перьями, три пузырька с чернилами, четыре патрона от электрических ламп, стеклянная аптекарская банка, закрытая пробкой: в ней находятся два небольших флаконочика с гомеопатическими препаратами: этикетки на той и другой гомеопатической аптеки в Петрограде; пустая продолговатая картонная коробка с надписью красным карандашом: «Дом особого назначения» и желтая коробка без крышки с пуговицами, шурупами, катушками ниток и крючками.

В находящемся между окнами простенке стоит раздвинутый ломберный с зеленым сукном стол. На этом столе стоит электрическая переносная лампа с белым абажуром, две пепельницы, одна фарфоровая, другая из раковины; деревянное пресс-папье с синей бумагой, жестяная коробка из-под мыльного порошка, коробочка со столовым молотым перцем, несколько листиков белой для ватерклозета бумаги, три пера, несколько граммофонных иголок и толстый лист пропускной бумаги, на котором оказались четыре оттиска печати с таким содержанием: «Комендант дома особого назначения Областной Исполнительный Комитет Советов» и клочок смятой белой бумаги с надписью: «Левольвер Радишковича».

На подоконнике второго окна оказались четыре больших пустых аптекарских пузырька, пузырек с чернилами и маленький пузырек из-под красных чернил. На правой стороне окна два электрических звонка с одной кнопкой и выходящими на улицу пятью проводами...

Рядом стенной телефонный аппарат.

В углу помещается деревянный треугольный стол с полочкой, выкрашенный желтой краской и полированный. На столе неоткупоренная бутылка кислого состава для углекислых формиковых ванн лаборатории К.М. Зачек и большой аптекарский флакон с небольшим количеством желтоватой жидкости, по мнению присутствовавшего при осмотре врача Белоградского, предназначавшийся для шпамеровской электрической машинки; круглая пластинка с тиснением «Война 1914–1915. К. Фаберже».

На полочке четыре аптекарских флакона из-под лекарств с рецептом на имя Мошкина, и в одном – прованское масло.

На полу под столом 11 банок с элементами, четыре неоткупоренные бутылки того же кислого состава, две четвертных бутыли, из которых одна пустая, а другая на треть наполнена керосином, и две четвертных бутыли с небольшим количеством денатурата; картонная коробка с электрическими проводами и тремя элементами.

Далее по левой стороне стоит большой турецкий диван с двумя валиками и одной подушкой, обитой пеньковой выцветшей материей оливкового цвета.

Когда диван был отодвинут от стены, то под ним оказались кипарисовые четки, принадлежавшие, по словам Чемодурова, бывшей Государыне Императрице.

На небольшом сиреневом листочке с фиолетовой каймой письмо на английском языке от Императрицы к Ольге Николаевне с датой от 19 декабря 1909 года и тут же грязный белый конверт с адресом:

«Дом особого назначения и. д. коменданта т. Никулину».

Рядом с диваном по той же стене стоит деревянный книжный шкаф, двустворчатый, со стеклянными дверками и двумя выдвигающимися ящиками, наполненный так же, как и запертый шкаф, книгами хозяина квартиры, так как Чемодуров не нашел ничего принадлежащего Императорской семье.

Стены комнаты украшены фотографическими снимками железнодорожных сооружений, а также большой оленьей головой.

На двери с внутренней стороны – портьера в цвет турецкого дивана; посередине комнаты сдвинутый дубовый обеденный стол, покрытый грязной черной клеенкой.

В комнате четыре березовых стула с венскими сиденьями и резными спинками».

Зал под цифрой VII.

«Стены его обиты толстыми тиснеными обоями с серебряным багетом, потолок выкрашен белой краской с цветами; посередине потолка – большая электрическая люстра, над ней – лепной узор.

На стенах три больших, писанных масляными красками картины в золотых широких рамах кисти художника Лаврова и копии Шишкина, изображающие пейзажи. Около задней внутренней стены на полу стоит большая пальма.

В левом переднем углу аквариум без воды и рыб. Слева от входа в стене имеются два окна с тюлевыми занавесками и портьерами с палевыми цветами; среди окон в простенке большое зеркало с подзеркальником.

На первом от входа в зал окне лежит деревянная от платьев вешалка со складным медным крючком, на середине ее на одной из плоских сторон Императорская корона с инициалами «А.Ф.», тиснеными и выкрашенными в черный цвет. На подоконнике второго окна девять разной величины и формы аптекарских флаконов с небольшим количеством каких-то лекарств, белый флакон в виде фляги с белой жидкостью, флакон гуммиарабика, черная полубутылка с раствором для согревающего компресса и пустой флакон тройного одеколона Петроградской химической лаборатории.

Около этого окна в углу стоит небольшой дамский письменный стол с двумя пустыми ящиками, покрытый толстым листом зеленой пропускной бумаги; на нем лежат четыре лоскутка линованной в клетку бумаги с французским текстом, писанные, по словам доктора Деревенько, Наследником Алексеем Николаевичем; картонная коробочка, обтянутая бледно-сиреневым шелком, в которой лежат обгоревшие конверты с подкладкой синего цвета с надписью: «Золотые вещи, принадлежащие Анастасии Николаевне», и обгорелые листки телеграммы, и клочок бумаги, на котором что-то написано карандашом. На телеграмме можно разобрать слова «Тобольск Хохрякову», обуглившийся клочок бумаги, на котором заметны буквы «Оль» с росчерком, стеклянная крышка от коробочки, закоптелая и разбитая, принадлежащая, по словам Т.И. Чемодурова, бывшему Наследнику, две вырезки из какой-то газеты.

Возле стола кресло красного дерева с мягким сиденьем и высокой спинкой стиля «модерн». Спинка с прямыми планками.

В зале за картиной «Лес и волнующаяся нива» (копия Шишкина) у передней стены найдена открытка с изображением бывшей Императрицы».

Гостиная под цифрой VIII.

«Пол в этой комнате паркетный, стены оклеены толстыми золотистыми, тисненными под шелк обоями в рамке из багета; потолок расписной; посередине электрическая люстра с девятью свечами, посередине люстры лампа.

При входе в левой стене два окна; в простенке между ними большое зеркало в золоченой раме с подзеркальником с черной мраморной доской. На окнах золоченые узорчатые карнизы.

Под самой аркой большой письменный, отделанный под красное дерево дубовый стол на двух тумбах, с темно-зеленым сукном. Все ящики стола пусты.

В левом заднем углу гостиной банка с фикусом; такой же цветок стоит и на подоконнике второго окна.

В переднем левом углу мягкий диван, обитый шелком с зеленовато-золотистыми цветами; рядом с ним два таких же кресла, а против – лакированный, коричневатого цвета, восьмиугольный, на четырех ножках гостиный стол, на котором стоит гипсовая группа, изображающая из себя двух солдат и офицера на разведке, работы М. Захваткина, с датой 1915 года.

За диваном керосиновая лампа с шелковым абажуром цвета бордо и кружевом крем, на подставке.

На полу ближе к правому углу по стене стоит деревянная тумба пестрого (тигрового) цвета с белой мраморной доской. В правом переднем углу стоит деревянная тумба для цветка, отделанная под красное дерево с выгравированным золотистым рисунком.

У правой стены стоит плетенная из камыша и тростника садовая кушетка с двумя подлокотниками и откидывающейся спинкой, взятая, по словам Т.И. Чемодурова, из Царского Села при отъезде в Тобольск.

По стенам гостиной пять картин в золоченых рамках, писанных масляными красками, и над кушеткой тоже в золоченой раме зеркало.

Кроме того, в гостиной находятся три березовых с плетеным сиденьем и резной спинкой стула».

Столовая под цифрой IX.

«Пол в ней паркетный, стены оклеены толстыми, тиснеными коричневого цвета обоями с рисунком, изображающим вазу, и вделанными в рамку с багетом. Потолок расписан под дуб, посередине его электрическая люстра, а под ней дубовый, сдвинутый, с резными ножками стол; возле стола дюжина стульев с плетеными спинками и сиденьем и два таких же кресла.

Слева от входа по стене стоит большой дубовый, светлый, в цвет стола и стульев, буфет.

В противоположной от входа в гостиную стене устроен камин, и над ним зеркало в дубовой раме, темного тона в цвет обоев и дверей; в камине искусственно горящие угли, а перед ним металлический из медной сетки испорченный вентилятор.

С обеих сторон камина две картины, изображающие лесной пейзаж, кисти художника Воронкова, в черных резных рамах.

Возле камина подержанное кресло-тележка на трех колесах с резиновыми пневматическими шинами, принадлежавшее, по словам Т.И. Чемодурова, бывшей Государыне.

В правой от входа стене балконная дверь, запертая изнутри железным створчатым ставнем на висячий замок. Балконная дверь задрапирована пеньковой драпировкой темного цвета с цветами.

Вправо от двери окно в сад с такой же портьерой и таким же ставнем, что и у балконной двери; ставень открыт.

Около подоконника две плетеные корзины для цветочных горшков. В одном из них стоит засохшая финиковая пальма.

В простенке между балконной дверью и окном небольшие стенные часы в темном футляре, остановившиеся на 10 без 3 минут.

Под часами картина-поднос, на котором под стеклом по черному бархату наложены цветы из разных металлических блесток.

У правой от входа стены стоит небольшой буфетный дубовый шкафик в цвет остальной мебели, с одной наружной полкой, на ней лежит шило-отвертка. Под доской два выдвигающихся ящика; в левом из них две деревянные ложки, аптечный пузырек коричневого цвета с незначительным количеством белого порошка и пустая черного стекла бутылка со штампованным на стекле знаком: «Погреб Высочайшего Двора», и в середине этих слов государственный герб. Бутылка имеет запах вина. В правом ящике три больших белых блюда фирмы Кузнецова, два круглых и одно продолговатое;

на последнем на лицевой стороне, на краях, имеются два синих государственных герба. Этими блюдами, по словам Т.И. Чемодурова, царская семья пользовалась во время обедов. В правой половине шкафа, запирающегося дверкой, оказался оцинкованный железный таз с двумя ручками; в левой – большой черный железный поднос, такой же оцинкованный таз, и в нем большая губка; по словам Т.И. Чемодурова, в этих тазах им и Великими Княжнами мылась посуда. Под шкафом найдены три грязные тряпки.

Возле той же стены низенький деревянный сундук-баул, окованный по краям железом и обтянутый черной крашеной парусиной с одним внутренним замком и двумя железными ручками по бокам, размер его – длина 1 аршин и ширина 13 вершков, вышина 6 вершков. С внутренней стороны крышка и дно обиты замшей. Верхняя планшетка внутреннего замка оторвана. Снаружи на боковой кромке, над замком медная круглая пластинка с выгравированным номером «622».

Рядом с ним деревянный, сосновый, полированный ящик-сундучок длинною 11 ½ вершком, шириною 8 ½ вершков и высотою 7 ½ вершков с двумя медными по бокам ручками. Ящик пуст.

Рядом с ящиком три бутылки темного стекла с этикетками – на первой: «Придворная Его Величества Аптека. Розмарин». Бутылки наполовину наполнены жидкостью. По словам Т.И. Чемодурова, жидкости в бутылках служили Наследнику для втирания.

Над шкафчиком на стене две оленьих головы, и среди них писанная акварельная картина, изображающая паяца, играющего на мандолине.

Буфет имеет в верхней и нижней части по три отделения, между ними три выдвижных ящика и открытая площадка.

Наверху буфета две лампы – электрическая с четырьмя горелками на подставке в виде голых женщин, бронзовая, керосиновая с резервуаром в виде вазы и два абажура в белых чехлах.

В левом верхнем отделении буфета три полки, верхняя пустая, на средней четыре зеленых с белыми ручками чашки, две крышки от стеклянного кувшина, масленка в виде курицы, две белых полоскательных чашки и небольшая стеклянная с винтовой нарезкой в верхней части банка. На нижней полке большой флакон чернил Гюнтервагнер, завязанный шелковистой материей, прорезиненной, и тряпочкой; флакон наполовину наполнен чернилами; большой чайник с белым с золотом носом, выкрашенный серовато-зеленой краской с подпалинами: в нем заплесневевшие остатки чая, восемь блюдец, из них три белых, одно зеленое и четыре белых с синей и золотой каймой и с изображением государственного герба посередине; на дне их с внешней стороны инициалы «Н. II» и годы «1910», «1915»; маленькая пустая ваза, круглая стеклянная баночка с молотым перцем, небольшая стеклянная пестрая вазочка с двумя ручками, пятнадцать фаянсовых тарелок фабрики Кузнецова с зеленоватым и синеватым рисунками по краям, семь фарфоровых мелких тарелок, две из них поменьше размером; тарелки белые с синим и золотым ободками по краям; на краю каждой из них раскрашенный государственный герб, а на дне с наружной стороны инициалы «Н. II» и под ними год изготовления «1913», «1914» и «1909»; белая фарфоровая тарелка с розовато-голубоватым рисунком (цветами); а на дне ее с внешней стороны клеймо фабрики Корниловых; простой с трещиной стакан, два аптекарских флакона с глицерином и коллодием.

Среднее и правое отделения содержат посуду, принадлежащую, по словам Чемодурова, Ипатьеву. Описанная же в первом отделении посуда служила царской семье, причем чернилами пользовалась Императрица, как удостоверил тот же Чемодуров.

В левом нижнем отделении буфета оказалось девятнадцать разной величины и письма икон с изображением святых Антонина, Иоанна и Мустафия, деревянная икона Сергия Радонежского, икона с изображением Козьмы и Дамиана, икона Дмитрия Солунского, две иконы Симеона Верхотурского Чудотворца и две иконы Серафима Саровского, деревянная икона Благовещения Пресвятой Богородицы, икона с изображением пророка Илии, изображение Богоматери на полотне, два маленьких тельных медальона-образка в серебряной оправе с ушками, один из них Нерукотвореннаго Спаса, а другой Николая Чудотворца. На большинстве перечисленных икон имеются собственноручные надписи Императрицы и Великих Княжен.

В том же отделении большая деревянная круглая чашка, и в ней такая же круглая, полая, сухая мыльная масса и деревянная тарелка для губки; по словам Т.И. Чемодурова, этим мылом пользовался бывший Император в ванне.

Среднее и правое отделения в нижней части буфета пусты. На открытой посередине полке – корзина, эмалированный таз, пустая бутылка, шкатулка, перовая метелка и зеленая лампадка.

При осмотре столовой на обеденном столе еще обнаружены массивная из яшмы пепельница, двенадцать раковин для закусок, принадлежащих, по словам Т.И. Чемодурова, царской семье, и большой стеклянный графин».

Комната Демидовой под цифрой XI.

«Стены оклеены темно-серыми обоями; потолок и дверь изнутри выкрашены желтовато-беловатой масляной краской; посередине спускается зеленая люстра с тремя лампочками.

Против входной двери два окна с деревянными подоконниками, такими же карнизами и зелеными полузанавесками в верхней части окна.

В левом переднем углу круглый, крашенный темно-коричневой краской стол на шести ножках и около него такого же цвета маленький круглый столик, три дубовых столового типа стула с плетеными спинками и сиденьем и мягкое кресло из описанного в гостиной комнате гарнитура.

В правом углу две вешалки с медными крючками, принадлежащие, по словам Т.И. Чемодурова, бывшему Наследнику Алексею Николаевичу.

На ближайшем к левому переднему углу подоконнике находятся небольшой графин, никелированный электрический прибор для согревания больного места, большой флакон с жидким яичным мылом, флакон с жидкостью для электрической машинки, четыре небольших» пузырька из-под лекарств, небольшая фарфоровая баночка с остатками борного вазелина, две железины, клочок ваты, железный крюк и маленький ключ на белом шнуре. По словам Т.И. Чемодурова, машинка и лекарство служили для лечения Наследника Алексея Николаевича; ключ же был от его шкатулки, в которой он хранил деньги».

Проходная комната под цифрой XII.

«В столовой в правом переднем углу имеется двустворчатая дверь, ведущая в проходную комнату, в которой справа ход вниз, представляющий собой громадных размеров шкаф с полустеклянной матовой дверью; перегородки ее выкрашены в коричневый цвет и доходят лишь до высоты двери; стены и потолок комнаты выкрашены серой масляной краской, пол покрыт коричневого цвета линолеумом с рисунком мелкого паркета.

Посередине на шнуре спускается с потолка электрическая лампочка.

В левом заднем углу деревянная, стоячая вешалка с железными крючьями, окрашенная в желтый цвет; она заслоняет собою часть окна, которое, как и смежное с ним, имеет летние и зимние рамы.

На подоконнике второго окна мешок с жареным ячменем, незначительное количество которого лежит на рядом стоящей белой тарелке с государственным гербом и инициалами «Н. II. 1910» на обороте; тут же пустая бутылка из-под лимонада и аптекарский флакон с жидкостью, три гвоздя, небольшая тряпочка и две с расписной каймой и серединой тарелки; на верхней из них сушеный чай, а нижняя у края разбита.

На подоконнике второго окна стакан, белое блюдечко с гербом и инициалами «Н. II», на нем старая зубная щетка с вытертой щетиной, пузырек с какой-то жидкостью, грязный большой кофейник, обрывок петроградской газеты от 9 декабря 1916 года, два согнутых гвоздя.

У окна деревянный, некрашеный простой стол на четырех ножках с двумя внутренними ящиками. В левом из них оказались расписная тарелка и белое блюдце, на тарелке три белых сухарика, а на блюдце соль. На дне ящика крошки и несколько кусочков сахара. В правом ящике несколько промасленных листов грязной бумаги, гвоздик, два белых обмылка и кусочки макарон. Под столом три пары деревянных сапожных колодок, принадлежащих, по словам Т.И. Чемодурова, Великим Княжнам Ольге, Татьяне и Марии Николаевнам.

Посередине комнаты стоит громадный коричневого цвета гардероб, в котором сверху и у задней стены набиты крючья, и оказались двенадцать деревянных вешалок; на семи из них, желтых, инициалы «А.Ф.» и корона; белые же без инициалов, по словам Т.И. Чемодурова, принадлежат Государю Императору.

В правом нижнем ящике грязная небольшая салфетка, несколько разных картонных коробок и крышек к ним и разные бумаги. Левый ящик пуст.

У задней внутренней стены стоит небольшой старый стол, в ящике которого оказались стакан с выцветшими чернилами, висячий замок, ключ, ручка, кусочек мыла и жестяная пепельница; возле него на полу циновки из ванны, три вкладных отделения из сундука, описанного при осмотре столовой, для серебряной посуды, гладильная доска с ножками и белым чехлом, грубый половик; из этих вещей циновка, доска, половик и отделения из сундука принадлежат двору бывшего Императора.

Тут же стоят два дубовых стула и дубовая тумба с мраморной доской, на которой лежит пестрый чехол от спинки складной кровати, на нем видны красные пятна.

На задней стене гардероба набиты крючья, и на них оказались две вешалки для платья, принадлежащие бывшему Императору».

Кухня под цифрой XIV.

«В левой наружной стене у нее окно с двумя рамами. Стены кухни выкрашены серо-сиреневой краской масляной, потолок белой краской, панель темно-сиреневой краской, на полу линолеум коричневого цвета с паркетным рисунком.

Слева от входа на стене деревянная коричневого цвета полка, на которой две пустых стеклянных больших банки, белое блюдце и пять лоскутков батиста, два больших пузырька, один со скипидаром и другой с нашатырным спиртом, на них этикетки «Придворной Его Величества Аптеки», большой пузырек с небольшим количеством бензина с этикеткой тобольской аптеки Дементьева, три пустых флакона, флакон с какой-то красной жидкостью, большой флакон с небольшим количеством какой-то жидкости, два синих свертка с каким-то белым порошком, чугунная подставка дли утюга, пузырек с чернилами и перегоревшая электрическая лампочка; под полкой на полу волосяная метелка и пустой деревянный ящик из-под чая фирмы Высоцкого.

У окна стоит большой кухонный, деревянный, крашенный желтой краской стол с тремя внутренними ящиками и столькими же внизу отделениями, затворяющимися дверками, длина стола 3 аршины 13 вершков и ширина 6 ½ вершка.

На столе три пустых стеклянных банки, бутылка с денатуратом, белая баночка из-под икры, кусок бумаги с квасцами, брусок для точения ножей, жестяная кастрюля, белая тарелка с молотым жареным ячменем, четыре столовых ножа фирмы Фраже с выгравированными на ручках их государственными гербами, кастрюля с остатками манной каши и находящейся в ней ложкой – той же фабрики и с гербом, мясорубка и деревянная доска, ведро белой жести с остатками муки.

В ящиках стола рваная бумага, сломанный кухонный нож, мешок с меткой «М.А.», кисточка из мочала для мытья посуды, металлическая ручка для мясорубки, три блюдца и две тарелки с государственным гербом и инициалами «Н. II.», сломанное шило и пакетик с каким-то желтоватым порошком в виде муки. Все выше упомянутые вещи – в правом верхнем ящике.

В находящемся под ним нижнем отделении оказались: большая медная луженая кастрюля с государственным гербом, две больших грязных белых скатерти, десять сильно загрязненных салфеток, на некоторых из них также государственный герб, грязный фартук и два полотенца.

Рядом со столом на полу медный бидон для молока, деревянный большой ящик с засохшей зеленью и тут же на полу тарелка с косточками и государственным гербом.

Недалеко от стола в левом переднем углу большой комнатный ледник.

В правом переднем углу большой деревянный ящик, и в нем два пустых мешка, две палки и кусок мыла.

Посередине кухни белый деревянный столового типа стол простой работы на четырех ножках, длина его 3 аршина 1 вершок и ширина 1 аршин 4 вершка, с внутренним выдвигающимся ящиком.

На столе маленькая кастрюля, веселка для квашни, кухонный нож и небольшая жестяная коробка из-под карамели «Кетти Босс». Ящик стола пуст.

Против него у правой внутренней стены пустой медный таз, большое медное ведро, два медных листа для печения хлеба, медная четырехугольная продолговатая кастрюля, железный лист; все вещи луженые и имеют на себе государственный герб.

Ближе к правому заднему углу по той же стене находится стол с внутренним большим ящиком, закрывающимся дверкой, крашенный желто-красной краской. Ящик пуст. Стол покрыт старой грязной клеенкой, и на нем лежат небольшая медная кастрюля, два медных продолговатых тазика, две чугунные сковороды, три пустых жестяных банки, из-под пюре томат фабрики Эйнем, две – синяя и белая – эмалированные кастрюли, железный совок, большая медная кухонная ложка, большое медное сито, небольшая медная кастрюля с длинной ручкой, большой медный сотейник с решетчатым дном и большая медная крышка от кастрюли. Все медные вещи лужены и имеют на себе государственный герб.

В правом заднем углу обломки кирпичей, две деревянных решетки и небольшой, медный, продолговатый, прямоугольный бак с краном.

У задней стены громадная плита с духовым шкафом. На плите железный белый большой таз с двумя ручками и медный бидон с государственным гербом.

На полу около плиты вязанка дров; при разборке в них никаких вещей не оказалось.

На прилегающей к плите стене – деревянная вешалка из трех палочек, на которой висит сотейник и грязный из мочала пустой мешок.

На полу валяются обрывки разной бумаги.

На окне семь пустых бутылок, и восьмая наполнена красным ягодным соком. Тут же стоит круглая, жестяная, пустая банка с крышкой».

Комната Великих Княжен под цифрой X.

«На полу линолеум коричневого цвета, шашками; стены оклеены светло-серебристыми с розовато-зеленоватыми цветами обоями.

Потолок выкрашен розовой масляной краской, дверь с внутренней стороны выкрашена в тон потолка.

Справа и слева в задних углах две печки с герметически закрывающимися топками, окрашенные клеевой краской в розовый цвет. Верх обоев оклеен золотым бордюром с зеленым багетом. С потолка спускается электрическая люстра в виде цветочной ветки с тремя лампочками.

Против двери окно; на подоконнике белая штора, пустая небольшая банка с одной конфеткой «монпансье», черная короткая шпилька, два висячих замка, коричневый пузырек с небольшим количеством какой-то жидкости; штора свернута. На окне висит одним концом длинный, песочного цвета, шерстяной, очень мягкий плед, принадлежащий, по словам Т.И. Чемодурова, бывшему Императору.

В правом переднем углу – трюмо с коричневой рамой и со столиком.

У правой от входа стены стоят металлический экран светло-зеленого цвета с изображением букета и сидящей на сучке птицы, мягкий стул и кресло, сиденья которых обиты красным кретоном, а спинки и ножки черные, резные.

Рядом с ними против зеркала стоит белый эмалированный ночной горшок и далее два кресла вышеописанной формы; на спинках их чехлы из полотна, вышитые красными нитками.

В переднем левом углу деревянная тумба для цветов, и на ней – кусок восковой свечи.

У левой стены около печи стоит на четырех ножках коричневого цвета гостиный стол; на нем деревянная, обитая зеленой кожей Д шкатулка, разрез ее 7 1.2 вершка длины и 7 1/10 вершка ширины и 3 вершка вышины; на крышках ее с наружной стороны какой-то рисунок в декадентском стиле с изображением арки и цветов: внутренний замок вырван и держится на верхней пластинке у крышки; три внутренних отделения, а равно и крышка обтянуты зеленой шелковой материей; на дне одного из отделений четыре перламутровые пуговицы и безопасная английская булавка.

Далее на столе находятся: книги Новый Завет и Псалтырь на русском языке, образ Федоровской Божьей Матери в деревянном футляре, написанный на дереве, задняя стенка его обита малиновым Ц бархатом; на образе сорван венец, на котором, по словам Т.И. Чемодурова, была звезда с бриллиантами. На этой иконе две узенькие и короткие бумажные ленточки со следующими на них надписями, сделанными рукой Императрицы: 1) «II Иоанна, 19, 38–42», 2) «9 Иоанн, 19, 25, 37». Сверху на ней лежат круглые медальонного вида образки: два Богоматери и один Георгия Победоносца.

Из описанных вещей лишь Евангелие, по словам Чемодурова, в принадлежит детскому лакею Седневу, а остальные Императрице, у В заднем левом углу у печки стоит высокая, окрашенная черной краской подставка для цветов, на которой три книги «Великое в малом и Антихрист» Сергея Нилуса, «Война и Мир» т. 1 Толстого и «Библия» на русском языке.

Под тумбой найдены карточка Великой Княжны Марии Николаевны, визитная карточка лейб-медика Боткина и небольшой клочок бумаги, на котором по-английски написаны действующие лица какой-то английской пьесы, где роли распределены между Анастасией, Марией Николаевнами, Алексеем Николаевичем и Гиббсом. На листике дата «4 февраля 1918 г. Тобольск».

В углу около входной двери переносное судно, по словам Чемодурова, принадлежащее Наследнику Цесаревичу.

При осмотре комнаты, занимаемой Великими Княжнами, из печей было выгребено большое количество золы, в которой оказались обгорелые металлические остатки от рамок для карточек, медальонов, образков, обгорелая бумага, сплавившиеся стекла и т.п.

Комната Государя Императора, Государыни Императрицы и Наследника Цесаревича под цифрой XIII.

«Стены комнаты оклеены полосатыми, одноцветными, бледно-палевыми обоями с волнообразным с цветами широким фризом.

В правой от входа наружной стене, а равно и в передней по два окна, причем в обоих первых и в одном, прилегающем к переднему углу окне находятся летняя и зимняя рамы; наружные рамы, как и в других комнатах, выбелены масляной краской до верхней фрамуги. В прилегающем к левому переднему углу окне имеется только одна летняя рама, за которой вделана железная решетка.

Справа у косяка входной двери стоит прислоненная к стене деревянная, полированная с одной стороны доска длиною 1 аршин 5 вершков и шириною 13 вершков. Этой доской, по словам Т.И. Чемодурова, пользовался Наследник Алексей Николаевич во время болезни, причем ее клали поперек кровати, и она служила ему столом, на котором он писал, читал, играл игрушками и кушал.

Рядом с этим столом (доской) в углу стоит высокая полированная подставка для цветов в виде небольшого столика. На столике стоит красная стеклянная лампадка, наполовину наполненная маслом; около лампады цветочная пыль.

Рядом с этой подставкой свернутый ломберный стол с зеленым сукном.

В простенке между окнами правой стороны придвинут письменный стол конторского образца с зеленым сукном и такой же пропускной бумагой на четырех точеных ножках.

На столе электрическая бронзовая лампа с синим самодельным колпаком; стеклянная коробочка, края которой в серебряной с позолотой оправе, пестрый узкий шнурок и коричневая ленточка незначительной длины, подушечка из голубого шелка для булавок, Двустворная шахматная доска с четырьмя внутренними ящиками, задвигающимися деревянными пластинками и с двумя комплектами игры в шашки; книги: «Лествица Иоанн, игумена Синайской горы»; на первом печатном листе ее сделана пометка: «А.Ф. Ц.С. Март 1906»; книга – в сафьяновом красном красивом переплете; на обороте первого атласного чистого листа наклейка с монограммой «А.Ф.», и над ними корона: «О терпении скорбей» епископа Игнатия Брянчанинова, в синем с золотым тиснением на лицевой стороне и на корешке переплета, на оборотной стороне первой корки» этой книги приклеена белая в виде ромба бумажка с инициалами; «А.Ф.», и вверху корона, и на оборотной стороне первого цветного листа имеется собственноручная надпись Императрицы: «А.Ф. Петергоф 1906 г.»; «Молитвослов», в синем коленкоровом переплете, издание 1882 года Синодальной типографии; в нем на обороте первого печатного листа приклеена круглая с синим ободком бумажная пометка с инициалами «Н.А.», и вверху корона, на обороте последнего белого листа написано чернилами: «6 мая 1883 г.»; «Синее с золотом» Аркадия Аверченко, без переплета; «Рассказы для выздоравливающих» того же автора; 2, 8, 13 томы сочинений Чехова, издание Маркса; медная проволочная подставка для карточек, а по» зеленой бумагой оказались листки от стенного календаря. Два внутренних ящика стола пусты.

В правом переднем углу туалетный стол на двух тумбах с зеркалом, по той и другой стороне зеркала электрические лампочки. Стол оклеен дубом, и все его ящики пусты, за исключением большого среднего и соответствующего ему в верхней части стола. В ящике находятся эмалированное белое блюдце, два пустых флакона из-под цветочного одеколона английских фирм, круглый в виде маленького графинчика с небольшим количеством одеколона флакон; бока его расписаны под цветок; две небольших, стеклянных! круглых, без крышек баночки, в одной из которых имеется небольшое количество каких-то маленьких шариков; небольшой зеленый круглый флакон с притертой пробкой и наклеенной этикеткой «Lavendel Salz», и дальше по-немецки напечатан способ употребления; баночка с небольшим количеством кольд-крема и с наклейкой «Придворной Его Величества Аптеки»; небольшой флакон с какой-то красноватой ароматической жидкостью, маленькие прямые ножницы для ногтей, огарок стеариновой свечи размером в половин ее, отвертка с деревянной полированной ручкой и спичка с накрученным на конце ее небольшим кусочком ваты.

В верхнем среднем широком ящике оказались три дамских тонких черных шпильки, кусочек ваты и розовый маленький шнурочек.

На столе находятся синий большой флакон эссенции электролитной воды Кобяка с большим количеством жидкости, небольшой круглый аптекарский стакан, две столовые ложки, одна десертная и чайная; в стакане затолкана вата; тут же рядом распоротая бархатная пуговица, и в ней вата.

В простенке между окнами передней стены коричневая с четырьмя полками и резными колонками этажерка; на верхней полке три флакона с какой-то жидкостью, большой стеклянный флакон с водою и засохшей веткой жимолости, две баночки с остатками борного вазелина и кольдкрема и с этикетками «Придворной Его Величества Аптеки», белая эмалированная чашка Д находящейся в ней маленькой стеклянной воронкой и стеклянный футляр с двумя маленькими кисточками. На второй полке стеклянная полубутылка, откупоренная и наполненная наполовину бесцветной жидкостью, и два маленьких обломка булыжника. На третьей полке, считая сверху вниз, пустой большой аптекарский флакон, стакан с небольшим количеством воды, восковая белая свеча, деревянная сосновая палочка, небольшой обрывок старой расплетенной веревки и кусок серой бумаги. На нижней полке складывающийся пополам деревянный прибор для снимания обуви и сосновая с двумя узкими желобками квадратной формы палочка.

Рядом с этажеркой небольшой круглый столик с расписной полированной круглой крышкой; возле него на полу валяются две целых тонких свечи, одна обломанная, и огарок.

Возле той же этажерки стоит оклеенный дубом столик прямоугольной формы с четырьмя точеными ножками, на котором лежат оборотная половина обложки от какой-то книги, маленькая в виде раковины тарелочка с пейзажем; на оборотной ее стороне фабричное клеймо и инициалы «М.Н.»; пятнадцать белых тонких восковых свечей, завернутых в бумагу, флакон из-под лекарств с рецептом доктора Боткина «pro autore».

Сбоку этого столика стоит кресло от гарнитура из гостиной с парусиновым чехлом.

В переднем левом углу гардероб с двумя створчатыми дверками, отделанный под ореховое дерево; в нем никакого платья не оказалось, висят лишь на деревянных крючьях двенадцать деревянных вешалок; на десяти из них имеются инициалы «А.Ф.».

Рядом с гардеробом железный экран, выкрашенный зеленой краской, на нем нарисован цветок.

Рядом с экраном по стене средних размеров мраморный умывальник с разбитой доской; на верхней полочке умывальника графин с водой, аптекарская стеклянная банка с белым порошком и три флакона с каким-то лекарством; на разбитой доске находятся желтого стекла стакан, пузырек с лекарством для Наследника с рецептом доктора Деревеньке, баночка с небольшим количеством кольдкрема, два флакона с

каким-то лекарством, один из них с рецептом доктора Боткина «pro autore», микроскопический флакончик с каким-то лекарством и семь небольших продолговатых бумажек в виде закладок с какими-то цифровыми записями. В нижней части умывальника стоит белое жестяное ведро; на полу около него найден маленький очиненный карандашик.

Рядом с умывальником по той же стене ночной столик, отделанный под орех, с мраморной верхней доской, на которой стоят пять пустых флаконов из-под одеколона и вежеталя, два лампадных стаканчика – красный и синий, банка с калигиперморганикум, белого стекла бутылочка с каким-то ароматическим маслом, большой флакон с сосновым экстрактом с этикеткою «Придворной Его Величества Аптеки», белый флакон с жидкостью «coluval», аптекарская баночка с притертой пробкой и незначительным количеством какой то ароматической жидкости, небольшой флакончик с винтовой нарезкой у горлышка, металлической крышкой и белыми пилюлями, на стенках его выгравировано: «Cascarine Leprince», и небольшая грязная рюмка из голубоватого стекла.

На второй полочке столика – зеленая чашка с блюдцем и небольшой стаканчик-капельница.

Нижний шкафик пуст.

Около умывальника на полу циновка, а на ней маленький деревянный табурет.

В левом заднем углу небольшой круглый столик.

В комнате три дубовых стула с тростниковым сиденьем и один мягкий с красной кретоновой обивкой от гарнитура, находящегося в комнате Великих Княжен.

На задней левой стене прибита вешалка для полотенец в виде трех палочек с металлическими наконечниками.

По словам Чемодурова, все эти предметы, за исключением мебели, принадлежат бывшей царской семье».

При осмотре Наметкиным Ипатьевского дома присутствовали доктор Белоградский и гвардии капитан Малиновский. Они показали[85]**:**

Белоградский: «Общее впечатление, какое оставлял тогда дом Ипатьева, было вот какое: дом брошен хозяевами; хозяев нет в доме; в нем хозяйничали чужие люди, уничтожившие в печах разные мелкие по величине вещи царской семьи; лишь немногие вещи уцелели из мелочи».

Малиновский: «Не было в доме никаких вещей из одежды и обуви. Мы вытаскивали мусор из печей. Печи были набиты золой от сгоревших вещей. Мы просеивали пепел. Установить главную массу сгоревших вещей мы не могли: вещи превратились в золу, но иногда можно было понять, что зола представляла сожженную ткань одежды. Это прямо бросалось в глаза. Много было сожжено портретных рамок, всевозможных вещей домашнего обихода, вещей из хорошей обстановки. Много было сожжено различных принадлежностей туалета, например головных и зубных щеток. Много были обгорелого и расплавленного стекла. Впечатление, какое я вынес из осмотра верхнего этажа дома, было то, что здесь, за отсутствием обитателей квартиры, все разгромили: сожгли преимущественно и бросили, оставив не уничтоженной мелочь».

§2. Нижний этаж дома Ипатьева в описании члена суда Сергеева

Осмотр нижнего этажа производил член суда Сергеев.

Комната под цифрой I (прихожая) возбудила его подозрения. Здесь он заметил замытый пол и кровь.

В его акте значится:

«Пол этой комнаты деревянный, окрашенный желтой краской. Он носит на себе явственные следы замывки в виде волнообразных и зигзагообразных полос из плотно присохших к нему частиц песка и мела; по карнизам – более густые наслоения из такой же засохшей смеси песка и мела; на поверхности пола наблюдаются пятна красноватой окраски. Эта часть пола при осмотре отмечена особыми знаками и охранена от внешних влияний.

Яркую картину преступления дала соседняя комната под цифрой II.

Пол ее также оказался замытым:

«Пол окрашен желтой краской и в левой от входа половине из прихожей носит на себе такие же следы замывки, по карнизам пола также наблюдается скопление засохшей смеси песка и мела».

[85] Свидетели А.Н. Белоградский и Д.А. Малиновский были допрошены мной: первый 13 июня 1919 г., второй 22 июля того же года в Екатеринбурге.

В этой комнате оказались крайне многочисленные разрушения.

Чтобы яснее усвоить язык актов, в которых они описываются, нужно обратиться кроме чертежа к фотографическим снимкам.

Когда из прихожей (под цифрой I) входишь в комнату под цифрой II, открывается вид, изображенный на снимке.

Перед зрителем на этом снимке видна восточная стена комнаты с дверью в соседнюю комнату под цифрой III (кладовую).

Эта восточная стена деревянная, покрытая сверху штукатуркой и обоями.

На снимке видны две арки, на которых лежит сводчатый потолок комнаты. Обе они каменные, покрыты штукатуркой и обоями, но арка справа от зрителя в нижней части обшита досками, на которые положены обои.

К этой правой арке примыкает южная стена.

Южная стена – каменная, оштукатуренная и покрытая обоями. В нижней части она, как и примыкающая к ней арка, обшита досками, на которые положены обои.

В южной стене – окно, обращенное на Вознесенский переулок, единственное в комнате.

Дверь из комнаты под цифрой II в комнату под цифрой I (прихожую) открывается в сторону последней.

В двери Сергеев обнаружил два пулевых попадания:

> «На правой створке этой двери, на высоте 173,3 сантиметра от пола, имеется сквозное отверстие круглой формы; такое же отверстие имеется и на левой створке двери, на высоте 97,7 сантиметра от пола; толщина створок двери 5,5 сантиметра; диаметр сквозных отверстий с наружной стороны двери (из комнаты под цифрой II) 6,8 миллиметра и диаметр тех же отверстий со стороны кладовой (из комнаты под цифрой III) 8,2 миллиметра».

Совершенно соответственно этим двум сквозным разрушениям двери Сергеев нашел в кладовой два поверхностных разрушения ее стен.

Было очевидно, что два пулевых попадания в эту дверь произошли из комнаты под цифрой II, когда дверь в кладовую была закрыта.

В двери Сергеев нашел одно пулевое попадание:

> «В косяке двери (правом от зрителя на снимке), на высоте 111 сантиметров от пола, имеется сквозное круглой формы отверстие: такое же отверстие имеется и на соответственной створке двери, если эту створку открыть и откинуть к косяку, то отверстие на двери совпадает с отверстием на косяке: канал отверстия расширяется по мере проникновения изнутри комнаты к откинутой двери и заканчивается широким отверстием на двери с расщепленными по окружности его частицами дерева».

Было очевидно, что пулевое попадание в эту дверь произошло из комнаты под цифрой II, когда дверь в прихожую была открыта.

В восточной стене Сергеев нашел 16 разрушений:

> «На восточной стене имеется шестнадцать углублений в толщу ее, похожих на следы проникновения пуль или следы ударов каким-либо твердым орудием. При обследовании означенных углублений посредством зонда определить направление и длину каналов оказалось невозможным ввиду того, что зонд на пути своего проникновения в каналы углублений наталкивается на осыпавшиеся части штукатурки. В целях удобства описания расположения углублений все они при настоящем осмотре занумерованы в порядке удаления их от угла левой арки к косяку двери, примыкающей к правой арке; измерена также высота, на которой находится каждое углубление от пола. При такой системе результаты измерений могут быть изображены в следующей таблице[86]:

№ по порядку	Расстояние от арки (в сантиметрах)	Расстояние от пола (в сантиметрах)
1	17	51
2	31	142

[86] В целях технического удобства мною допущено отступление от подлинного акта: измерения даны не по русской, а по метрической системе.

3	40	62,2
4	48,8	66,6
5	57,7	75,5
6	60	71,1
7	73,3	60
8	80	55,5
9	91,1	124,4
10	97,7	88,8
11	102,2	22,2
12	106,6	64,4
13	115,5	168,8
14	144,4	31
15	155,5	35,5
16	164,4	55.5

В области этих разрушений Сергеев обнаружил ясные следы замывки обоев:

«По окружности углублений за № 3, 6, 7, 8, 11, 12, 14, 15 и 16 обои носят следы замывки: местами из-под стертой бумаги виднеется штукатурка, а в некоторых частях замытого пространства стерт только верхний слой бумаги до уничтожения рисунка обоев».

Разрушения восточной стены не проникали всей ее толщи; со стороны кладовой их не было.

В области пола Сергеев нашел 6 разрушений:

«В левой от входа (из прихожей) части пола в области пространства, носящего на себе следы замывки, замечается шесть углублений с расщепленными слегка краями; при исследовании зондом каналов углублений определить их глубину представляется затруднительным ввиду того, что зонд встречает на пути своего движения частицы расщепленного дерева. В целях удобства описания этих углублений все они при настоящем осмотре занумерованы в порядке удаления их от восточной стены, на которой расположены вышеописанные шестнадцать углублений. По этой системе результаты произведенных измерений выражаются в следующей таблице:

№ по порядку	Расстояние от восточной стены (в сантиметрах)
1	35,5
2	93,3
3	95.5
4	137,3
5	222,2
6	382,2

В южной стене Сергеев нашел два разрушения:

«На южной стене ниже подоконника и влево от него, если стать лицом к окну, в расстоянии 86,6 сантиметра от арочного столба и в расстоянии 80 сантиметров от пола в деревянной обшивке стены имеется круглой формы сквозное отверстие. Такого же вида и формы отверстие имеется ниже в расстоянии 46,6 сантиметра от пола и несколько левее первого отверстия».

Пулевые попадания в обе двери были очевидны. Труднее было определить характер разрушений стен и пола. В этих целях Сергеев произвел выемку в них кусков дерева.

Как только выемки были сделаны, выяснилось, что эти разрушения причинены пулями.

В актах Сергеева значится: в отношении восточной стены. «*В вырезанных участках деревянной части стены обнаружено присутствие револьверных пуль*», в отношении южной стены:

> «Сначала был выпилен верхний участок стены, при извлечении выпиленного участка выпала револьверная пуля, найденная в промежутке между обшивкой и каменной стеной. При выпилке второго участка (нижнего) в нем была обнаружена револьверная пуля, застрявшая в верхнем слое обшивки».

В полу кроме пуль были найдены еще в пулевых каналах и в щелях досок потеки, похожие на кровь:

> «Все углубления в полу представляют собой пулевые каналы; в некоторых из них пули застряли в толще дерева; на стенках разрезов обнаружены красноватые пятна, спускающиеся через всю толщу доски в виде потеков».

К сожалению, Сергеев не сфотографировал комнату под цифрой II в том виде, как он нашел ее. Снимки, сделанные мною, передают ее вид, когда выемки в стенах и в полу были уже сделаны.

На снимке изображены некоторые куски дерева из восточной стены с сидящими в них пулями.

Осматривая комнату под цифрой II, я нашел, что Сергеев не заметил здесь еще некоторых пулевых попаданий. Я обнаружил их в обеих арках.

В левой арке оказалось два попадания:

> «Верхнее разрушение арки на лицевой ее стороне (к зрителю) находится от пола на высоте 1 метра 37 сантиметров; форма его слабый конус; глубина в толще штукатурки 2 сантиметра; диаметр у краев 4 сантиметра; края обоев вокруг этого углубления резко разрушены, лоскуты их висят вокруг всего углубления. Это углубление безусловно пулевой отпечаток, причем пуля ударила в эту лицевую сторону арки немного снизу вверх, как и идет углубление. Второе углубление на боковой стороне арки (к восточной стене) находится от пола на высоте 70 сантиметров, оно продолговатой формы и совершенно явственно представляет собой отпечаток пули длиной 3,5 сантиметра и глубиной в толщу штукатурки 2 сантиметра. Направление обоих описанных отпечатков одинаковое. Выстрелы, оставившие оба эти отпечатка, направлялись лицами, стоявшими влево от двери, ведущей в эту комнату из прихожей (под цифрой I)».

Второе попадание в левую арку дало, кроме того, еще рикошет в восточную стену.

Особенно мое внимание привлекла правая арка. Часть ее обшивки оказалась изъятой, как это и видно на снимке. Это было сделано Сергеевым, так как на обоях были рисунки порнографического характера.

Как раз под удаленной обшивкой я нашел в штукатурке арки резкое пулевое попадание:

> «Под этой выемкой деревянной обшивки имеется в толщу штукатурки углубление, конусообразной формы, несомненно пулевого характера: его глубина 2,5 сантиметра, диаметр с краев 1 сантиметр, от пола оно находится в расстоянии 1 метра 6 сантиметров».

Бросались в глаза некоторые разрывы на обоях арки вблизи выемки обшивки: казалось, что здесь, срываясь, скользил штык. Исследование удаленной Сергеевым обшивки являлось особенно интересным.

В моем акте осмотра ее значится:

> «На доске (толщина ее 3 сантиметра) имеется совершенно определенное пулевое отверстие, проникающее всю толщу доски. Входное отверстие находится на стороне, покрытой обоями, и имеет в диаметре 1 сантиметр; выходное отверстие – в задней стороне доски и носит такую же круглую форму, здесь вокруг него в доске образовались отщепы, диаметр его несколько больше входного: около 1,5 сантиметра. Под этим пулевым каналом в доске как раз и находится пулевой канал на штукатурке арки. На лицевой стороне доски имеются совершенно ясно видимые четыре штыковых удара. Из них три проникают всю толщу доски на 1 сантиметр, а одно наружное, проникающее слой обоев и картона и едва углубляющееся в слой дерева: глубина последнего 3 миллиметра. Три глубоких отверстия имеют одинаковые размеры: в длину и в ширину по 4 миллиметра, поверхностное имеет в длину 5 миллиметров. Все эти штыковые удары находятся под

пулевым отверстием и отстоят от него книзу на 6,75 сантиметра. Одно от другого все они в непосредственной близости. Для точного установления происхождения этих отверстий в них осторожно вкладывалось острие штыка трехлинейной русской винтовки. Форма отверстий как раз совпала с формой штыка».

Сергеев не заметил также кровяных брызг на обоях. Я нашел их и на восточной стене и на южной.

В моем акте значится:

«На обоях восточной стены, в непосредственной близости с выемками, произведенными членом суда Сергеевым, по направлению к косяку двери, ведущей в кладовую (под цифрой III), замечается множество кровяных брызг, почерневших уже от времени, но некоторые из них сохранили еще характерный для крови окрас: красновато-желтый, все они идут вверх и налево от выемок к двери. На обоях южной стены, в непосредственной близости к выемками кусков дерева, наблюдается множество таких же кровяных брызг: направление их от выемки вверх и направо, вниз и налево».

В этой комнате под цифрой II Сергеев обнаружил на южной стене надпись на немецком языке:

Belsazar ward in selbiger Nacht
Von seinen Kenchten umgebracht[87]

Это 21-я строфа известного произведения немецкого поэта Гейне «Belsazar». Она отличается от подлинной строфы у Гейне отсутствием очень маленького слова: «aber», то есть «но все-таки».

Когда читаешь это произведение в подлиннике, становится ясным, почему выкинуто это слово. У Гейне 21-я строфа – противоположение предыдущей 20-й строфе. Следующая за ней и связана с предыдущей словом «aber». Здесь надпись выражает самостоятельную мысль. Слово «aber» здесь неуместно.

Возможен только один вывод: тот, кто сделал эту надпись, знает произведение Гейне наизусть.

На этой же южной стене я обнаружил обозначение из четырех знаков.

В этом же нижнем этаже, в комнате под цифрой X, Сергеев нашел на двери карандашную надпись: «Rudolf Lacher Y.T.K. Jager. Trient».

В этой комнате жил пленный солдат австрийской армии по имени Рудольф. Он прислуживал Юровскому и его палачам, приведенным из чека.

Глава 18.

§1. Научная экспертиза частей стен и пола в доме Ипатьева для определения характера их разрушения

Куски дерева, взятые Сергеевым в доме Ипатьева, подвергались исследованиям двоякого рода.

Нужно было точно определить количество попаданий в них и род оружия.

Нужно было установить научно, имелась ли на них кровь человека.

Я излагаю результаты исследований первого рода языком подлинных актов.[88]

1. **Кусок дерева из восточной стены комнаты под цифрой II.**

«Одна из сторон носит явные следы штукатурки и переплета драниц, на которые кладется последняя. На этой покрытой налетом штукатурки стороне дерева ясно усматриваются два вдавления. Они оба конической формы, причем края дерева около сих вдавлений сплющены по направлению хода вдавлений. Диаметр одного из них 1 сантиметр, диаметр другого 6 миллиметров. Глубина первого 2 сантиметра, глубина второго 2,2 сантиметра. На дне второго

[87] В эту самую ночь Валтасар был убит своими холопами.

[88] Они производились мною через эксперта-артиллериста 20–27 февраля 1919 года в Омске.

вдавления, имеющего в глубину 2,2 сантиметра, под слоем штукатурки прощупывается дно пули. Пуля не извлекалась».

Заключение эксперта 26 февраля 1919 года:

«Рассмотрев этот кусок дерева, эксперт пришел к определенному выводу, что первое углубление, имеющееся на этом куске, есть пулевой отпечаток. Вернее всего, этот отпечаток есть след пули от револьвера системы Нагана. Обнаруженная в другом углублении пуля была извлечена из него при помощи инструмента зубила, для чего целость куска пришлось разрушить. Пуля не изменила своего вида. По измерении ее эксперт пришел к определенному выводу, что эта пуля принадлежит автоматическому пистолету системы Браунинга. Определить точно систему оружия в настоящий момент эксперт отказался, найдя необходимым для этого произвести особо взвешивание пули».

Заключение эксперта 27 февраля 1919 года:

«По взвешивании пули вес ее определяется в 4 ½ грамма. Принимая во внимание ее вес и наружный вид (круговая накатка), следует признать, что она принадлежит трехлинейному автоматическому пистолету американского изготовления».

2. **Второй кусок дерева из той же стены.**

«Одна из сторон куска также носит следы штукатурки и переплета драниц, на которые она кладется. Этот кусок имеет сквозное отверстие, проходящее через всю толщу куска. Входное отверстие находится на той стороне, которая покрыта налетом штукатурки; выходное в противоположной. Отверстие круглой формы; его диаметр 6 миллиметров. Края отверстия со стороны входа вдавлены по направлению к выходу».

Заключение эксперта 26 февраля 1919 года:

«Эксперт пришел к выводу, что отверстие в этом куске дерева есть след прошедшей через его толщу пули. Пуля эта принадлежит трехлинейному револьверу, скорее всего системы Нагана».

3. **Третий кусок дерева из той же стены.**

«Одна из сторон куска также носит следы штукатурки и переплета драниц. На той стороне куска, которая покрыта налетом штукатурки, имеется отверстие, идущее через всю толщу куска и выходящее в противоположной стороне куска. Оно круглой формы; его диаметр 6 миллиметров. Края отверстия со стороны, покрытой штукатуркой, вдавлены по ходу отверстия. Ясно видно, что это отверстие есть канал пули, пробившей кусок дерева. На нем написано черным карандашом Сергеевым: «Пуля извлечена».

Заключение эксперта 26 февраля 1919 года:

«Эксперт пришел к выводу, что отверстие в этом куске есть след пули, прошедшей через его толщу. Пуля эта трехлинейная, от револьвера, но определить систему не представляется возможным».

4. **Четвертый кусок дерева из той же стены.**

«Одна из его сторон также покрыта налетом штукатурки и носит следы переплета драниц. На этой именно его стороне имеется в дереве вдавление круглой формы диаметром и глубиною по 1 сантиметру. Края дерева вокруг вдавления сдавлены внутрь. Дно вдавления также покрыто легким налетом штукатурки».

Заключение эксперта 26 февраля 1919 года:

«По рассмотрении этого куска эксперт пришел к выводу, что имеющееся на куске вдавление есть отпечаток пули, принадлежащей трехлинейному револьверу или автоматическому пистолету».

5. **Пятый кусок дерева из той же стены.**

«Кусок также покрыт налетом штукатурки и имеет следы переплета драниц. С этой стороны в дереве имеется отверстие круглой формы, имеющее в диаметре около 1 сантиметра. Введенный в это отверстие зонд проникает в толщу дерева на 8 сантиметров и не проходит далее, упираясь в какой-то твердый предмет, издающий при простукивании его зондом звук металла».

Заключение эксперта 26 февраля 1919 года:

«Пуля была извлечена из него также при помощи инструмента зубила, для чего пришлось разрушить целость этого куска. Внешний вид пули не изменен. По измерении ее эксперт пришел к определенному выводу, что эта пуля принадлежит трехлинейному револьверу Нагана».

6. **Шестой кусок дерева из той же стены.**

«Одна сторона его покрыта налетом штукатурки и имеет следы переплета драниц. С одной стороны на дереве имеются два вдавления. Одно из них имеет в диаметре 1 сантиметр и в глубину 5 миллиметров. Другое вдавление имеет в диаметре 8 миллиметров. Края дерева вокруг него сплющены и вдавлены внутрь по ходу вдавления. Глубина его 2,8 сантиметра. Далее зонд не идет и упирается в дно пули, засевшей в толще дерева и видимой простым глазом».

Заключение эксперта 26 февраля 1919 года:

«Рассмотрев этот кусок, эксперт пришел к выводу, что обнаруженное при осмотре этого куска вдавление есть пулевой отпечаток. Его виду более всего соответствует пуля трехлинейного Нагана. Обнаруженная при осмотре этого куска пуля была извлечена из него при помощи того же инструмента зубила, ввиду чего целость этого куска была разрушена. Наружный вид пули мало изменен. При измерении ее эксперт пришел к выводу, что эта пуля также принадлежит трехлинейному автоматическому пистолету (круговая накатка)».

7. **Седьмой кусок дерева из той же стены.**

«Одна сторона его покрыта также налетом штукатурки и имеет следы драниц. На двух боковых стенках этого куска дерева ясно усматриваются два круглой формы вдавления; диаметр их около 1 сантиметра. Видимо, эти вдавления есть следы двух пуль, ударивших в этот кусок дерева с боков».

Заключение эксперта 26 февраля 1919 года:

«Рассмотрев этот кусок, эксперт пришел к выводу, что на этом куске имеются следы двух пуль, ударивших в него. Одна принадлежит трехлинейному, а другая – четырехлинейному револьверам».

8. **Восьмой кусок дерева из той же стены.**

«Одна сторона его покрыта налетом штукатурки. На одной из его боковых стенок имеется круглой формы вдавление, идущее вдоль боковой стенки, диаметром около 8 миллиметров».

Заключение эксперта 26 февраля 1919 года:

«Имеющееся в этом куске вдавление есть след пули, принадлежащей трехлинейному револьверу. Никаких иных выводов относительно этой пули сделать нельзя».

9. **Девятый кусок дерева из той же стены.**

«Вдоль одной из его боковых стенок идет вдавление круглой формы, имеющее в диаметре 1,1 сантиметра. Одна из сторон куска имеет налет штукатурки и следы переплета драниц. Направление вдавления, идущего по боковой стенке, – от той стороны, которая покрыта налетом штукатурки».

Заключение эксперта 26 февраля 1919 года:

«Рассмотрев этот кусок, эксперт пришел к выводу, что отверстие на этом куске есть след пули, принадлежащей трехлинейном револьверу. Оно причинено рикошетом. Благодаря этому не представляется возможным сделать какие-либо иные выводы».

10. **Десятый кусок дерева из той же стены.**

«Одна сторона его покрыта налетом штукатурки. С этой стороны в дереве имеется вдавление круглой формы, имеющее в диаметре 1 сантиметр. Введенный в отверстие зонд проходит через всю толщу дерева и упирается в дно пули, застрявшей в дереве и вышедшей своим концом наружу на протяжении 1 сантиметра».

Заключение эксперта 26 февраля 1919 года:

«Обнаруженная при осмотре этого куска пуля была извлечена из него при помощи того же инструмента зубила, для чего пришлось разрушить целость куска. Наружный вид пули почти не изменился. По измерении ее эксперт пришел к выводу, что эта пуля принадлежит трехлинейному револьверу системы Нагана».

11. **Одиннадцатый кусок дерева из той же стены.**

«На одной из боковых его стенок имеется отверстие круглой формы, имеющее в диаметре 8 миллиметров. Зонд, введенный в это отверстие, проникает всю толщу дерева и упирается в дно пули, вышедшей своим небольшим концом наружу».

Заключение эксперта 26 февраля 1919 года:

«Обнаруженная при осмотре этого куска пули была извлечена из него также при помощи инструмента зубила, для чего пришлось разрушить целость этого куска. Наружный вид пули мало изменился. По измерении ее эксперт пришел к выводу, что эта пуля принадлежит трехлинейному револьверу системы Нагана».

12. **Двенадцатый кусок дерева из той же стены.**

«В середине отщепа сидит пуля».

Заключение эксперта 26 февраля 1919 года:

«Пуля свободно была извлечена из отщепа, переломившегося на две части. Наружный вид ее мало изменен. По измерении ее эксперт пришел к выводу, что эта пуля принадлежит трехлинейному револьверу системы Нагана».

13. **Тринадцатый кусок дерева из той же стены.**

«Сбоку в этом отщепе имеется приставшая к одной из наружных стенок отщепа пули, сидящая в своем гнезде. Она еле держится в отщепе, и почти все ее стороны хорошо видны. Пуля в оболочке. Конец ее усечен или вдавлен от удара».

Заключение эксперта 26 февраля 1919 года:

«Из этого отщепа пуля свободно была изъята руками. Ее наружный вид мало изменился. Но оболочка несколько содрана. По измерении пули эксперт пришел к выводу, что эта пуля принадлежит трехлинейному револьверу системы Нагана».

14. **Кусок дерева из южной стены.**

«Посередине куска, с той его стороны, которая оклеена обоями, имеется пулевой канал круглой формы, в диаметре 6 миллиметров. Канал идет к одной из боковых стенок куска, вблизи которой застряла пуля, ясно видимая простым глазом».

Заключение эксперта 26 февраля 1919 года:

«Внешний вид пули мало изменился. По измерении ее эксперт пришел к выводу, что эта пуля принадлежит трехлинейному револьверу системы Нагана».

15. **Второй кусок дерева из той же стены.**

«Посередине куска со стороны, покрытой обоями, имеется круглой формы отверстие, диаметром около 1 сантиметра. Это отверстие сквозное. Оно идет наискось через всю толщу куска и выходит в противоположной стороне, ближе к боковой».

Заключение эксперта 26 февраля 1919 года:

«По рассмотрении этого куска эксперт пришел к выводу, что отверстие в этом куске причинено пулей, принадлежащей трехлинейному револьверу».

16. **Кусок пола.**

«Одна сторона доски выкрашена желтой краской. На этой ее стороне черным карандашом вычерчены [86] два прямоугольника. В середине одного из них усматривается овальной формы отверстие, имеющее в длину 1,5 сантиметра, в ширину 1,1 сантиметра. Края доски вокруг этого отверстия сплющены и вдавлены по направлению глубины отверстия, идущего внутрь дерева. Совершенно ясно видно, что это отверстие сделано пулей, ударившей в дерево с выкрашенной стороны. Зонд, введенный в это отверстие, идет через всю толщу доски и выходит наружу с противоположной стороны. Таким образом, это отверстие сквозное. Выходное отверстие также овальной формы; его длина 1 сантиметр и ширина 9 миллиметров; но точный размер его дать трудно, так как с этой стороны в доске получился отщеп, изменивший точную форму и величину отверстия. Края этого отверстия с выкрашенной стороны доски как будто бы имеют еще иное окрашивание: темновато-красного цвета. Но без научного исследования не представляется возможным определить его природу, так как возможно, что это окрашивание, отличное от цвета краски, покрывающей доску, дается грунтом на котором лежала краска, выкрошившаяся вокруг отверстия от удара, видимо, пулей. В середине другого прямоугольника усматривается такое же

по форме отверстие, как и только что описанное, имеющее в длину 2,3 сантиметра и в ширину 1 1/2 сантиметра. Зонд, введенный в это отверстие, проникает на 2,2 сантиметра и не идет дальше: он упирается в дно пули, ясно видимой простым глазом. Края доски вокруг этого отверстия, сделанного пулей, также сплющены и вдавлены по ходу отверстия по направлению к пуле. Вокруг этого отверстия с выкрашенной стороны доски усматривается какое-то иное окрашивание также темновато-красного цвета. При тщательном осмотре хода пулевого канала в мельчайших отщепах доски, находящихся в канале в ближайшем соседстве с пулей, найдено несколько шерстинок материи. Одни из шерстинок кремового цвета другие – красного. Эти шерстинки были осторожно извлечены из канала при помощи зонда и помещены в особый пакет. Пуля была извлечена до производства научного исследования тех окрашивании, которые усматриваются около входных каналов пуль».

17. **Второй кусок пола.**

«Одна сторона доски также выкрашена такой же краской. В середине куска с выкрашенной стороны имеется отверстие почти круглой формы, диаметром 1 сантиметр. Края дерева вокруг этого отверстия сплющены и смяты по ходу отверстия внутрь дерева. Отверстие сквозное. Оно проникает всю толщу дерева. Определить его размер с противоположной стороны невозможно благодаря отщепам в доске. Поверхность доски с выкрашенной стороны, где имеется вход отверстия, и с противоположной, где имеется его выход, имеет как будто бы некоторое окрашивание темновато-красного цвета. Но определить его природу по наружному осмотру не представляется возможным. Отверстие несомненно представляется пулевым каналом».

18. **Третий кусок пола.**

«С одной стороны кусок выкрашен такой же краской, как и предыдущие, и также имеет с этой стороны следы вычерчивания карандашом. С этой выкрашенной стороны усматривается в нем отверстие полукруглой формы. Оно идет через всю толщу куска и выходит не с противоположной стороны, а, пройдя кусок наискось, выходит в одной из боковых стенок. Размер его в боковой стенке, благодаря тому, что стенки отверстия в дереве несколько сошлись, определить затруднительно. Края дерева с выкрашенной стороны также сплющены и вдавлены внутрь дерева по ходу отверстия. Окрашивании около отверстия ни с входной, ни с выходной сторон не усматривается».

19. **Четвертый кусок пола.**

«Одна его сторона выкрашена такой же краской, как и предыдущие куски. Около самого края куска усматривается пятнышко темновато-красного цвета, круглой формы, имеющее в диаметре 5 миллиметров. Оно расположено на той стороне куска, которая выкрашена краской, и притом близко к грани. Часть дерева у самой грани вблизи пятнышка или изъята при помощи долота, или же отщепилась. Боковая стенка куска, начиная как раз от грани, где имеется пятнышко и отщеп, имеет окрашивание, напоминающее кровь. Оно идет на протяжении 7 сантиметров в длину и 2,5 сантиметра в ширину».

20. **Пятый кусок пола.**

«На выкрашенной стороне у самого края куска имеется в дереве вдавление круглой формы в диаметре 2 сантиметра, глубиною 1/2 сантиметра. В середине вдавления ясно видна пуля, внедрившаяся в дерево и сплющившаяся. Дно вдавления около пули и края его носит как будто бы следы крови. Боковая стенка куска имеет ясно видимый потек крови, направляющийся по этой боковой стенке как раз от края вдавления, где находится пуля. Длина потека 7 сантиметров; в ширину он занимает толщу доски».

Заключение эксперта 26–27 февраля 1919 года:

а) в отношении пули в куске пола под пунктом 16-м:

«По взвешивании пули вес ее определяется около 15 граммов. Для более точного определения рода оружия, которому она принадлежит, было произведено точное измерение ее штангенциркулем; точный ее диаметр оказался 11,43 миллиметра, то есть 4 ½ линии. Эта пуля принадлежит автоматическому пистолету системы Кольта, калибра 45».

б) в отношении пули в куске пола под пунктом 20-м:

«Пуля эта очень сильно сплющена. Вследствие этого ее измерение не производилось. Ее вес определяется в 5 ½ грамма. Скорее всего, следует признать, что эта пуля принадлежит автоматическому пистолету системы Браунинга, изготовленному в Европе (но не в России)».

Не было никаких сомнений, что в пяти кусках пола имелось шесть пулевых каналов. Эти куски необходимо было сохранить для исследования крови. Поэтому я пожертвовал выяснением вопроса, каким оружием были причинены остальные каналы, ограничившись предъявлением эксперту двух пуль.

На снимке №55 изображены некоторые из пуль, найденных в доме Ипатьева.

§2. Научное исследование кусков пола на кровь

Научным исследованиям на кровь подвергались пять кусков пола: один из комнаты под цифрой I и четыре из комнаты под цифрой II.

Они производились в двух разных учреждениях. Одно исследовало все куски, где я усмотрел кровь.[89] Другое, по требованию Сергеева, исследовало часть от последнего из указанных выше кусков.

Я излагаю результаты исследований языком подлинных актов:

А) Химико-микроскопическое исследование.

«Подозрительные пятна на доске № 297 были так малы, в особенности пятно в области карандашного очерчивания у края доски, что представлялось сомнительным, дадут ли они положительную реакцию с гваяковой настойкой.

С другой стороны, если бы реакция оказалась лишь слабоположительной, возникло бы сомнение: не вызвали ли ее вещества, соскобленные с исследуемой доски, входящие в состав краски, древесины, шпаклевки и т.п.

Поэтому необходимо было предварительно убедиться, не даст ли положительной реакции с гваяковой настойкой вещество самой доски со слоем половой краски. С этой целью мною была соскоблена вычищенной предварительно полукруглой стамеской часть крашеной поверхности доски № 297 в том месте, где не усматривалось никаких подозрительных пятен. Соскоб в количестве, превышающем то количество его, какое могло дать подозрительное пятно, был обработан в фарфоровой чашке (лично мною вымытой с предварительной обработкой чашки хромовой смесью) однопроцентным аммиаком. Аммиак 25-процентный от фирмы Кальбаума в Берлине точно разбавлен чистейшей дистиллированной водой, мною приготовленной путем перегонки аптекарской дистиллированной воды после прибавки к ней серной кислоты и марганцовокислого калии (последние реактивы чистейшие – H2504 от Тентелевского завода в Петрограде).

Однопроцентного аммиака прибавлено было 2 куб. см, после шестичасового размачивания жидкость профильтрована через очень малый фильтр (воронка предварительно вымыта хромовой смесью и дистиллированной водой), фильтр и соскоб промыт 5-ю куб. см чистейшей дистиллированной воды. Фильтр собран в предварительно вымытую и прокаленную платиновую чашку. Фильтрат выпарен путем медленного нагревания чашки таким образом, что чашка стояла на медном воздушном шкафу, внутри которого температура поддерживалась не выше 80° Ц. После испарения воды к сухому остатку прибавлено 0,2 куб. см 60-процентной уксусной кислоты, 2 куб. см ректификованного спирта в 97°, 1 куб. см гваяковой свежеприготовленной спиртовой настойки и 1 куб. см озонированного скипидара: желтоватый цвет смеси не изменился в течение 50 минут.

Параллельно с этим испытанием было произведено испытание реактивов, а именно сделана смесь: 1 куб. см 60-процентной уксусной кислоты, 3 куб. см 97° спирта, 3 куб. см гваяковой настойки – свежеприготовленной 1-процентной и 3 куб. см озонированного скипидара – желтоватый цвет смеси не изменился в течение 60 минут.

(Под озонированным скипидаром подразумевается долго стоявший на свету в открытом сосуде пожелтевший французский скипидар.)

---

[89] Необходимо иметь в виду, что кусок пола из комнаты под цифрой 1 описывается на следствии в пункте 1-м протокола 17–18 февраля 1919 года; остальные куски – в пунктах 2, 3, 5 и 6 того же протокола. В актах научного исследования первый условно значится под цифрой 297, остальные под цифрами 298, 299, 300 301 с употреблением, где нужно, букв русского алфавита.

Кроме сего, одновременно и параллельно с вышеописанным испытанием соскоба доски № 297 были произведены испытания того же способа, с соблюдением всех тех же условий опыта, но с прибавкой к соскобу разведенной в тысячу раз человеческой крови (сохранившейся до того 3–4 дня) в количестве 0,1 куб. см; 0,3 куб. см; 0,5 куб. см; и 1,0 куб. см Результат получился следующий:

Экстракт из соскоба, к которому было прибавлено 0,1 куб. см разведенной крови, вызвал весьма слабое зеленое окрашивание гваяковой реактивной смеси спустя 15 минут; экстракт из соскоба с 0,3 куб. см разведенной крови вызвал немедленно ясное (отчетливое) зеленое окрашивание гваяковой реактивной смеси. Зеленое окрашивание реактивной смеси наступило еще яснее с экстрактом соскоба, к которому было прибавлено 0,5 куб. см разведенной крови, и, наконец, экстракт соскоба, к которому было прибавлено 1,0 куб. см разведенной крови, вызвал немедленное темно-сине-зеленое окрашивание гваяковой реактивной смеси.

Таким образом мною установлено, что соскоб половой доски № 297 с окрашенной ее поверхности самостоятельно не дает реакция с гваяковой настойкой и что несомненная положительная реакция получилась при нахождении в соскобе 0,3 куб. см разведенной в тысячу раз человеческой крови.

После сего приступлено к испытанию подозрительных пятен, имевшихся на вещественных доказательствах.

«Часть доски» № 297 имеет на крашеной поверхности два пятна в области карандашных очерчиваний – одно около середины доски, называем это пятно 297-А, и другое у края доски – 297-Б.

«Часть доски» № 298 имеет кровяной потек без сгустков засох» шей крови по каналу пули, засевшей в доске и 24 февраля извлеченной[90], называем его № 298-А; другое подозрительное пятно на доске 298 имеется у входа в сквозной пулевой канал. Так как это пятно очень незначительно, мною доска расколота по ходу пулевой канала; по вскрытии канала в нем усмотрен подозрительный потек являющийся продолжением подозрительного пятна, находящегося входа в пулевой канал и доходящий до половины канала; сгустков засохшей крови в потеке не усмотрено: называем этот потек № 298-Б.

«Часть доски» № 299 имеет сквозное пулевое отверстие; так как у его краев подозрительные пятна очень невелики, то доска расколота по пути пулевого канала; при раскалывании доски обнажился однако, не весь пулевой канал, а лишь нижняя его часть, равная приблизительно половине всего канала; по пути всего канала усматривается подозрительный потек, являющийся продолжением подозрительных пятен: у входа в канал; при этом засохших сгустке крови в потеке не обнаружено.

«Часть доски» № 300. Для испытания на присутствие крови взят соскоб с той поверхности доски, которая образует половую щель, на которой виден частичный пулевой канал; на этой поверхности доски усматривается подозрительный потек с весьма малыми сгустками засохшей крови.

«Часть доски» № 301 представляет собой край доски; недалеко от поверхности ребра, образующей половую щель, есть ложе пул вынутой 24 февраля 1919 года; область ложа пули окрашена подозрительным потеком, который распространяется непрерывно на поверхность доски, образующую половую щель. При извлечении пули откололся осколок доски, каковой необходимо приложить своему месту, дабы видно было, что пятно у ложа пули и потек на щелевой поверхности доски непрерывно переходят друг в друга.

Потеки на щелевой поверхности местами переходят в весьма тонкие засохшие сгустки.

Таким образом, для испытания гваяковой настойкой и для получении кристаллов гемина (кристаллов Теихманна) были подвергнуты подозрительные пятна 297-А, 297-Б, 298-А, 298-Б, 299, 300, 301.

Соскоблены целиком пятна № 297-А, № 297-Б, а от остальных, то есть № 298-А, 298-Б, 299, 300 и 301, ввиду их большой величины и для оставления материала для испытания, были сделаны лишь частичные соскобы.

Соскобы, каждый в отдельной фарфоровой чашке (предварительно хорошо вымытой после обработки хромовой смесью), смочены несколькими каплями чистейшей дистиллированной воды, а затем двумя кубическими сантиметрами однопроцентного аммиака. После шестичасного настаивания жидкости профильтрованы (фильтры № 589 – черная лента диам. 5 см фабрики

[90] Пуля была извлечена в моем присутствии.

Шлейхера и Шюлля) (воронки после обработки хромовой смесью хорошо вымыты); фильтраты экстрактов приняты в предварительно вымытые и прокаленные платиновые чашки; фильтры и соскобы промыты два раза небольшим количеством чистейшей дистиллированной воды; промывные воды собраны в те же платиновые чашки по принадлежности; таким образом, в каждой платиновой чашке образовалось от 5 до 8 куб. см жидкости (экстракта). Для производства дальнейших испытаний необходимо было подвергнуть полученные экстракты концентрации, каковая произведена путем испарения воды (и других летучих веществ, например, аммиака) нагреванием; нагревание происходило таким образом, что платиновые чашки с экстрактами поставлены были открытыми на верхнюю поверхность медного воздушного шкафа, внутренняя температура которого не превышала 80°Ц. Когда содержимое чашек уменьшилось приблизительно до 2 куб. см у № 297-А и 297-Б и до 3–4 куб. см у № 298-А, 298-Б, 299, 300 и 301, нагревание было прекращено.

Для производства испытания гваяковой настойкой было поступлено следующим образом: из каждой платиновой чашки отлито в промоченные совершенно чистые пробирки приблизительно по 0,5 куб. см испытуемых экстрактов; в каждую пробирку прибавлено затем по 0,3 куб. см 60-процентной уксусной кислоты; смеси испытаны каждая синей лакмусовой бумажкой (изготовленные из азолитмина) – реакция везде оказалась резкокислой; засим прибавлено по 2 куб. см свежеприготовленной однопроцентной гваяковой настойки (на 1 грамм – 99 граммов 95 этилового спирта с последующим фильтрованием) и по 2 куб. см озонированного скипидара.

Резко положительную реакцию дали № 298-А, 298-Б, 299, 300 и 301, выразившуюся в том, что реактивная смесь приобрела немедленно темно-синее окрашивание.

Наименование пунктов и протоколов судебного следователя, в коих описаны вещественные доказательства	Соответственные номера настоящего протокола	№ фарфоровых чашек, в коих производилось экстрагирование крови	№ платиновых чашек, в коих принимались фильтрованные экстракты и промывные воды	Цвет экстрактов после фильтрования и промывки фильтров	Результаты испытания гваяковой настойки
«Часть доски», описанная в п. 1-м протокола 17–18 февраля 1919 г.	29 7-А 297 7-Б	I.II.	8.9.	Весьма слабый розовый Бесцветный	Реакция положительная: немедленное появление отчетливого синего окрашивания с частью экстракта Реакция положительная: немедленное появление слабого синего окрашивания при применении всего экстракта
«Часть доски», описанная в п. 1-м протокола 17–18 февраля 1919 г.	29 8-А 28 9-Б	VI. VII.	7.1.	Красноватый Красный	Реакция резко положительная: немедленное появление темно-синего окрашивания реактивной смеси с частью экстракта
«Часть доски», описанная в п. 3-м протокола 17–18 февраля 1919 г.	299	IV.	4.	Красный	
«Часть доски», описанная в п. 5-ом протокола 17–18 февраля 1919 г.	300	III.	1.	Красный	

«Часть доски», описанная в п. 6-м протокола 17–18 февраля 1919 г.	301	V.	6.	Красноватый	

Следствием описанных испытаний гваяковой настойки явилась установка присутствия крови в подозрительных пятнах вещественных доказательств № 297-А, 297-Б, 298-А, 298-Б, 299, 300 и 301.

Для большей наглядности полученных результатов привожу таблицу (см. стр. 188), в коей, сверх описанных результатов, показаны по принадлежности номера фарфоровых чашек, в коих производилась экстракция крови из подозрительных пятен, номера платиновых чашек, куда принимались экстракты и промывания воды, и цвет экстрактов.

Таким образом, испытание подозрительных пятен № 297-Б является законченным вследствие израсходования самого вещества пятен.

Дальнейшее исследование оставшихся экстрактов направлено было на получение кристаллов гемина (Teichmannовская реакции).

Для этой цели содержимое платиновой чашки № 8, то есть экстракт подозрительного пятна № 297-А, ввиду малого его количества и полной прозрачности, был подвергнут испытанию без какой-либо дополнительной обработки следующим образом: весь экстракт перенесен на предметное стекло (тщательно вымытое после обработки хромовой смесью); перенос экстракта на предметное стекло совершен так: на середину стекла наносились особой маленькой пипеткой 2–3 капли экстракта, которые испарились досуха; на образовавшееся пятно вновь наносилось 2–3 капли экстракта и вновь испарялись, и так до тех пор, пока весь экстракт не оказался на предметном стекле; испарение жидкости производилось нагреванием предметного стекла на верхней поверхности медного воздушного шкафа, внутри которого поддерживалась температура не выше 40°Ц. Когда весь экстракт был перенесен на предметное стекло, к последней его капле прибавлено несколько пылинок мелко истертого химически чистого хлористого натрия; когда влаги на стекле осталось очень немного, испарение ее (высыхание препарата) закончено при комнатной температуре. Пятно увлажнено было засим путем трения о него едва смоченным в чистейшей дистиллированной воде концом стеклянной палочки и прикрыто покровным стеклышком так, чтобы оно несколько приподымалось: достигнуто это нанесением на предметное стекло нескольких совершенно чистых песчинок морского песка; под покровное стекло впущено стеклянной палочкой такое количество ледяной уксусной кислоты, чтобы все пространство между предметным и покровным стеклом ею наполнилось; нагрето осторожно на очень малом огне – пламени фитильной спиртовой горелки до начала появления пузырей пара; после сего производилось медленное испарение уксусной кислоты путем оставления предметного стекла на медном шкафу, внутри которого поддерживалась температура не выше 40°Ц. Цвет жидкости между стеклами был светло-буроватый. Наблюдение под микроскопом за появлением кристаллов гемина производилось каждые 5, 10, 15 минут; однако таковых усмотрено не было не только до момента, когда жидкости между стеклами осталось очень мало, но и тогда, когда почти вовсе испарилась ледяная уксусная кислота, вновь введенная между стеклами.

Таким образом, доказать, что тонкое подозрительное пятно № 297-А является пятном человеческой крови, не удалось; устанавливается лишь, что это пятно, равно как и пятно № 297-Б, – кровяные пятна.

С главными количествами экстрактов, оставшихся от испытания с гваяковой настойкой и полученных от пятен № 298-А, 298-Б, 299, 300 и 301, до производства с ними реакции Teichmann а была проделана следующая операция, имеющая целью возможную очистку кровяного пигмента от примесей, каковыми могли быть, например, экстрактивные в слабом аммиаке составные части дерева. К экстрактам, к каждому отдельно, было прибавлено сперва по небольшому количеству слабого раствора чистейшего таннина (Cerbsaure 1, фабр. Кальбаума в Берлине); затем прибавлялась по одной капле однопроцентная уксусная кислота с последующим погружением в перемешиваемую жидкость весьма тонкой синей лакмусовой бумажки; прибавление уксусной кислоты было прекращено по достижении слабокислой реакции у всех экстрактов. К этому моменту из растворов выпали рыхлые хлопчатые осадки, окрашенные в красновато-бурый цвет, причем интенсивность и оттенок окраски осадков в различных платиновых чашках не были одинаковыми. Наименьшие по величине, но наиболее чисто окрашенные в красноватый цвет

осадки образовались в чашках I и 1 (№ 298-Б и 300), остальные три осадка (№ 298-А, 299 и 301) были большие по объему, но имели более серый оттенок по цвету. Все осадки были трижды промыты чистейшей дистиллированной водой, к которой были прибавлены предварительно малейшие количества раствора таннина и уксусной кислоты. Промывка осадков производилась следующим образом: содержимое платиновых чашек перелито в помеченные нумерами чашек пробирки для центрифугирования; после оседания осадков в них сливалась стоявшая над ними прозрачная бесцветная жидкость; к осадкам вновь прибавлялась вода, после чего пробирки встряхивались и оставлялись в покое до нового оседания осадков. Когда после третьей прибавки воды последняя была слита, осадки подвергнуты испытанию по способу Тейхманна.

Особыми пипеточками, изготовленными мною для каждой пробирки отдельно, осадки, заключавшие все еще много воды наносились по каплям на совершенно чистые предметные стеклят помеченные алмазом нумерами платиновых чашек; стекла укладывались затем на медный воздушный шкаф, имевший внутри с температуру не свыше 40°Ц. Когда одна капля высыхала, на то место наносилась новая до тех пор, пока не оказалось, что предметном стекле находилось достаточное количество вещества Дальнейшая подготовка препаратов и наблюдение за появлением кристаллов гемина производилось совершенно так, как описано выше при испытании пятна 297-А.

При этом все испытуемые экстракты, то есть № 298-А 298-В, 299, 300 и 301 дали Тейхманновские кристаллы гемина. Образование (выпадение из раствора) кристаллов гемина шло В во всех случаях одинаково легко. В то время, как экстракты № 298-Б и 300 (особенно 300) образовали довольно скоро указанные кристаллы, остальные № 298-А, 299 и 301 (в особенности 298-А) образовали их труднее. Замечено было, что кристаллы гемина образовывались особенно трудно (не скоро или не с первого приготовленного препарата) из тех экстрактов, которые содержали в приготовленных микроскопических препаратах много жироподобных (или жировых) микроскопических капелек; цвет выпаривающейся в этих случаях жидкости, заключавшейся между предметным и покровным стеклами, был бурый, а консистенция выпарившейся между стеклами до малого объема жидкости была густая и вязкая. По-видимому, из соснового дерева досок извлекались одновременно с веществом крови еще смолистые вещества.

Следует заметить, что полученные во всех случаях кристаллы гемина были ромбической формы, разной величины, иногда длинные, иногда короткие, иногда очень крупные, чаще всего весьма мелкие; совершенно правильную форму они имели при начале их образования; но как только образование кристаллов началось, то почти всегда уже на следующий день не удавалось найти в старых препаратах виденных накануне красивых, правильных кристаллов гемина, а вместо них были: либо увеличенные кристаллы, потерявшие резкую очерченность на концах, либо друзы кристаллов, чаще всего в виде снопов; друзы эти состояли чаще всего из правильных ромбических пластинок, то есть из тех же кристаллов гемина, но сросшихся вместе.

Рассматривание микроскопических препаратов производилось Цейсовским микроскопом, без выдвигания трубы, с окуляром Гюйгенса № 4 и объективом Д.

Таким образом, настоящим исследованием установлено, что кровяноподобные пятна и потеки на вещественных доказательствах № 298, 299, 300 и 301 образованы кровью, и притом человеческой».

Б) Серологическое исследование по способу Уленгута.

«При тщательном осмотре вещественных доказательств, произведенном мною совместно с (химиком Н.), оказалось, что для производства исследования по Уленгуту совершенно недостаточно материала на окрашенной стороне половой доски, описанной в пункте 1-м протокола судебного следователя от 17–18 февраля 1919 года (№ 297).

Достаточными как для химико-микроскопического исследования, так и для серодиагностического исследования по Уленгуту оказались следующие вещественные доказательства:

1. Часть доски, описанная в п. 2-м протокола с 2-мя пулевыми отверстиями – одним глухим и одним сквозным (№ 298).
2. Часть доски, описанная в п. 3-м протокола (№ 299).
3. ---------- ” ---------- 5-м « (№ 300).
4. ---------- ” ---------- 6-м « (№ 301).

Преципитирующие сыворотки по отношению к кровяной сыворотке человека и барана были получены из N. университета.

Кроме того, я воспользовался имеющейся у меня преципитирующей сывороткой по отношению к крови человека Саксонской сывороточной станции (оригин. Уленгута) с очень высоким титром. Предварительными опытами было установлено, что все сыворотки работают строго специфично, не давая осадков и помутнения с инородными сыворотками, причем Саксонская сыворотка давала более резкую реакцию, чем К-ная.

После предварительного испытания сывороток я приступил к исследованию путем реакции преципитации указанных выше описанных в п. 2, 3, 5, и б вещественных доказательств.

Для этой цели взяты путем соскабливания и срезывания ножом части дерева, на которых имелись подозрительные пятна, похожие на кровяные. Соскобленные крошки дерева из каждого пятна были помещены в совершенно чистые пробирки (из каждого пятна в отдельную пробирку) и залиты физиологическим раствором (0,85-процентным) поваренной соли с таким расчетом, чтобы после извлечения крови получились возможно более крепкие растворы. Крошки дерева настаивались с раствором соли при комнатной температуре (прохладной комнаты) 24 часа. Для контроля, кроме того, были взяты соскобленные крошки и стружки из такой части досок, где не было решительно никаких подозрительных на кровь пятен.

Из части доски (№ 298), описанной в п. 2-м протокола судебного следователя, было взято для исследования две пробы дерева:

Одна (№ 1) из стенки слепого канала от пули, засевшей в толще доски и 24 февраля извлеченной, и другая проба (№ 2) из стенки другого сквозного пулевого канала. Для взятии пробы из стенки этого канала этот последний был вскрыт путем раскалывания доски... (химиком Р4.) в моем присутствии.

Таким же образом расколота была доска для вскрытия пулевого канала, описанного в п. 3-м протокола (№ 299). Проба дерева (№ 3) взята из стенки канала, оказавшейся окрашенной в буроватый цвет, по-видимому, пропитавшей ее кровью. Из части доски, описанной в п. 5-м протокола, взят соскоб дерева (№ 4) из места? подозрительного пятна, имеющего вид кровяного потека (№ 300).

Наконец, последняя проба (№ 5) взята из части доски, описанной в протоколе под п. 6-м (№ 301), а именно из стенки пулевого канала и с той поверхности доски, которая является стенкой половой щели. При раскалывании доски для извлечения пули 24 февраля 1919 года (судебным следователем) оказалось, что пятно пулевого канала и потека на щелевой поверхности доски непосредственно переходят друг в друга, а потому соскоб дерева из стенки пулевого ложа и с половой поверхности доски соединены вместе и помещены в одну пробирку.

После настаивания крошек дерева с 0,85-процентным раствором поваренной соли полученные настои были профильтрованы через фильтровальную бумагу, причем получены совершенно прозрачные фильтраты.

Все фильтраты (№ 1–5), кроме настоя из чистого дерева, дали ясную реакцию на белок кипячением с уксусной кислотой и пробу Hellera с азотной кислотой. Таким образом, установлено было, что пропитывавшая доски пола жидкость была несомненно белковая.

Для определения, не белок ли это кровяной сыворотки, и в частности, не человеческой ли крови принадлежат эти пятна, и было произведено исследование фильтратов по Уленгуту.

Для этой цели взято 3 серии небольших, совершенно чистых пробирок по 9 в каждой серии.

В № 1–5 каждой серии налито по 0,9 куб. сант. полученных фильтратов-экстрактов из пятен. В № 6 – такое же количество экстракта из дерева. В № 7 – такое же количество сильно разведенной сыворотки лошади.

В № 8 – разведенная сыворотка барана.

В № 9 – разведенная сыворотка человека (смесь из 10 сывороток нормальных и сифилитических).

Во все пробирки первой серии прибавлено по 0,1 куб. сант. преципитирующей сыворотки по отношению к крови человека.

В пробирки второй серии прибавлено тоже по 0,1 куб. сант. такой же сыворотки Саксонской (оригинальной Уленгута).

В пробирки третьей серии прибавлено по 0,1 куб. сант. преципитирующей сыворотки по отношению к крови барана.

Опыт ставился при комнатной температуре. Кроме этих приборов, поставлено было еще 3 пробирки в качестве контрольных с разбавленным в 10 раз физиологическим раствором поваренной соли всеми тремя преципитирующими сыворотками, дабы убедиться в том, что при продолжительном стоянии самопроизвольного помутнения в растворах преципитирующих сывороток не получается.

Все наблюдение продолжалось три часа.

Результаты опыта со всеми преципитирующими сыворотками представлены в нижеследующей (стр. 194) таблице.

Таким образом: 1) преципитирующая противобаранная сыворотка дает положительную реакцию только с бараньей сывороткой, не вызывая никаких изменений в экстрактах из вещественных доказательств и в других контрольных пробирках; 2) преципитирующие сыворотки по отношению к крови человека, как М-ная, так и Саксонская, дали положительную реакцию с сывороткой человеческой (пробирки № 9, I и II серий) и со всеми экстрактами из вещественных доказательств, не давши помутнения с сыворотками лошади, барана и в других контрольных пробирках.

На основании полученного по способу Уленгута положительного результата реакции, специфичность которой доказана наукою, необходимо вывести заключение, что полученные нами настаиванием с физиологическим раствором соли экстракты из подозрительных пятен на дереве есть растворы кровяной сыворотки человека, а пятна на досках пола, описанные в протоколе судебного следователя по делу... под пунктами № 2 (в том и в другом пулевом ложе), № 3,5 и б, принадлежат несомненно крови человека».

В) Научное исследование части от пола, произведенное по требованию суда Сергеева.

Методы исследования: после микроскопического исследования подозрительных пятен на доставленном куске дерева были сделаны соскобы с более замаранных мест.

0,9 к.с. экстракта или раствора 0,1 преципитирутощей сыворотки					
№ пробирок	Пункты протокола судебного следователя	Условные обозначения	Осаждающей белки крови человека		Осаждающей белки крови барана №-ной (III серия)
			№-ной (I серии)	Саксонской (II серии)	
Экстракты из подозрительных пятен на дереве					
1.	п.2	298-А	Помутнение через 10 минут +	Резкое помутнение сразу +	Жидкость прозрачна и через 3 часа
2.	п.2	298-Б	Помутнение через 5 минут +	Помутнение сразу +	То же
3.	п.3	299	То же +	То же +	То же
4.	п.5	300	То же +	То же +	То же
5.	п.6	301	То же +	То же +	То же
Котрольн.					
б.	Экстракт из дерева		Помутнения нет, жидкость прозрачна и через 3 часа		То же
7.	Сыворотка лошади		То же	То же	То же
8.	Сыворотка барана		То же	То же	Помутнение через 3 минуты
9.	Сыворотка человека		Помутнение через 3 минуты +	Резкое помутнение сразу +	Жидкость прозрачна и через 3 часа
10.	Физиологический раствор соли (0,85%)		Помутнения нет и через 3 часа		

Примечание. Положительная реакция преципитации (помутнение) обозначена знаком +.

Первая часть соскобов была употреблена для Ван-Дееновской пробы на присутствие крови. Для этого кусочки смачивались перегнанной водой и потом через 3 часа высушивались шведской пропускной бумагой. Край влажного листа на бумаге смачивала гваяковой настойкой и озонированным тербентинным маслом (скипидаром); в случае присутствия крови край смоченного листа на бумаге окрашивается в синеватый цвет.

Вторая часть соскобов употреблялась для Бенуидиновой пробы. Для этого соскобы размачивались в перегнанной воде. К водной вытяжке прибавлялся раствор Бенуидина в спирте и уксусной кислоте. В случае присутствия крови вытяжка обыкновенно окрашивается в зеленовато-синеватый цвет по прибавлении перекиси водорода.

Третья часть соскобов употреблялась для Тейхманновской пробы на присутствие крови. Для этого соскобы тщательно размачивались в перегнанной воде. Полученные вытяжки потом засушивались на предметных стеклах при 60°Ц. На полученные на предметных стеклах пятна клались маленькие кусочки поваренной соли и накладывались покровные стекла. Под покровные стекла подводилась ледяная уксусная кислота. После минутного действия кислоты при комнатной температуре препараты подогревались на спиртовой лампе до появления пузырьков и по охлаждении исследовались под микроскопом при увеличении в 400 раз. При таком способе исследования в случае присутствия крови получаются кристаллы Тейхманна, растворяющиеся в аммиаке и в крепкой серной кислоте и не растворяющиеся в воде, серном эфире и хлороформе.

Четвертая часть соскобов употреблена для спектроскопического исследования. Для этого соскобы размачивались при 38°Ц. в насыщенном при комнатной температуре водном растворе буры. Полученный раствор исследовался спектроскопом. При таком исследовании вытяжек из пятен, содержащих кровь, получаются обыкновенно две более или менее ясные полосы поглощения в желтом и зеленом полях спектра.

Пятая часть соскобов размачивалась в физиологическом растворе поваренной соли и жидкости Пагини. Полученные после размачивания соскобов жидкости исследовались под микроскопом при увеличении в 350 раз сначала неокрашенными, а потом окрашенными гематоксилином и хозином.

Шестая часть соскобов употреблена для производства Уленгутовской биологической пробы на присутствие человеческой крови. Для этого соскобы тщательно размачивались в 0,8-процентном водном растворе поваренной соли, полученные вытяжки фильтровались. Совершенно прозрачные фильтраты наливались в узкие пробирки в количестве от 2,0 до 4,0 куб. сант., к фильтрам прибавлялось по 0,2 куб. сант. Уленгутовской реактивной сыворотки. В случае присутствия крови или содержащей белок жидкости от человека, полученные смеси в пробирках быстро мутятся, а спустя некоторое время в них появляются белые хлопья, осаждающиеся на дно пробирки.

Результаты исследования.

При исследовании пятна на присутствие крови Ван-Дееновская и Тейхманновская пробы дали положительный результат.

При спектроскопическом исследовании вытяжек из данного пятна получены две довольно ясные полосы поглощения в желтом и зеленом полях спектра. При микроскопическом исследовании соскобов из данного пятна найдено незначительное количество деформированных красных кровяных телец, большей частью обесцветившихся.

Уленгутовская биологическая проба (титр 1:1000 и 1:2000) дала положительный результат.

Мнение. На основании микроскопического, спектроскопического и химического с реакцией Уленгута исследований необходимо прийти к заключению, что на одной стороне доставленного куска имеются, несомненно, следы крови, которую нужно признать человеческой, так как реакция Уленгута дала положительный результат.

Доказано, что между 17 и 22 июля 1918 года, когда Ипатьев восстановил свое нарушенное владение домом, в нем произошло убийство.

Оно случилось не в верхнем этаже, где жила царская семья: нет и намека, что здесь кому-либо было причинено насилие.

Кровавая бойня свершилась в одной из комнат нижнего, подвального этажа.

Один выбор этой комнаты говорит сам за себя: убийство было строго обдумано.

Из нее нет спасения: за ней глухая кладовая без выхода; ее единственное окно с двойными рамами покрыто снаружи толстой железной решеткой. Она сильно углублена в землю и вся

закрыта снаружи высоким забором. Эта комната – в полной мере застенок. Убивали из револьверов и штыком.

Было сделано свыше 30 выстрелов, так как нельзя допустить, чтобы все попадания были сквозные, и пули не остались бы в телах жертв.

Было убито несколько человек, так как нельзя представить, чтобы одно лицо могло так менять свое положение в комнате и подвергаться столь многим попаданиям.

Одни из жертв находились перед смертью вдоль восточной и южной стен, другие ближе к середине комнаты. Некоторые добивались, когда лежали уже на полу.

Если здесь была убита царская семья и жившие с ней, нет сомнения, что из своего жилища она была заманена сюда под каким-то лживым предлогом.

Наш старый закон называл такие убийства «подлыми».

Глава 19.

Вещи царской семьи, обнаруженные в Екатеринбурге и его окрестностях

Кто же был убит в доме Ипатьева?

Как только судебный следователь Наметкин вошел сюда, возникла легенда: царскую семью увезли и спасли, а вместо нее, чтобы скрыть ее спасение, расстреляли других людей.

Камердинер Чемодуров показал на следствии:

> «Из вещей Государя я уложил и привез в Екатеринбург следующие: одну дюжину денных рубах, 1 ½ дюжины ночных, 1 ½ дюжины тельных шелковых рубах, 3 дюжины носков, штук 150–200 носовых платков, 1 дюжину простынь, 2 дюжины наволок, 3 мохнатых простыни, 12 полотенцев личных и 12 полотенцев Ярославского холста; из одежды четыре рубахи защитного цвета, 3 кителя, 1 пальто офицерского сукна, 1 пальто простого солдатского сукна, 1 короткую шубку из романовских овчин, пять шаровар, 1 серую накидку, 6 фуражек, 1 шапку, из обуви семь пар шевровых и хромовых сапог».

Куда девалось всё это?

Было бы естественно думать: все подобные вещи увезли те, кто позаботился о семье.

Так ли это?

Неумолимые факты говорят иное.

В доме Ипатьева было найдено много лекарств и разных принадлежностей для лечения Наследника Цесаревича. Мальчик всё время болел здесь. Почему же не взяли и бросили на произвол судьбы самое ему нужное?

Найдено в ипатьевском доме свыше 60 икон царской семьи. Среди них:

1. Образ Богородицы с надписью на нем Государыни: «*Дорогой нашей Ольге благословение от Папа и Мама. Спала 3 ноября 1912 года*».

2. Образ Богородицы с надписью Государыни: «Дорогой Татьяне благословение на 12 января 1918 года Тобольск Папа и Мама». Это был последний подарок Татьяне Николаевне от родителей в день ее ангела.

3. Два одинаковых образа Богородицы с надписями Государыни на одном: «Т. Спаси и сохрани. Мама. Елка 1917 г. Тобольск», на другом: «А. Спаси и сохрани. Мама. Елка 1917 г. Тобольск». Это были последние елочные подарки матери Татьяне Николаевне и Анастасии Николаевне.

4. Иконы Распутина с его надписями.

«Лествица», «О терпении скорбей», «Молитвослов», «Библия», «Правило молитвенное готовящимся ко Святому Причащению», «Благодеяния Богоматери», «Часослов», «Письма о христианской жизни», «Житие и чудеса Святого Праведного Симеона Верхотурского», «Житие Преподобного Отца нашего Серафима Саровского», «Акафист Богородице», «Двенадцать Евангелий», «Моя жизнь во Христе», «Утешение в смерти близких сердцу», «Сборник благоговейных чтений», «Беседы о страданиях Филарета», «Канон Великий Андрея Критского», «Сборник служб, молитв и песнопений» – вот книги Государыни и Татьяны Николаевны, брошенные в доме Ипатьева. В них – весь их моральный облик, вся их душа.

Многое разворовали охранники. Среди таких вещей дневник Наследника, его любимая собака спаниель Джой.

Обгорелые остатки одежды и белья, пуговицы, иголки, нитки, принадлежности дамских рукоделий, остатки различных сумочек, портмоне, шкатулочек, всевозможных щеток и т.п. – вот чем были набиты печи дома Ипатьева.

А в мусорной яме было найдено:

1. Офицерская кокарда и ленточка Святого Георгия. Чемодуров показал: «*Георгиевская ленточка снята с шинели Государя Императора, с этой шинелью Государь никогда не расставался и всегда в ней ходил*».

2. Образ Святого Серафима Саровского и образ Святого Симеона Верхотурского, принадлежащие Государыне.

3. Портретная рамочка и рамочка-брелок с остатками уничтоженных фотографических карточек: портретов родителей и брата Государыни.

4. Сильно изуродованная икона с надписью Государыни: «Спаси и сохрани. Мама. 1917 г. Тобольск». Это был последний елочный подарок матери любимому сыну. Икона висела в Екатеринбурге у его постели.

Воровали ценное, нужное для обихода.

В апреле месяце 1919 года на территории Адмирала работала тайная большевистская организация. Она была раскрыта.

Участник организации красный офицер Логинов[91] показал у меня на допросе, что в ноябре месяце 1918 года ездил по делам организации в Москву.

С ним ездила заведовавшая у большевиков санитарным поездом женщина-врач Голубева и ее гражданский муж какой-то рабочий.

В Москве все они остановились в одной квартире. Ложась спать, Логинов, не имея подушки, попросил у Голубевой одну из ее подушек:

> «Она сказала, что не может дать подушку, потому что их с мужем двое. При этом она сказала, что одна из этих подушек «историческая». Я заинтересовался ее словами и попросил у нее объяснения, что это значит. Тогда она мне сказала, что подушку, которую она назвала исторической, ей дал Голощекин из числа других вещей царской семьи. Тогда же мне Голубева сказала, что из царских вещей у нее есть еще ботинки, которые ей дал также Голощекин. Подробно Голубева мне не говорила, где, когда и при каких обстоятельствах получила она их от Голощекина. Сказала только, что получить что-либо из царских вещей было очень трудно от Голощекина, что он давал их только «по протекции». Рассказ Голубевой внушал и сейчас внушает мне полное доверие. Голубева – известная большевичка, деятельная работница. Она-то именно и должна была получить от Голощекина что-либо из царских вещей по ее положению».

Что не имело материальной ценности, но было самым дорогим для семьи, уничтожали или, глумясь, бросали.

Едва ли не самым дорогим для Императрицы предметом была ее икона Федоровской Божьей Матери. Она найдена в доме Ипатьева. Ее бриллианты содраны.

Чемодуров говорит: «*Без этой иконы Императрица никогда никуда не выезжала. Лишить Императрицу этой иконы было бы равносильно лишить ее жизни*».

В конце книги помещен список вещей царской семьи, которые остались в доме Ипатьева и которые удалось найти у разных лиц.

Глава 20.

§1. Рудник в урочище Четырех Братьев

Я оставлю теперь дом Ипатьева и разгадку кровавой трагедии, что затаило в себе его подземелье, пойду искать в другом месте.

На берегу Исетского озера, в 20 верстах от Екатеринбурга, раскинулась в несколько десятков изб маленькая деревушка Коптяки. Вековая уральская глушь старым бором охватила ее и почти скрыла от человеческого взора. Она же установила и уклад жизни этой глухой деревушки. Рыба и сенокосы – вот ее интересы в летнюю пору. Наезжают сюда по летам на дачи

[91] Свидетель С.Г. Логинов был мною допрошен 4 апреля 1919 года в г. Екатеринбурге.

небогатые екатеринбургские чиновники, но они селятся в крестьянских избах и не портят общего колорита жизни.

Дорога, что ведет сюда из Екатеринбурга, проходит через Верх-Исетск, почти предместье города.

Сначала она идет за Верх-Исетском немного лугами, а затем входит в лес и беспрерывно идет им до самых Коптяков.

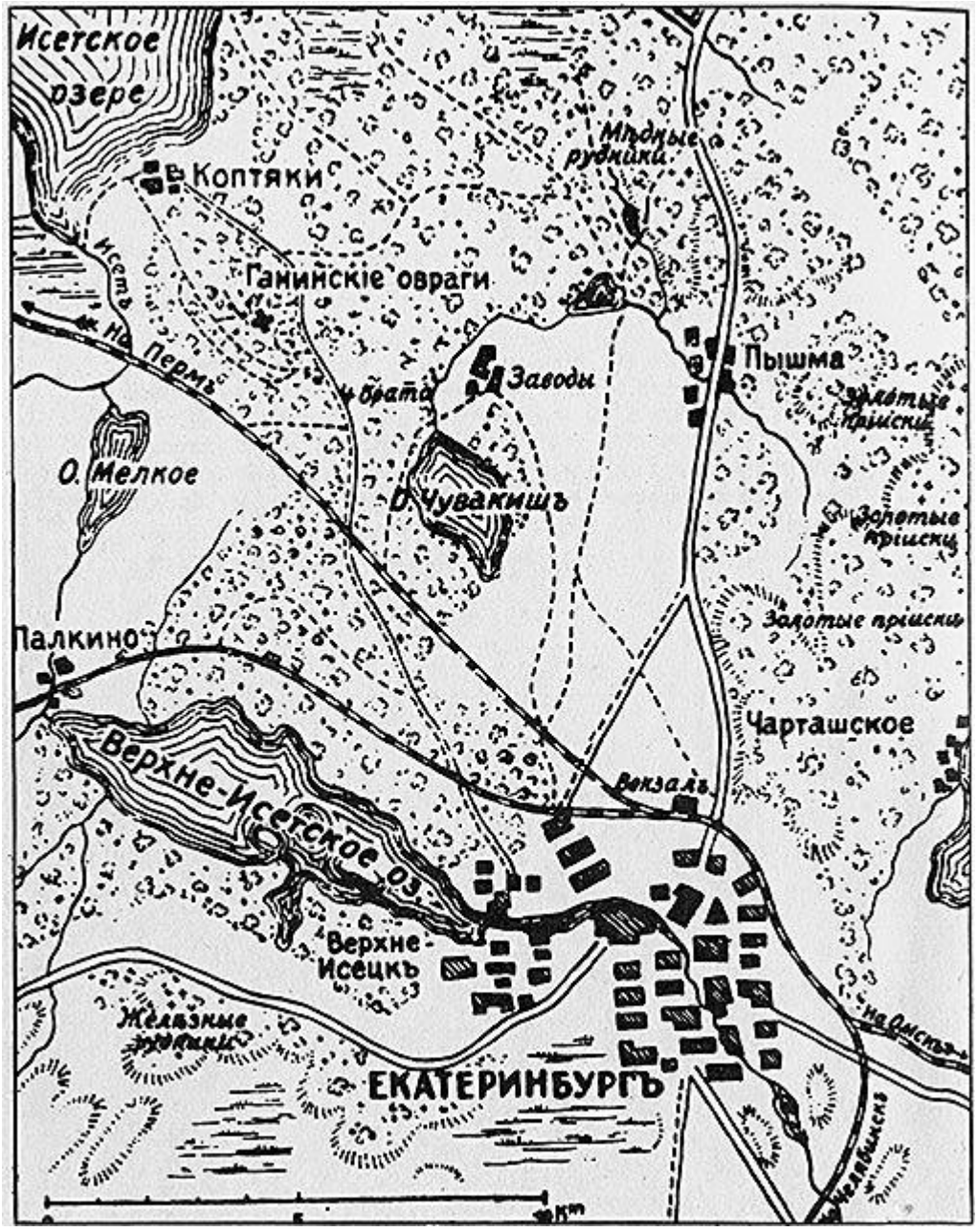
Ближе к Верх-Исетску ее пересекает железная дорога на Пермь. Здесь имеется переезд № 803 с будкой для сторожа.

Ближе к Коптякам, в 9 верстах от деревни, дорогу пересекает «горнозаводская линия». Здесь находится переезд № 184 также с будкой для сторожа.

Приблизительно в 4 ½ верстах от Коптяков почти у самой дороги сохранились два старых сосновых пня. По преданию, от них росли некогда четыре сосны. Они назывались в народе Четырьмя Братьями. Это название перешло ко всему урочищу той местности.

В этом глухом урочище, в 4 верстах от Коптяков, к западу от дороги, имеется старый рудник. Наружными разработками и шахтами здесь некогда добывали железную руду. Это было давно. Многие годы был заброшен рудник, и за эти годы он сильно изменил свое лицо. Наружные разработки превратились в озера, шахты обвалились, поросли травой и лесом.

Одна-единственная шахта сохранилась в хорошем состоянии, получив название «открытой».



Стенки шахты выложены прочными бревнами. Внутренняя стенка из таких же бревен делит ее на два колодца: через один спускались под землю люди и добывали там руду, через другой откачивалась вода.

Глубина шахты 5 сажень 7 вершков. Она всегда залита водой; под ней почти никогда не растаивает лед.

Когда разрабатывали шахту и выкидывали из нее глину, образовалась высокая глиняная площадка. Она почти со всех сторон окружает шахту и лишена всякой растительности. Вблизи этой площадки растет старая береза. Пять лесных дорожек ведут к руднику с большой коптяковской дороги. Они все сходятся у открытой шахты. Их так много потому, что некогда по ним вывозилась от разных шахт руда к коптяковской дороге. Эти дорожки – глухие, заброшенные; в летнюю пору они покрываются высокой травой.

На самой середине одной из этих дорожек, которая ближе всех к Четырем Братьям, имеется яма. Здесь искали руду. Дорожка обходит эту яму с обеих сторон.

Между переездом № 184 и описанным рудником вдоль коптяковской дороги имеются и другие рудники.

Они ближе к Екатеринбургу. К ним гораздо легче подъехать, так как коптяковская дорога местами плоха для езды.

Но ни один из них не имеет других удобств, какими отличается рудник в урочище Четырех Братьев: он совершенно закрыт для постороннего взора густой чащей молодого леса; нигде нет такой удобной глиняной площадки, лишенной всякой растительности, и рядом с ней глубокой шахты.

§2. 17–18 июля на руднике

17 июля 1918 года, ранним утром, тихая жизнь Коптяков и покой глухого рудника были нарушены рядом чрезвычайно таинственных происшествий.

Настасье Зыковой понадобилось в это раннее утро ехать в Екатеринбург. Поехала она с сыном Николаем и его женой Марьей. Настасья везла продавать рыбу, а Николай призывался в Красную Армию.

Солнце еще не всходило. Был предутренний рассвет. Старый бор хранил тьму ночи.

Когда Зыковы проехали рудник и подъезжали к Четырем Братьям, навстречу им показался какой-то кортеж. Двигались телеги, шли пешие и конные красноармейцы. Как только Зыковы были замечены, к ним сейчас же подскакали двое верховых.

Вот образное показание Настасьи Зыковой[92]:

> «Нам навстречу двое верховых. Один был в матросской одеже, и я его хорошо узнала. Это был верх-исетский матрос Ваганов. Другой был в солдатской одеже: в солдатской шинели и солдатской фуражке. Верховые скоро нам навстречу ехали: впереди Ваганов, а сзади солдат. Как только они к нам подъехали, Ваганов на нас и заорал: «Заворачивайтесь назад!» А сам вынул револьвер и держит у меня над головой. Лошадь мы быстро завернули, круто, чуть коробок (тележка) у нас не свалился. А они скачут около нас, и Ваганов орет: «Не оглядывайтесь, е... в... м... Застрелю!» Лошадь у нас, сколько духу в ней было, скакала. А они нас провожают, и Ваганов всё револьвер у меня над головой держит и кричит: «Не оглядывайтесь, граждане, е... в... м..!» Так мы скакали до стлани, за которой Большой Покос. Там они нас провожали около полуверсты или трех четвертей версты, а потом отстали. Мы, конечно, назад не оглядывались, как только они нам это сказали... Что это такое было, я не поняла, а показалось мне, что идет войско. Приехали мы домой в Коптяки, рассказали народу, что видали. А потом что было, не знаю».

Зыковы были сильно напуганы. Их встретил на дороге кр-н Зворыгин[93], поехавший было в город следом за ними:

> «Проехали мы версты две от Коптяков, а нам навстречу гонит шибко Николай Зыков с матерью и женой и кричит: «Ой, дядя Федор, не езди! Там меня прогнали. Какой-то револьвером грозил и кричал: «Не оглядывайтесь»».

---

[92] Свидетели Н.П. Зыкова и Н.С. Зыков были допрошены мною 27 и 29 июня 1919 года в Екатеринбурге.

[93] Свидетель Ф.П. Зворыгин мною был допрошен на месте (на руднике) 28 июня 1919 года.

В ужасе прискакали Зыковы в деревню и подняли большой переполох. Вот показание кр-на Алферова[94]:

> «После Петрова дня в среду рано утром я был на улице: хотел на покос идти. Гляжу я: едет по улице Николай Зыков в коробке с матерью и своей хозяйкой. Едет и кричит и рукой машет: «Убегайте! Убирайтесь из Коптяков! Там орудия везут, сюда войско идет». Тут он лошадь остановил. На его слова народ выбежал. Стали мы Николая допрашивать, что он такое говорит. Он нам стал сказывать и объяснил: «Только мы Большой Покос проехали, к Четырем Братьям стали подъезжать, а нам встречь трое верховых. Кричат: «Заворачивайтесь! Заворачивайтесь!» Я стал коробок заворачивать, а бабы назад оглядываются. Один кричит: «Не оглядывайтесь!» А там на дороге орудия везут. «Они шибко лошадь гнали, а те их даже проводили несколько по дороге и всё не дозволяли им оглядываться. Тут мы и не знали, что подумать»».

В те дни на Екатеринбург двигалась сибирская армии и угрожала господству большевиков. В Коптяках знали это и, притаясь, ждали развязки.

В то же время мужичий интерес властно пробуждал свои заботы.

Вот показание кр-на Швейкина: «Мы, мужики, забеспокоились. Каждому надо на покос, а тут войско идет. Войско идет, значит, бой будет».

Решили узнать толком, что же происходит на коптяковской дороге, и послали в разведку кр-н Швейкина, Папина, Зубрицкого и скрывавшегося в Коптяках офицера Шереметевского[95].

Они пошли и недоумевали: в лесу было тихо, на коптяковской дороге пустынно.

Поругивая «за болтовню» Зыковых, разведчики прошли было рудник, как услышали там непривычное ржание множества коней. В этот момент они подошли к той дорожке-свертке, что первая от Четырех Братьев ведет к руднику[96]. Эта дорожка поразила их своим видом.

Шереметевский и Папин показывают:

> Шереметевский: «Эта дорожка, до того глухая, заросшая травой, как это обыкновенно бывает с заброшенными глухими лесными дорожками, была в тот момент накатана. По ней хорошо заметно было, что тут по этой свертке к руднику ст. коптяковской дороги какие-то экипажи проехали».
>
> Папин: «Трава по ней была прямо вся положена, и маленькие деревца были кое-где погнуты».

Хотели было пройти этой дорожкой к руднику, как по ней выехал оттуда красноармеец, вооруженный винтовкой, двумя револьверами, шашкой и гранатами. Он сказал разведчикам, что на руднике будет происходить обучение метанию бомб, и приказал им удалиться.

С этого момента было прекращено всякое движение по коптяковской дороге, и рудник был оцеплен заставами.

Но людской интерес делал свое дело. Многим нужно было поехать из Коптяков в Екатеринбург и обратно. Удалось точно установить и время и место оцепления.

Движение по коптяковской дороге было прекращено рано утром 17 июля. Оно возобновилось с 6 часов утра 19 июля.

Застава со стороны Коптяков находилась приблизительно в одной версте от них.

Застава со стороны Екатеринбурга находилась вблизи переезда № 184.

Все эти дни на руднике слышны были взрывы гранат. 25 июля большевики бежали из Екатеринбурга. 27 июля кр-не Папин и Михаил Алферов поехали по своим делам в город. Они заехали в Верх-Исетск и сообщили там военной власти про таинственное оцепление рудника.

Когда они ехали в этот день домой в Коптяки, их взяло любопытство: посмотреть, что происходило на руднике. Доехав до свертки, о которой говорилось выше, они оставили здесь своих лошадей и пошли по этой свертке пешком к руднику. Но едва они вышли туда, как их охватил безотчетный страх.

Папин показывает: «Стало тут нам почему-то жутко. Решили мы собраться как следует народом и идти. Тут же мы, ничего не трогая, ушли».

Утром 28 июля семь человек коптяковских крестьян: Николай Папин, Михаил Бабинов, Михаил Алферов, Павел Алферов, Яков Алферов, Николай Логунов и Александр Логунов

---

[94] Свидетель Г.Е. Алферов был мною допрошен на месте 28 июня 1919 г.

[95] Свидетели Н.М. Швейкин, Н.В. Папин, П.А Зубрицкий и А.А. Шереметевский были допрошены мною на месте 9, 10 и 27 июня 1919 года.

[96] Она обозначена на чертеже под цифрой 1.

отправились на рудник[97]. Они пришли сюда пешком по дорожке, ближайшей к Коптякам[98]. Внимательно они исследовали рудник и обнаружили ценные нахождения.

Они проявили величайшую осторожность и ничем не нарушили состояния той свертки, где произошла встреча красноармейца с разведчиками.

На заявление крестьян в Верх-Исетск обратили внимание. 28 июля вечером на рудник прибыли местный лесничий Редников с кр-нами: Николаем Божовым, Александром Зудихиным, Иваном Зубрицким и Николаем Тетеневым[99].

28 и 29 июля они обстоятельно исследовали и дорожку к руднику, ближайшую к Четырем Братьям, и самый рудник.

30 июля сюда прибыл судебный следователь Наметкин. С ним приезжали доктор Деревенько, камердинер Чемодуров и многие офицеры. Были обнаружены некоторые ценные нахождения.

Внимание Наметкина привлекла открытая шахта. Она подвергалась исследованию под руководством товарища прокурора Магницкого.

Я осматривал рудник и окружающую его местность с 23 мая по 17 июня 1919 года.

Когда я доложил результаты следствия Адмиралу Колчаку, он приказал вести раскопки. Они были начаты 6 июня и прерваны 10 июля.

Глава 21.

Грузовой автомобиль на руднике. Серная кислота, бензин

Что же происходило на руднике в эти дни 17–19 июля 1918 года?

Путевой сторож при переезде № 184 Яков Лобухин[100] показал:

> «Как-то ночью летом прошлого года (не помню месяца и числа), во время сенокосов, когда я и семейные мои спали, я проснулся от шума автомобиля. Дело это было удивительное, потому что никогда раньше такого дела не бывало, чтобы автомобили мимо моей будки да еще по ночам ходили. Я в окно выглянул, вижу: идет по дороге к Коптякам грузовой автомобиль. Я не видел, что в нем было. Совсем я этого не заметил. Только заметил я, что сидело в нем человека четыре с винтовками, кажется, в солдатской одеже. Было это на рассвете... Тут день наступил. Народ, который ехал на Коптяки, возвращался назад и сказывал, что на Коптяки не пропускают. Где у них стояла застава, точно не скажу, а сказывали, что от моего переезда за гатью или на гати. И не было пропуску дня три–четыре».

Ранним утром 17 июля было прекращено движение по коптяковской дороге. Нет сомнения, таинственный грузовой автомобиль прошел из Екатеринбурга к Коптякам под покровом ночи на 17 июля. Он не приходил в Коптяки и скрывался где-то в лесу. Где был он? Рудник в урочище Четырех Братьев был целью его достижения. Он пришел сюда по той самой свертке-дорожке, где произошла встреча красноармейца с разведчиками[101], и дошел до самой открытой шахты.

Почти тут же, как только прошел автомобиль, попала разведка на эту дорожку. Вот показание Швейкина:

> «Я очень даже хорошо могу сказать, что след был здоровенный и по коптяковской дороге, и по той свертке с коптяковской дороги, по которой к нам красноармеец выехал. След с коптяковской дороги так и пошел по этой повертке. Он хорошо был заметен по повертке. Видать было, что недавно, только что перед нами проехали. Я так определяю, что это был след от автомобиля: больно он был здоровый: и широкий и глубокий и траву, как есть, всю по повертке в улок положил».

Следы автомобиля видели и другие крестьяне, пришедшие на рудник 28 июля. Вот показание Михаила Бабинова:

---

[97] Свидетели М.И. Бабинов, М.Д. Алферов, П.Ф. Алферов были допрошены мною на месте 27 июня 1919 года.

[98] Она значится на чертеже под цифрой 5.

[99] Свидетели В.Г. Редников, Н.Е. Божов, А.Р. Зудихии, И.С. Зубрицкий, И.А. Тетенев были допрошены мною: первый 4 августа 1919 года, второй и третий 5-го того же августа и последние 7-го того же августа в г. Ишиме.

[100] Свидетель Я.И. Лобухин был мною допрошен на месте 10 июля 1919 г.

[101] Она обозначена на чертеже под цифрой 1.

> «У шахты был след. Он, этот самый след, был на дорожке, которая идет сюда от Четырех Братьев. Я эту самую дорожку хорошо знаю. И вот я положительно говорю Вам, что эта дорожка была очень сильно накатана, и трава по ней вся была положена в улок. В самой колее дорожки были следы колес, каких-то экипажей, но тут же был и след автомобиля. Этот след был около колеи дорожки, но он был пошире. Я этот след, впрочем, больше разглядывал на повороте автомобиля. Он пришел сюда, где открытая шахта, по дорожке и тут же на лужайке против шахты заворачивался назад. Вот на этом завороте я и видал его следы».

В тот же день был на руднике с другими крестьянами лесничий Редников. Они показали:

> Редников: «На состояние следов я тогда же обратил особое внимание. Совершенно ясно было видно, что сюда приходили автомобили. Не могу сказать, один или не один автомобиль сюда приходил, но следы автомобиля ясно совершенно видны были на дорожке. Первая дорожка от Четырех Братьев имела следы автомобиля, вот эта самая, которая изображена на предъявленном мне Вами чертеже. Следы его здесь были совершенно ясные. Тяжелый автомобиль шел здесь, проложил громадный след, поломал и повывернул много молодых деревьев вдоль колей дороги... След автомобиля доходил до самой открытой шахты и здесь кончался».
>
> Зубрицкий: «Эта тропа (первая свертка от Четырех Братьев, к руднику) была сильно проложена, малые дерева были поломаны. Видать, тут прошел тяжелый автомобиль и проложил по этой дорожке здоровый след. След этот шел до самой открытой шахты, которую я сейчас вижу на снимке».

Не стану утомлять внимания читателя: показания других крестьян тождественны.

30 июля на рудник прибыл судебный следователь по важнейшим делам Наметкин и гг. офицеры, слушатели Академии Генерального Штаба.

У меня нет желания порочить кого-либо, но ведь все вправе ожидать, что судебный следователь в своем акте дал яркую картину состояния рудника и всех следов, какие здесь были, что я отражу всё это в словах подлинного акта.

О них нет ни слова.

Произошла крайне досадная ошибка. Судебный следователь и гг. офицеры не последовали примеру крестьян и пришли из Екатеринбурга на рудник по следам не разума, а своей и чужой фантазии. Они прибыли сюда не следами автомобиля, шедшего из города грунтовой дорогой, а по железной дороге и как раз с обратной стороны: от Коптяков.

Царская семья убита, и трупы ее скрыты на дне открытой шахты в урочище Четырех Братьев. Царская семья спасена. Убили каких-то других людей и трупы их скрыли в этой шахте.

Открытая шахта таит в себе всё разрешение загадки. Решить ее нетрудно. Нужно только опуститься на дно шахты.

Так было решено в Екатеринбурге. Поэтому Наметкин и гг. офицеры сели в Екатеринбурге в поезд, доехали по горнозаводской линии до станции Исеть, оттуда в Коптяки и из Коптяков на рудник по дорожке-свертке, ближайшей к Коптякам[102].

Трупов не оказалось на дне шахты. Энергия быстро упала. Судебный следователь, пробыв 1 ½ часа на руднике, уехал в город.

Получилось извращение правильного представления о местности. Дорожка, по которой пришел на рудник грузовой автомобиль, пропала для Наметкина.

Крестьяне осуждали интеллигентных людей и работу следователя. Михаил Алферов показал: «*Комиссия тут везде ходила, но только видать было, что без толку. Следов не глядели, а что было, заминали*».

Сергеев разделил ошибку Наметкина и ни одного раза не был на руднике.

Я пришел сюда пешком от дома Ипатьева. Прошел досадный год. Но опыт прошлого учил меня осторожности: заминали, но, быть может, не всё еще замяли.

Выше я говорил, что роковая дорожка (под цифрой 1), по которой пришел к руднику грузовой автомобиль, на самой ее середине имеет яму, где искали руду.

Это место приковало мое внимание.

Трудно здесь было идти автомобилю. Мешал лес. Автомобиль должен был жаться к яме и мог сорваться.

Он и срывался. На снимке этот срыв слегка заметен.

---

[102] Она значится на чертеже под цифрой 5.

Тяжелое бревно лежало на дне ямы. На нем были странные вдавления: какие-то части чрезвычайно тяжелого предмета давили на бревно и оставили глубокие следы.

В стороне от дорожки я нашел в лесу три бревна и ложбинку от четвертого. Кто знаком с жизнью леса, тот знает, что бревно, лежащее многие годы, уходит постепенно в землю и надолго оставляет след своего логова. Отсюда и было взято бревно, оказавшееся в яме.

Когда и зачем принесли его сюда?

Лесничий Редников и крестьяне показали:

> Редников: «...Автомобиль сорвался около ямы при объезде ее с правой стороны, если идти к руднику. В этой яме на дне одним концом к срыву лежало бревно».
>
> Божов: «На этой дорожке, посередине ее, ближе к шахте, имеется яма. Я помню ее. На дне ее лежало бревно. Вдоль гребня этой ямы был срыв какого-то экипажа».
>
> Тетенев: «Мы шли туда первой сверткой к руднику от Четырех Братьев. Совершенно явственно было видно, что по этой свертке ходили автомобили и проложили здесь дорогу до самой открытой шахты. А в одном месте колесо автомобиля сорвалось. Это было около ямы, которая находится как раз на этой свертке. Автомобиль обходил яму, а так как места оставалось немного для обхода, то он и сорвался одним колесом. Срыв хорошо был виден. Я вижу предъявленный мне Вами фотографический снимок этой ямы. Вот я про нее и говорю».

Вблизи срыва я нашел у самой дорожки толстую веревку. Она была сильно загрязнена и пропитана какими-то минеральными маслами. Через год она еще грязнила и маслила руки.

Зачем бросили здесь веревку? Случайность?

Грузовой автомобиль ушел с рудника ночью на 19 июля.

Путевой сторож Лобухин и сын его Василий видели, как он шел через переезд в город. За переездом он застрял в болоте. Его вытаскивали и строили для него мостик.

Вот показание Василия Лобухина[103]:

> «Около 12 часов ночи по дороге из Коптяков прошел через наш переезд грузовой автомобиль, должно быть, тот самый, который пришел из города ночью... Вместе с ним шло 10–12 коробков и, кажется, несколько дрог. Грузовой автомобиль, коробки и дроги проехали на город прямо от нашего переезда. Там в логу у них автомобиль застрял. Кто-то из них взял из нашей ограды шпал и набросал там мостик».

Только утром 19 июля мог проходить этот автомобиль через Верх-Исетск. Это так и было. Его видели в это время.

В каком он был виде?

Свидетели Николай и Александра Зубрицкие показали:

> Зубрицкий: «Одно колесо с левой стороны, не помню, какое именно, было, видимо, у него повреждено: обмотано веревками».
>
> Зубрицкая: «У него левое заднее колесо было обмотано толстой веревкой: видимо, шина была повреждена. Грузовой автомобиль, пройдя несколько, остановился. С него слезли какие-то люди и стали перевязывать веревкой завязанное колесо».

Нет, веревка на руднике не случайность.

Видела ли грузовой автомобиль, когда он шел к руднику, Настасья Зыкова?

Думаю, что сказать судебному следователю всю правду ей помешала не одна темнота ночи. Настасья лукавила. Я позволял ей это, ибо искал истину путем закона.

Она узнала матроса Ваганова и не опознала другого. Убежден, что знала она и другого, но назвала одного Ваганова потому, что в момент допроса он был мертв. «Краса и гордость революции» не успел бежать из Екатеринбурга и спрятался у себя в погребе. Его нашли здесь верх-исетские рабочие и тут же на месте убили.

У себя в Коптяках Настасья была откровеннее. Когда она прискакала в Коптяки, вся деревня слушала ее. Кр-н Швейкин показывает:

> «Как Настасья приехала, весь народ взбулгачила: войско идет. Сказывала она, что у самых у Четырех Братьев, как только они доехали до них, им попалось войско. Войско, говорит, идет, а сзади

[103] Свидетель В.Я. Лобухин был мною допрошен на месте 10 июля 1919 г.

чего-то везут в автомобиле. Так она и сказывала про автомобиль... Всё это Настасья нам рассказывала на улице при всем собрании».

Откуда же пришел на рудник грузовой автомобиль?

Все автомобили в Екатеринбурге были отобраны большевиками. Он мог сюда прийти только из советского гаража.

Гараж был подчинен особому управлению. Там по нужде служили братья Петр и Александр Леоновы. В ночь на 17 июля первый дежурил в управлении, а второй помогал ему.

Леоновы[104] показали, что поздно вечером 16 июля к зданию чека был подан грузовой автомобиль. Шофера Никифорова здесь прогнали и увели автомобиль к дому Ипатьева. Он вернулся утром 19 июля.

Так описывают его вид братья Леоновы:

Петр: «Вся платформа автомобиля была запачкана кровью. Видно было, что платформу мыли и заметали, видимо, метелкой. Но тем не менее кровь явственно была видна на полу платформы».

Александр: «Я помню прекрасно, что платформа его имела большие пятна замытой крови».

Много небольших костров нашли крестьяне на руднике. Это разводили курево и спасали им лошадей от комаров и овода.

Показание Зудихина: «Видно было, что здесь привязаны были кони; деревья были поломаны и обглоданы».

Показание Зубрицкого: «Тогда похоже было, что здесь были привязаны кони и они выгребали копытами землю. Мне тогда казалось, что здесь для них и было разведено у молоденькой сосеночки курево от комаров».

Вблизи такого места я нашел сосновые дощечки. Они были отрублены от какой-то очень толстой сосновой доски и были обуглены. Местность давала ясную картину: кругом сырой лес; нужно было скорее развести курево; от какой-то большой сосновой доски отрубили дощечки и воспользовались ими дли разжиги.

Где взяли такую доску?

Братья Леоновы, описывая возвратившийся с рудника окровавленный автомобиль, показывают, что платформа его была разбита; с краев от досок были отрублены части.

Силен уральский овод! Коммунизм не учит беречь чужое добро!

Вблизи маленьких костров, где разводилось курево, были найдены дощечки другого рода.

В разных местах рудника, главным образом вблизи открытой шахты, валялись обрезки новых веревок.

Крестьяне и лесничий Редников категорически определяют их назначение.

Гавриил Алферов: «Недалеко от дорожки против шахты, совсем недалеко от дорожки к шахте видал я несколько дощечек разбитого ящика. Хорошо заметно было, что это от ящика дощечки. Они были белые и нестроганые, как обыкновенно у ящиков бывает... Веревочка была новая, отрезанная, один конец у ней в петлю был пропущен, а толщиной в мизинец. Прямо видать, это от ящика упаковка была».

Зубрицкий: «В этом куреве валялись тонкие дощечки, так примерно в полдюйма, прямо видать, от ящика и рубленая, новая, толщиною в мизинец увязка от ящика. Их было несколько, и они имели изгибы от углов ящика».

Редников: «Я категорически положительно удостоверяю Вам, что около шахты валялся обрубок веревки-упаковки от ящика. Веревка была толщиной в мизинец, совершенно новая, и ясно совершенно было, что это именно упаковка от ящика: у нее сохранились характерные изгибы, как она проходила по углам ящика. Один конец ее был с петлей, как бывает у увязки. Она была не развязана, а резана или рублена, как это ясно было видно по ней».

Что было доставлено на рудник в этих ящиках?

17 июля 1918 года в аптекарский магазин «Русское Общество» в Екатеринбурге явился служащий комиссариата снабжения Зимин и от имени областного комиссара Войкова[105] предъявил управляющему Мецнеру письменное требование:

---

[104] Свидетели П.А. Леонов и А.А. Леонов были мною допрошены в с. Воздвиженке Екатеринбургского уезда 29 и 30 апреля 1919 года.

«Предлагаю немедленно без всякой задержки и отговорок выдать из Вашего склада пять пудов серной кислоты предъявителю сего.

Обл. Комиссар Снабжения Войков».

Кислота была выдана тогда же Зимину, и он расписался в получении ее на самом требовании Войкова.

В тот же день, поздно вечером, Зимин снова явился в магазин и предъявил второе требование Войкова:

«Предлагаю выдать еще три кувшина японской серной кислоты предъявителю сего.

Обл. Комиссар Снабжения Войков».

И эта кислота была выдана Зимину под его расписку на том же требовании.

Всего было выдано кислоты 11 пудов 4 фунта. Деньги за нее были уплачены магазину 18 июля в сумме 196 рублей 50 копеек.

Поздним вечером 17 июля и днем 18 июля эта кислота в деревянных ящиках, обмотанных веревками, и была доставлена на рудник красноармейцами и одним из служащих комиссариата снабжения.

В дни оцепления рудника туда доставлялся также в большом количестве бензин.

Он возился в грузовых автомобилях. Они не шли дальше переезда № 184 и оставались здесь. На рудник его доставляли от переезда лошадьми.

18 июля ехал из города в Коптяки инженер Котенев[106]. Его не пропустили у переезда. Он видел бочонок с бензином:

«На автомобиле стоял железный бочонок от бензина. Я утверждаю, что это был именно бочонок от бензина. В таких бочонках всегда бывает бензин... Я точно могу Вам определить количество бензина, которое должно было входить в бочонок, что был на грузовом автомобиле. Это был бочонок на 10–11 пудов».

Василий Лобухин показал:

«18 июля утром часов в 7 прошел времянкой (из Екатеринбурга) грузовой автомобиль и пошел по коптяковской дороге, но саженях в 150 от нашего переезда он остановился. Что именно на нем было, я хорошо не заметил. Показалось мне, что на нем были или бочки, или ящики. После обеда еще один грузовой автомобиль прошел и на том же месте остановился. Тут я хорошо заметил, что в этом автомобиле в железных бочках бензин везут. Я вздумал попросить бензину, взял бутылку и пошел туда, где на коптяковской дороге стояли эти два грузовых автомобиля; я и в этот раз хорошо не заметил, что было на первом из автомобилей, который первым пришел. На втором же было бочки три бензина или, может быть, две. Бочки все были железные. Около обоих автомобилей было человек 5 людей... Попросил я у них налить мне бензину. Они дали мне бутылку».

Многие видели, как возился бензин. Оценивая показания свидетелей, я утверждаю, что его было доставлено на рудник самое меньшее 40 пудов.

Исследуя шахту, 28 июля Редников и крестьяне, а 30 июля и судебный следователь Наметкин нашли, что лед в ее большом колодце был пробит, а в малом совсем уничтожен.

Позднее я установил осмотром шахты, что дно малого колодца было, кроме того, засыпано глиной, взятой с соседней площадки, на 12 вершков.

На этой площадке крестьяне обнаружили большой костер, несколько дальше от нее у старой березы – другой.

Костры эти сохранились до меня.

Что же привозил на рудник грузовой автомобиль в ночь на 17 июля?

Что сжигали в двух больших кострах?

Что прятали на дне шахты?

Зачем привозили сюда серную кислоту и бензин?

---

[105] Петр Лазаревич Войков был в штабе Ленина и прибыл в Россию вместе с ним. Национальности его не знаю.

[106] Свидетель В.С. Котенев был мною допрошен 22 июля 1919 года в г. Ишиме.

Самый лучший ответ на все эти вопросы дадут предметы, которые были найдены на руднике.

Глава 22.

Вещи царской семьи, найденные на руднике. Выводы

Вот что было найдено на руднике в урочище Четырех Братьев[107].

1. Образ Святого Николая Чудотворца.
2. Образ Святителей Гурия, Авива и Самона.
3. Образ Спасителя.

Образа хорошей работы. Они сильно пострадали от ударов в самый лик изображений.

Сзади у них были подушечки для ношения на груди. Подушечка сохранилась в исправности у третьего образа.

Теглева и Эрсберг удостоверили, что эти образа принадлежали детям; образ Николая Чудотворца – Ольге Николаевне. Обычно эти образа висели у их кроватей. В дорогу они надевали их на себя.

4. 30 кусочков эмали от этих образов.
5. Три металлические пластинки от одного образа.

Однородные пластинки имеются и у трех указанных выше образов. Но эти пластинки иной величины и принадлежат четвертому образу.

Они слегка закоптели от огня.

6. Серебряная рамочка от образа.

Эта рамочка, по ее величине, не могла принадлежать трем указанным образам и не могла иметь трех указанных пластинок. Она относилась к пятому образу.

Теглева и Эрсберг показали, что в такой рамочке был один из образков Императрицы.

Рамочка слегка пострадала от огня.

7. Два кусочка цинка от образа.

Тутельберг показала: «*Я вижу два цинковых обломочка со следами краски на них. Я хорошо знаю, что у Ее Величества были такие простые, маленькие образки из цинка*».

8. Кусочки белого воска, кусочки красного воска и часть стеариновой свечи.

Наметкин находил в ипатьевском доме белые восковые и стеариновые свечи. У охранника Ивана Старкова из числа царских вещей были найдены свечи красного воска.

Камердинер Волков показал: «*Свечи красного воска были у них в обиходе в Тобольске. Им такие свечи доставлялись из монастыря и из собора*».

9. Портретная рамочка.

Она сделана из настоящей кожи, внутри обложена шелком. На ней имеется клеймо: «Эдуард Аккерман Берлин».

Вместе с ней найдены обрывки фотографической карточки. Нельзя понять ее изображения.

Свидетели Жильяр, Гиббс, Теглева, Эрсберг, Занотти показали, что таких рамочек было много у царской семьи. Обычно они брались с собой в дорогу.

Тутельберг показала, что в такой рамочке был у Государя портрет Государыни.

10. Воинский значок.

Этот значок сделан из серебра, покрытого золотом. Одна его сторона покрыта белой и темно-оранжевой эмалью. На обратной стороне выгравировано: «1803 17 1903».

Свидетели показали:

Теглева: «Этот значок принадлежит Государыне».

Эрсберг: «Значок безусловно Государыни. Она его носила на браслете».

Тутельберг: «Этот значок принадлежит Ее Величеству. Ее Величеству он был поднесен командиром Уланского полка Орловым, а Ее Величество была шефом этого полка».

11. Пряжка от мужского пояса офицерского образца.

Свидетели показали:

[107] Большая часть этих предметов с 10 февраля по 18 декабря 1919 г. подвергалась экспертизам через врачей, оптиков, ювелиров, сапожников, портных, торговцев.

Иванов: «Государь в последнее время носил простой желтый пояс с пряжкой офицерского образца. Я вижу предъявленную мне Вами пряжку от пояса. Я думаю, что от пояса Государя эта пряжка: такая же была у него на поясе».

Гиббс: «Большая пряжка, весьма вероятно, что от пояса Государя офицерского образца».

Теглева: «Медная пряжка от пояса мужчины похожа на пряжку пояса Государя».

Обвиняемый Якимов: «Я думаю, что эта пряжка от пояса Царя. Она очень походит на пряжку на его поясе».

Мне кажется, что принадлежность ее Государю ясна, если сличить ее изображение на снимке.

Эта пряжка подвергалась сильному действию огня.

12. Пряжка от пояса мальчика.

Пряжка медная, хорошей работы. На ней имеется изображение государственного герба.

Она была найдена вместе с застежкой.

Свидетели показали:

Иванов: «Я положительно признаю ее за пряжку Алексея Николаевича. Именно она была у него на его ремне».

Теглева: «Пряжка от пояса мальчика – это безусловно пряжка от пояса Алексея Николаевича».

Так же категорически определяют ее свидетели Жильяр, Гиббс, Эрсберг, Тутельберг, Занотти, Волков, Кобылинский и Битнер.

Пряжка подвергалась сильному действию огня.

13. Две парные пряжки от дамских туфель с камнями.

Свидетели показали:

Теглева: «Две пряжки от туфель – это пряжки от туфель одной из Княжен. У них у всех были такие пряжки на туфлях. Такие же, впрочем, пряжки были и на туфлях Императрицы».

Занотти: «Две пряжки от туфель – совершенно такие же, какие были на туфлях у Княжен и у Государыни».

Так же показали свидетели Жильяр, Гиббс, Эрсберг, Тутельберг, Кобылинский, Битнер и Волков.

Экспертиза определила:

«Пряжки эти являются пряжками от дамских туфель. Они несомненно есть принадлежность хороших, дорогих туфель. Обращает на себя внимание самая работа пряжек: гнезда для помещения камней сделаны аккуратно, хорошо, и камни, благодаря этому, еще держатся в гнездах, несмотря на то что как самые пряжки, так и камни подвергались очень сильному действию огня».

14. Пряжка от дамских туфель.

Занотти показала: «*Одна пряжка – это от туфель. Именно и такие пряжки были на туфлях у Княжен и у Государыни*». Она подвергалась действию огня.

15. Белый флакон с солями.

16. Зеленый флакон в разбитом виде.

Теглева, Эрсберг, Тутельберг и Занотти показали, что такие флаконы с солями были в употреблении и у Княжен и у Государыни; они брали их с собой обычно в дорогу.

17. Стекло от очков.

Экспертиза определила его как оптическое стекло, бывшее в оправе.

Свидетели показали:

Жильяр: «Предъявленное мне Вами стекло напоминает мне стекло от очков Ее Величества».

Тутельберг: «Государыня в Тобольске носила очки во время работы. Ее Величество, вероятно, от слез стала страдать глазами в Тобольске, и ей какой-то тобольский доктор назначил очки. Они были большие и в черепаховой оправе».

Кобылинский: «Государыня в Тобольске при работе носила большие очки в роговой, кажется, оправе. Величина ее стекол была такая же... Эти очки ей прописал в Тобольске доктор Григоржевский».

18. Оправа-держатель от пенсне.

19. Два стекла от пенсне.

Экспертиза определила: «*Оба стекла, судя по их величине и шлифовке у краев, от одного и того же пенсне. Оба стекла – двояковыпуклые, что свидетельствует о том, что ими пользовался человек дальнозоркий*».

Свидетели показали:

Жильяр: «Боткин пользовался иногда пенсне, причем оно было в оправе только у переносицы».

Кобылинский: «Предъявленные мне Вами стекла от пенсне весьма напоминают своей формой стекла от пенсне Боткина. Боткин при чтении всегда снимал очки и пенсне. Он, очевидно, был дальнозоркий».

20. Искусственная челюсть.

Жильяр, Гиббс и Эрсберг показали, что доктор Боткин носил искусственную челюсть.

21. Обгорелая маленькая щеточка.

Кобылинский показал, что доктор Боткин всегда имел при себе маленькую щеточку для усов и бороды.

22. Запонка от воротничка.

23. Держатель для галстука.

Охранщики Проскуряков и Якимов удостоверили, что доктор Боткин носил в доме Ипатьева крахмальное белье.

24. Обгорелые части уничтоженных огнем корсетов:

а) шесть пар передних планшеток;

б) боковые кости;

в) пряжки;

г) застежки и крючки;

д) блочки для шнуровки.

Экспертиза определила, что эти части – от шести корсетов. О качестве корсетов она говорит:

«Корсеты были хорошей работы. Оставшаяся с некоторых из пряжек материя есть часть резины подвязок. Обгорелая материя в некоторых пряжках – материя самого корсета. Эта материя вязаная: она вязана из шелковой ткани».

Свидетели показали:

Теглева: «Я удостоверяю, что Императрица и Княжны и Демидова всегда носили корсеты. Только Государыня иногда снимала с себя корсет, когда надевала капоты. Вообще же она этого требовала от Княжен и говорила, что не носить корсета – это распущенность».

Занотти: «Княжны и Государыня обычно носили корсеты. Демидова также носила корсет».

25. Свыше сорока однородных кусков от предмета или нескольких предметов, уничтоженных огнем.

Экспертиза определила:

«Эти предметы представляют собой части сгоревшей в огне обуви. Здесь имеются части кожи, подошвы, пробки и вара, слившиеся в одну массу от огня. Вид этих предметов свидетельствует, что обувь эта была механической, хорошей работы. Замечающаяся в некоторых кусочках материя есть принадлежность именно этой обуви, каковая материя употребляется при изготовлении обуви, имеющей пробку, что также указывает, само по себе, на высокое свойство обуви».

26. Железный предохранитель при сапоге.

27. Семь мужских пряжек.

Экспертиза определила:

«Все эти пряжки, кроме самой большой, есть принадлежность или мужских брюк, или мужских жилетов. Последняя пряжка есть принадлежность жилета. Из них две парные. Все они хорошей работы: заграничной, кроме одной, самой большой: эта пряжка русской кустарной работы».

28. Спиральные пружинки.

29. Пряжка.

Эти пружинки и пряжки есть принадлежность мужских помочей, уничтоженных огнем.

30. Две металлические пряжки.

Экспертиза определила, что они обе относятся к дамским костюмам. Тутельберг показала, что одна из них от пояса или Государыни или Княжен. Теглева, – что другая от пояса Демидовой.

Обе пряжки сильно обгорели.

31. Шесть пуговиц военного образца.

На внутренней их стороне значится, что они изготовлены фабрикой Вундера в «С. Петербурге».

Экспертиза определила: «Все эти пуговицы хорошего сорта. Если они фабрики Вундера, то они вообще были не в употреблении, так как пуговицы этой фабрики были дороже других».

Они пострадали от огня.

32. Пуговицы и части их.

Теглева, Эрсберг, Тутельберг и Занотти показали, что среди этих пуговиц были такие, какие имелись на рукавах блузочек Княжен, на подвязках Императрицы, большие пуговицы – от лилового костюма Государыни.

Пуговицы сильно пострадали от огня.

33. Крючки, петли, кнопки.

Теглева, Эрсберг, Тутельберг и Занотти показали, что такие предметы ставила к костюмам Княжен и Государыни их портниха Бризак.

Все они сильно пострадали от огня.

Бросается в глаза, что многие петли и крючки сильно вытянуты. Иногда петля с крючком не разъединена.

34. Кусочки материй.

Среди них свидетели Теглева, Эрсберг, Тутельберг, Занотти, Жильяр и Кобылинский признали материю от костюмов Княжен, Государыни, Демидовой и Боткина.

Резко заметно, что материя или грубо отрывалась от костюма, или иногда грубо отрезалась при помощи ножа.

Многие кусочки ее полуобгорели.

35. Кусочки сукна.

Свидетели показали:

> Иванов: «Я вижу предъявленные мне Вами кусочки обгорелого сукна. Я положительно думаю, что это остатки сукна от шинели Алексея Николаевича. Совершенно такого же сукна была и у него шинель».
>
> Кобылинский: «Я хорошо знал шинель Алексея Николаевича. Я вижу кусочки обгорелого сукна. Я думаю, что это куски от его шинели. Цвет сукна, его добротность и потертость напоминают мне именно его шинель».

36. Кусочек материи защитного цвета.

Чемодуров, при котором был найден этот кусочек, показал, что он отрезан от вещевого мешка Наследника Цесаревича.

37. Кусочки свинцовой бумаги.

38. Четыре гвоздя.

39. Использованный патрон от револьвера.

40. Две медные монеты двухкопеечного достоинства.

Свидетели показали:

> Иванов: «Алексей Николаевич, как мальчик, любил собирать свинцовую бумагу, винтовочные и револьверные патроны. Таких вещей много было у него в карманах».
>
> Гиббс: «Он имел некоторые фантазии: собирал в Тобольске старые гвозди».
>
> Теглева: «Я помню, он собирал свинцовую бумагу».

41. Американский ключ от чемодана.

42. Части сумочки или портмоне.

43. Перочинный нож.

44. Безопасная булавка.

Все эти предметы пострадали от огня.

45. Осколки стекол.

Некоторые из них – несомненно от часов, рамочек, другие – от флаконов с солями.

46. Драгоценный крест.

Основной его металл – платина. Он состоит из изумрудов, бриллиантов и жемчугов.

Экспертиза определила:

«Крест хорошей, художественной работы. Он несомненно подвергался действию огня. На это указывает вид платины, а главным образом то, что имеющийся на одной из его игол шарик представляет собой сгоревший жемчуг».

47. Бриллиант.

Его основной металл платина, внизу – зеленое золото. Он осыпан алмазами. Вес его 10 карат.

Экспертиза определила:

«Бриллиант представляет высокую работу и несомненно является лишь частью другого украшения: подвес. Вид платины свидетельствует, что камень подвергался действию огня, но своих свойств и ценности не потерял».

Свидетели показали:

Тутельберг: «Я категорически опознаю и бриллиант, и крест. Эти вещи принадлежат Ее Величеству. Бриллиант – подарок Ее Величеству от Его Величества по случаю рождения одной из Княжен. Крест – подарок Ее Величеству Государыни Императрицы Марии Федоровны».

Занотти: «Крест и бриллиант – это безусловно Государыни Императрицы. Происхождение креста я не помню. Ей его подарил или Государь, или Государыня Императрица Мария Федоровна. Большой бриллиант – подарок Государя, кажется, при рождении одной из Княжен».

48. Серьга.

Основной ее металл – платина; главный камень – жемчуг, меньший – бриллиант, застежка серьги золотая.

Экспертиза определила:

«Эта серьга представляет собой прекрасную, высокохудожественную работу. Жемчуг лучший по своим свойствам. Действию огня серьга не подвергалась».

Свидетели показали:

Жильяр: «Я думаю, что эта серьга – Государыни. У Ее Величества были такие серьги. Она их очень любила, и я часто снимал Ее Величество когда она имела их на себе».

Гиббс: «Серьга безусловно Государыни. Это были ее любимые серьги, и она часто их носила».

Теглева: «Серьги и осколочки от них – это безусловно серьги Государыни, которые она очень любила».

Эрсберг: «Серьга – безусловно серьга Государыни. Это были ее любимые серьги, с которыми она не расставалась и, по-моему, она в них уехала из Тобольска».

Тутельберг и Занотти я мог предъявить лишь фотографические изображения серьги. Они показали:

Тутельберг: «Я вижу фотографическое изображение серьги. Я положительно утверждаю, что на этом снимке изображена одна из парных серег Ее Величества. Это были самые любимые серьги Ее Величества. В них она приехала из Тобольска».

Занотти: «Из предъявленных мне Вами вещей и их изображений я могу опознать... Серьга – также ее. Эти серьги она любила и чаще других носила их».

49. Части жемчуга и часть разрушенного золотого украшения (см. № 114).

Экспертиза определила:

«...Представляют собой настоящий жемчуг. Он подвергался действию огня. Допустимо, что его части составляли некогда одну жемчужину. Крупный осколок свидетельствует о том, что этот вид жемчуга также весьма высок по своим свойствам и ценности. Вполне допустимо, что эти осколки составляли одну жемчужину, парную к только что упомянутой серьге».

50. Части жемчуга.

Экспертиза определила в отношении этих осколков жемчуга:

В отношении 1-го: «Принадлежит крупной жемчужине, весьма хорошего свойства и отделился от нее при помощи удара или давления».

В отношении 2-го и 3-го: «Оба осколка принадлежат жемчугу весьма большого размера и весьма высокого качества».

В отношении 4-го и 5-го: «Те же выводы, что и в отношении 2-го и 3-го».

В отношении 6-го: «Этот осколок принадлежит также крупной жемчужине, высоких качеств, но он от другой жемчужины, а не от той, к которой могут принадлежать осколки, описанные в предыдущих пунктах».

51. Тринадцать круглых жемчужин.

Экспертиза определила: «*Все они высокого качества и, видимо, принадлежат все к одной нити*».

Теглева, Эрсберг, Тутельберг, Занотти показали, что Императрица и Княжны имели много нитей с такими жемчужинами.

52. Часть разрушенного украшения с бриллиантами.

Экспертиза определила в отношении главной части (большей):

«Украшение имеет настоящие бриллианты, высоких свойств, оправленные в чистое серебро, причем в оправе имеется припайка золотом. Это украшение является частью какого-то другого, более крупного. Оно носит на себе следы разрушения его путем удара по нему каким-то твердым предметом».

В отношении 1-го кусочка: «Этот металл есть серебро. Этот кусочек произошел вследствие отделения от предыдущего украшения, причем он, видимо, отделился от него ударом какого-либо режущего предмета».

В отношении 2-го: «Металл кусочка – серебро. Этот кусочек также произошел вследствие отделения его от украшения, причем ясно видно, что это отделение было произведено при помощи острорежущего предмета; этот кусочек также подвергался действию огня, как и предыдущий, но в большей степени».

В отношении 3-го и 4-го: «Те же выводы, что и в отношении 2-го».

Тутельберг показала: «Я вижу часть украшения с бриллиантами. Оно мне положительно напоминает брошь Ее Величества. Это – часть от нее, от броши».

53. Тринадцать осколков изумруда.

Экспертиза определила:

«Осколки принадлежат изумруду. Они отделены от какого-то крупного изумруда, весьма хорошего по своим свойствам. Это отделение произошло при помощи какого-либо твердого и тяжелого предмета. Действию огня изумруды не подвергались, но, видимо, они топтались, так как шлифовка у одного из них стерта».

Тутельберг показала: «У Ее Величества было очень много таких вещей, в которых были изумруды. Это осколки от очень крупного изумруда. Но я затрудняюсь сказать, от какого именно предмета эти осколки. Возможно, что это разбитое изумрудное яйцо Ее Величества».

54. Два осколка сапфира.

Экспертиза определила: «Эти осколки, видимо, от разных камней. Оба они принадлежат камням высоких свойств. Они отделены от целого камня путем сильного удара по ним каким-либо тяжелым предметом».

55. Два бриллианта, рубин, два альмандина, два диаманта.

Экспертиза определила:

В отношении бриллиантов (1 и 2): «Оба камня являются настоящими бриллиантами высоких свойств. Они, видимо, находились в системе какого-либо крупного украшения».

В отношении альмандинов (3): «Этот камень альмандин высокого качества. Он является осколком от более крупного камня и отделен от него при помощи сильного удара каким-либо тяжелым предметом. Он, видимо, входил в состав осыпи на каком-либо драгоценном украшении, имевшем круглую форму»... (4) «Этот камень альмандина хороших качеств. Он является осколком от более крупного камня, у отделенным от него при помощи какого-то тяжелого предмета».

В отношении рубина (5): «Этот камень рубин средних качеств.. Он был в какой-то оправе».

В отношении диамантов: «Вспомогательная часть украшения из нитей».

Тутельберг показала про диаманты: «Это из цепочки браслета Ее Величества. В цепочке этого браслета были жемчужинки, а между ними вот такие бусинки».

56. Две золотые цепочки.

Экспертиза показала: «Обе цепочки золотые; они являются предохранителями при запирательном механизме браслетов, причем они, видимо, оторваны от них».

Тутельберг показала: «Я вижу обрывки от браслетов. Таких браслетов с такими цепочками у Ее Величества и у Княжен было несколько. Такие браслеты были на них на всех в момент отъезда из Тобольска».

Теглева и Эрсберг показали то же.

57. Часть золотого предмета.

Экспертиза определила: «*Принадлежит золотому кольцу, от которого она отделена при помощи удара каким-либо тяжелым предметом*».

58. Золотая пластинка.

Экспертиза определила: «Произошла вследствие отделения ее от какого-либо другого крупного предмета при помощи острорежущего орудия, следы коего она носит сама».

59. Две части золотых украшений.

Экспертиза определила: «Обе части золотые. Одна из них, скорее всего, является частью серьги, другая – браслета».

60. Золотое украшение с тремя алмазами.

Экспертиза определила ее как вспомогательную часть крупного украшения.

Тутельберг показала: «*Это – петля для сцепления драгоценных украшений. Таких петель было много у Ее Величества*».

61. Топазы.

Жильяр, Гиббс, Теглева, Эрсберг, Тутельберг, Кобылинский показали, что Государыня и Княжны носили ожерелья из таких топазов.

Обвиняемый Якимов: «Княжны носили – не помню, которая именно, кажется, все – на шеях ожерелья из белых бус, весьма похожих на те, которые я сейчас вижу».

Занотти: «Топазы – от ожерелий. Такие ожерелья были у Княжен и у Государыни. Эти ожерелья им были подарены Распутиным».

Как попали на рудник царские драгоценности?

Мы видели, что Императрица, подвергшись в Екатеринбурге на первых же порах грубому обращению, писала в Тобольск и просила позаботиться о драгоценностях. Перед отъездом детей из Тобольска их зашили в одежды.

Теглева показала:

«Мы взяли несколько лифчиков из толстого полотна. Мы положили драгоценности в вату и эту вату мы покрыли двумя лифчиками, а затем эти лифчики сшили. Таким образом, драгоценности были зашиты между двумя лифчиками, а сами они были с обеих сторон покрыты ватой. В двух парах лифчиков были зашиты драгоценности Императрицы. В одном из таких парных лифчиков было весом 4 1/2 фунта драгоценностей вместе с лифчиками и ватой. В другом было столько же весу. Один надела на себя Татьяна Николаевна, другой Анастасия Николаевна. Здесь были зашиты (в обоих парных лифчиках) бриллианты, изумруды, аметисты.

Драгоценности Княжен были таким же образом зашиты в двойной лифчик, и его (не знаю, сколько в нем было весу) надела на себя Ольга Николаевна.

Кроме того, они под блузки на тело надели на себя много жемчугов.

Зашили мы драгоценности еще в шляпы Княжен между подкладкой и бархатом. Из драгоценностей этого рода я помню большую жемчужную нитку и брошь с большим сапфиром и бриллиантами.

У Княжен были верхние синие костюмы из шевиота. На этих костюмах (летних, в которых они поехали) пуговиц не было, а были кушаки и на каждом кушаке по две пуговицы. Вот эти

пуговицы мы отпороли и вместо пуговиц вшили драгоценности, кажется, бриллианты, обернув их сначала ватой, а потом черным шелком.

Кроме того, у Княжен были еще серые костюмы из английского трико с черными полосками: это были осенние костюмы, которые они носили и летом в плохую погоду. Мы отпороли на них пуговицы и также пришили драгоценности, также обернув их ватой и черным шелком».

62. 24 кусочка свинца, 2 пули от револьвера системы Нагана и одна стальная оболочка от такой же пули.

Форма кусочков свинца весьма характерна. Свинец растапливался в огне, и, охлаждаясь затем, сохранил неправильную форму застывшей массы.

Пустая оболочка от пули – закопчена. Из нее вытек свинец под действием огня.

63. Человеческий палец и два кусочка человеческой кожи.

Экспертиза определила:

1. Палец представляет собой две фаланги: ногтевую и среднюю, Вероятнее всего, это указательный палец.

2. Этот палец принадлежит, по всей вероятности, руке человека, знакомого с маникюром, и имеет вид выхоленный.

3. Экспертиза более склонна признать, что этот палец – женщины, имевшей тонкие длинные пальцы.

4. Он отделен по линии межфалангового сустава. Края сустава и кожи представляются ровными. Поэтому экспертиза предполагает, что палец, скорее всего, отрезан каким-либо острым режущим предметом.

5. Палец принадлежит взрослому человеку средних лет.

6. Оба кусочка кожи отделены от руки человека, но от какой именно части руки и какой именно, определить не представляется возможным.

64. Труп собаки самки.

Собака была найдена 25 июня 1919 года на дне открытой шахты. Благодаря низкой температуре в шахте труп хорошо сохранился.

Правая передняя лапа сломана. Череп пробит, отчего, по заключению врача, и произошла ее смерть.

Гиббс показал:

«У Анастасии Николаевны была маленькая собачка какой-то японской породы. Это была очень маленькая собачка с длинной шерстью. Окрас ее был черно-рыжий... Ее отличительные приметы были вот какие: у нее были большие круглые глаза; зубы ее были обнажены и постоянно виднелись, язык у нее был длинный и висел изо рта, не помню, на какую сторону. Кличка ее была Джемми. Такие собачки – очень маленькие, и их часто носят на руках. Принадлежала она Анастасии Николаевне, любили эту собачку они все, а в особенности Императрица. Я сегодня видел собачку у шахты. Я утверждаю, что эта собачка, которую я видел у шахты, и есть Джемми. Я обратил внимание и на ее шерсть, и на форму глазных впадин, и на зубы. Это безусловно она».

Тутельберг, Теглева и Эрсберг также опознали ее.

65. Осколки костей млекопитающего.

Они все сильно обожжены, разрезаны и разрублены. Крушение власти Адмирала не позволило мне произвести научное исследование этих костей, какое бы я желал. Однако врач Белоградский, которому они были предъявлены мною при допросе, показал:

«Я не исключаю возможности принадлежности всех до единой из этих костей человеку. Вид этих костей свидетельствует, что они рубились и подвергались действию какого-то агента».

Все эти кости были найдены исключительно мною. Но их в действительности было найдено больше.

Лесничий Редников показывает:

«Я категорически удостоверяю, что тогда мы в костре у шахты нашли несколько осколков раздробленных и обгорелых костей. Это были осколки крупных костей крупного млекопитающего и, как мне тогда казалось, осколки трубчатых костей. Они были сильно обгорелые».

Много и других ценных вещей нашел Редников. Ошибка Наметкина имела для них роковое значение. Не понимали, что произошло на руднике, и все эти ценнейшие предметы выкинули.

66. Куски сальных масс, смешанных с землей.

Все эти предметы были найдены в районе открытой шахты: на глиняной площадке в кострах или вблизи их, около открытой шахты в траве.

Заметные для глаза предметы, как, например, палец, труп Джемми, многие кости, были найдены на дне открытой шахты, где они (в малом колодце) были засыпаны землей с глиняной площадки.

Рудник выдал тайну ипатьевского дома.

Вечером 16 июля царская семья и жившие с ней люди были живы.

Ранним утром 17 июля, под покровом ночной тьмы, грузовой автомобиль привез их трупы на рудник в урочище Четырех Братьев.

На глиняной площадке у открытой шахты трупы обнажили. Одежду грубо снимали, срывая и разрезывая ножами. Некоторые из пуговиц при этом разрушались, крючки и петли вытягивались.

Скрытые драгоценности, конечно, были обнаружены. Некоторые из них, падая на площадку, среди множества других оставались незамеченными и втаптывались в верхние слои площадки.

Главная цель была уничтожить трупы. Для этого прежде всего нужно было разделить трупы на части, разрезать их. Это делалось на площадке.

Удары острорежущих орудий, разрезая трупы, разрезали и некоторые из драгоценностей, втоптанные в землю.

Экспертиза установила, что некоторые из драгоценностей разрушены сильными ударами каких-то твердых предметов: не острорежущих орудий. Это те именно, которые были зашиты в лифчиках Княжен и разрушены в самый момент убийства пулями на их телах.

Части трупов сжигались в кострах при помощи бензина и уничтожались серной кислотой. Оставшиеся в телах пули падали в костры; свинец вытапливался, растекался по земле и, охлаждаясь затем, принимал форму застывших капель, пустая оболочка пули оставалась.

Сжигаемые на простой земле трупы выделяли сало. Стекая, оно просалило почву.

Разорванные и разрезанные куски одежды сжигались в тех же кострах. В некоторых были крючки, петли и пуговицы. Они сохранились в обожженном виде. Некоторые крючки и петли, обгорев, остались неразъединенными, нерасстегнутыми.

Заметив некоторые оставшиеся предметы, преступники побросали их в шахту, пробив в ней предварительно лед, и засыпали их землей.

Здесь та же самая картина, что и в ипатьевском доме: скрыть от мира совершенное зло.

Так говорят о преступлении самые лучшие, самые ценные свидетели: немые предметы.

Послушаем теперь, что скажет о нем лукавый человеческий язык.

Глава 23.

Показания свидетелей и объяснения обвиняемых об убийстве царской семьи

Дом Попова, где помещалась наружная охрана, находится против дома Ипатьева по Вознесенскому переулку.

Охрана занимала только верхний этаж, в нижнем проживали частные лица.

Живший в нижнем этаже кр-н Буйвид[108] показал:

> «Ночь с 16 на 17 июля 1918 года я хорошо восстанавливаю в своей памяти, потому что вообще в эту ночь я не спал, и помню, что около 12 часов ночи я вышел во двор и подошел к навесу, меня тошнило, я там остановился. Через некоторое время я услыхал глухие залпы, их было около 15, а затем отдельные выстрелы, их было 3 или 4, но эти выстрелы были не из винтовок произведены: было это после двух часов ночи; выстрелы были от Ипатьевского дома и по звуку глухие, как бы произведенные в подвале. После этого я быстро ушел к себе в комнату, ибо боялся, чтобы меня не заметили сверху охранники дома, где был заключен б. Государь Император; войдя в комнату, мой сосед по ней спросил меня: «Слышал?» Я ответил: «Слышал выстрелы». – «Понял?» – «Понял», –

[108] Свидетель Ф.Я. Буйвид был допрошен начальником Екатеринбургского Уголовного Розыска 10 августа 1918 года.

сказал я, и мы замолчали... Минут через 20 я услыхал, как отворились ворота загородки ипатьевского дома и тихо, мало шумя, ушел на улицу автомобиль, свернув на Вознесенский проспект, но в каком направлении ушел, не знаю.

Ночной сторож Цецегов[109] показал:

«Я, ночной сторож на Вознесенском проспекте, помню, что в ночь с 16 на 17 июля в 3 часа ночи[110] я услыхал звук автомобиля за перегородкой дома Ипатьева, где был заключен б. Государь Император, затем слышал шум того же автомобиля, направляющегося к Главному проспекту[111]; видеть автомобиль мне не пришлось, так как я боялся подойти к ипатьевскому дому, это нам запрещалось».

Охранник Михаил Иванов Летемин – из Сысертского завода, Екатеринбургского уезда. Портной по профессии, малограмотный, темный человек. В прошлом судился за покушение на растление. Пошел в охрану исключительно из-за жалования. Один из всей охраны жил с семьей на частной квартире и не ушел с красными, так как не видел ничего худого в том, что был в охране. Его скоро обнаружили в Екатеринбурге: выдал его спаниель Наследника Джой, им присвоенный после убийства.

Он показал на допросе у Сергеева:

«16-го июля я дежурил на посту № 3 с 4-х часов дня до 8 часов вечера (у калитки внутри двора) и помню, что, как только я вышел на дежурство, б. Царь и его семья возвращались с прогулки; ничего особенного я в этот раз не заметил.

17-го июля я пришел на дежурство в 8 часов утра; предварительно я зашел в казарму и здесь увидел мальчика, состоявшего в услужении при царской семье (Леонида Седнева). Появление мальчика меня очень удивило, и я спросил: «Почто он здесь?» (почему он здесь). На это один из товарищей – Андрей Стрекотин, к которому я обратился с вопросом, только махнул рукой и, отведя меня в сторону, сообщил мне, что минувшей ночью убиты Царь, Царица, вся их семья, доктор, повар, лакей и состоявшая при царской семье женщина.

По словам Стрекотина, он в ту же ночь находился на пулеметном посту в большой комнате нижнего этажа и видел, как в его смену (а он должен был дежурить с 12 часов ночи до 4 часов утра) сверху привели вниз Царя, Царицу, всех царских детей, доктора, двоих служителей и женщину и всех их доставили в ту комнату, которая сообщается с кладовой.

Стрекотин мне объяснил, что на его глазах комендант Юровский вычитал бумагу и сказал: «Жизнь ваша кончена». Царь не расслышал и переспросил Юровского, а Царица и одна из царских дочерей перекрестились.

В это время Юровский выстрелил в Царя и убил его на месте, а затем стали стрелять латыши и разводящий Павел Медведев.

Из рассказа Стрекотина я понял, что убиты были решительно все. Сколько было выстрелов произведено во время расстрела, не знаю, не спрашивал.

Нет, припоминаю, что в разговоре заметил Стрекотину: «Пуль ведь много должно оставаться в комнате», и Стрекотин мне ответил: «Почто много? Вон служившая у Царицы женщина закрылась от выстрела подушкой, поди в подушке пуль много застряло».

Тот же Стрекотин, между прочим, сказал мне, что после Царя был убит «черноватенький» слуга: он стоял в углу и после выстрела присел и тут же умер.

Других подробностей касательно расстрела я не знаю.

Выслушав рассказ, я сказал: «Сколько народу перестреляли, так ведь крови на полу должно быть очень много». На это мое замечание кто-то из товарищей (кто именно, не помню) объяснил, что к ним в команду присылали за людьми, и вся кровь была смыта.

В этот раз беседовать дольше мне не пришлось, так как нужно было идти на караул. Отбыв дежурство, я вернулся в казарму, и тогда мне объяснили, что, вероятно, нам придется идти «на фронт». Я сказал, что на фронт не пойду, так как «не рядился» на это, а рядился только служить в караульной команде при доме особого назначения.

Поговорив немного об этом, снова свели речь про убийство Царя и его семьи; находившийся в это время в казарме шофер Люханов объяснил, что «всех убитых он увез на грузовом автомобиле в лес» добавив, что кое-как выбрался: темно да пеньки по дороге. В какую сторону были увезены убитые и куда девали их трупы – ничего этого Люханов не объяснил, а я сам не спросил.

---

[109] Свидетель П.Ф. Цецегов был допрошен им же (начальником Екатеринбургского Уголовного Розыска) 22-го того же августа.

[110] Часовая стрелка была передвинута большевиками на 2 часа вперед.

[111] Путь на Коптяки.

Тогда я заинтересовался еще узнать, как вынесли убитых из дому, полагая, что опять-таки при переноске окровавленных тел должно оставаться много кровяных следов; кто-то из команды (кто именно – не помню) сказал, что вынесли трупы через черное крыльцо во двор, а оттуда – на автомобиль, стоявший у парадного крыльца; говорили, что тела выносили на носилках; сверху тела были чем-то закрыты: следы крови во дворе заметали песком.

В течение 18, 19, 20 и 21 числа июля как из помещений, занимаемых царской семьей, так и из кладовых и амбаров, увозили на автомобиле царские вещи. Увозом вещей распоряжались два молодых человека – помощники Юровского; вещи увозили на вокзал, так как уже советское начальство решило покинуть Екатеринбург, ввиду приближения чехословаков.

По поводу убийства царской семьи мне еще передавал австриец по имени Рудольф, прислуживавший коменданту, что комендант в ту ночь предупреждал его, чтобы он не боялся, если услышит что-нибудь ночью».

Охранник Филипп Полиевктов Проскуряков – также родом из Сысертского завода. Пошел в охрану из-за жалованья. Был в составе охраны до последнего момента и ушел вместе с другими охранниками на фронт, но сбежал оттуда и вернулся в Екатеринбург, где был разыскан агентом Алексеевым.

Так записано его объяснение у Алексеева:

«Я, агент Уголовного Розыска Алексеев, расспрашивал задержанного Филиппа Проскурякова по обстоятельствам дела, причем он, Проскуряков, отзывался полным незнанием чего-либо по данному делу, объяснив, что он на охране Ипатьевского дома, где помещался Царь с семьею, совсем не был и ничего по этому делу не знает. Был он мобилизован в числе других на охрану ипатьевского дома, но дорогой сбежал и на охране не был.

При дальнейшем же расспросе его на следующий день 22 февраля с предъявлением Павлу Спиридонову Медведеву, который уличил его, что он дал несправедливое показание о том, что он не был на охране ипатьевского дома и что он, Филипп Проскуряков, был до конца пребывания Царя с семьею на охране этого дома, он, Проскуряков, изменил свое первоначальное показание и объяснил, что он действительно был на охране ипатьевского дома, где находился Царь с семьею, но ничего по делу не знает, и где находится Царь и его семья, ему неизвестно. Живы они или нет, не знает.

При расспросе далее обо всех подробностях пребывания его на охране в доме Ипатьева он, Проскуряков, еще уклонялся от дачи каких-либо существенных сведений по делу и, наконец, подтвердил лишь то обстоятельство, что Павел Медведев вечером, какого числа, не упомнит, незадолго до оставления большевиками города Екатеринбурга приходил в караульное помещение, где находилась охрана дома, и в числе охранников был он, Проскуряков, и предупреждал охрану, что в эту ночь будут выстрелы, чтобы они не тревожились и были в то же время наготове на всякий случай, причем сказал, что в эту ночь будет расстрел семьи. Что происходило в эту ночь, он, Проскуряков, не знает, так как после прихода Медведева лег спать на печь в караульном помещении и проспал всю ночь. Утром слышал от красноармейца Андрея Старкова, что семью увезли из дома.

При последующем расспросе Проскуряков еще изменил свое показание в последней части и объяснил, что слышал от красноармейцев, бывших на охране дома, что Царя Николая II и его семью расстреляли и увезли куда-то на автомобиле. При этом Проскуряков объяснил, что сам он Николая II и его семью тогда не видел, действительно ли они расстреляны и вывезены, не знает, трупов он их не выносил и кровь замывать в комнате расстрела в числе других лиц не ходил. Наряжал ли Медведев охрану выносить трупы и замывать кровь в комнате расстрела, не слыхал.

Наконец, на спрос мой, агента Уголовного Розыска, 28 февраля он, Проскуряков, подтверждая свои прежние показания в отношении того, что он ничего по данному делу не знает и что были ли расстреляны в ночь на 17 июля нового стиля Царь Николай II и его семья, ему неизвестно, добавил, что в то время, когда было это происшествие, он, Проскуряков, вместе с красноармейцем Егором Столовым, бывшим на охране ипатьевского дома, были посажены разводящим Павлом Медведевым в баню при караульном помещении, где сидели два дня под арестом за то, что напились пьяны, а потому он, Проскуряков, и не знает, что происходило в ту ночь в доме Ипатьева, где находился Царь и его семья».

Проскуряков объяснил у меня на допросе:

«Убийство их произошло в ночь со вторника на среду. Числа я не помню. Я помню, что в понедельник мы получили жалованье. Значит, это было 15 числа в июле месяце, считая по новому стилю. Нам жалованье платили два раза в месяц: 1-го числа и 15-го каждого месяца. На другой день после получки жалованья, значит, во вторник 16 июля до 10 часов утра, я стоял на посту у будки около Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. Егор Столов, с которым я вместе жил в одной комнате, стоял тогда в эти же часы в нижних комнатах дома. Кончив дежурство, мы со

Столовым пошли попьянствовать. Напились мы со Столовым денатурату и под вечер пришли домой, так как нам предстояло дежурить с 5 часов.

Медведев увидел, что мы пьяные, и посадил нас под арест в баню, находившуюся во дворе дома Попова. Мы там и уснули. Спали мы до 3 часов ночи (по солнечному времени 1 час). В 3 часа ночи к нам пришел Медведев, разбудил нас и сказал нам: «Вставайте, пойдемте!» Мы спросили его: «Куда?» Он нам ответил: «Зовут, идите!»

Я потому Вам говорю, что было это в 3 часа, что у Столова были при себе часы, и он тогда смотрел на них. Было именно 3 часа. Мы встали и пошли за Медведевым.

Привел он нас в нижние комнаты дома Ипатьева. Там были все рабочие охранники, кроме стоявших тогда на постах.

В комнатах стоял как бы туман от порохового дыма и пахло порохом. В задней комнате с решеткой в окне, которая рядом с кладовой, в стенах и полу были удары пуль. Пуль особенно были много (не самых пуль, а отверстий от них) в одной стене, той самой, которая изображена на предъявленной мне Вами фотографической карточке, но были следы пуль и в других стенах. Штыковых ударов нигде в стенах комнаты не было. Там, где в стенах и полу были пулевые отверстия, вокруг них была кровь; на стенах она была брызгами и пятнами; на полу – маленькими лужицами. Были капли и лужицы крови и во всех других комнатах, через которые нужно было проходить во двор дома Ипатьева из этой комнаты, где были следы от пуль. Были такие же следы крови и во дворе к воротам на камнях.

Ясное дело, в этой именно комнате с решеткой незадолго до нашего со Столовым прихода расстреляли много людей. Увидев всё это, я стал спрашивать Медведева и Андрея Стрекотина, что произошло.

Они мне сказали, что только что расстреляли всю царскую семью и всех бывших при ней лиц, кроме мальчика.

Стали мы все мыть полы, чтобы уничтожить следы крови. В одной из комнат было уже штуки 4–5 метел. Кто их именно принес, я не знаю. Думаю, принесли их со двора...

По приказанию Медведева Кронидов принес из-под сарая со двора опилок. Все мы мыли холодной водой и опилками полы, замывали кровь. Кровь на стенах, где был расстрел, мы смывали мокрыми тряпками.

В этой уборке принимали участие все рабочие, кроме постовых.

И в той именно комнате, где была побита царская семья, уборку производили многие. Помню я, что работали тут человека два латышей, сам Медведев, отец и сын Смородяковы, Столов. Убирал в этой комнате и я. Но были еще и другие, которых я забыл.

Таким же образом, то есть водой, мы смыли кровь во дворе и с камней.

Пуль при уборке я лично никаких не находил. Находили ли другие, не знаю. Когда мы со Столовым пришли в нижние комнаты, тут никого, кроме нескольких латышей, Медведева и наших и злоказовских рабочих, не было. Юровского при этом не было. Никулин же, как говорил тогда Медведев, был в верхних комнатах, куда дверь из нижних комнат была заперта со стороны верхних комнат. Золотых вещей или каких-либо драгоценностей, снятых с убитых, в нижних комнатах я нигде не видел.

Я хорошо помню, что именно Андрей Стрекотин стоял у пулемета в нижних комнатах. Это я очень хорошо помню. Он всё обязательно видел.

Спрашивали я и Столов также и Медведева.

Оба они со Стрекотиным говорили согласно и рассказали следующее.

Вечером Юровский сказал Медведеву, что царская семья ночью будет расстреляна, и приказал предупредить об этом рабочих и отобрать у постовых револьверы... Пашка Медведев приказание Юровского в точности исполнил, револьверы отобрал, передал их Юровскому, а команду предупредил о расстреле царской семьи часов в 11 вечера.

В 12 часов ночи Юровский стал будить царскую семью, потребовав, чтобы они все оделись и сошли в нижние комнаты. По словам Медведева, Юровский будто бы такие объяснения привел Царской семье: ночь будет «опасная», то есть, как я понимаю, он им сказал, что в верхнем этаже будет находиться опасно на случай, может быть, стрельбы на улицах, и поэтому потребовал, чтобы они все сошли вниз.

Они требование Юровского исполнили и сошли все вниз. Здесь были сам Государь, Государыня, Наследник, все четыре дочери, доктор, лакей, горничная, повар.

Мальчика же Юровский суток, кажется, за полтора приказал увести в помещение нашей комнаты, где я его видел до убийства сам.

Всех их привели в ту самую комнату, где в стенах и в полу было много следов пуль. Встали они все в два ряда и немного углом вдоль не одной, а двух стен.

Сам Юровский стал читать им какую-то бумагу. Государь не дослушал и спросил Юровского: «Что?» А он, по словам Пашки, поднял руку с револьвером и ответил Государю, показывая ему револьвер: «Вот что!»

Пашка сам мне рассказывал, что он выпустил пули 2–3 в Государя и в других лиц, кого они расстреливали. Показываю сущую правду. Ничего вовсе он мне не говорил, что он будто бы сам не стрелял, а выходил слушать выстрелы наружу: это он врет.

Когда их всех расстреляли, Андрей Стрекотин, как он мне это сам говорил, снял с них все драгоценности. Их тут же отобрал Юровский и унес наверх. После этого их всех навалили на грузовой автомобиль, кажется, один и куда-то увезли. Шофером был на этом автомобиле рабочий злоказовской фабрики Люханов. Об этом я Вам передаю со слов Медведева...

По какому направлению их увезли, не знаю.

Этого тогда не знал, должно быть, и сам Медведев, потому что обставил это дело Юровский тайной».

Охранник Анатолий Александрович Якимов – родом из Юговского завода, Пермского уезда. По профессии – токарь, работал на Мотовилихинском заводе. Ушел на войну добровольцем. После переворота 1917 года он – член полкового комитета в 494-м Верейском полку. После развала фронта приехал на родину и поступил на фабрику Злоказовых в Екатеринбурге.

В охрану пошел из-за легкой работы и хорошего жалованья.

По натуре – неуравновешенный протестант. Мечтал о «лучшей» жизни и считал Царя врагом народа.

Осуждал большевистский террор, но до конца оставался в охране и занимал начальнический пост: разводящего.

Ушел вместе с красными при оставлении Екатеринбурга. Но когда они оставили и Пермь, не пошел за ними и в рядах армии Адмирала дрался с ними.

Здесь его отыскал и задержал агент Алексеев.

Якимов объяснил у меня на допросе:

«15 июля в понедельник у нас в нашей казарме в доме Попова появился мальчик, который жил при царской семье и катал в коляске Наследника. Я тогда же обратил на это внимание. Вероятно, и другие охранники также на это обратили внимание. Однако никто не знал, что это означает, почему к нам привели мальчика. Сделано же это было, безусловно, по приказанию Юровского.

16 июля я был дежурным разводящим. Я дежурил тогда с 2 часов дня до 10 часов вечера. В 10 часов я поставил постовых на все посты.

Пост № 3 (во дворе дома у калитки) занял Брусьянин, пост № 4 (у калитки в заборе вблизи парадного крыльца, ведущего в верхний этаж) занял Лесников, пост № 7 (в старой будке между стенами дома и внутренним забором) занял Дерябин, пост № 8 (в саду) занял Клещев.

Постовые, которых я поставил в 10 часов вечера, должны были сменяться в 2 часа ночи уже новым разводящим, которому я сдал дежурство, – Константином Добрыниным.

Сдав дежурство, я ушел в свою казарму. Помню, что я пил чай, а потом лег спать. Лег я, должно быть, часов в 11.

Часа, должно быть, в 4 утра, когда уже было светло, я проснулся от слов Клещева. Проснулись и спавшие со мной Романов и Осокин. Он говорил взволнованно: «Ребята, вставайте! Новость скажу. Идите в ту комнату!» Мы встали и пошли в соседнюю комнату, где было больше народа, почему нас и звал туда Клещев.

Когда мы собрались все, Клещев сказал: «Сегодня расстреляли Царя».

Все мы стали спрашивать, как же это произошло, Клещев, Дерябин, Лесников и Брусьянин рассказали нам следующее. Главным образом рассказывали Клещев с Дерябиным, взаимно пополняя слова друг друга. Говорили и Лесников с Брусьяниным, что видели сами. Рассказ сводился к следующему.

В 2 часа ночи к ним на посты приходили Медведев с Добрыниным и предупреждали их, что им в эту ночь придется стоять дольше 2 часов ночи, потому что в эту ночь будут расстреливать Царя. Получив такое предупреждение, Клещев и Дерябин подошли к окнам. Клещев к окну прихожей нижнего этажа, которая изображена на чертеже у Вас цифрой I, а окно в ней, обращенное в сад, как раз находится против двери из прихожей в комнату, где произошло убийство, то есть в комнату, обозначенную на чертеже цифрой II;

Дерябин же – к окну, которое имеется в этой комнате и выходит на Вознесенский переулок.

В скором времени, – это было всё, по их словам, в первом часу ночи, считая по старому времени, или в третьем часу по новому времени, которое большевики перевели тогда на два часа вперед, – в нижние комнаты вошли люди и шли в комнату, обозначенную на чертеже нижнего этажа цифрой I. Это шествие наблюдал именно Клещев, так как ему из сада через окно это было видно. Шли они все, безусловно, со двора через дверь сеней, обозначенных на чертеже цифрой XII, а далее через комнаты, обозначенные цифрами VIII, VI, IV, I, в комнату, обозначенную цифрой II.

Впереди шли Юровский и Никулин. За ними шли Государь, Государыня и дочери: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а также Боткин, Демидова, Трупп и повар Харитонов. Наследника нес на руках сам Государь. Сзади за ними шли Медведев и латыши, то есть те десять человек, которые жили в нижних комнатах и которые были выписаны Юровским из чрезвычайки. Из них двое были с винтовками.

Когда они были введены в комнату, обозначенную цифрой II, они разместились так: посередине комнаты стоял Царь, рядом с ним на стуле сидел Наследник по правую руку от Царя, а справа от Наследника стоял доктор Боткин. Все трое, то есть Царь, Наследник и Боткин, были лицом к двери из этой комнаты, обозначенной цифрой II, в комнату, обозначенную цифрой I.

Сзади них у стены, которая отделяет комнату, обозначенную цифрой II, от комнаты, обозначенной цифрой III (в этой комнате, обозначенной цифрой III, дверь была опечатана и заперта; там хранились какие-то вещи), стали Царица с дочерьми. Я вижу предъявленный Вами фотографический снимок этой комнаты, где произошло убийство их. Царица с дочерьми стояла между аркой и дверью в опечатанную комнату, как раз вот тут, где, как видно на снимке, стена исковыряна.

В одну сторону от Царицы с дочерьми встали в углу повар с лакеем, а в другую сторону от них также в углу встала Демидова. А в какую именно сторону, в правую или в левую, встали повар с лакеем, и в какую встала Демидова, не знаю.

В комнате, вправо от входа в нее, находился Юровский; слева от него, как раз против двери из этой комнаты, где произошло убийство, в прихожую, обозначенную цифрой I, стоял Никулин. Рядом с ним в комнате же стояла часть латышей. Латыши находились и в самой двери. Сзади них стоял Медведев.

Такое расположение названных лиц я описываю со слов Клещева и Дерябина. Они пополняли друг друга. Клещеву не видно было Юровского. Дерябин видел через окно, что Юровский что-то говорил, маша рукой. Он видел, вероятно, часть фигуры, а главным образом руку Юровского. Что именно говорил Юровский, Дерябин не мог передать. Он говорил, что ему не слышно было его слов. Клещев же положительно утверждал, что слова Юровского он слышал. Он говорил – я это хорошо помню, – что Юровский так сказал Царю: «Николай Александрович, Ваши родственники старались Вас спасти, но этого им не пришлось. И мы принуждены Вас сами расстрелять».

Тут же, в ту же минуту за словами Юровского раздалось несколько выстрелов.

Стреляли исключительно из револьверов. Ни Клещев, ни Дерябин, как я помню, не говорили, чтобы стрелял Юровский, то есть они про него не говорили совсем, стрелял он или же нет. Им, как мне думается, этого не видно было, судя по положению Юровского в комнате.

Никулин же им хорошо был виден. Они оба говорили, что он стрелял.

Кроме Никулина, стреляли некоторые из латышей.

Стрельба, как я уже сказал, происходила исключительно из револьверов. Из винтовок никто не стрелял.

Вслед за первыми же выстрелами раздался, как они говорили, «женский визг», крик нескольких женских голосов. Расстреливаемые стали падать один за другим. Первым пал, как они говорили, Царь, за ним Наследник. Демидова же, вероятно, металась. Она, как они оба говорили, закрывалась подушкой. Была ли она ранена или нет пулями, но только, по их словам, была она приколота штыками одним или двумя русскими из чрезвычайки.

Когда все они лежали, их стали осматривать и некоторых из них достреливали и докалывали. Но из лиц царской семьи, я помню, они называли только одну Анастасию, как приколотую штыками.

Кто-то принес, надо думать, из верхних комнат несколько простынь. Убитых стали заверты-вать в эти простыни и выносить во двор через те же комнаты, через которые их вели и на казнь. Со двора их выносили в автомобиль, стоявший за воротами дома в пространстве между фасадом дома, где парадное крыльцо в верхний этаж, и наружным забором: здесь обычно и стояли автомобили.

Это уже видели Лесников с Брусьяниным.

Всех их перенесли в грузовой автомобиль и сложили всех в один.

Из кладовой было взято сукно. Его разложили в автомобиль, на него положили трупы и сверху их закрыли этим же сукном. Кто ходил за сукном в кладовую, не было разговора. Ведь не было же у нас допроса, как сейчас. Кабы я знал раньше, мог бы спросить.

Шофером на этом автомобиле был Сергей Люханов. Именно его называли Брусьянин и Лесников.

Автомобиль с трупами Люханов повел в ворота, которые выходили на Вознесенский переулок, и далее вниз по Вознесенскому переулку мимо дома Попова.

Когда трупы были уже унесены из дома, тогда двое из латышей: молодой в очках и другой молодой, лет 22, блондин, – стали метелками заметать кровь и смывать ее водой при помощи опилок. Говорили Клещев с Дерябиным, что кровь с опилками куда-то выкидывалась.

Еще кто принимал участие в уборке крови, я положительно не знаю. Из рассказов их выходило так, что постовых для этого дела не трогали. Все они продолжали стоять на своих постах, пока их не сменили.

Рассказы Клещева, Дерябина, Брусьянина и Лесникова были столь похожи на правду, и сами они были так всем виденным ими поражены и потрясены, что и тени сомнения ни у кого не было, кто их слушал, что они говорят правду. Особенно был расстроен этим Дерябин, а также и Брусьянин. Дерябин прямо ругался за такое дело и называл убийц «мясниками». Он говорил про них с отвращением. Брусьянин не мог вынести этой картины, когда покойников стали вытаскивать в белых простынях и класть в автомобиль: он убежал со своего поста на задний двор.

Рассказ об убийстве Царя и его семьи на меня подействовал сильно. Я сидел и трясся. Спать уже не ложился, а часов в 8 утра отправился я к сестре Капитолине. У меня были хорошие отношения с ней. Я пошел к ней, чтобы поделиться с ней мыслями. Мне на душе было страшно тяжело. Потому к ней и пошел я, чтобы поговорить с близким человеком...

Я был у сестры часа два, и приблизительно в 10 утра я пришел опять в дом Попова.

Не помню, как у меня протекло время до 2 часов дня, когда я опять встал на дежурство. Я сменил тогда Ивана Старкова. Я расставил тогда охрану на все посты, кроме поста № 7. Старков мне сказал, что на этот пост уже теперь не надо ставить караула (под окнами дома). Караульный, очевидно, после ухода с этого поста Дерябина и не ставился туда. Я так тогда понял Старкова. Оба мы понимали, почему уже не нужно было ставить туда постового, и ничего больше про это не говорили.

Расставив посты, я вошел в комендантскую. Там я застал Никулина и двоих из латышей нерусских. Там же был и Медведев. Были все они невеселые, озабоченные, подавленные. Никто из них не произносил ни одного слова.

На столе комендантской лежало много разных драгоценностей. Были тут и камни, и серьги, и булавки с камнями, и бусы. Много было украшений. Частью они лежали в шкатулочках. Шкатулочки были все открыты.

Дверь из прихожей в комнаты, где жила царская семья, по-прежнему была закрыта, но в комнатах никого не было. Это было ясно: оттуда не раздалось ни одного звука. Раньше, когда там жила царская семья, всегда слышалась в их комнатах жизнь: голоса, шаги. В это же время там никакой жизни не было. Стояла только в прихожей у самой двери в комнаты, где жила царская семья, их собачка и ждала, когда ее впустят в эти комнаты. Хорошо помню, я еще подумал тогда: напрасно ты ждешь.

Вот еще что я тогда заметил. До убийства в комендантской стояли кровать и диван. В этот же день, то есть в 2 часа дня 17 июля, когда я пришел в комендантскую, там еще стояло две кровати. На одной из них лежал латыш. Потом Медведев как сказал нам, что латыши больше не идут жить в комнату, где произошло убийство, в которой раньше они жили. Очевидно, тогда две кровати и были перенесены в комендантскую. Виноват, насколько могу припомнить, Медведев говорил, что латыши (все 10 человек) совсем не идут больше жить вниз дома, и, как я тогда понял его, они тогда уже ушли опять в чрезвычайку, кроме тех двоих, которые, вероятно, остались еще в комендантской. Но видел и этих в доме я только один раз: в этот именно день – 17 июля. Больше же ни этих двоих, ни всех остальных я не видел ни одного раза.

С 2 часов дня 17 июля я дежурил до 10 часов вечера. Юровского я не видел в этот день в доме вовсе. Я не думаю, чтобы он мог быть в доме и я бы его не видел. Я думаю, что его совсем не было в этот день в доме, по крайней мере с 2 часов дня до 10 часов вечера его там не было.

Вывоза вещей из дома 17 июля также не было. Не знаю, шла ли разборка и укладка вещей в этот день.

17 июля Медведев сказал нам, что нас, всех охранников, отправят на фронт. Поэтому 18 июля я с утра отправился на злоказовскую фабрику получить там некоторые денежные суммы, причитавшиеся нам за прежнее время, и вещи. К 2 часам дня я был опять в команде и в 2 часа встал на дежурство. В этот день 18 июля вывозились вещи из ипатьевского дома. Я один раз сам видел, как в легковой автомобиль выносились какие-то сундуки, ящики. Автомобиль с этими вещами ушел куда-то. Шофером на нем был Люханов, а в автомобиле вывозил вещи сам Белобородов...

Ценности же, бывшие в комендантской, в этот день 18 июля так и лежали там же и в таком же виде. Юровского в этот день 18 июля я не видел в доме. Это я хорошо помню. Кажется, я видел его часов в 6 вечера.

19 июля Юровский приблизительно с утра был в доме Ипатьева.

В этот день также вывозились вещи из дома, но память мне решительно ничего об этом не сохранила.

Куда девался мальчик из нашей команды, я не знаю. По этому поводу я могу рассказать следующее. Я видел мальчика этого издали в один из последующих дней после убийства. Он сидел в той комнате, где обедали сысертские рабочие, и горько плакал, так что его рыдания были слышны мне издали. Я сам к нему не подходил и ни о чем с ним не разговаривал. Мне, не помню, кто именно, рассказывали, что мальчик узнал про убийство царской семьи и всех других, бывших с ней, и стал плакать.

Я не помню, когда именно это было. 17 же июля я, не успокоившись после такого злого дела, не утерпел и пришел к Медведеву в его комнату. Это было после 2 часов дня, т.е. после начатия дежурства...

Я его стал расспрашивать про убийство. Медведев рассказал мне, что в первом часу ночи сам Юровский разбудил царскую семью и сказал при этом Царю: «На дом готовится нападение. Я Вас должен перевести в нижние комнаты». Тогда они и пошли все вниз. На мой вопрос, кто именно стрелял, Медведев мне ответил, что стреляли латыши. Больше я его по этому именно вопросу не спрашивал.

Когда я его стал спрашивать, куда же дели трупы, он мне подтвердил, что трупы на автомобиле увез Юровский с латышами и Люхановым за Верх-Исетский завод и там в лесистой местности около болота трупы были зарыты все в одну яму, как он говорил, заранее приготовленную. Я помню, он говорил, что автомобиль вязнул и с трудом дошел до приготовленной могилы».

Охранник Павел Спиридонов Медведев – родом из Сысертского завода.

По профессии – сапожник; работал также и на земле.

Учился в местной сельской школе, но курса не кончил, малограмотный.

В 1914 году был мобилизован, но сумел освободиться от военной службы, поступив на завод, работавший тогда на оборону.

Еще в апреле месяце 1917 года вступил в партию большевиков в Сысерти и в течение трех месяцев вносил установленную плату в кассу партии.

После большевистского переворота с первых же дней состоял в большевистском отряде и ходил воевать с атаманом Дутовым.

Возвратившись с фронта в апреле месяце 1918 года, поступил в состав охраны при доме Ипатьева.

С самого первого момента и до самого последнего времени занимал исключительное положение среди других рабочих этой охраны: он был вовсе не разводящим, как именует его Михаил Летемин, а был «начальником» всей охраны.

Он сыграл некоторую роль в удалении Авдеева из дома Ипатьева, выступив в роли доносчика на него чекисту Юровскому за те послабления, которые Авдеев делал во вторую половину своей службы царской семье.

За это он сделался правой рукой Юровского и пользовался его исключительным доверием.

Конечно, Медведев ушел с красными из Екатеринбурга. Он был в Перми, когда ее брала армия Адмирала. Там самим комиссаром Голощекиным ему было дано ответственное поручение: взорвать мост через Каму после оставления города большевиками. Взрыв не удался по техническим причинам. Медведев был задержан и отыскан Алексеевым.

Он объяснил при допросе у него:

«16 июля 1918 года по новому стилю, под вечер, часов в 7, Юровский приказал ему, Медведеву, собрать у всех караульных, стоящих на постах при охране дома, револьверы. Револьверов у охраны дома было всего 12 штук, все они были системы Нагана. Собрав револьверы, он доставил их к коменданту Юровскому в канцелярию при доме и положил на стол.

Еще утром в этот день Юровский распорядился увести мальчика, племянника официанта, из дома и поместил в караульном помещении при соседнем доме Попова.

Для чего всё это делалось, Юровский ему не говорил, но вскоре после того, как он доставил Юровскому револьверы, последний ему сказал: «Сегодня, Медведев, мы будем расстреливать семейство всё», и велел предупредить команду караула о том, что если команда услышит выстрелы, то не тревожилась бы. Предупредить об этом команду он предложил часов в 10 вечера.

В указанное время он, Медведев, команду предупредил об этом, а затем снова находился при доме.

Часов в 12 ночи комендант Юровский начал будить царскую семью.

Сам Николай II и всё семейство его, а также доктор и прислуга встали, оделись, умылись, и приблизительно через час времени все одиннадцать человек вышли из своих комнат.

Все они на вид были спокойные и как будто никакой опасности не ожидали.

Из верхнего этажа дома они спустились вниз по лестнице, ведущей из ограды дома.

Сам Николай II на руках вынес сына Алексея.

Спустившись вниз, они вошли в комнату, находящуюся в конце корпуса дома.

Некоторые имели с собой по подушке, а горничная несла две подушки.

Затем комендант Юровский приказал принести стулья. Принесли три стула.

К этому времени в дом особого назначения уже прибыли два члена чрезвычайной следственной комиссии, один из них, как он узнал впоследствии, был Ермаков, как звать его, не знает, родом из Верх-Исетского завода, и другой, ему совсем не известный.

Комендант Юровский, его помощник и эти два лица спустились в нижний этаж, где уже находилась царская семья.

Из числа охраны находились внизу в той комнате, где была царская семья, семь латышей, а остальные три латыша были тоже внизу, но в особой комнате.

Револьверы были розданы Юровским уже по рукам и находились у семи латышей, бывших в комнате, двух членов следственной комиссии, самого Юровского и его помощника, всего было роздано по рукам одиннадцать револьверов, а один револьвер Юровский разрешил взять обратно ему, Медведеву. Кроме того, у Юровского был при себе револьвер Маузер.

Таким образом, в комнате внизу собралось всего 22 человека: 11 подлежащих расстрелу и 11 человек с оружием, которых он всех назвал.

На стульях в комнате сели супруга Николая II, сам Николай II и сын его Алексей, остальные стояли на ногах около стены, причем все время были спокойны.

Юровский спустя несколько минут, вышел к нему, Медведеву, в соседнюю комнату и сказал ему: «Сходи, Медведев, посмотри на улице, нет ли посторонних людей, и послушай выстрелы, слышно будет или нет».

Он, Медведев, вышел за ограду и тотчас по выходе услыхал выстрелы из огнестрельного оружия и пошел обратно в дом сказать Юровскому, что выстрелы слышно.

Когда вошел в комнату, где находилась царская семья, то они все уже были расстреляны и лежали на полу, в разных положениях, около них была масса крови, причем кровь была густая, «печенками»: все, за исключением сына Царя Алексея, были, по-видимому, уже мертвы. Алексей еще стонал. Юровский еще раза два или три при нем, Медведеве, выстрелил в Алексея из нагана, и тогда он стонать перестал.

Вид убитых настолько повлиял на него, Медведева, что его начало тошнить, и он вышел из комнаты.

Затем Юровский тогда же приказал ему бежать в команду и сказать, чтобы команда не волновалась, если слышала выстрелы; когда он пошел в команду, то еще в доме последовало два выстрела, а навстречу ему попали бегущие из команды разводящие Иван Старков и Константин Добрынин.

Последние, встретясь с ним еще на улице у дома, спросили его: «Что лично ли застрелили Николая II, вместо его чтобы другого не застрелили, то тебе отвечать придется, ты принимал его», на это он им ответил, что хорошо лично видел, что они застрелены, т.е. Николай II и его семья, и предложил им идти в команду и успокоить, чтобы не волновалась охрана.

Видел он, Медведев, что таким образом расстреляны были: бывший Император Николай II, супруга его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери: Татьяна, Анастасия, Ольга, Ксения[112], доктор Боткин и прислуга: повар, официант, горничная.

У каждого было по нескольку огнестрельных ран в разных местах тела, лица у всех были залиты кровью, одежда у всех также была в крови.

Покойные, видимо, ничего до самого момента расстрела о грозящей им опасности не знали.

Сам он, Медведев, участия в расстреле не принимал.

Когда он, Медведев, вернулся к Юровскому в комнату, то Юровский приказал ему привести несколько человек из охраны и перенести тела убитых на автомобиль. Он созвал больше 10 человек из караульных, а кого именно, теперь не упомнит, сделали носилки из двух оглобель саней, стоящих во дворе под сараем, к ним привязали веревкою простыню и таким образом перенесли все трупы на автомобиль.

Со всех членов царской семьи, у кого были на руках, сняли, когда они были еще в комнате, кольца, браслеты и двое золотых часов. Вещи эти тут же передали коменданту Юровскому. Сколько было снято с умерших колец и браслетов, он не знает.

Все одиннадцать трупов тогда же увезли со двора на автомобиле. Автомобиль с трупами был особый грузовик, который был доставлен во двор под вечер.

На автомобиле этом с трупами уехали два члена следственной комиссии, один из коих был Ермаков, а другой – вышеописанных примет, ему не известный; шофер на этом автомобиле был, кажется, Люханов по фамилии, человек он среднего роста, коренастый, на вид более 30 лет, лицо бугревастое (угреватое).

Трупы убитых были положены на автомобиль, на серое солдатское сукно и сверху прикрыты тем же сукном. Сукно было взято в том же помещении дома, где оно хранилось куском.

Куда были увезены трупы, он, Медведев, достоверно не знает и никого об этом тогда не расспрашивал.

После увоза трупов из дома комендант Юровский приказал позвать команду и вымыть пол в комнате, где был произведен расстрел, а также замыть кровь в ограде, на парадном крыльце двора и где стоял автомобиль, что и было исполнено тогда людьми, состоящими на охране.

---

[112] Алексеев записывал объяснение Медведева с буквальной точностью.

Когда это все было сделано, Юровский ушел из двора в канцелярию при доме, а он, Медведев, удалился в дом Попова, где было помещение для караульных, и до утра из помещения не выходил.

Караулы же при доме оставались на своих местах и не снимались до 20 июля, несмотря на то, что в доме уже никого не было. Это делалось для того, чтобы не вызвать волнение в народе и показать вид, что царская семья жива.

17 июля он, Медведев, вошел в дом и, придя в верхний этаж, нашел в доме большой беспорядок: вещи царские все были перерыты и разбросаны в разных местах, а разные золотые и серебряные вещи – кольца, браслеты и другое лежали в канцелярии на столах; вещей золотых и серебряных было очень много, завалены все столы.

В канцелярии же коменданта Юровского не было.

Обходя по комнатам, он, Медведев, подошел к одному столу, где лежала книжка «Закон Божий», взял эту книгу в руки и увидел под ней деньги – 60 рублей десятирублевыми кредитными билетами. Деньги эти он взял себе, не объяснив никому.

Тогда же он взял валявшиеся на полу три серебряные кольца, на коих написаны какие-то молитвы, несколько носовых платков, и, кроме того, ему дал бывший помощник коменданта Мошкин носки мужские, одну пару, и женскую рубашку.

Больше никаких вещей он не брал.

На другой же день к нему, Медведеву, приехала его жена Мария Данилова, и он передал ей упомянутые вещи и сам уехал вместе с нею домой.

Комендант Юровский дал ему тогда 8000 рублей для раздачи семьям лиц, бывших в охране.

Вернулся в г. Екатеринбург 21 июля, охрана при доме тогда уже была снята».

На допросе у Сергеева Медведев объяснил:

«Вечером 16 июля я вступил в дежурство, и комендант Юровский часу в восьмом вечера приказал мне отобрать в команде и принести ему все револьверы системы Нагана; у стоявших на посту и у некоторых других я отобрал револьверы, всего 12 штук, и принес в канцелярию коменданта.

Тогда Юровский объявил мне: «Сегодня придется всех расстрелять, предупреди команду, чтобы не тревожились, если услышат выстрелы».

Я догадался, что Юровский говорит о расстреле всей царской семьи и живших при ней доктора и слуг, но не спросил, когда и кем постановлено решение о расстреле.

Должен Вам сказать, что находившийся в доме мальчик-поваренок с утра по распоряжению Юровского был переведен в помещение караульной команды (д. Попова).

В нижнем этаже дома Ипатьева находились латыши из «латышской коммуны», поселившиеся тут после вступления Юровского в должность коменданта; было их человек 10; никого из них я по именам и фамилиям не знаю.

Часов в 10 вечера я предупредил команду, согласно распоряжению Юровского, чтобы они не беспокоились, если услышат выстрелы. О том, что предстоит расстрел царской семьи, я сказал Ивану Старкову.

Кто именно из состава команды находился тогда на постах, я положительно не помню и назвать не могу; не могу также припомнить, у кого я отобрал револьверы.

Часов в 12 ночи Юровский разбудил царскую семью; объявил ли он им, для чего он их беспокоит и куда они должны пойти, – не знаю. Утверждаю, что в комнаты, где находилась царская семья, заходил именно Юровский. Ни мне, ни Константину Добрынину поручения разбудить спавших Юровский не давал.

Приблизительно через час вся царская семья, доктор, служанка и двое слуг встали, умылись и оделись.

Еще прежде, чем Юровский пошел будить царскую семью, в дом Ипатьева приехали из чрезвычайной комиссии два члена: один, как оказалось впоследствии, Петр Ермаков, а другой – не известный мне по имени и фамилии.

Часу во втором ночи вышли из своих комнат Царь, Царица, четыре царские дочери, служанка, доктор, повар и лакей; Наследника Царь нес на руках.

Государь и Наследник были одеты в гимнастерки; на головах фуражки; Государыня и дочери были в платьях, без верхней одежды, с непокрытыми головами; впереди шел Государь с Наследником, за ними – Царица, дочери и остальные.

Сопровождали их Юровский, его помощник и указанные мною два члена чрезвычайной комиссии; я также находился тут.

При мне никто из членов царской семьи никаких вопросов никому не предлагал; не было также ни слез, ни рыданий.

Спустившись по лестнице, ведущей из второй прихожей в нижний этаж, вошли во двор, а оттуда через вторую дверь (считая от ворот) во внутренние помещения нижнего этажа.

Дорогу указывал Юровский.

Привели в угловую комнату нижнего этажа, смежную с опечатанной кладовой.

Юровский велел принести стулья; его помощник принес три стула. Один стул был дан Государыне, другой – Государю, третий – Наследнику.

Государыня села у той стены, где окно, ближе к заднему столбу арки; за ней встали три дочери (я их всех очень хорошо знаю в лицо, так как каждый почти день видел их на прогулке, но не знаю хорошенько, как звали каждую из них); Наследник и Государь сели рядом почти посреди комнаты; за стулом Наследника встал доктор Боткин; служанка (как ее зовут, не знаю, высокого роста женщина) встала у левого косяка двери, ведущей в опечатанную кладовую; с ней встала одна из царских дочерей (четвертая); двое слуг встали в левом (от входа) углу, у стены, смежной с кладовой.

У служанки была с собой в руках подушка; маленькие подушечки были принесены с собой и царскими дочерьми. Одну из подушечек положили на сиденье стула Государыни, другую – на сиденье стула Наследника.

Одновременно в ту же комнату вошли одиннадцать человек: Юровский, его помощник, два члена чрезвычайной комиссии и семь человек латышей.

Юровский выслал меня, сказав: «Сходи на улицу, нет ли там кого и не будут ли слышны выстрелы».

Я вышел в огороженный большим забором двор и, не выходя на улицу, услышал звуки выстрелов. Тотчас же вернулся в дом (прошло всего 2–3 минуты времени) и, зайдя в ту комнату, где был произведен расстрел, увидел, что все члены царской семьи: Царь, Царица, четыре дочери и Наследник уже лежат на полу с многочисленными ранами на телах; кровь текла потоками.

Были также убиты доктор, служанка и двое слуг; при моем появлении Наследник еще был жив – стонал; к нему подошел Юровский и два или три раза выстрелил в него в упор. Наследник затих.

Картина убийства, запах и вид крови вызвали во мне тошноту.

Перед убийством Юровский раздал всем наганы; дал револьвер и мне, но я, повторяю, в расстреле не участвовал.

У Юровского, кроме нагана, был маузер.

По окончании убийства Юровский послал меня в команду за людьми, чтобы смыть кровь в комнате.

По дороге в дом Попова мне попались навстречу бегущие из команды разводящие Иван Старков и Константин Добрынин; последний из них спросил меня: «Застрелили Николая II? Смотри, чтобы вместо него кого другого не застрелили, тебе отвечать придется».

Я ответил, что Николай II и вся его семья убиты.

Из команды я привел человек 12–15, но кого именно, совершенно не помню и ни одного имени назвать Вам не могу. Приведенные мною люди сначала занялись переноской трупов убитых на поданный к парадному подъезду грузовой автомобиль.

Трупы выносили на носилках, сделанных из простынь, натянутых на оглобли, взятые от стоявших во дворе саней.

Сложенные в автомобиль трупы завернули в кусок солдатского сукна, взятый из маленькой кладовой, находящейся в сенях нижнего этажа.

Шофером автомобиля был злоказовский рабочий Люханов.

На грузовик сели Петр Ермаков и другой член чрезвычайной комиссии и увезли трупы. В каком направлении они поехали и куда дели трупы,– не знаю.

Кровь в комнате и на дворе замыли и всё привели в порядок.

В три часа ночи всё было окончено, и Юровский ушел в свою канцелярию, а я к себе в команду; проснулся я часу в 9-м утра и пришел в комендантскую комнату.

Здесь уже были председатель областного совета Белобородов, комиссар Голощекин и Иван Андреевич Старков, вступивший на дежурство разводящим.

Во всех комнатах был полный беспорядок: все вещи разбросаны, чемоданы и сундуки вскрыты; на всех бывших в комендантской комнате столах были разложены груды золотых и серебряных вещей. Тут же лежали и драгоценности, отобранные у царской семьи перед расстрелом, и бывшие на них золотые вещи – браслеты, кольца, часы.

Драгоценности были уложены в два сундука, принесенных из каретника.

Помощник коменданта находился тут же. Вы спросили меня, не знакома ли мне фамилия «Никулин», и я теперь припомнил, что такова именно фамилия этого помощника.

Со слов Никулина я знаю, что он ранее находился также в чрезвычайной следственной комиссии.

Вы говорите, что по имеющимся у Вас сведениям на пулеметном посту в большой комнате нижнего этажа находился Андрей Стрекотин, и я теперь припомнил, что действительно А. Стрекотин стоял тогда у пулемета. Дверь из комнаты, где стоял пулемет на окне, в парадную переднюю была открыта; открыта была и дверь в ту комнату, где производился расстрел.

Обходя комнаты, я в одной из них под книжкой «Закон Божий» нашел шесть десятирублевых кредитных билетов и деньги эти присвоил себе; взял я также несколько серебряных колец и еще кое-какие безделушки.

Утром 18-го ко мне приехала жена, и я с ней уехал в Сысертский завод, получив поручение раздать деньги семьям служивших в команде[113].

Вернулся я в Екатеринбург 21 июля; все вещи царские из дома уже были увезены, и караул был снят.

24 июля я уехал из Екатеринбурга.

В Перми комиссар Голощекин назначил меня в охрану приспособлений для взрыва Камского моста в случае появления белогвардейцев. Подорвать мост, согласно полученному приказанию, я не успел, да и не хотел, решив добровольно сдаться. Приказание о взрыве моста пришло мне тогда, когда уже сибирские войска стали обстреливать мост, и я пошел и сдался добровольно.

Вопросом о том, кто распоряжался судьбой царской семьи и имел ли на то право, я не интересовался, а исполнял лишь приказаниях тех, кому служил».

Убивал ли сам Медведев, или он был только очевидцем убийства?
Жена его Мария показала:

«В последний раз я приехала к мужу в город в первых числах июля с.г. (считая по старому стилю)...

Оставшись наедине со мной, муж объяснил мне, что несколько дней тому назад Царь, Царица, Наследник, все Княжны и все слуги царской семьи убиты. Подробности убийства в этот раз муж мне не передавал. Вечером муж отправил команду на вокзал, а на другой день мы с ним уехали домой, так как начальство уволило в отпуск на два дня для раздачи денег семьям красноармейцев.

Уже дома Павел Медведев рассказал мне несколько подробнее о том, как было совершено убийство Царя и его семьи.

По словам Павла, ночью, часа в 2, ему велено было разбудить Государя, Государыню, всех царских детей, приближенных и слуг; Павел послал для этого Константина Степановича Добрынина.

Все разбуженные встали, умылись, оделись и были сведены в нижний этаж, где их поместили в одну комнату; здесь вычитали им бумагу, в которой было сказано: «Революция погибает, должны погибнуть и Вы».

После этого в них начали стрелять и всех до одного убили; стрелял и мой муж: он говорил, что из сысертских принимал участие в расстреле только один он, остальные же были «не наши», т.е. не нашего завода, а русские или не русские – этого мне объяснено не было.

Стрелявших было 12 человек; стреляли не из ружей, а из револьверов; так, по крайней мере, объяснил мне муж.

Убитых увезли далеко в лес и бросили в ямы какие-то, но в какой местности, ничего этого муж мне не объяснил, а я не спросила.

Рассказал мне муж всё это совершенно спокойно: за последнее время он стал непослушный, никого не признавал и как будто даже свою семью перестал жалеть».

Видел ли Якимов своими глазами картину убийства, или он знал о ней с чужих слов?

Утром после убийства он пошел к своей сестре Капитолине Агафоновой «поделиться с ней мыслями».

Агафонова показала у меня на допросе[114]:

Я была в кухне, когда пришел брат. Он поздоровался со мной и молча прошел в нашу комнату. Вид у него был страшно взволнованный. Я сразу же это заметила и пошла следом за ним.

Я спросила брата: «Что с тобой?»

Он попросил меня закрыть дверь в кухню, сел и молчал. Лицо его выражало сильнейшую подавленность, испуг. Весь он дрожал.

Я опять спросила брата: «Да что с тобой?»

Я думала, что с ним с самим произошло какое-то несчастье. Он опять молчал и ничего не говорил. Видно было, что он страдал.

Мне первой мелькнула мысль: уж не убили ли они Николая?

---

[113] Юровский выдал тогда Медведеву 10˙800 рублей. Расписка на эти деньги была найдена Сергеевым в одной из печей нижнего этажа ипатьевского дома. Она изображена на снимке № 123.

[114] Свидетельница К.А. Агафонова была допрошена Сергеевым 6 декабря 1918 г. и мною 19 мая 1919 года в Екатеринбурге.

Не помню, в каких выражениях, но я первая спросила его именно об этом. Брат ответил мне на мой вопрос приблизительно так: «Конечно».

Я помню, что я его спросила про участь остальных членов семьи. Он мне ответил, что убиты они все, т.е. как сам Царь, так и вся его семья и все бывшие с ней, кроме мальчика-поваренка.

Я не помню, спрашивала ли я его, принимал ли он сам участие в убийстве. Возможно, что этот вопрос я предлагала ему, видя его мучительное состояние. Не помню я этого. Я лишь помню, что он говорил, что картину убийства он видел сам, своими глазами. Он рассказывал, что эта картина убийства их так сильно потрясла его, что он не выдерживал и время от времени выходил из помещения на воздух. Он рассказывал, что его за это бранили товарищи его по охране, подозревая в нем раскаяние или жалость или вообще проявление сочувствия к страданиям погибших. Я его поняла тогда так, что он сам находился или в той комнате, где происходило убийство, или же вблизи ее и видел всю картину убийства своими глазами».

Вечером 17 июля Якимов пришел к Агафоновым проститься.
Сам Агафонов показал[115]:

«Часов в шесть вечера в тот же день Якимов пришел к нам проститься; вид его меня прямо поразил: лицо осунувшееся, зрачки расширены, нижняя губа во время разговора трясется; взглянув на шурина, я без слов убедился в правдивости всего того, что мне передала с его слов жена: ясно было, что Анатолий за минувшую ночь пережил и перечувствовал что-то ужасное, потрясающее».

Глава 24.

§1. Роль Ермакова в убийстве

Мы знаем теперь, как была убита царская семья. Ее убили чекисты под руководством Юровского. Вероятно, в убийстве принимал участие и Медведев. Все эти лица нам уже известны.

Но Медведев называет в числе убийц Ермакова и какое-то другое лицо.

Петр Захаров Ермаков – родом из Верх-Исетска.

Когда большевистским главарям, проживавшим за границей, нужны были деньги, они добывали их в России путем разбоя и убийств.

Для этого они имели на местах своих людей.

Ермаков был одним из таких людей, будучи давно связан с Голощекиным.

За одно из этих преступлений он был в ссылке и вернулся домой в 1917 году.

После переворота 25 октября он стал верх-исетским военным комиссаром и был подчинен Голощекину, как областному комиссару.

С ним и с Юровским он также был связан и по чека, выполняя там иногда роль палача.

Его ближайшим помощником был известный уже нам матрос Степан Ваганов.

Как военный комиссар Верх-Исетска, Ермаков имел особый отряд красноармейцев, в который входили:

Егор Скорянин
Михаил Шадрин
Петр Ярославцев
Василий Курилов
Михаил Курилов
Петр или Сергей Пузанов
Николай Казанцев
Михаил Сорокин
Илья Перин
Григорий Десятов
Иван Просвирнин
Виктор Ваганов
Егор Шалин
Поликарп Третьяков
Александр Медведев
Иван Звушицин
Александр Рыбников

[115] Свидетель Г.Т. Агафонов был допрошен Сергеевым 6 декабря 1918 г. в Екатеринбурге.

Гуськин
Орешкин

Все эти люди были русские, преимущественно жители Верх-Исетска, где большевистская пропаганда была весьма сильна.

Ермаков увез трупы царской семьи на рудник на грузовом автомобиле.

Ваганов, так напугавший Зыковых, был в составе тех конных красноармейцев, которые этот автомобиль сопровождали.

Вместе с Вагановым Ермаков и руководил охраной коптяковской дороги, которую несли указанные красноармейцы его отряда.

Кр-н Карлуков[116] шел утром 17 июля на свой покос, находившийся недалеко от рудника. Он шел из Верх-Исетска, и ему каким-то образом удалось, обойдя переезд № 184, попасть на коптяковскую дорогу. Он показал:

> «Из лесу на дорогу вышли известные Ермаков и Ваганов, причем Ваганов не приказал дальше проходить, а в случае ослушания грозил застрелить. Дальше в лесу видны были другие красноармейцы».

Неоднократно советская пресса пыталась наделить Ермакова ролью руководителя убийством. Неправда.

Ермаков был привлечен к убийству не для самого убийства. Юровский имел в своем распоряжении в доме Ипатьева достаточно палачей, чтобы с ними перебить в застенке беззащитных людей.

Ермаков был привлечен для другой цели. Для уничтожения трупов выбрали удобный рудник. Это мог сделать только человек, хорошо знающий лесные трущобы в окрестностях Екатеринбурга. Юровский не знал их, а Ермаков знал.

Роль Ермакова была чисто исполнительная. На грузовом автомобиле в потоках крови поехал он на рудник в ночь на 17 июля.

На том же самом автомобиле с пустыми бочками из-под бензина возвратился он в Верх-Исетск 19 июля.

Свидетели показывают:

> Зудихин: «Ермакова я знал по Верх-Исетску. Он давно еще занимался грабежами на больших дорогах и нажил таким путем деньги. Был он сослан в каторгу и находился в ссылке. После революции он вернулся в Верх-Исетск, и, когда власть взяли большевики, он стал у нас военным комиссаром. Его помощником был матрос Степан Ваганов, хулиган и бродяга добрый. С ними обоими был в близких отношениях комиссар Голощекин».
>
> Божов: «Кто указал этот рудник? Ермаков – верх-исетский. Он знает этот рудник. И Ермаков и Ваганов были оба близки с Голощекиным».

Крестьяне правильно посмотрели на дело и правильно определили в нем положение Ермакова.

Он изображен на снимке № 124, Ваганов – на снимке № 125.

§2. Роль Юровского

Непосредственным руководителем убийства был Яков Юровский.

Но он же разработал в деталях и самый план убийства.

Мальчик Леонид Сиднев был уведен в дом Попова по приказанию Юровского. Когда это случилось?

Охранник Летемин увидел его впервые в доме Попова 17 июля.

Охранники Проскуряков и Якимов объяснили, что они там видели его 15 июля, а охранник Медведев объяснил, что Сиднев был уведен туда утром 16 июля.

Думаю, что прав Медведев, так как Стародумова и Дрягина, мывшие полы в доме Ипатьева в этот день утром, видели еще там Сиднева.

---

[116] Свидетель С.Ф. Карлуков был допрошен агентом Розыска Сретенским 17 мая 1919 года в Екатеринбурге.

Юровский[117]

Увод Сиднева из дома Ипатьева – самый ранее известный нам факт, обнаруживающий умысел Юровского.

Он произошел 16 июля.

Послушницы Антонина и Мария приносили всегда провизию для царской семьи рано утром.

Антонина показала:

> «15 июля Юровский нам приказал принести на следующий день полсотни яиц и четверть молока и яйца велел упаковать в корзину. Записку тут он дал какой-то из Княжен, чтобы ниток доставить. Мы всё это во вторник доставили. В среду мы опять принесли четверть с молоком. Пришли мы, ждали-ждали, никто у нас не берет. Стали мы спрашивать часовых, где комендант. Нам отвечают, что комендант обедает. Мы говорим: «Какой обед в 7 часов?» Ну, побегали-побегали, они и говорят нам: «Идите! Больше не носите!» Так у нас и не взяли тогда молока».

Совершенно так же показала и Мария.

Для кого Юровский приготовлял 15 июля эти яйца, прося упаковать их в корзину?

Вблизи открытой шахты, где уничтожались трупы, есть маленькая лесная полянка. Только на ней имеется единственный сосновый пень, весьма удобный для сидения.

Отсюда очень удобно наблюдать, что делается у шахты.

24 мая 1919 года вблизи этого пня под прошлогодними листьями и опавшей травой я нашел яичную скорлупу.

15 июля ранним утром Юровский уже собрался на рудник и заботился о своем питании.

Упомянутая полянка видна на снимке № 126. Фигура военного отделяет сосновый пень.

На этой же самой полянке, вдали от кустов и деревьев, я нашел в тот же день 24 мая под прошлогодней травой несколько листиков. Они были вырваны из книжки и запачканы человеческим калом.

Книжка эта – врачебное пособие, малого формата, карманного. На одном из листиков сохранилось и название отдела книги, из которого листики были вырваны: «Алфавитный Указатель».

Кто-то на этой полянке удовлетворял свои потребности. Под руками не было ничего подходящего. Он вынул из кармана свою книжечку и воспользовался страницами, наименее нужными.

Знакомый практически с медициной врач не станет носить у себя в кармане пособия. Это говорит о недоучке. Таким фельдшером-недоучкой был Юровский.

Мы помним дорожку, по которой пришел на рудник грузовой автомобиль с трупами. Яма и лес мешали проходить ему. Он сорвался.

Как раз там, где лес подступает к дорожке у этой ямы (снимок № 71), я нашел два сосновых деревца, подрубленных топором.

В моем акте значится:

> «Обращают на себя внимание два молодых сосновых деревца: они находятся как раз против срыва и в непосредственной близости к колее дороги; оба эти деревца, как это явственно видно, подрублены выше корня топором и повалены в сторону от колеи дороги по направлению к лесу, видимо, для того, чтобы экипаж шел дальше, не задевая за эти деревца».

В нескольких шагах от этого места в обвалившейся шахте я нашел топор с обломанным черенком.

Он значится на снимке № 127.

Что это – случайность?

Незадолго до убийства царской семьи шел коптяковской дорогой кр-н Волокитин[118]. Он шел от Коптяков к Екатеринбургу.

Вот его показание:

---

[117] **В.Э.:** Юровский Яков Михайлович (Янкель Хиймович) (1878.06.19 – 1938.08.02), умер в Кремлевской больнице от язвы желудка.

[118] Свидетель М.А. Волокитин был мною допрошен на месте 24 июня 1919 года.

«Я хорошо помню, что в первых числах июля месяца я шел в Екатеринбург той дорогой, что идет из Коптяков. На этой дороге я встретил троих всадников, ехавших верхами в седлах.

Два из них были мадьяры. Они были в австрийской солдатской одежде. Третий был Юровский, которого я хорошо знал. В руках у Юровского я видел простой плотничий топор.

Встреча эта произошла у нас часа в 4 дня.

Ехали они, направляясь прямо к переезду № 184 (к Коптякам).

Юровский еще перекинулся со мной несколькими словами, спросил меня, много ли ягод.

Я не могу припомнить, какого именно числа произошла эта моя встреча с Юровским, но я убежден, что это было еще тогда, когда я не слышал об убийстве Государя Императора, и незадолго до того дня, когда большевики объявили об этом официально в газетах.

Через день–два после этого я опять шел домой по той же дороге и опять встретил легковой автомобиль.

В автомобиле сидело несколько человек. Среди них, я это хорошо разглядел, был опять Юровский. Остальных же я совершенно не успел заметить и не заметил даже одежды их.

Автомобиль их шел в том же направлении на Коптяки.

Эта вторая встреча произошла приблизительно в 5–6 часов вечера. Я затрудняюсь точно сказать, но всё же думаю, что и вторая моя встреча с Юровским произошла до объявления большевиками об убийстве Государя Императора».

Не подлежит сомнению, что Волокитин встречал Юровского в лесу в спокойной обстановке, т.е. когда заграждений на коптяковской дороге еще не было.

Оцепление рудника произошло с утра 17 июля.

Если принять положение самое благоприятное для Юровского, т.е. что вторая его встреча с Волокитиным произошла 16 июля и что она отделялась от первой только одним днем, возможен только один вывод: Юровский ехал расчищать путь грузовому автомобилю с трупами царской семьи 15 июля.

Мы помним старую березу, что росла у открытой шахты.

30 июля судебный следователь Наметкин заметил на березе зарубку, а на ней химическим карандашом надпись: «Горный техник И.А. Фесенко 11 июля 1918 г.».

Этот Фесенко был отыскан Алексеевым и, по моему поручению, им допрошен.

Фесенко показал[119], что ему летом 1918 года было поручено производить в лесной даче изыскания руды. Он делал эту работу в июне и июле. Был он и в урочищах Четырех Братьев и там у рудника сделал на березе указанную заметку, не отдавая себе отчета, для чего он это делает.

Дальше он говорил Алексееву:

«Однажды во время работы в местности около Четырех Братьев он увидел ехавших верхами на лошадях Юровского и с ним двух неизвестных лиц, одного из которых рабочие называли Ермаковым, а другой был пленный австриец, мадьяр или кто другой, он не знает.

Юровского он знал до того, он занимал какое-то видное место при большевиках и был многим известен, а Ермакова и пленного видал в первый раз в жизни и до этого их совершенно не знал.

Встретясь с ним, они спросили его сначала, чем он тут занимается. Он объяснил им, что занимается разведкой руд.

Тогда они спросили его, можно ли будет проехать по этой дороге на Коптяки и далее на автомобиле-грузовике, и при этом объяснили ему, что им нужно провести 500 пудов хлеба...

Разговор с ним вел более Юровский.

Повстречались они с ним под вечер, приблизительно часов около 5. Было это около 11 июля или после этого числа, он хорошо не упомнит, но только знает, что в те именно числа.

После проезда Юровского и Ермакова он еще работал сколько-то времени – день или два в означенной местности, а затем работы были прекращены, так как красноармейцы начали выгонять из той местности людей под предлогом военных действий».

Фесенко и Волокитин говорят о разных фактах: о двух разных встречах с Юровским.

15 июля, встретясь с Волокитиным, Юровский ехал расчищать уже известную ему дорогу, по которой он собирался везти трупы.

Встретясь с Фесенко, он эту дорогу еще пока высматривал.

---

[119] Свидетель И.А. Фесенко был допрошен Алексеевым 30 августа 1919 г.

Я приму снова положение, самое благоприятное для Юровского: один день отделял встречу с Фесенко от первой встречи с Волокитиным.

14 июля Юровский искал путь к руднику.

Его работа была более ответственна, чем Ермакова. Но она носила такой же характер «черной» работы.

Он ли был тем лицом, кто решил судьбу царской семьи?

Юровский сел в дом Ипатьева 4 июля и через несколько дней привел туда палачей.

Очевидно, в этот промежуток времени между 4 и 15 июля какие-то иные люди, решив судьбу царской семьи, пробудили преступную деятельность Юровского.

Глава 25.

Роль Свердлова и Голощекина

Голощекин[120]

Судьба царской семьи была решена не в Екатеринбурге, а в Москве.

24 мая 1919 года на той же поляне с сосновым пнем я обнаружил под прошлогодними листьями и травой два обрывка газеты.

Они значатся на снимке № 128.

Ею воспользовались для тех же целей, как и листиками от врачебного пособия.

Газета – на немецком языке. Из сохранившегося текста можно понять, что сибирское движение трактуется в ней, как служение интересам «Антанты».

Только два слова напечатаны на русском языке: «Третий Ин...» (Интернационал).

Газета имеет дату «26 июня 1918 года» и издана в Москве.

Как попала в лесные уральские трущобы эта московская газета?

Чекист Шая Голощекин играл на Урале гораздо большую роль, чем Яков Юровский.

Белобородов[121]

Один из старых членов коммунистической партии, он был связан личными отношениями с председателем цика Яковом Мовшевым Свердловым.

Когда Яков Юровский внедрился в дом Ипатьева, Шая Голощекин отсутствовал из Екатеринбурга. Он в это время находился в Москве и жил на квартире у Свердлова.

Но Белобородов в тот же день сообщил ему телеграфно[122] о происшедшей в доме Ипатьева перемене.

Телеграмма Белобородова имела следующее содержание[123]:

МОСКВА.
Председателю ЦИК Свердлову
для Голощекина.

Авдеев сменен его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровский внутренний караул весь сменен заменяется другим точка.– 4558.

4/VII
Белобородов.
Телеграмму принял Комиссар
(подпись неразборчива).

---

[120] **В.Э.:** Голощекин Филипп (наст. имя Шая) Исаевич (1876.02.26 – 1941.10.28). Арестован 15 октября 1939.10.15, расстрелян в возрасте 65 лет).

[121] **В.Э.:** Александр Григорьевич (Георгиевич) Белобородов (1891.10.14 –1938.02.09). В 1920-х годах поддерживал Троцкого. Арестован 1936.08.15, расстрелян в возрасте 46 лет.

[122] Отпуск этой телеграммы Белобородова, служившей также и распиской в принятии к отправлению телеграммы, был обнаружен 25 августа 1918 года чинами прокурорского надзора в здании, где помещался Уральский областной совет. Он был препровожден прокурором Екатеринбургского Окружного Суда члену Суда Сергееву, 31 того же августа.

[123] Первая часть текста телеграммы не имеет значения для дела. Точно установлено, что в ней идет речь о вывозе денег из Екатеринбурга в Пермь, куда для этой цели и ездил комиссар финансов Сыромолотов.

Эта телеграмма изображена на снимке № 129.

Из целого ряда других документов точно видно, что 8 июля Шая Голощекин находился еще в Москве и должен был пробыть там еще некоторое время.

Он мог возвратиться в Екатеринбург и действительно возвратился из Москвы около 14 июля.

Его возвращение в Екатеринбург и ряд мер, коими Юровский подготовлял убийство царской семьи,– как раз совпадают по времени.

Шая Голощекин был на руднике, когда там уничтожались трупы.

В последний раз он поехал туда вечером 18 июля и возвратился в Екатеринбург утром 19 июля, пробыв на руднике всю ночь.

Сторожиха на переезде № 803 Екатерина Привалова[124] показала на следствии:

> «В этот день (18 июля) прошел к Коптякам легковой автомобиль. На нем сидело три или четыре человека. Из них я разглядела только одного Голощекина. Я раньше его видела и в лицо знала. На другой день (19 июля) рано утром на зорьке, когда я корову выгоняла, этот автомобиль назад прошел. В нем опять сидел Голощекин с несколькими людьми, но этими или другими, не знаю. Он сидел в автомобиле и спал».

Видели этот автомобиль и в Верх-Исетске, когда он возвращался в город.

Зубрицкая и священник о. Иуда Приходько показали:

> Зубрицкая: «В автомобиле были какие-то люди. Я ни костюмов, ни наружности их не разглядела. Они все сидели понурые, головы свесили, как бы пьяные или сонные, не выспались».
>
> О. Приходько[125]: «В первом ряду с шофером сидел человек блондин, а в кузове – четыре человека еврейского типа, и все, развалившись, спали».

Рудник связал Шая Голощекина с Яковом Юровским.

Но есть иные факты, которые связывают Голощекина с Яковом Свердловым.

21 июля официальное большевистское «Бюро Печати» отправило из Москвы в Екатеринбург областному совету телеграмму № 6153. Она датирована 19 июля.[126]

Вот ее содержание:

> «19 июля. Состоявшемся 18 июля первом заседании президиума ЦИК советов Председатель Свердлов сообщает полученное прямому проводу сообщение от областного Уральского совета расстреле бывшего царя Николая Романова точка Последние дни столице красного Урала Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближения чехословацких банд точка То же время был раскрыт новый заговор контрреволюционеров имеющий целью вырвать рук Советвласти коронованного палача точка Ввиду всех этих обстоятельств президиум Уральского областного совета постановил расстрелять Николая Романова что было приведено в исполнение 16 июля точка *Жена сын*[127] Николая отправлены надежное место точка Документы раскрытом заговоре посланы Москву специальным курьером точка Сделав это сообщение Свердлов напоминает историю перевода Романова из Тобольска Екатеринбург когда была раскрыта такая же организация белогвардейцев целях устройства побега Романова точка Последнее время предполагалось предать бывшего царя суду все его преступления против народа только развернувшиеся сейчас события помешали осуществлению этого суда точка Президиум обсудив все обстоятельства заставившие Уральский областной совет принять решение расстреле Романова постановил ЦИК лице своего президиума признать решение Уральского областного совета правильным точка Затем председатель сообщает что распоряжении ЦИК находятся сейчас важный материал документы Николая Романова его собственноручные дневники которые он вел последнего времени дневники его жены детей переписка Романова точка Имеются между прочим письма Григория Распутина Романову его семье точка Все эти материалы будут разобраны опубликованы ближайшее время точка продолжение следует».

Свердлов лгал, когда так говорил.

---

[124] Свидетельница Е.И. Привалова была мною допрошена на месте 10 июля 1919 года.

[125] Свидетель о. Иуда Приходько составил свои письменные показания по делу 25 июня 1920 года.

[126] Эта телеграмма, найденная военной властью в здании Уральского областного совета, была препровождена Екатеринбургской Военно-Следственной Комиссией 8 июля 1919 года за № 8025 прокурору суда, а сим последним мне 9 того же июля за № 6196.

[127] Я попытаюсь впоследствии объяснить, почему Свердлов умолчал 18 июля о судьбе Великих Княжен.

17 июля после 9 часов вечера он имел у себя телеграмму такого содержания[128]:

МОСКВА
Кремль Секретарю Совнаркома Горбунову
обратной проверкой
39343542293536492627372840333050272623493413512841 34
31423351453434254839423723472542293826023023414615 54
38433142211326361721283133353844342740343328345028 43
29442628493833342237342628262919

Расшифровывается она следующим образом.

Весь шифрованный текст делится на двенадцать двузначных групп, расположенных одна под другой. Тогда шифр принимает следующий вид:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
39	34	35	42	29	35	36	49	26	27	37	28
40	33	30	50	27	26	23	49	34	13	51	28
41	34	31	42	33	51	45	34	34	25	48	39
42	37	23	47	25	42	28	38	26	02	30	23
41	46	15	54	38	43	31	42	21	13	26	36
17	21	28	31	33	35	38	44	34	27	40	34
33	28	34	50	28	43	29	44	26	28	49	38
33	34	22	37	34	26	28	26	29	19		

Каждая буква зашифровывается двенадцатью ключами, т.е. каждой букве соответствует двенадцать двузначных цифр в зависимости от ряда, в котором находится буква.

Ключи эти следующие:

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
У	16	20	11	28	16	26	19	23	12	02	26	14
Ф	17	21	12	29	17	27	20	24	13	03	27	15
Х	18	22	13	30	18	28	21	25	14	04	28	16
Ц	19	23	14	31	19	29	22	26	15	05	29	17
Ч	20	24	15	32	20	30	23	27	16	06	30	18
Ш	21	25	16	33	21	31	24	28	17	07	31	19
Щ	22	26	17	34	22	32	25	29	18	08	32	20
Ю	23	27	18	35	23	33	26	30	19	09	33	21
Я	24	28	19	36	24	34	27	31	20	10	34	22
А	25	29	20	37	25	35	28	32	21	11	35	23
Б	26	30	21	38	26	36	29	33	22	12	36	24
В	27	31	22	39	27	37	30	34	23	13	37	25
Г	28	32	23	40	28	38	31	35	24	14	38	26
Д	29	33	24	41	29	39	32	36	25	15	39	27
Е	30	34	25	42	30	40	33	37	26	16	40	28
Ж	31	35	26	43	31	41	34	38	27	17	41	29
З	32	36	27	44	32	42	35	39	28	18	42	30
И	33	37	28	45	33	43	36	40	29	19	43	31
К	34	38	29	46	34	44	37	41	30	20	44	32
Л	35	39	30	47	35	45	38	42	31	21	45	33
М	36	40	31	48	36	46	39	43	32	22	46	34
Н	37	41	32	49	37	47	40	44	33	23	47	35
О	38	42	33	50	38	48	41	45	34	24	48	36
П	39	43	34	51	39	49	42	46	35	25	49	37
Р	40	44	35	52	40	50	43	47	36	26	50	38
С	41	45	36	53	41	51	44	48	37	27	51	39
Т	42	46	37	54	42	52	45	49	38	28	52	40

[128] 4 января 1919 года прокурор Екатеринбургского Окружного Суда предложил Сергееву изъять из Екатеринбургской Телеграфной Конторы все подлинные телеграммы большевиков. В числе 65 они были препровождены Сергееву начальником этой конторы от 20 и 26 января 1919 года за № 369 и 374.

Расшифровывая таким способом содержание телеграммы, имеем следующее:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
П	е	р	е	д	а	и	т	е	С	в	е
39	34	36	42	29	35	36	49	26	27	37	28
р	д	л	о	в	у	ч	т	о	в	с	е
40	33	30	50	27	26	23	49	34	13	51	28
с	е	м	е	и	с	т	в	о	п	о	с
41	34	31	42	33	51	45	34	34	25	48	39
т	и	г	л	а	т	а	ж	е	у	ч	а
42	37	23	47	25	42	28	38	26	02	30	23
с	т	ч	т	о	и	г	л	а	в	у	о
41	46	15	54	38	43	31	42	21	13	26	36
ф	ф	и	ц	и	а	л	н	о	с	е	м
17	21	28	31	33	35	38	44	34	27	40	34
и	я	п	о	г	и	б	и	е	т	п	р
39	28	34	50	28	43	29	44	26	28	49	38
и	е	в	а	к	у	а	ц	и	и		
33	34	22	37	34	28	28	26	29	19		

Вот с сохранением орфографии содержание телеграммы:

> «Передаите Свердлову что все семеиство постигла та же участ что и главу оффициално семия погибнет при евакуации».

Скажу о ней более подробно.

Она сразу приковала к себе мое внимание и отняла у меня много времени и хлопот. Она задержала мой отъезд из Омска в Екатеринбург, что лишило меня возможности самому допросить Медведева: я застал его в сыпном тифу.

24 февраля я передал ее содержание опытному лицу при Штабе Верховного Главнокомандующего, 28 февраля – в Министерство Иностранных Дел, позднее – Главнокомандующему союзными войсками генералу Жанену. Результаты были плачевны.

В Европе мне удалось найти то русское лицо, о котором всегда было известно как о человеке совершенно исключительных способностей и опыта в этой области. 25 августа 1920 года он получил содержание телеграммы. 15 сентября того же года я имел ее у себя расшифрованной.

Все люди обывательской среды, незнакомые с техникой следственного дела, обычно рассуждают по одному шаблону: всякое, самое простое преступление им кажется чрезвычайно загадочным, пока оно не вскрыто, и каждое самое загадочное преступление им кажется чрезвычайно простым, когда оно вскрыто. Обычно и встречаешься всегда с рассуждениями: как преступники могли оставить неуничтоженным такой ценный предмет? Достоверно ли это?

Большевики – люди, и, как все люди, они подвержены всем людским слабостям и ошибкам.

Я им отдаю должное. Они совершили преступление, особенно вторую его часть: уничтожение трупов так тщательно, как могли.

Они лгали, отдаю им должное, умело.

Но они иногда переоценивали самих себя и свою осторожность.

Комиссар Войков, снабжавший рудник серной кислотой, всегда отличался склонностью к театральным жестам, глупостью и излишней болтовней, особенно в дамском обществе. Его там однажды спросили о судьбе царской семьи. Он напыщенно ответил: «Мир никогда не узнает, что мы сделали с ними».

В нашем следственном деле нет чудес. Терпением и энергией подходим мы к истине.

25 августа 1920 года мне была абсолютно ясна идея большевистской лжи: «Мы расстреляли только Царя, но не семью».

Они надели на себя революционную личину и подсовывали под преступление моральный принцип. Этим принципом они оправдывали убийство Царя.

Но какая мораль может оправдать убийство детей?

Им оставалось только одно средство: лгать, и они лгали.

Но они лгали для мира. Для себя и между собой они должны были говорить правдиво. В содержание этой правды не могло не войти, должно было войти слово «семья».

В числе других, оно было дано мною 25 августа 1920 года. Специалист-техник с колоссальным опытом и из ряда вон выдающимися способностями раскрыл смысл таинственной телеграммы.

Ее ключ, очевидно, слово «Екатеринбург», имеющее 12 букв.

В числе 65 телеграмм имеются и другие, зашифрованные тем же самым ключом.

Вот содержание двух, отправленных из Екатеринбурга в Москву 26 июня и 8 июля 1918 года:

МОСКВА
Секрсовнаркома *Горбунову*
с обратной проверкой

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
М	**и**	**у**	**ж**	**е**	**с**	**о**	**о**	**б**	**щ**	**а**	**л**
36	37	11	43	30	51	41	45	22	08	35	83
и	**ч**	**т**	**о**	**в**	**е**	**с**	**з**	**а**	**п**	**а**	**с**
33	24	37	50	27	40	44	39	21	25	35	39
н	**и**	**в**	**и**	**в**	**е**	**з**	**е**	**н**	**о**	**т**	**с**
37	37	22	45	27	40	35	37	33	24	52	39
ю	**д**	**а**	**д**	**в**	**а**	**в**	**а**	**г**	**о**	**н**	**а**
23	33	20	41	27	35	30	32	24	24	47	23
с	**т**	**о**	**я**	**т**	**к**	**о**	**л**	**е**	**с**	**а**	**х**
41	46	33	36	42	44	41	42	26	27	35	16
П	**е**	**р**	**м**	**и**	**п**	**р**	**о**	**с**	**и**	**м**	**у**
39	34	35	48	33	49	43	45	37	19	46	14
к	**а**	**з**	**а**	**т**	**с**	**п**	**о**	**с**	**о**	**б**	**х**
34	29	27	37	42	51	42	45	37	24	36	16
р	**а**	**н**	**е**	**н**	**и**	**я**	**н**	**а**	**с**	**л**	**у**
40	29	32	42	37	43	27	44	21	27	45	14
ч	**а**	**и**	**п**	**о**	**р**	**а**	**ж**	**е**	**н**	**и**	**я**
20	29	28	51	38	50	28	38	26	23	43	22
с	**о**	**в**	**е**	**т**	**в**	**л**	**а**	**с**	**т**	**и**	**м**
41	42	22	42	42	37	38	32	37	28	43	34
н	**е**	**н**	**и**	**е**	**о**	**б**	**л**	**а**	**к**	**о**	**м**
37	34	32	43	30	48	29	42	21	20	48	34
а	**п**	**а**	**р**	**т**	**и**	**и**	**и**	**о**	**б**	**л**	**а**
25	43	20	52	42	43	36	40	34	12	45	23
с	**о**	**в**	**е**	**т**	**а**	**с**	**л**	**у**	**ч**	**а**	**е**
41	42	22	42	42	35	44	42	12	06	35	28
н	**е**	**у**	**д**	**а**	**ч**	**и**	**в**	**е**	**с**	**г**	**р**
37	34	11	41	25	30	36	34	26	27	38	38
у	**з**	**п**	**о**	**х**	**о**	**р**	**о**	**н**	**и**	**т**	**д**
16	36	34	50	18	48	43	45	33	19	52	27
а	**б**	**и**	**н**	**е**	**о**	**с**	**т**	**а**	**в**	**и**	**т**
25	30	28	49	30	48	44	49	21	13	43	40
в	**р**	**а**	**г**	**а**	**м**						
27	44	20	40	25	46						

Предобласовета Белобородов.
26 июня 1918 г. № 4323.

Таким образом, дословное содержание этой телеграммы следующее: «Ми уже сообщали что вес запас золота и платини вивезен отсюда два вагона стоят колесах Перми просим указат

способ хранения на случаи поражения совет-власти мнение облакома партии и обласовета случае неудачи вес груз похоронит даби не оставит врагам».

МОСКВА
Секрсовнаркома Горбунову
Для немедленного ответа

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
г	у	с	е	в	П	е	т	р	о	г	р
28	20	36	42	27	49	33	49	36	24	38	36
а	д	а	с	о	о	б	щ	и	л	ч	т
25	33	20	53	38	48	29	29	29	21	30	40
о	Я	р	о	с	л	а	в	л	е	в	о
38	28	35	50	41	45	26	34	31	16	37	36
з	с	т	а	н	и	е	б	е	л	о	г
32	45	37	37	37	43	33	33	26	21	18	26
в	а	р	д	е	и	ц	е	в	п	о	е
27	29	35	41	30	43	22	37	33	25	45	28
з	д	н	а	м	и	в	о	з	в	р	а
32	33	32	37	36	43	30	43	28	13	50	28
щ	е	н	о	б	р	а	т	н	о	ф	П
22	34	32	50	26	50	28	49	33	24	27	37
е	р	м	к	а	к	п	о	с	т	у	п
30	44	31	36	25	44	42	45	37	28	26	37
а	т	д	а	л	е	е	о	б	с	у	д
25	46	24	37	35	40	33	45	22	27	26	27
и	т	е	Г	о	л	о	щ	е	к	и	н
33	46	25	40	38	45	41	29	26	20	43	35
и	м										
33	40										

Предобласовета Белобородов.
8 июля 1918 г. № 4369.

Таким образом, содержание этой телеграммы дословно следующее: «Для немедленного ответа Гусев Петрограда сообщил что Ярославле возстание белогвардейцев поезд нами возвращен обратно ф Перм как поступат далее обсудите Голощекиним».

Обе эти телеграммы значатся на снимках за № 131–132.

Итак, 18 июля 1918 года в Москве Яков Свердлов первый сообщил в присутствии президиума цика о судьбе царской семьи.[129]

19 июля в Москве появились об этом печатные сообщения.

Та же самая картина и в Екатеринбурге.

20 июля здесь Шая Голощекин первый сообщил в присутствии президиума областного совета о судьбе царской семьи.

21 июля в городе были расклеены в разных местах печатные об этом сообщения.

Свидетельскими показаниями установлено, что именно говорил Шая Голощекин.

Текст одного из расклеенных объявлений был по моему требованию обнаружен 6 июля 1919 года чинами уголовного розыска в Екатеринбурге.

Основная идея и Москвы, и Екатеринбурга была одна и та же: Царь «казнен по воле народа», жизнь семьи сохранена.

И Свердлов, и Голощекин лгали одинаково. Этой общей ложью они сами себя связали, как соучастники преступления.

Но роль их была не одинакова в этом преступлении.

---

[129] Сообщение Голощекина в Екатеринбурге разнилось от сообщения Свердлова в Москве тем, что Голощекин не выделял подобно Свердлову судьбу Государыни и Наследника, а говорил вообще об «эвакуации» семьи, кроме «казненного» государя. Эту разницу я попытаюсь объяснить впоследствии.

Почему Москва первая сообщила о смерти Царя, а Екатеринбург, где он был убит, сообщил об этом только через два дня?

Большевики в панике, трусливо бежали из Екатеринбурга. От испуга они оставили на телеграфе и свои подлинные телеграммы и свои подлинные телеграфные ленты.

Одна из них содержит переговоры Якова Свердлова, которые он вел 20 июля 1918 года из Москвы с неуказанным в ленте лицом из Екатеринбурга.

В ней на вопрос Якова Свердлова: «Что у вас слышно?» – неизвестный отвечает:

> «Положение на фронте несколько лучше, чем казалось вчера. Выясняется, что противник оголил все фронты и бросил все силы на Екатеринбург; удержим ли долго Екатеринбург, трудно сказать. Принимаем все меры к удержанию. Всё лишнее из Екатеринбурга эвакуировалось.
>
> Вчера выехал к вам курьер с интересующими вас документами.
>
> Сообщи решение ЦИК, и можем ли мы оповестить население известным вам текстом?»

Свердлов отвечает:

> «В заседании президиума ЦИК от 18-го постановлено признать решение Ур. Обл. Совдепа правильным. Можете публиковать свой текст. У нас вчера во всех газетах было помещено соответствующее сообщение. Сейчас послал за точным текстом и передам его тебе.
>
> Пока же сообщаю следующее: 1) держитесь во что бы то ни стало посылаем подкрепление во все районы отправляем значительные отряды надеемся при их посредстве сломить чехов. 2) Посылаем на все фронты несколько сот надежной партийной публики из питерских и московских рабочих специально для постановки широкой агитационной работы среди армии так и среди населения. 3) Еще раз напоминаю необходимости обеспечить тыл. 4) Сообщу о немцах. После убийства Мирбаха немцы потребовали ввода батальона в Москву. Мы категорически отказали были на волосок от войны. Немцы теперь отказались от этого требования. По-видимому войны сейчас не будет больше пока ничего сообщить нечего. Сейчас передам точно текст нашей публикации.
>
> Заголовок
>
> Расстрел Николая Романова[130]

Кончаю на этом: дальше идет текст той самой большевистской телеграммы «Бюро Печати» за № 6153, который указан выше.

Запись вскрывает причину, почему о смерти Царя Москва заговорила раньше Екатеринбурга: Екатеринбург не смел сам говорить об этом без разрешения Москвы.

Как же он сам мог осмелиться убить, когда без позволения Москвы он не смел даже сказать об этом?

Кто говорил со Свердловым?

Этот человек знает состояние фронта. Голощекин знал фронт, так как он был областной «военный» комиссар.

С этим человеком Свердлов на «ты».

В.Л. Бурцев хорошо знает и Свердлова, и Голощекина. Он показывает: «*И Свердлова, и Голощекина я знаю лично. Между собою они «на ты»*».

18 июля Яков Свердлов сказал, что из Екатеринбурга выслан в Москву специальный курьер с документами о раскрытом заговоре контрреволюционеров, намеревавшихся спасти Императора, и что в распоряжении цика уже имеются дневники и письма царской семьи.

Документы о заговоре никогда не отправлялись к Свердлову из Екатеринбурга по той причине, что такого заговора не существовало.

Дневники же и письма царской семьи были действительно доставлены к Свердлову, но 18 июля он их у себя не имел и никак иметь не мог.

Он снова солгал. Так говорят логика и факты.

Утром, 15 июля, наказывая монахиням принести ему яиц, Юровский знал, что в лесных дебрях он будет терзать детские трупы.

Прошло всего несколько часов после ухода монахинь, и в дом Ипатьева пришли бабы мыть полы. Вспомним, что нам рассказала о Юровском Стародумова: «*...Он сидел в столовой и разговаривал с Наследником, справляясь об его здоровье*».

---

[130] Перевод этой ленты Екатеринбургская Военно-Следственная Комиссия препроводила прокурору Екатеринбургского Окружного Суда. Он был препровожден мне прокурором 9 июля 1919 года за № 6196.

Как техник, имеющий некоторый опыт в раскрытии подлых дел человеческих душ, я отдаю должное истине: Яков Михайлович Юровский несомненно человек «с характером».

Он тщательно обдумал преступление и свой характер выдержал до конца.

Он обманом выманил царскую семью из ее комнат: под предлогом отъезда из дома. И только тогда, когда она была в застенке, он вынул из кармана свой револьвер.

Он шел к своей желанной цели, соблюдая большую осторожность, ибо не желал, чтобы его цель была раскрыта раньше времени.

Дневники и письма царской семьи были при ней в доме Ипатьева. Нет сомнения, для Царя письма к нему Императрицы были самым ценным. Как же можно было раньше убийства взять у него эти письма? Сделать это – раскрыть умысел убийства.

Эти письма взяли у Царя, перешагнув через его труп.

Убийство случилось в ночь на 17 июля.

18 июля Свердлов не мог иметь у себя ни дневников, ни писем царской семьи. Чтобы это понять, надо только посмотреть на географическую карту России: там обозначено, сколько верст от Екатеринбурга до Москвы.

Эти весьма ценные предметы были отправлены к Свердлову с особым курьером. Им был Яков Юровский, выехавший с ними из Екатеринбурга 19 июля.

Его отвозил на вокзал из дома Ипатьева кучер Елькин.[131] Он так описывает отъезд Юровского:

> «В последний раз я подал Юровскому лошадь 19 июля к дому Ипатьева. Из дому вышли молодые люди и с помощью старшего красноармейца вынесли и положили ко мне в экипаж семь мест багажа; на одном из них, представлявшем из себя средних размеров чемодан черной кожи, была сургучная печать».

Юровский спешил доставить в Москву эти документы и так торопился, что забыл в доме Ипатьева свой бумажник с деньгами.

Дорогой 20 июля он телеграфировал со станции Бисерть Белобородову:

> «Мною забыт в доме особого назначения бумажник деньгами около двух тысяч прошу первым попутчиком прислать Трифонову для меня Юровских».

Почему для доставления денег потребовалось посредничество Трифонова и почему телеграмма кончается словом «Юровских», а не «Юровский»?

Юровский – слишком видная фигура у большевиков. Если бы он эвакуировался в Пермь, где он потом и находился, его адрес был бы в любую минуту известен Белобородову.

19 июля он выехал из Екатеринбурга с женой и детьми. Он их оставлял в Перми, а сам ехал в Москву. Трифонов – это видный пермский чекист. Он потому и указан, что ему был поручен надзор за семьей Юровского ввиду отъезда его самого.

«Юровских» – не подпись. В тексте телеграммы пропущено уже раз употребленное слово: «для».

Юровский просил Белобородова переслать бумажник чекисту Трифонову, чтобы он передал его жене Юровского. Вот смысл этой телеграммы.

Она значится на снимке № 133.[132]

Что же означает ложь Свердлова?

Между 4 и 14 июля, когда Шая Голощекин был в Москве и жил в квартире Свердлова, судьба царской семьи была решена.

Свердлов тогда же приказал Голощекину доставить к нему после убийства семьи все интимные документы. Несомненно, было решено, что их доставит надежный специальный курьер.

18 июля Свердлов получил шифрованную телеграмму. Царская семья была убита. Свердлов торжествовал кровавую победу над беззащитными людьми и в радости сердца опрометчиво похвастал тем, чем еще не обладал.

---

[131] Свидетель А.К. Елькин был допрошен Сергеевым 27 ноября 1918 года в Екатеринбурге.

[132] Эта телеграмма была найдена в здании Уральского областного совета 8 сентября 1918 года товарищем прокурора Н.И. Остроумовым.

Этой своей оплошностью он сам определил свое место: самого главного среди других соучастников убийства.

Яков Мовшевич Свердлов – мещанин г. Полоцка Витебской губернии, еврей, родился в 1885 году в г. Н.-Новгороде.

Учился он в нижегородской гимназии, но не кончил курса и был затем аптекарским учеником.

В 1907 году он был членом пермского комитета партии большевиков и был в этом году по приговору Казанской Судебной Палаты осужден в крепость на 2 года.

В 1911 году он был сослан в Сибирь, бежал и снова был сослан.

На Ленинской конференции Р.С.-Д.Р.П. в апреле месяце 1917 года он был в составе президиума как представитель Урала. Тогда же он был избран членом цика.

В числе других лиц он был в составе военно-революционного комитета, руководившего переворотом 25 октября.

Только ли вдвоем с Голощекиным Свердлов решил судьбу царской семьи?

20 июля его собеседник говорил ему из Екатеринбурга: «Вчера выехал к вам курьер с интересующими вас документами. Сообщи решение Цик...»

Нет сомнения, что «вы» собирательное. Оно адресовано не одному Свердлову.

Были и другие лица, решавшие вместе с Свердловым и Голощекиным в Москве судьбу царской семьи.

Я их не знаю.

Глава 26.

§1. Убийство в Алапаевске Великой Княгини Елизаветы Федоровны, Великого Князя Сергея Михайловича, Князей Иоанна Константиновича, Константина Константиновича, Игоря Константиновича и князя Владимира Павловича Палея

Летом 1918 года в г. Алапаевске Верхотурского уезда Пермской губернии, недалеко от Екатеринбурга, содержались в заключении Великая Княгиня Елизавета Федоровна, Великий Князь Сергей Михайлович, Князья Иоанн Константинович, Константин Константинович, Игорь Константинович и князь Владимир Павлович Палей.

В ночь на 18 июля 1918 года все они исчезли из Алапаевска, а утром большевики расклеили по городу объявления, что их похитили «белогвардейцы».

Население не верило этим объявлениям, но, задавленное террором, оно не смело проявить своей инициативы.

28 сентября Алапаевск был освобожден от большевиков.

Военная власть поручила чиновнику Мальшикову начать полицейское расследование.

С 11 октября у члена суда Сергеева возникло судебное расследование.

7 февраля 1919 года оно перешло ко мне вместе с делом об убийстве царской семьи.

Вот что установлено расследованием:

Узники прибыли в Алапаевск 20 мая 1918 года и были помещены в здании так называемой «Напольной школы», на краю города.

Это – каменное здание из четырех больших и двух малых комнат с коридорной системой.

Угловую комнату с левой стороны коридора занимала охрана.

Далее по той же стороне коридора шли три комнаты. В первой жили Сергей Михайлович и Владимир Павлович Палей с их служащими Федором Михайловичем Ремезом и Круковским. В следующей – Константин Константинович и Игорь Константинович. Угловую комнату занимали Елизавета Федоровна и состоявшие при ней сестры Марфо-Мариинской общины Варвара Яковлева и Екатерина Янышева. В угловой комнате с правой стороны коридора жил Иоанн Константинович, в следующей помещался лакей Калин, дальше шла кухня.

Позднее прибыл врач Сергея Михайловича доктор Гельлерсен, также поселившийся в школе.

Отдельного комиссара при заключенных не было. Власть над заключенными проявляли многие большевики, игравшие в Алапаевске наиболее видную роль. Это были:

Григорий Павлов Абрамов – председатель совдепа.

Иван Павлов Абрамов – член совдепа.

Михаил Иванов Гасников – член совдепа.

Михаил Леонтьев Заякин – член совдепа.
Дмитрий Васильевич Перминов – секретарь совдепа.
Николай Павлов Говырин – председатель чека.
Петр Константинов Старцев – член чека.
Петр Александров Зырянов – член чека.
Михаил Федоров Останин – член чека.
Василий Петров Постников – судья.
Иван Федоров Кучников – начальник красноармейского отряда.
Ефим Андреев Соловьев – комиссар юстиции.
Владимир Афанасьев Спиридонов – административный комиссар.
Сергей Алексеев Павлов – военный комиссар.
Алексей Александров Смольников – рабочий-большевик.
Егор Иванов Сычев – рабочий-большевик.
Василий Павлов Говырин – рабочий-большевик.
Евгений Иванов Наумов – рабочий-большевик.
Дмитрий Петров Смирнов – рабочий-большевик.
Иван Дмитриев Маслов – рабочий-большевик.
Василий Рябов – рабочий-большевик.
Михаил Насонов – рабочий-большевик.

Всё это – русские люди, местные жители Алапаевска и его окрестностей.

Караул всегда состоял из шести лиц: мадьяр, красноармейцев, местных рабочих, назначавшихся совдепом или чека.

Служившая узникам в качестве приходящей поварихи Кривова, ее помощница Поздина-Замятина и рабочий-охранник Старцев[133] показали:

Кривова: «В комнатах Князей была только самая простая, необходимая обстановка: простые железные кровати с жесткими матрацами, несколько простых столов и стульев; мягкой мебели не было. К часу дня я готовила завтрак, в четыре подавался чай, а в семь часов – обед... Князья занимались чтением, гуляли, работали в находящемся при школе огороде. С разрешения разводящего красноармейского караула Князья ходили в церковь и совершали прогулки в поле, которое начинается за школой; ходили одни, без охраны. Великая Княгиня Елизавета Федоровна занималась рисованием и подолгу молилась; завтрак и обед ей подавали в комнату; остальные Князья собирались для завтрака и обеда в комнату Сергея Михайловича, служившую также и общей столовой».

Поздина–Замятина: «В мае месяце, когда я прислуживала Князьям, они пользовались достаточной свободой: беспрепятственно гуляли по поляне близ школы, работали в огороде и ходили в церковь; в огороде работали все Князья и Княгиня и своими руками наделали гряды и цветочные клумбы; во дворе также всё вычистили и привели в порядок, так что получился чистый и уютный уголок, где Князья нередко под открытым небом пили чай, читали и беседовали».

Старцев: «По коридору гуляли иногда Князья; с одним из них, уже седоватым господином (как его звали – не знаю), мы вели продолжительные беседы. Князь этот доказывал, что всеобщего равенства быть не может, ссылаясь при этом на «притчу о талантах», по поводу земельного уравнения Князь говорил, что и земля бывает разная и потому трудно поровну и справедливо разделить ее между всеми трудящимися; жаловался Князь на ревматизм в ногах и говорил, что только массажем и спасается от болей... Разговоры велись в хорошем, миролюбивом тоне, так что Князь выражал свое удовольствие и сказал, что редко ему приходится говорить, потому что караульные попадаются по большей части хулиганы».

Как они относились к узникам?
Кривова показала:

«Красноармейцы, охранявшие дом, бывали и хорошие и плохие. Хорошие жалели Князей и относились к ним внимательно, а плохие были грубы, придирчивы и даже обращались с Князьями со словом «товарищ». Раза три дежурили австрийцы; эти красноармейцы были чрезвычайно грубы и по ночам почти через час врывались в комнаты Князей и производили обыски. Великий Князь Сергей Михайлович возражал против этого напрасного беспокойства, но на его заявления не обращали никакого внимания. Об этом я передаю Вам со слов самого Великого Князя».

---

[133] Эти свидетели были допрошены членом суда Сергеевым: А.С. Кривова 25 октября 1918 года, А.Г. Поздина-Замятина 14 декабря того же года и А.Д. Старцев 18 того же декабря в г. Алапаевске.

21 июня жизнь узников резко ухудшилась: был установлен тюремный режим, было отобрано имущество и деньги.

Кривова показала:

> «Приблизительно через месяц положение Князей резко изменилось к худшему: у Князей было конфисковано всё их имущество – обувь, белье, платье, подушки, золотые вещи и деньги; оставлено было только носильное платье и обувь и две смены белья... С этого же времени были запрещены всякие прогулки вне школьной ограды и запрещено было делать какие бы то ни было закупки на рынке. Для пропитания Князей было решено присылать из совета готовые кушанья, но затем разрешили мне готовить Князьям пищу из своих продуктов; на неделю полагалось: 28 фунтов мяса, 15 фунтов проса и одна бутылка конопляного масла».

Не подлежит никакому сомнению: перемена произошла по приказанию из Екатеринбурга.

21 июня Великий Князь Сергей Михайлович телеграфировал:

«Екатеринбург. Председателю Областного Совета. По распоряжению Областного Совдепа мы с сегодняшнего дня находимся под тюремным режимом. Четыре недели мы прожили под надзором Алапаевского совдепа и не покидаем здания школы и ее двора, за исключением посещения церкви. Не зная за собой никакой вины ходатайствуем о снятии с нас тюремного режима. За себя и моих родственников, находящихся в Алапаевске Сергей Михайлович Романов».

Комиссар юстиции Соловьев запрашивал в тот же день по телеграфу:

«Военная. Екатеринбург Област. Совет. Считать ли прислугу Романовых арестованными давать ли выезд основание 4227 Алапаевский Совдеп Отправитель Е. Соловьев»[134].

Чем была вызвана перемена режима?

Летом 1918 года в Перми находился в ссылке Великий Князь Михаил Александрович.

В июне месяце он исчез.

Этим Екатеринбург и мотивировал введение тюремного режима в Алапаевске.

Отвечая на телеграмму Соловьева, Белобородов телеграфировал ему 22 июня:

«Алапаевск
Совдеп
Прислугу Ваше усмотрение выезд никому без разрешения Москву Дзержинского Петроград Урицкого Екатеринбург Облсовета точка Объявите Сергею Романову что заключение является предупредительной мерой против побега ввиду исчезновения Михаила Перми
Белобородов»[135]

Отпуск этой телеграммы значится на снимке № 134.

Все посторонние были удалены от узников. Только при Елизавете Федоровне была оставлена сестра Яковлева и при Сергее Михайловиче – Ремез.

17 июля в 12 часов дня в школу прибыл чекист Петр Старцев и несколько человек рабочих-большевиков.

Они отобрали у заключенных последние деньги и объявили им, что ночью все они будут перевезены в Верхне-Синячихинский завод, приблизительно в 15 верстах от Алапаевска.

Пришедшие удалили из школы красноармейцев и сами заменили их.

Кривова готовила в это время обед. Она показала:

> «Меня большевики очень торопили с обедом; обед я подала в 6 часов, и во время обеда большевики всё торопили: «Обедайте поскорее, в 11 часов ночи поедем в Синячиху». Я стала укладывать продукты, но большевики сказали мне, чтобы я отложила укладку и что я могу завтра привезти их в Синячиху».

---

[134] Обе эти подлинные телеграммы в числе других были препровождены Сергееву начальником Алапаевской Почтово-Телеграфной Конторы 15 декабря 1918 года за № 303.

[135] Эта телеграмма была найдена прокурорским надзором 25 августа 1918 г. в здании Уральского областного совета.

Поздней ночью около здания школы стали раздаваться разрывы гранат, слышались ружейные выстрелы.

Это вызвало волнение в городе. Многие видели рассыпанные на некотором расстоянии от школы цепи красноармейцев, которых затем повели к самой школе.

Характер мистификации был тогда же ясен не только многим жителям, но и самим красноармейцам, бывшим в цепях.

Из них было задержано четыре человека[136]. Я ограничусь показанием Якима Насонова:

> «Часу в третьем ночи на 18 июля у нас в казарме подняли тревогу: наступают белогвардейцы. Мы наскоро собрались, оделись, вооружились. Нас повели к Напольной школе и близ нее рассыпали нас цепью. В цепи мы пролежали с полчаса, а затем мы подошли к самой школе. Никакого врага мы не видели и стрельбы не производили. Комиссар Смольников стоял на крыльце школы, матерился и говорил нам: «Товарищи, теперь попадет нам от Уральского областного совета за то, что Князьям удалось бежать: их белогвардейцы увезли на аэроплане». Тут же еще находился народный судья Постников с «большой книгой в руках» и наводил следствие о побеге Князей. Дня через 3–4 стали говорить, что комиссары обманывают народ, сочинив басню о похищении Князей, а что на самом деле Князья ими убиты».

18 июля в 3 часа 15 минут утра Алапаевский совдеп телеграфировал в Екатеринбург областному совдепу[137]:

«Военная. Екатеринбург. Уралуправление 18 июля утром два часа банда неизвестных вооруженных людей напала Напольную школу где помещались Великие Князья. Во время перестрелки один бандит убит и видимо есть раненые. Князьям с прислугой удалось бежать в неизвестном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев бандиты бежали по направлению к лесу задержать не удалось розыски продолжаются. Алапаевский исполком. Абрамов. Перминов. Останин».

В тот же день в 18 часов 30 минут Белобородов телеграфировал:

«Сборная
Москва два адреса Совнарком Председателю ЦИК Свердлову Петроград два адреса Зиновьеву Урицкому
Алапаевский Исполком сообщил нападении утром восемнадцатого неизвестной банды помещение где содержались под стражей бывшие Великие Князья Игорь Константинович Константин Константинович Иван Константинович Сергей Михайлович и Палей точка Несмотря сопротивление стражи Князья были похищены точка Есть жертвы обеих сторон поиски ведутся точка 4853.
Предобласовета Белобородов».[138]

Эта телеграмма значится на снимке № 135.

25 июля 1918 года совершенно такое же объявление Белобородова было помещено в номере 144-м Пермских Известий:

«**Похищение князей**
Алапаевский Исполком сообщает из Екатеринбурга о нападении утром 18 июля неизвестной банды на помещение, где содержались под стражей бывшие великие князья Игорь Константинович, Константин Константинович, Иван Константинович, Сергей Михайлович и Палей.
Несмотря на сопротивление стражи, Князья были похищены. Есть жертва обеих сторон. Поиски ведутся.
Председ. Областного Совета Белобородов»[139].

Нить для расследования была дана Кривовой: собирались везти в В.-Синячиху.

Но помог еще случай.

---

[136] Задержаны были красноармейцы П.Д. Поздин-Замятин, Я.И. Насонов, А.П. Костылев и И.Г. Стрехнин. Первый был допрошен Сергеевым 15, а остальные 18 декабря 1918 года в Алапаевске.

[137] Эта телеграмма была препровождена Сергееву начальником Алапаевской Почтово-Телеграфной Конторы 13 декабря 1918 года за № 303.

[138] Эта телеграмма была препровождена Сергееву начальником Екатеринбургской Телеграфной Конторы 20 января 1919 года за № 374.

[139] Я попытаюсь объяснить позднее, почему ни в телеграмме Белобородова, ни в его официальном газетном сообщении не упоминалось о судьбе Великой Княгини Елизаветы Федоровны.

Незадолго до похищения Августейших узников кр-н Алапаевска Иван Солонин собрался жениться. Он сделал заказ кр-ну Александру Самсонову приготовить к свадьбе кумышки (самогону). Самсонов заказ принял и с нужными припасами поехал готовить кумышку в лес.

Но свадьба расстроилась, и мать невесты, неудавшаяся теща, чтобы не платить Самсонову за его работу, пошла в чека с доносом на него, что он-де занимается тайным винокурением.

Близкие Самсонову люди, узнав об этом, отыскали его в лесу и предупредили о грозящей ему опасности.

Самсонов бросил работу и окольными дорогами уехал в Алапаевск.

Своим спасителям он в благодарность дал четверть приготовленной уже кумышки, которую они на месте и выпили.

Поздней ночью они поехали в Алапаевск. Ехали они дорогой, которая ведет из Алапаевска в Синячиху, и встретили поезде 10–11 коробков, в каждом по два человека, без кучеров на козлах.

Об этой встрече они говорят в одинаковых выражениях.

Вот показание Трушкова[140]:

> «Весь этот поезд направлялся от Алапаевска к Синячихе и попался мне версте на пятой от Алапаевска. Ни криков, ни разговоров, ни песен, ни стонов – вообще никакого шума я не слышал: ехали все тихо-смирно».

Синячихинская дорога приковала внимание Мальшикова. Он исследовал ее и пришел к убеждению, что разгадку тайны надо искать на руднике, расположенном вблизи этой дороги.

Скоро он заметил, что одна из старых шахт рудника засыпана сверху свежей землей. Он повел раскопки.

Шахта имела в глубину 28 аршин. Стенки ее были выложены бревнами. В ней было два отделения: рабочее, через которое добывалась руда, и машинное, куда ставились насосы для откачки воды. Оба отделения были завалены множеством старых бревен, занимавших самое разнообразное положение.

На различной глубине шахты Мальшиков нашел трупы: 8 октября Федора Семеновича Ремеза, 9 – Варвары Яковлевой и князя Палея, 10 – Князей Константина Константиновича и Игоря Константиновича и Великого Князя Сергея Михайловича, 11 октября Великой Княгини Елизаветы Федоровны и Князя Иоанна Константиновича.

Трупы были в одежде. В карманах оказались разные вещи домашнего обихода и их документы, которые они всегда имели при себе в заключении.

На груди Великой Княгини Елизаветы Федоровны была икона Спасителя с драгоценными камнями. По моим сведениям, перед этой иконой молился Государь перед отречением от Престола и передал ее затем Елизавете Федоровне. На обороте ее надпись: «Вербная Суббота 13 апреля 1891 года».

На снимке № 59 она слева в верхнем ряду.

Шахта, несомненно, была взорвана гранатами. В ней были их осколки, были неразорвавшиеся гранаты.

Трупы были предъявлены народу и были опознаны.

Вот что оказалось по вскрытии их[141]:

> Труп Великой Княгини Елизаветы Федоровны: «В головной полости, по вскрытии кожных покровов, обнаружены кровоподтеки: на лобной части величиною в детскую ладонь и в области левой теменной кости – величиною в ладонь взрослого человека; кровоподтеки в подкожной клетчатке, в мышцах и на поверхности черепного свода. Кости черепа целы... В твердой мозговой оболочке наверху темени замечается кровоподтек».
>
> Труп Великого Князя Сергея Михайловича: «По снятии кожных покровов черепа в левой теменной области – кровоподтек в мышцах и подкожной клетчатке; в правой теменной кости – круглое отверстие величиной с горошину (½ сантиметра в диаметре); канал этого ранения имеет направление сверху вниз и спереди назад. По снятии черепной крышки на внутренней поверхности

---

[140] Свидетель К.В. Трушков был допрошен членом суда Сергеевым 22 декабря 1918 года в г. Алапаевске.

[141] 11 октября 1918 года был произведен медико-полицейский осмотр и вскрытие трупа Ремеза, 12 октября – осмотр всех остальных. 26 октября того же года – членом суда Сергеевым судебно-медицинский осмотр и вскрытие всех трупов, кроме уже вскрытого трупа Ремеза.

правой теменной кости соответственно первому имеется отверстие диаметром в 1 сантиметр; вокруг отверстия осколки кости. На твердой мозговой оболочке соответственно описанным отверстиям в кости черепа имеется нарушение ткани в виде кругловатого отверстия».

Труп Князя Иоанна Константиновича: «...В правой височной области, по вскрытии кожных покровов, наблюдается кровоподтек в мышцах и подкожной клетчатке, занимающий всю височную область. По вскрытии черепной крышки обнаружен кровоподтек под твердую мозговую оболочку в правой же височной области. В толще мышц всей передней грудной стенки кровоподтек... В полостях плевры обширное кровоизлияние... В брюшной области по вскрытии кожных покровов, в толще мышц и жировой клетчатке наблюдается кровоподтек, простирающийся на всю переднюю стенку живота».

Труп Князя Константина Константиновича: «На темени – большая рваная рана кожных покровов, направление ее справа налево, длина 9 сантиметров, ширина 3 сантиметра. На два сантиметра сзади – вторая рваная рана длиной 2 сантиметра. На правой височной и теменной (костях) и на самом темени – обширный кровоподтек величиной в ладонь. По снятии черепной крышки на твердой мозговой оболочке, на темени и затылке обнаружен кровоподтек. В грудной полости по взрезе кожных покровов найден большой кровоподтек, проникающий мышцы и подкожную клетчатку на передней стенке грудной клетки».

Труп Князя Игоря Константиновича: «В головной полости, по вскрытии кожных покровов, кровоподтек, занимающий всю правую половину лба; на костях черепа трещина, начинающаяся со средины верхнего края правой глазницы и далее идущая по средней линии лобной кости; сзади эта трещина переходит в стреловидный шов и доходит до затылочной кости. По вскрытии черепной крышки – мозг в виде серой массы; по удалении мозга видно, что трещина проходит по верхней стенке правой глазницы и пересекает турецкое седло. В грудной полости, по вскрытии кожных покровов, обнаружен большой, проникающий мышцы, кровоподтек в нижней части передней стенки грудной клетки... По вскрытии брюшной полости – большой кровоподтек в толще брюшной стенки».

Труп Князя Владимира Павловича Палея: «В головной полости, по вскрытии кожных покровов, – большой кровоподтек, занимающий обе теменные и затылочную области. По разрезе кожных покровов вытекло около 4–5 кубических сантиметров крови... По вскрытии черепной полости – кровоизлияние под твердую мозговую оболочку затылочной области; в задних частях головной мозг представляет собою кашицеобразную массу красного цвета. В грудной полости – большой кровоподтек в толщу мышцы и подкожной клетчатки в передней стенке грудной клетки».

Труп Федора Семеновича Ремеза: «В области грудных мышц сильный кровоподтек, распространяющийся на всю грудную клетку... Кровоизлияние в области правого плеврального мешка... В области правого виска, по снятии кожных покровов, большое кровоизлияние. Кровоподтек распространяется на всю затылочную область... Под твердой мозговой оболочкой в левой височной области кровоизлияние».

Труп Варвары Яковлевой: «По вскрытии кожных покровов головы обнаружен кровоподтек в правой височной области и второй кровоподтек в затылочной и теменной областях; кости черепа целы; в костных швах – кровь. По снятии черепной крышки оказался кровоподтек под твердую мозговую оболочку в затылочной области... По вскрытии кожных покровов – кровоподтек, занимающий область грудины».

На снимках за № 136–140 изображены трупы Великого Князя Сергея Михайловича, Великой Княгини Елизаветы Федоровны, Князей Иоанна Константиновича, Константина Константиновича, Игоря Константиновича.

Экспертиза определила, что смерть Великого Князя Сергея Михайловича произошла от «кровоизлияния в твердую мозговую оболочку и нарушения целости вещества мозга, вследствие огнестрельного ранения».

Все остальные были брошены в шахту живыми, и смерть их произошла от «полученных ими кровоизлияний, последствие ушибов».

Комиссар юстиции Ефим Соловьев, чекист Петр Старцев и член совдепа Иван Абрамов были пойманы[142].

На совести Соловьева лежало много и других убийств.

Он убил, между прочим, местного священника о. Удинцева. Как закоренелый преступник, Соловьев утверждал, что 17 и 18 июля он отсутствовал из Алапаевска, что, однако, было опровергнуто следствием.

---

[142] Обвиняемые Ефим Андреев Соловьев и Петр Константинов Старцев были допрошены членом суда Сергеевым 28 декабря 1918 года в Алапаевске, обвиняемый Иван Павлов Абрамов мною 18 апреля 1919 года в Екатеринбурге.

Старец и Абрамов видели всех, кто увозил заключенных в ночь на 18 июля к шахте и кто, оставаясь у школы, симулировал нападение мнимых «белогвардейцев».

Имена всех этих лиц указаны выше.

На снимке № 141 изображены: Ефим Соловьев (1), Григорий Абрамов (2), Николай Говырнин (3), Михаил Останин (4), Алексей Смольников (5), Сергей Павлов (6), Дмитрий Перминов (7), Егор Сычев (8), Михаил Насонов (9), Василий Постников (10).

Мнимый «бандит», труп которого был найден у школы после увоза заключенных, оказался крестьянином Салдинского завода. Он заранее был схвачен чекистами и несколько дней содержался в алапаевской чека.

Старцев объяснил, что убийство Августейших узников произошло по приказанию из Екатеринбурга, что для руководства им оттуда приезжал специально Сафаров[143].

Можно ли в этом сомневаться?

Всего лишь сутки отделяют екатеринбургское убийство от алапаевского.

Там выбрали глухой рудник, чтобы скрыть преступление. Тот же прием и здесь.

Ложью выманили царскую семью из ее жилища. Так же поступили и здесь.

И екатеринбургское и алапаевское убийства – продукт одной воли одних лиц.

Глава 26.

§2. Убийство в Перми Великого Князя Михаила Александровича

Спасся ли Великий Князь Михаил Александрович?

Он был выслан из Гатчины в феврале месяце 1918 года и жил в Перми, пользуясь сравнительной свободой, в гостинице купца Королева.

В этой же гостинице жил его секретарь Николай Николаевич Джонсон, камердинер Василий Федорович Челышев и шофер Борунов.

12 июня вечером у Великого Князя был его повар Георгий Федорович Митревели, живший отдельно в своей квартире.

По приказанию Великого Князя Митревели должен был утром 13 июня явиться к нему.

Митревели утром явился в гостиницу Королева, но не нашел здесь ни Великого Князя, ни Джонсона, ни Челышева с Боруновым.

От прислуги гостиницы он узнал, что минувшей ночью Великий Князь с Джонсоном был куда-то увезен большевиками, Челышев же с Боруновым спустя некоторое время были арестованы.

Мне удалось установить, что оба последние содержались большевиками в пермской тюрьме, откуда они по ордеру пермской чека от 21 сентября 1918 года за № 3694 были уведены и через некоторое время, по сведениям тюремного начальства, расстреляны.

В одной камере с Челышевым содержался уже известный нам камердинер Государыни Алексей Андреевич Волков.

Челышев рассказывал Волкову, как был увезен Великий Князь Михаил Александрович.

При допросе у меня Волков показал:

> «В одной тюрьме с нами (в Перми) сидел камердинер Великого Князя Михаила Александровича Василий Федорович Челышев. С ним я встречался в коридоре, и он мне рассказывал, как он попал в тюрьму.
>
> Михаил Александрович проживал в Перми в королевских номерах, где в другом номере жил с ним и Челышев. Там же жил и его секретарь Джонсон. Приблизительно недели за 1 ½, как говорил Челышев до нашего прибытия в Пермь, ночью часов в 12 пришли в королевские номера каких-то трое вооруженных людей. Были они в солдатской одежде. У них у всех были револьверы. Они разбудили Челышева и спросили, где находится Михаил Александрович. Челышев указал им номер и сам пошел туда. Михаил Александрович уже лежал раздетый. В грубой форме они приказали ему одеваться. Он стал одеваться, но сказал: «Я не пойду никуда. Вы позовите сюда вот такого-то. (Он указал, кажется, какого-то большевика, которого он знал.) Я его знаю, а вас я не знаю». Тогда один из пришедших положил ему руку на плечо и злобно и грубо выругался: «А, вы, Романовы! Надоели

[143] Сафаров был в штабе Ленина и прибыл вместе с ним в Россию в 1917 году. Он был членом Уральского областного совета и редактором большевистской газеты «Уральский Рабочий». Национальности его я не знаю.

вы нам все!» После этого Михаил Александрович оделся. Они также приказали одеться и его секретарю Джонсону и увели их. Больше Челышев не видел ничего и не знал, в чем и куда увезли Михаила Александровича. Спустя некоторое время после этого (когда Михаил Александрович уже был увезен), Челышев сам отправился в совдеп, как он мне говорил, и заявил там об увозе Михаила Александровича. По его словам, на это заявление не было обращено внимания, и спустя час, как он мне говорил, большевики стали делать что-то вроде погони за Михаилом Александровичем, но в чем она выразилась, Челышев не говорил. На него же они произвели то впечатление, что они нисколько не спешили догонять Михаила Александровича и вообще как бы не обратили должного внимания на его заявление. Я забыл еще сказать, что, когда Михаил Александрович уходил из номера, Челышев ему сказал: «Ваше Высочество, не забудьте там взять лекарство». Это были свечи, без которых Михаил Александрович не мог жить. Приехавшие как-то обругались и увели Михаила Александровича. Лекарство же так и осталось в номере. На другой же день после этого Челышев был арестован и, как я потом читал в Тобольске в газетах, был расстрелян».

Большевичка Вера Карнаухова была секретарем пермского комитета партии большевиков, а ее брат Федор Лукоянов одним из следователей уральской областной чека.

Карнаухова показала[144]:

«Пришел как-то в наш комитет чекист Мясников, человек кровожадный, озлобленный, вряд ли нормальный. Он с кем-то разговаривал, и до меня донеслась его фраза: «Дали бы мне Николая, я бы с ним сумел расправиться, как и с Михаилом».

Данными моей агентуры установлено, что Великий Князь вместе с Джонсоном был увезен пермскими чекистами в соседний с Пермью Мотовилихинский завод, где они оба и были убиты.

Их тела были там же, видимо, сожжены.

После этого большевики распространили в Перми слух, что Великий Князь был увезен монархистами, а в Москве они распространили должное известие, что в Екатеринбурге убит Государь Император.

Это последнее известие появилось в Москве, и я имею много подлинных телеграмм их ответственных деятелей, точно устанавливающих этот факт.

Таким путем они отвлекли внимание общества от особы Великого Князя, приковав его к мнимому в то время факту гибели Государя.

Слух о «спасении» Великого Князя многими был принят с доверием, так как убийство Государя было скоро опровергнуто ими же самими.

В Перми вместе с камердинером Государыни Волковым содержались графиня Гендрикова и Шнейдер.

Волков показал у меня на допросе:

«В ночь на 22 августа по старому стилю меня привели из камеры в контору. Тут же были и Гендрикова со Шнейдер. Отсюда нас повели в арестный дом и ввели в особую комнату, где было 8 человек. Здесь же было 22 вооруженных человека. Это были, очевидно, палачи. Среди них были и русские, но по большей части были не русские, а, видимо, латыши, хотя, быть может, были и мадьяры. Командиром у них был какой-то человек в матросской одежде. Мы сидели, ждали света. Гендрикова мне шепнула, с чьих-то слов, что нас отведут в пересыльную тюрьму, а потом отправят в Москву или Петроград. Я не стал ей возражать, хотя и ясно видел, куда нас поведут. Повели нас за город. Кончились строения, показался лесок. Стали мы подходить, должно быть, к месту казни нашей, потому что наши палачи стали услужливо предлагать свои услуги: «Позвольте, я понесу ваши вещи», очевидно, каждый желал сейчас же завладеть нашими вещами, чтобы потом не делиться ими с другими. Потом нас остановили. Я улучил минуту и перепрыгнул канаву, которая была около меня. Я бросился бежать. В меня было выпущено три пули. Я упал, потерял шляпу и слышал вдогонку мне слова: «Готов». Но я тут же поднялся и снова побежал (упал я после второго выстрела). В меня был произведен третий выстрел, но Господь Бог меня сохранил, и я убежал. 43 суток я блуждал и вышел на линию железной дороги в 70 верстах от Екатеринбурга на территорию, свободную от большевиков».

Графиня Гендрикова и Шнейдер были тогда же расстреляны.

Их трупы были найдены весной 1919 года.

На снимке № 142 графиня Гендрикова, на снимке № 143 она в гробу с пробитой головой. На снимке № 144 Шнейдер.

---

[144] Свидетельница В.Н. Карнаухова была мною допрошена 2 июля 1919 года в Екатеринбурге.

Заключение

Насилие над Царем определило судьбу не одних только детей его. Сугубо пытаются внедрить версию о спасении Великого Князя Михаила Александровича путем бегства. Пусть думают, мог ли он решиться на это, не задумавшись чад вопросом, что же в таком случае станет с его державным братом и с его семьей.

Лишение Царя свободы было поистине вернейшим залогом смерти его и его семьи, ибо оно сделало невозможным отъезд их за границу.

Правда, сам Царь не хотел этого. Когда Яковлев увозил его из Тобольска, с ним в последнюю минуту пришла проститься учительница Битнер. Она говорит:

> «Он был удручен и рассеян. Я стала его утешать и сказала, что так, быть может, будет лучше. Он безнадежно смотрел в это время на будущее. Когда же я сказала, что его, быть может, увезут за границу, он ответил: «О, не дай-то Бог! Только бы не за границу!»»

Царь томился в заключении, отрезанный от мира. Он не мог знать положения в стране и не мог сознавать всей опасности, которая ему грозила.

Но те, в чьих руках была его судьба, всё это знали.

Что сделали они, чтобы дать ему возможность оставить Россию и спасти своих детей?

Я думал найти всё разрешение этого вопроса у главы Временного Правительства князя Львова. Туманно, всячески стараясь обезличить свою собственную роль и прикрыться крикливой, порывистой фигурой Керенского, давал князь Львов свои показания.

На мой вопрос он ответил:

> «Я удостоверяю, что между лицами, входившими в состав Временного Правительства, были тогда разговоры по поводу отъезда царской семьи за границу. Оценивая положение в стране к лету 1917 года, находили, что ей лучше будет уехать из России. Называли тогда Англию и Данию. Доклада по этому вопросу не было. Но министр иностранных дел Милюков, кажется, выяснил эту возможность, причем, как мне помнится, самая инициатива в этом вопросе принадлежала некоторым из Великих Князей и, в частности, Николаю Михайловичу и Михаилу Александровичу. Почему из этого ничего не вышло, я не знаю».

Милюков:

> «В первые дни переворота, когда власть была уже сорганизована в лице Временного Правительства, в составе коего я был министром иностранных дел, в числе других документов была получена телеграмма от английского короля Георга на имя отрекшегося Государя Николая II. Король выражал в этой телеграмме свои личные чувства Царю как главе государства. В ней не было никаких конкретных предложений по поводу судьбы Царя. Просто эта телеграмма носила, так сказать, «комплиментарный» характер. Она была доставлена мне как министру иностранных дел. Так как не существовало уже лица, коему была адресована эта телеграмма (повторяю, она была адресована Императору, в тот момент уже отрекшемуся от Престола), то я и вернул ее послу Англии Бьюкенену. Я прекрасно помню, что, как только возникла революционная власть в лице Временного Правительства, признавшая необходимым отречение Царя Николая II от Престола, был тогда же поднят вопрос о судьбе Царя и его семьи. Было признано желательным и необходимым, чтобы Николай II покинул с семьей пределы России и выехал за границу. Я положительно утверждаю, что таково было желание Временного Правительства, причем страной, куда были обращены наши взоры, была Англия. Как министр иностранных дел, я счел себя обязанным, в силу решения Временного Правительства, признавшего необходимым отъезд Царя за границу, переговорить по этому вопросу с послом Великобритании Бьюкененом. Бьюкенен после моей с ним беседы запросил свое правительство. Оно изъявило готовность принять царскую семью в Англию, и Бьюкенен, сообщая об этом, уведомлял, что для перевозки царской семьи должен прибыть крейсер. Я полагаю, что до сведения Царя об этом, по всей вероятности, было доведено. Однако крейсер не приходил, и отъезда не было. Наступила какая-то, так сказать, заминка. Я вторично заговорил с Бьюкененом по этому вопросу, и он мне сказал, что правительство Англии более не «настаивает» на отъезде царской семьи в Англию. Я сознательно употребил термин «настаивает» не в смысле желания моего указать, что от английского правительства шла самая инициатива в этом вопросе. Инициатива принадлежала нам, т.е. Временному Правительству. Термин же «настаивает» был употреблен в «дипломатической

речи». Имели ли место по этому вопросу какие-либо беседы с Бьюкененом моего заместителя Терещенко, я не знаю, так как в это время я уже ушел от власти».

Керенский показал:

«Временное Правительство решило попытаться выяснить у английского правительства возможность отъезда царской семьи в Англию. Министр иностранных дел (вначале, возможно, Милюков) стал вести об этом переговоры с английским послом Бьюкененом. В результате Бьюкененом был передан следующий ответ правительства Англии Терещенко, бывшему тогда министром иностранных дел, сообщившему его мне и князю Львову: «Правительство Англии, пока не окончена война, не считает возможным оказать гостеприимство бывшему Царю». Ответ этот обсуждался Временным Правительством в совершенно секретном заседании, без журнала заседания»[145].

С 25 июля 1917 года наш бывший посланник в Португалии П.С. Боткин в течение почти года неустанно просил ответственных политических деятелей Франции спасти жизнь царской семьи, высказывая опасения, оказавшиеся, к сожалению, пророческими. В своем последнем письме 2 июля 1918 года он писал г. Пишону, министру иностранных дел:

«С большим сожалением я должен констатировать, что все мои усилия были тщетны, все мои шаги остались без результатов, и в качестве ответов на мои письма я обладаю только расписками курьеров, удостоверяющими, что мои письма дошли по назначению».

Что могли ответить союзники?

Каждому, кто знает условия их общественно-политической жизни, известно, что значит для их правительств сила «общественного мнения». Как они могли спасать Царя, когда сама русская власть, которую они так горячо приветствовали, отдала Царя под суд и на весь свет объявила, что он изменник, ибо подготовлял для спасения своих личных и династических интересов сепаратное соглашение с врагом, т.е. их союзническую катастрофу.

Управляющий делами Временного Правительства покойный Набоков признает в своих воспоминаниях, что актом о лишении свободы Царя «был завязан узел», разрубленный в Екатеринбурге.[146]

Вероятно, его завязывали не все члены Правительства. Некоторые, видимо, ничего об этом и не знали.

Из воспоминаний Набокова мы узнаем, что этот вопрос был решен в служебном кабинете князя Львова. Характерную подробность передает Набоков: когда он пришел туда, акт не имел еще подписей, но аппарат для его выполнения был уже готов. Это были члены Государственной Думы Бубликов, Калинин, Грибунин и Вершинин, арестовавшие Царя в ставке.

Как выполнил это князь Львов?

Посылая членов Думы арестовать Царя, он предварительно послал в ставку генералу Алексееву телеграмму.

Флигель-адъютант Мордвинов ныне передает ее содержание:

«Временное Правительство постановило предоставить бывшему Императору беспрепятственный проезд для пребывания в Царском Селе и для дальнейшего следования на Мурманск»[147].

---

[145] 7 февраля 1920 года, когда погиб Адмирал Колчак, я был в Харбине. Положение было тяжелое, не было денежных средств. Я обратился в феврале с письмом к послу Великобритании в. Пекине г. Лямсону и просил его дать мне возможность вывезти в Европу акты следствия и вещественные доказательства. Я указывал, что в числе вещественных доказательств имеются останки царской семьи. 23 февраля ко мне прибыл секретарь посла г. Кейф и сообщил мне, что посол запросил свое правительство в Лондоне. Лямсон, видимо, не сомневался в утвердительном ответе. Мой вагон был взят в состав поезда Кейфа и охранялся. 19 марта английский консул в Харбине г. Сляи передал мне ответ английского правительства. Он был лаконичен: «Не можем». Вместе с генералом Дитерихсом мы обратились к французскому генералу Жанену. Он ответил нам, что он не станет никого запрашивать, так как помощь в таком деле считает долгом чести. Благодаря генералу Жанену удалось спасти акты следствия и вещественные доказательства. Не могу обойти молчанием имен двух русских людей. Купец в Харбине И.Т. Щелоков добыл у кр-на Ф.М. Власова слиток золота, давший при реализации 3000 иен. На эти деньги мне удалось выехать в Европу и спасти следствие.

[146] «Архив Русской Революции», том I.

Телеграмму читал генерал Лукомский. Он показал:

> «20 марта была получена от Временного Правительства телеграмма на имя Алексеева, в коей сообщалось, что Временным Правительством командируются особые лица для «сопровождения» Государя в Царское. Я утверждаю, что эту телеграмму я видел сам. Мне помнится, что она была от главы Правительства князя Львова, причем я самым категорическим образом утверждаю, что в телеграмме не только не сообщалось о факте уже состоявшегося распоряжения со стороны Временного Правительства об аресте Государя и Государыни, но не было об этом ни единого слова. Смысл же ее был тот, что лица, командированные Правительством, будут сопровождать Его Величество как главу государства, отказавшегося от власти; что это – проявление внимания к Государю. Мне известно, что прибывшие по поручению Правительства лица сказали об аресте Государя Алексееву только тогда, когда Государь уже находился в поезде, чтобы ехать в Царское. Они передали об этом Алексееву, и тот, по их просьбе, передал об этом Государю».

Отрекшись от Престола, Царь обратился с письмом к князю Львову, вверяя ему, как главе новой власти, свою судьбу и судьбу своей семьи.

Без всякой охраны сел он в поезд, покидая Могилев, надеясь на благородство власти.

Что он нашел в ней?

Остается еще вопрос, каково было взаимоотношение на почве екатеринбургской трагедии двух сил: большевистской и немецкой? Кровь Царя и его семьи разъединяла или объединяла их?

Я сознаю всю серьезность этого вопроса. В пределах доступной мне возможности я старался найти истину. Не сомневаюсь, что в будущем она найдет свое полное разрешение. Мой долг – указать достигнутые мною результаты.

В составе московской миссии графа Мирбаха был доктор Рицлер. Он там играл большую роль и после убийства Мирбаха был его заместителем.

14 июня 1921 года я был принят в Берлине Рицлером. Он ознакомил меня с содержанием немецких официальных документов. В сентябре месяце того же года я получил копии их.

Вот содержание четырех документов:

> 1**. Миссия в Москве Министерству Иностранных Дел, 19 июля 1918 г.**
>
> «Должно ли быть повторено решительное представление относительно бережного отношения к Царице... как германской принцессе. Распространять представление и на Цесаревича было бы опасно, так как большевикам, вероятно, известно, что монархисты склонны выставить на первый план Цесаревича. Недоверие большевиков в отношении германской контрреволюции еще более усилилось вследствие откровенных сообщений генерала Краснова».
>
> 2**. Миссия в Москве Министерству Иностранных Дел, 20 июля 1918 г.**
>
> «Я вчера сказал Радеку и Воровскому, что весь мир самым строгим образом осудит расстрел Царя и что Императорский посланник должен решительно предостеречь их от дальнейшего следования по этому пути. Воровский ответил, что Царь расстрелян лишь потому, что в противном случае им овладели бы чехословаки. Радек высказал личное мнение, что если мы проявим особый интерес к дамам царской семьи германской крови, то, может быть, было бы возможно предоставить им свободный выезд. Может быть, удалось бы освободить Царицу и Наследника (последнего как неотделимого от матери), как компенсацию в вопросе с гуманитарным обоснованием. Рицлер»[148].

Свердлов, без сомнения, знал намерения немцев. 18 июля, говоря о «казни» Царя, он особо выделил имена Императрицы и Наследника, подчеркивая, что именно они живы. Этим он пресекал в корне требования немцев о вводе батальона, ликвидируя в корне вопрос.

По этой же причине большевики умолчали о судьбе Великой Княгини Елизаветы Федоровны, зная прекрасно, что немцы не поверят их сообщению о похищении ее «белогвардейцами».

Голощекину в Екатеринбурге не было никакой надобности выделять имена Императрицы и Наследника. Он говорил поэтому об «эвакуации» всей вообще семьи, кроме «казненного» Царя.

---

[147] «Русская Летопись», книга 5.

[148] После убийства Мирбаха немцы требовали ввода батальона своих войск в Москву. Большевики, конечно, отказали. Немцы пошли на уступки и готовы были компенсировать свое требование согласием большевиков оградить жизнь немецких принцесс и Наследника Цесаревича, как неотделимого от матери.

3. **Министерство Иностранных Дел Поверенному в делах в Москве. 20 июля 1918 года.**
«С представлением в пользу царской семьи согласен. Буше».
4. **Миссия в Москве Министру Иностранных Дел, 23 июля 1918 года.**
«Сделал соответствующее представление в пользу Царицы и принцесс германской крови с указанием на влияние цареубийства на общественное мнение. Чичерин молча выслушал мои представления. Рицлер».

В общем ходе мировых событий смерть Царя, как прямое последствие лишения его свободы, была неизбежной, и в июле месяце 1918 года уже не было силы, которая могла бы предотвратить ее.

Приложение к девятнадцатой главе

А. Предметы, найденные в печах дома Ипатьева при осмотре дома судебным следователем по важнейшим делам Наметкиным

1. Обгорелый футляр, обтянутый снаружи сиреневым муаром, а внутри белым атласом, фирмы Фаберже.
2. Обгорелое портмоне коричневой кожи с медной внутренней застежкой.
3. Обгорелые кусочки какой-то, видимо, однообразной материи.
4. Обгорелые кусочки, видимо, черной прошивки.
5. Обгорелая пряжка и обгорелая застежка от дамских подвязок.
6. Обгорелая пряжка от мужских помочей.
7. Обгорелые кусочки какой-то материи с находящимися при ней двумя колечками.
8. Обгорелый листик писчей бумаги, на которой читаются написанные чернилами слова: «Седнев, тоска... грусть... глубокую... поймет... ветер к земле... чтобы сломи... не согреш...»
9. Обгорелая дощечка от овальной иконы, на обороте которой сохранились следы надписи: «Х.В. 1916. А.».
10. Крышечка от шкатулки. Сама крышечка – стеклянная, вставленная в резной металл, имеющая по краям сцепления стекла с металлом резные металлические цветочки. В металле посередине крышки – маленький замочек, коим, видимо, запиралась шкатулка. Все части обгорели.
11. Металлический ободок, сделанный из такого же металла, имеющий такие же размеры, что и крышка, значащаяся под пунктом 10-м: он является, несомненно, частью той же шкатулочки; он сильно обгорел.
12. Бронзовая ручка, видимо, также от небольшой шкатулочки, сильно обгорелая.
13. Жестяная пластинка от отрывного календаря Сытина.
14. Цилиндрическая, желтого стекла трубочка с приставшими к стенкам стеклянными пуговками: и трубочка и пуговки подвергались действию огня.
15. Обгорелые обломки ручки от зубной щетки. На одном из обломочков читается название клейма, написанное по-английски: «London L. Doqueant».
16. Два однородных обломка белого стекла от какого-то круглого предмета, подвергшиеся действию огня.
17. Четыре осколка стекла, из коих один – от зеленого цвета флакона, два – от рамочек и последний от какого-либо круглого стеклянного предмета; все осколки подвергались действию огня.
18. Тонкая медная пластинка от какого-то уничтоженного предмета, подвергавшаяся действию огня.
19. Два осколка фарфоровой тарелочки, подвергавшиеся действию огня.
20. Один круглый фарфоровый осколочек от какого-то иного предмета, подвергшийся действию огня.
21. Стебельки искусственных цветов, подвергшиеся действию огня, распадающиеся при дотрагивании.
22. Стеклянный пузырек с винтовой шейкой, фабричного изготовления, на дне коего вытиснены две буквы «L» и «C», подвергавшийся действию огня.
23. Кусочек обгорелой шелковой материи.
24. Два обгорелых кусочка какой-то материи.
25. Обгорелый галун свитского генеральского погона с вышитым вензелем «Н. II» и короной.
26. Обгорелая металлическая коробочка от граммофонных иголок с бисером.
27. Обгорелая фарфоровая головка с инициалами «С.В.».
28. Обгорелые остатки зубных и ногтевых щеток.
29. Обгорелые остатки фарфоровых домино.
30. Две обгорелых металлических подковки от какого-то уничтоженного предмета.
31. Обгорелые остатки разбитой фарфоровой посуды.

32. Два обгорелых замка.
33. Обгорелая металлическая пряжка от пояса.
34. Обгорелые кусочки погонов.
35. Бывшие в огне осколки от каких-то стеклянных предметов.
36. Обгорелые металлические части рамочек.
37. Обгорелая металлическая пластинка от корсета.
38. Пять обгорелых металлических елочных подсвечников.
39. Обгорелый наперсток.
40. Обгорелые шпильки, булавки, иголки.
41. Обгорелые щипчики от конфет.
42. Два обгорелых рыболовных крючка.
43. Обгорелая металлическая спинка от отрывного календаря.
44. Обгорелые гвозди и кусочки каких-то металлов.
45. Обгорелая металлическая сетка.
46. Обгорелая верхушка круглой деревянной крышки с рисунком от какого-то предмета.
47. Пять кусочков сплавившегося блестящего металла.
48. Обгорелая фарфоровая баночка с металлической крышкой.
49. Обгорелый металлический остов бритвоправилки.
50. Семь металлических обгорелых частей от различных запоров для рамочек, портмоне, сумочек.
51. Восемь обгорелых частиц овальных багетов от двух рамочек: черной и голубоватой.
52. Два обгорелых металлических остова в виде складных рамочек с запорами.
53. Четыре металлических обгорелых пряжки от трех каких-то систем.
54. Семь обгорелых металлических петелек от маленьких шкатулок, рамочек.
55. Осколки очень маленьких стеклянных пузырьков.
56. Обгорелый обломок гуттаперчевой ручки.
57. Обгорелая запонка.
58. Обгорелый ключик.
59. Обгорелая горелка от лампадки.
60. Обгорелая механическая фитильная горелка и овальный щиток с металлической крышкой.
61. Обгорелый винтиль от надувной подушки.
62. Обгорелая маленькая стеклянная трубочка.
63. Обгорелые металлические частицы, колечки и наконечники от пленочных катушек.
64. Обгорелая металлическая коробочка от граммофонных иголок с дамскими кнопками.
65. Два обгорелых слюдовых креста.
66. Обгорелые спицы для вязанья.
67. Обгорелые серебряные нити от галуна.
68. Кусочки серебра, сплавившиеся с другими металлами.
69. Часть обгорелых деревянных четок с сохранившимися шестью шариками и металлической от четок цепочкой.
70. Обгорелая булавка с нанизанными на ней бисеринками.
71. Шесть кусочков обгорелого дерева, стекла и глины от каких-то уничтоженных огнем предметов.
72. Четыре использованных обгорелых гильзы от револьвера системы Нагана.
73. Обгорелая медная петля, какая-то пластинка и сплюснутая медная трубочка.
74. Обгорелый металлический ободок от дамской ручной сумочки.
75. Обгорелая дамская черная сумочка-мешочек.
76. Кусок обгорелого носового платка с сохранившейся меткой «А», (видимо, Демидовой).
77. Несколько кусочков почти уничтоженной рамочки.
78. Кусок обгорелой срезанной с иконы ризы.
79. Маленькая обгорелая игральная карта (восьмерка бубен).
80. Обгорелый кусочек темно-зеленой шелковой материи и черной бархатной ленты.
81. Обгорелая металлическая монограмма: «18VIII0...»
82. Обгорелые серебряные нити от галуна и шнура.
83. Обгорелая офицерская кокарда.
84. Обгорелый металлический нажим и проволочка.
85. Обгорелая дощечка от какой-то иконы.
86. Обгорелая шелковая подушечка с петелькой от иконы.
87. Две обгорелых металлических планшетки, на одной из коих сохранилось клеймо «OPTI... Стокгольм».
88. Обгорелые кусочки бумаги картона.
89. Обгорелые кусочки письма.
90. Обгорелые остатки металлической рамочки со стеклом.
91. Десять обгорелых стальных перьев для письма.

92. Четыре мужских пуговицы фирмы Лидваля, шесть маленьких военных пуговиц с гербами, три дамские стеклянные пуговки, остатки бельевых пуговиц, остатки перламутровых пуговиц; все пуговицы обгорели.

93. Несколько кусочков разных шелковых дамских ажурных чулок, один кусочек шелковой митенги, уничтоженных огнем; обгорелый мужской каблук со следами металлического предохранителя.

Б. Вещи, обнаруженные в печах и в мусоре при доме Попова, где помещались охранники

94. Картонная коробка с десятью стеклами для волшебного фонаря; на коробке клеймо: «Склад волшебных фонарей А.Д. Мин, С.-Петербург, Бассейная, 7».

95. Деревянная, овальной формы икона Ангела Хранителя. Лицевая ее сторона имеет трещину, видимо, от удара по иконе. На оборотной стороне черным карандашом рукою Государыни Императрицы написано: «Христос Воскресе 25 марта 1912 года Ливадия».

96. Три катушки с пленками «Кодак» размером 12 1/2 на 10.

97. Две медные бляхи, видимо, от чемоданов; на одной из них вензель «А.Ф.».

В. Вещи, обнаруженные в помойной (мусорной) яме при доме Ипатьева

98. Деревянная икона с погнутым металлическим колечком. Нельзя разобрать лика Святого. На оборотной стороне карандашом рукою Государыни Императрицы написано: «Спаси и сохрани. Мама. 1917 г. Тобольск». Выше надписи – изображение креста.

99. Деревянная икона. Нельзя разобрать изображения Святого. На оборотной стороне – остатки надписи на славянском языке, причем представляется возможным разобрать лишь слово: «скорбящих».

100. Белая маркизетовая блузка для взрослой женщины, отделанная прошивкой и вышитая гладью.

101. Белый батистовый дамский носовой платок.

102. Дамский мешочек-сумочка из шелковой черной материи.

103. Розовая шелковая с серыми отливами ленточка.

104. Черный муаровый галстук с нашитой на нем лентой ордена Святого Владимира, причем лента перерезана наискось в месте, где пришивается орден; подкладка галстука достаточно поношена.

105. Георгиевская ленточка длиной 6 1/2 дюйма, шириной 1 дюйм, запачканная грязью. 106. Офицерская кокарда.

107. Стеклянная баночка.

108. Флакон с изображением на нем Святого Симеона Верхотур-ского, наполненный наполовину водой.

109. Образ Святого Серафима Саровского Чудотворца, оправленный в металлическую рамку. 110. Образ Святого Симеона Верхотурского на эмали.

111. Небольшой пузырек с водой с надписью на нем: «Вера твоя спасет тя. Свято-Троиц. Сергиев. Лавры».

112. Шесть флаконов разной величины с лекарственными веществами.

113. Кусок коричневой кожи с тисненым рисунком от сумочки или ридикюля.

114. Стеклянная трубочка с белым порошком.

115. Рамочка для фотографической карточки с круглым отверстием; наружные и внутренние края ее обтянуты медным багетом.

116. Металлическая оправа металлической рамочки.

117. Маленький брелочек с фотографической карточкой, изображение коей уничтожено до неузнаваемости его.

118. Деревянный яйцевидный брелок с вырезанными буквами «Х. В.».

119. Медная пластинка с изображением короны от несессера.

120. Круглое стекло от фотографической рамочки.

121. Небольшой флакон формы графина с порошком.

122. Свинцовая трубочка с мазью.

123. Крышка белого металла от мыльницы.

124. Металлический кубок.

125. Небольшой фаянсовый кусочек от чайной чашки с буквами «Боя».

126. Флакон с какой-то мазью.

127. Медная крышка от пудреницы.

128. Восьмигранный флакончик от духов с медным пульверизатором.

129. Генеральский погон.

130. Солдатская кокарда.

131. Четыре оловянных пароходика и один оловянный всадник-гусар – детские игрушки.

132. Медная монета пятикопеечного достоинства.

133. Камея среднего размера из Помпеи, изображающая женский профиль.

134. Три деревянных кружочка от лото с цифрами 1, 4 и 9.

135. Семь деревянных кубиков для постройки домиков – детские игрушки.

136. Фаянсовая крышка от миски.

137. Металлический наперсток.

Обнаружение этих вещей в доме Попова и в мусорной яме при доме Ипатьева принадлежало чинам Екатеринбургского Уголовного Розыска, работавшим в порядке 258 ст. уст. угол. суд. одновременно с судебной властью, занятой преимущественно осмотром дома Ипатьева.

Одновременно с обнаружением сих вещей 10 и 16 августа 1918 года они предъявлялись камердинеру Терентию Ивановичу Чемодурову.

В показаниях, данных начальнику Уголовного Розыска 10 и 17 августа 1918 года, Чемодуров заявил, что вещи, значащиеся под пунктами 100–103 включительно, принадлежат Анне Степановне Демидовой; в частности, относительно сумочки Чемодуров показал: «*Эта сумочка висела около кровати на стене, и с ней Демидова никогда не расставалась и хранила в ней те вещи, которые ей всегда были необходимы*».

В отношении ленты с орденом Святого Владимира Чемодуров показал:

> «Черный форменный галстук с перерезанной владимирской ленточкой принадлежит доктору Евгению Сергеевичу Боткину, этот галстук доктор Боткин всегда носил и даже засыпал в кровати не снимая его, на Владимирской ленточке всегда висел у доктора орден Владимира 3-й степени».

В отношении георгиевской ленточки Чемодуров показал:

> «Георгиевская ленточка снята с шинели Государя Императора, с этой шинелью Государь никогда не расставался и всегда в ней ходил».

В отношении двух икон, значащихся под пунктами 98 и 99, Чемодуров показал:

> «Два образка с уничтоженными изображениями принадлежат семье Государя и находились в общей спальне дома Ипатьева».

Офицерскую кокарду и стеклянную баночку, значащиеся под пунктами 106 и 107, Чемодуров признал принадлежащими Государю Императору; вещи, значащиеся под пунктами 108–123 включительно, – принадлежащими Государыне Императрице, причем в фотографической рамочке под пунктом 115 был у Государыни портрет ее брата, а в рамочке-брелочке под пунктом 117 – ее родителей; вещи, значащиеся под пунктами 124–128 включительно, – принадлежащими Великим Княжнам; генеральский погон (пункт 129) – принадлежащим князю Долгорукову; вещи, значащиеся под пунктами 130–135 включительно, – принадлежащими Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу; крышку от миски – от посуды Императора, наперсток – Демидовой.

Г. Иконы, найденные в доме Ипатьева и в его службах

138. Образ Спаса Нерукотворного, большого размера, с коричневой каймой; на оборотной стороне – изображение креста и надпись: «Спаси и сохрани 25 мая 1913 г. от А.В. Москва».
139. Образ Спаса Нерукотворного большого размера, с светло-коричневой каймой; на обороте надпись: «Ц. С. Анастасия 1914 г. 5 июня».

140. Образ Спаса Нерукотворного среднего размера, с коричневой каймой; на обороте изображение карандашом креста и надпись: «Спаси и сохрани от А.», а также и указана дата «1913».

141. Образ Спаса Нерукотворного, среднего размера, с серой каймой.

142. Образ Спаса Нерукотворного, малого размера, в коричневой деревянной рамке с черно-золотистым багетом.

143. Образ Спаса Нерукотворного, малого размера; на оборотной стороне надпись по-английски, в которой, однако, представилось возможным разобрать лишь несколько слов, не передающих всего смысла, и дата: «10 мая 1909 года».

144. Образ Спаса Нерукотворного, малого размера, в металлической рамочке; на оборотной стороне выгравировано: «Страдающий плотью перестает грешить. Как умножаются в нас страдания, умножается Христом и утешение наше для спасения, которое совершается перенесением страданий».

145. Икона Спасителя, малого размера, тисненая и раскрашенная, на жестяной пластинке, набитой на дерево; на обороте следы надписи: «Этот образ принадлежал нашей двоюродной сестре, когда она умерла...»

146. Образ Божьей Матери Почаевской, большой, чеканенный на гипсе, в красках; обратная сторона обита синим бархатом.

147. Образ Божьей Матери, большого размера, на дереве, старинного письма черной краской на красном фоне.

148. Образ Божьей Матери Тобольской, большого размера, с синей каймой вокруг иконы; на оборотной стороне –изображение креста и надпись Государыни Императрицы: «Спаси и Сохрани. Елка 1917 г. Тобольск Алике».

149. Икона Божьей Матери Тобольской, малого размера, чеканенная на гипсе, на красках. 150. Образ Пресвятой Богородицы Абалакскии, среднего размера, чеканен на гипсе, в красках; на оборотной стороне – изображение креста и рукою Государыни сделана надпись: «Дорогой Татьяне благословение на 12 января 1918 г. Тобольск Папа и Мама».

151. Образ Божьей Матери Всех Скорбящих Радость, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на оборотной стороне – изображение креста и рукою Государыни сделана надпись: «Т. Н. 27 февраля 1913 г. Ц. С. от Мамы».

152. Образ Божьей Матери Коломенской, большого равмера, на дереве.

153. Образ Знамение Пресвятой Богородицы, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте надпись: «От Ани 1916 г. Т. Н.»

154. Образ Знамение Пресвятой Богородицы, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте рукою Государыни написано: «Дорогой нашей Ольге благословение Папа и Мама. Спала 3 ноября 1912 г.».

155. Образ Пресвятой Богородицы Абалакскии, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте – изображение креста и рукою Государыни сделана надпись: «Т. Спаси и Сохрани. Мама. Елка 1917 г. Тобольск».

156. Такой же образ; на обороте – изображение креста и рукою Государыни написано: «А. Спаси и Сохрани. Мама. Елка 1917 г. Тобольск».

157. Образ Пресвятой Богородицы Скоропослушницы, малого размера, писан на дереве; на обороте надпись: «От Ани 9 сентября 1915 г. Н.».

158. Образ Пресвятой Богородицы Скоропослушницы, малого размера, писан на дереве. 159. Образ Пресвятой Богородицы Скоропослушницы, на полотне, в красках.

160. Образ Божьей Матери Утоли Моя Печали, на гипсе, в красках; на обороте – изображение креста и надпись: «А.Ф. Окт. 1908 г.»

161. Образ Божьей Матери Владимирской, на дереве. На обороте написано: «Тобольск (Святая Икона) сент. 3-го 1917. От Настеньки».

162. Образ Божьей Матери Благодатное Небо, малого размера, чеканен на гипсе, на красках. На обороте написано: «От Ани 1916 г.»

163. Образ Божьей Матери Умягчение Злых Сердец, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте внизу надпись: «От сестры милосердия О. Шевчук».

164. Образ Святого Николая Чудотворца, среднего размера, на гипсе, в красках; на обороте отпечатан штемпель: «Благословение Русского Свято-Андреевского Скита, что на Святой Афонской Горе».

165. Образ Святого Николая Чудотворца, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте – карандашом обозначены две буквы «А.В.» и штемпель: «Сия икона освящена на Мощах Святого Праведного Симеона Верхотурского Чудотворца 12 июня 1914 г.»

166. Образ Святого Николая Чудотворца, малого размера, в серебряной позолоченной ризе.

167. Образ Святого Серафима Саровского, малого размера, писан на дереве.

168. Образ Святого Серафима Саровского, малого размера, в металлической рамке, под стеклом.

169. Образ Святого Георгия Победоносца, старинного письма и отделки, в металлической рамке яйцеобразной формы, подвешенной на цепочке; на обороте рукою Государыни написано: «Х. В. Мария от Папа и Мама 1913 г.»

170. Образ Святого Симеона Верхотурского, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте рукою Государыни написано: «Дорогой Татьяне от Ани 1916 г.»

171. Образ Святого Симеона Верхотурского, малого размера, в металлической рамочке.

172. Образ Святых Мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, малого размера, писан на дереве. 173. Такой же образ, с колечком на задней стенке.

174. Такой же образ; на обороте карандашом сделано изображение креста и надпись: «А. Тобольск».

175. Такой же образ; на обороте рукою Великой Княжны Татьяны Николаевны сделана надпись: «Тобольск 1917 г. 22 декабря Т.Н.»

176. Такой же образ; на обороте написано: «Дек. 1917 г. Тобольск. Празднов. 14 апреля».

177. Образ Святой Мученицы Параскевы Пятницы, малого размера, писан на дереве; на обороте надпись: «От старицы Марии Михайловны. Новгород, 11 декабря 1916».

178. Образ Святого Сергия Радонежского, среднего размера, писан на дереве.

179. Образ Святых Косьмы и Дамиана, малого размера, на жести в красках, набит на дерево; на обороте надпись – «22 мая 1916 г.»

180. Образ Святого Пророка Илии, малого размера, писан на металле, в красках; на обороте надпись – «22 Т. 22 мая 1914 г.»

181. Образ Святого Иоанна Тобольского, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте надпись: «В благословение от Святителя Иоанна Митрополита Тобольского и Сибирского» и штемпель об освящении иконы 23 апреля 1918 года.

182. Такой же образ; на обороте – такая же надпись и штемпель об освящении иконы 5 мая 1918 года.

183. Такой же образ; на обороте такой же штемпель и надпись рукою Великой Княжны Татьяны Николаевны: «Т. Н. Тобольск», перед надписью – изображение креста.

184. Образ Святого Иоанна Тобольского, меньшего размера; на обороте надпись: «Тобольск 11 августа 1917 года от Настеньки».

185. Такой же образ; на обороте надпись: «Тобольск, 11 августа 1917 г.»

186. Образ Святого Иоанна Тобольского, еще меньшего размера.

187. Образ того же Святого, большого размера, чеканен на гипсе.

188. Образ Спасителя, писан на дереве; на обороте чернилами черного цвета написано: «Здесь получили утешение и благословение от Григория и Анны». Все слова в этой надписи, кроме слова «Григорий», писаны одной рукой. Видимо, все эти слова писаны рукой Анны Александровны Вырубовой, кроме слова «Григорий», принадлежавшего, видимо, Распутину.

189. Образ Благовещения Пресвятой Богородицы, писан на дереве; на обороте надпись, сделанная черными чернилами, следующего содержания, с сохранением орфографии: «бох радует путешает каксее извечает событье дает взнак цвет». Ниже этой надписи пометка, сделанная другой рукой: «Док. 1910 г.» Видимо, надпись принадлежит Распутину. На образе – изображение Девы Марии, Архангела с кетвыо в руках и Духа Святого в виде голубя.

190. Образ Святого Иоанна Воина, писан на дереве; на обороте надпись черными чернилами, принадлежащая также, видимо, Распутину: «Богнас на то и благословил этот угодник помощник наслу-чей».

191. Образ Божьей Матери Достойно Есть, писан на дереве; на обороте надпись черными чернилами, сделанная, видимо, Распутиным: «благословенье отдостойны именинице Татьяне набольшую любовь христианстве вдухе анеформе».

192. Образ Божьей Матери. Он в золотой ризе; на ней следы срезанного венчика; обратная сторона обита малиновым бархатом. Этот образ, по показанию Чемодурова,– есть образ Федоровской Божьей Матери: сорванный венец имел звезду с бриллиантами.

193. Образ Казанской Божьей Матери, в металлической оправе.

194. Образ Ченстоховской Божьей Матери, в черной раме, со стеклом, заключенным в металлическую оправу.

Три последние образа, как и образ Святого Георгия Победоносца (пункт 169) были найдены в комнате Великих Княжен.

Д. Книги, найденные в доме Ипатьева и в его службах

а) Книги Государыни Императрицы

195. Книга «Лествица». Она в красном, тисненном золотом переплете. На обратной стороне первого чистого листа книги наклеена ромбообразная бумажка с вензелем «А.Ф.» и Императорской короной. На Третьем листе, где напечатано название книги, рукою Государыни карандашом написано: «А.Ф. Ц. С. март 1906 г.»

В книге некоторые страницы отчеркнуты и отмечены карандашом. На странице 167-й три закладки: белая – чистая и две голубых с пометками: на одной I (начальная буква французского слова «page» – страница) 184 № 53, на другой: P. 187 № 66». На странице 206-й белая закладка с пометкой: P. 206 № 163. На странице 231 розовая закладка с пометкой: Page 231 № 83. На странице 269-й – белая, широкая, чистая закладка.

196. Книга «О терпении скорбей». Она в голубом переплете, тисненном золотом с чернью. На оборотной стороне лицевого переплета наклеена ромбообразная бумажка с вензелем «А.Ф.» и Императорской короной. На обратной стороне обложного листа рукою Государыни написано: «А.Ф. Петергоф 1906 г.» В книге очень много карандашных отметок и подчеркнутых тезисов.

197. «Молитвослов». Книга – в темно-синем коленкоровом переплете. На оборотной стороне заглавного листа наклеен кружок, на коем – тисненый сложный вензель «Н.А.» и «А.Ф.» и Императорская корона. На последней странице оборотного листа написано черными чернилами: «6 мая 1883 г.» В книжке несколько засушенных цветов и голубая шелковая ленточка с колечком.

198. «Библия». Книга – в черном коленкоровом переплете. В ней много подчеркнутых карандашом тезисов и заложены засушенные травки, листики и полевые цветы.

199. Какая-то французская книга.

200. «Великое в малом» Сергея Нилуса.

201. «Синее с золотом» Аверченко.

202. «Рассказы для выздоравливающих» Аверченко.

203. А. П. Чехов – томы II, VIII и XIII.

б) Книги Великой Княжны Ольги Николаевны

204. Английская книга «And Mary Sings Magnificat» в бумажной обложке. На ее обложке изображена воспевающая Святая Дева, и ей аккомпанируют два ангела. На первом листе книги – изображение креста и написанные рукою Государыни Императрицы стихи на английском языке. На оборотной стороне рукою Государыни написано: «В. К. Ольге 1917 г. Мама Тобольск».

В книге вложены нарисованные и вырезанные из бумаги изображения Церкви Спаса Преображения в Новгороде, Церкви Покрова на Нерли Владимирской губернии, и, кроме того, вложены три листика бумажки. На одном из них написано стихотворение «Разбитая Ваза» Сюлли Прюдома. На двух других рукою Великой Княжны Ольги Николаевны написаны стихотворения:

1. Перед иконой богоматери

Царица неба и земли,
Скорбящих утешенье.
Молитве грешников внемли –
В Тебе – надежда и спасенье.
Погрязли мы во зле страстей.
Блуждаем в тьме порока.
Но... наша Родина. О, к ней
Склони всевидящее око.
Святая Русь, твой светлый дом
Почти что погибает.
К тебе, Заступница, зовем –
Иной никто из нас не знает.
О, не оставь Своих детей,
Скорбящих упованье.
Не отврати Своих очей
От нашей скорби и страданья.

2. Молитва

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги.
Владыка мира, Бог вселенной.
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

205. «Орленок» Ростана в красном тисненном золотом переплете. На третьем внутреннем листе надпись по-французски: «В. К. О. Н. от П. Ж. Спала 3 XI 1912».

206. Английская книга «The princess and the goblin». На второй странице надпись по-английски «For Darling Olga. From Aunty Jrene. 1908».

207. Французская книга «Франция во все века». На обороте первого обложного листа написано рукою Государя: «Елка 1911 – 24-го Декабря. Царское Село. От Мама и Папа» и сбоку: «Ольга Н.».

в) Книги Великой Княжны Татьяны Николаевны

208. «Правило молитвенное готовящимся ко Святому Причащению». Книга – в голубом тисненом переплете. На первой странице рукою Государыни написано: «Моей маленькой Татьяне от Мама 9-го Фев. 1912 г. Царское Село». Книга напечатана по-славянски.

На странице 14-й закладка, изображающая Моление о Чаше. На странице 31-й – закладка образ Пресвятой Богородицы Живописный Источник. На странице 44-й – закладка образ Божьей Матери Холмской. На странице 60-й – закладка образ Святого Иоанна Воина и на оборотной странице этой закладки написано: «В.К.Т.Н.1918г.» На странице 63-й – закладка-лента шелковая, на одной стороне коей наклеен золотой Императорский герб, а на другой наклеена бумажка с надписью «Спаси и Сохрани» и нарисованы месяц и звезда. На страницах 74-й и 153-й – одна закладка в виде белой шелковой ленточки, на одном конце коей на колечке надет золотой образок Великомученицы Варвары и серебряный образок Святого Пантелеймона и Великомученицы Варвары, а на другом конце – серебряные образки Божьей Матери Избавительницы и эмалевый образок Божьей Матери Владимирской. На этой ленточке также надето золотое колечко с вырезанной на нем надписью в память восьмисотлетия Киевского монастыря Святой Варвары. На странице 92-й – закладка образ Божьей Матери «В скорбях и печалях утешение». На странице 110-й – закладка образ Святого Симеона Верхотурского.

209. «Благодеяния Богоматери». Книга в красном переплете. На внутренней белой обложке – изображение креста и надпись по-английски и по-русски рукою Государыни: «For my Darling Tatiana fr. her loving old Mama. Тобольск. Янв. 12. 1918».

210. «Часослов». Книга – в коричневом твердом переплете. На первой странице рукою Государыни написано: «Т. Н. Тобольск 1917 г. 30 Сентября». На странице 113-й – красная лента-закладка, на коей наклеен щиток с изображением меча и венка и надписью «За Веру Царя и Отечество», а на другой стороне бумажка с надписью: «Спаси и Сохрани 1906».

211. «Письма о христианской жизни». Книга – в черном переплете. На оборотной стороне рукою Государыни написано: «Татьяне 1917 г. Ц. С. 12 июля».

212. «О терпении скорбей». Книга – в серой обложке. В углу обложки рукою Государыни написано: «Т. Н. 1917».

213. «Житие и чудеса Святого Праведного Симеона Верхотурского». Книга – в серой обложке. В углу обложки рукою Государыни написано: «Т. Н. Тобольск 1917 г.».

214. «Житие Преподобного Отца нашего Серафима Саровского». Книга в серой обложке. В углу ее рукою Государыни написано: «Т. Н. Тобольск 1918 г.».

215. «Акафист Богородице». Книга в белой обложке, запачканной маслом. На обложке рукою Государыни написано: «Т. Н. 27-го февр. 1913 г. Ц. С.» На внутренней обложке рукою Великой Княжны Татьяны Николаевны написано: «Празднование образу Пресв. Богородицы всех скорбящих радости (с 1688 г.) 24-го октября».

216. «Двенадцать Евангелий». Книга в сером переплете. На внутренней обложке рукою Государыни написано: «Дорогой Татьяне от Мама 1905».

217. «Моя жизнь во Христе». Книга – в коричневом твердом переплете. На первом листе рукою Государыни написано: «Т. Н. 1915».

218. «Утешение в смерти близких сердцу». Книга в светло-зеленой обертке. В углу ее рукою Государыни написано: «Т. Н. 1917».

219. «Сборник благоговейных чтений» Валуева. Книга в светло-лиловом переплете. На страницах 259, 271, 307, 351 и 417 вложены засушенные цветы.

220. «Беседы о страданиях Филарета». Книга в голубом тисненом переплете.

221. «Канон Великий Андрея Критского». Книга без переплета. На заглавной странице надпись: «Татьяне Царское Село 10 февраля 1909 от С. Тютчевой».

222. «Сборник служб, молитв и песнопений». Книга в малиновом тисненом переплете. На обложном листе написано: «Милой Татьяне от любящей ее С. Тютчевой 1908 г. 25 ноября».

На оборотной стороне этого листа карандашом написано рукою Великой Княжны Татьяны Николаевны: «Все тропари и кондаки гласы».

На странице 113-й – закладка-лента, на одной стороне коей нарисован в круге Мальтийский крест и над кругом надпись: «Т. Н. 1905», а на другой написано карандашом: «Татьяна». На странице 191-й – закладка – образ Святой мученицы Татьяны, а на обороте ее – надпись: «Да хранит тебя Господь». На странице 227-й закладка – ромашка засушенная. На последней обложной странице рукою Великой Княжны Татьяны Николаевны написано: «Заключительное Господи Помилуй № 79 Знаменского распева».

223. Английская книга «The wider life». Книга в светло-голубом переплете с золотом на корешке. На обороте первой страницы написано рукою Государыни: «Foy davling Tatiana от А. 1909».

224. Английская книга «The beauty of self-control». Книга в светло-голубом переплете. На обороте первой страницы рукою Государыни и за ее подписью «Александра 1912» сделано по-английски надпись, разобрать которую не представилось возможным.

225. Английская книга «Lifes open door». Книга в таком же переплете. На обороте первой страницы рукою Государыни также сделана надпись по-английски и обозначение креста, а затем Ее подпись «Александра».

226. «Смелая жизнь Чарской». Книга в твердом переплете с картинкой на крышке. На обороте обложного листа рукою Государыни написано: «Дорогой Татьяне от Папа и Мама. Янв. 1908».

227. «История Петра Великого» Чистякова. Книга в сине-зеленом переплете.

228. Английская книга «Король Момбо» с посвящением от автора Павла дю-Шалю.

229. Английская книга того же автора «My Oping kingdom» с посвящением от автора, в светло-зеленом переплете.

230. Английская книга того же автора «The country of the Dwars» с посвящением от автора, в таком же переплете.

231. Английская книга «Рассказы Шекспира» в коричневом переплете.

232. «Басни Лафонтена» на французском языке в желтом переплете. На оборотной стороне написано: «Ольга Татьяна 1905. Петергоф».

233. «Антология детства» Фредерика Ваталья на французском языке. На оборотной стороне лицевого переплета надпись: «Ольга Татьяна 1906».

г) Книги Великой Княжны Марии Николаевны

234. «На Париж» Авенариуса. На оборотной стороне обложного листа написано: «М. Н. Елка 1913 от П. В. П.»

235. Книга «наглядного обучения иностранным языкам». На заглавной стороне обертки надпись: «Marie».

236. «Отблески» Попова – ученическая книга. На оберточной листе написано: «М. Н. 1910».

237. Английская книга «The role and ihe ring» в зеленом с картинкой переплете.

д) Книги Великой Княжны Анастасии Николаевны

238. Четыре книги сочинений Лажечникова, томы 1–12, в цветных переплетах.

е) Книги Наследника Цесаревича Алексея Николаевича

239. «Правила игры на балалайке». Книга – в голубом переплете с вензелем «А» и короной на лицевой стороне.

240. Ученическая тетрадь в желтой обложке. На лицевой стороне ее рукою Наследника Цесаревича написано: «Тетрадь для французского Алексис». В ней заполнено пять страниц упражнениями во французских переводах.

241. Тетрадь в синей оберточной бумаге. На ней отпечатаны гербы Тобольской губернии, Тобольского уезда и Царства Сибирского. Наверху напечатано: «1916 г. На память». Внутри тетради – виды Тобольска.

242. «Памятная книжка на 1917 год». Она переплетена в деревянный с медной застежкой переплет. В ней записи воспитателей Наследника Цесаревича Гиббса и Жильяра о времяпрепровождении и состоянии здоровья Наследника.

Е. Вещи, найденные у охранников в их квартирах

Все эти вещи были обнаружены при обысках, произведенных 6 и 9 августа 1918 года в порядке 258 ст. уст. угол. суд. Начальником Екатеринбургского Уголовного Розыска в присутствии лиц прокурорского надзора.

Вещи эти следующие:

а) Вещи, найденные в квартире охранника Михаила Иванова Летемина в г. Екатеринбурге 6 августа 1918 года

243. Дневник Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Он в переплете, покрытом стального цвета шелком. Все записи в нем сделаны собственноручно Наследником Цесаревичем. Они начинаются с 11/24 марта 1917 года и кончаются записью под датой 9 ноября 1917 года: «Весь день прошел как вчера и так же скучно».

На первой незанумерованной странице дневника рукою Государыни Императрицы написано: «Всея твари Создателю времена и лета по Своей Власти положивый благослови венец лета благости Твоей, Господи, сохраняя в мире Императора и спаси ны». Сверху этой надписи – изображение креста.

На другой внутренней странице также рукою Государыни Императрицы написано: «Дорогому Алексею от Мама. Царское Село».

244. Приходо-расходная книжечка. Она в красном сафьяновом переплете. На приходе указаны деньги из канцелярии Ее Величества. Расход весь почти исключительно на церковь. Книжка начата в феврале 1912 года и закончена в июле 1917 года.

245. Золотой крест-ковчежец; на одной стороне его выгравирован образ Святителя Алексея, по бокам коего выгравировано название иконы, на обратной стороне – Распятый Христос; внутри ковчежца – мощи.

246. Серебряный крест-ковчежец; на одной стороне его выгравировано: «М. Пимена Многострадального», на другой – выгравирован крест; внутри ковчежца – мощи.

247. Образ Святого Алексея Митрополита Московского. Образ – овальной формы, на фарфоре, оправленный в серебряный вызолоченный ларец, задняя крышка коего открывается, а в самом ларце – мощи. Вокруг образа – украшение из изумрудов и алмазов.

248. Четки из раковин со сломанным крестиком.

249. Две свечи белого воска, из коих одна обвита золотым ободком, а другая украшена золотым узором и цветным букетиком.

250. Две целые стеариновые свечи.

251. Дамский черный шелковый зонт с ручкой черного дерева и серебряной головкой, на коей выгравировано: «Alix 1891 г.»

252. Фотографический аппарат панорамный фирмы Кодак из магазина «Карпова в С.-Петербурге, Михайловская, № 1».

253. Наставление к сему аппарату.

254. Две коробки с негативами в количестве тридцати трех.

255. Стекла волшебного фонаря в количестве двадцати двух.

256. Две маленьких пряжки белого металла с блестящими камнями.

257. Флакон с туалетной водой Вербена.

258. Стеклянная мельница без крышки.

259. Белая костяная ногтевая щетка французского изготовления.

260. Черепаховый гребень для волос № 4698.

261. Деревянная с рукояткой щеточка для обмахивания пыли с ботинок французского изготовления.

262. Пара белых нитяных перчаток.

263. Две малых военных пуговицы с гербами.

264. Пять черных круглых пуговиц, из коих четыре с блестящими камушками.

265. Четыре черных гладких и одна черная с узором пуговица.

266. Клубок черных ниток № 40.

267. Пачка булавок с черными головками.

268. Две пачки иголок № 2 и 5.

269. Маленькая подушечка для втыкания булавок с воткнутыми в нее несколькими булавками с черными головками и одной с металлическим бантиком.

270. Мужская манишка белая крахмальная с дворцовым штемпелем.

271. Белая мужская ночная рубашка со следами какой-то отпоротой метки.

272. Одна бархатная ковровая скатерть с рисунком и бахромой.

273. Одна скатерть малинового цвета из ниток «ириса».

274. Белая простыня со споротой меткой.

275. Белая батистовая простыня с меткой «Н.А.» и короной: под вензелем цифры: «72/95».

276. Пуховая подушка в розовом атласном чехле; сверху белая наволочка с меткой: «А. Ф», короной и цифрами под меткой: «72/94».

277. Шелковая тонкая подушечка с бантиком.

278. 10 белых вязаных скатертей ручной работы.

279. Белая распоротая наволочка со следами споротой метки: «М.».

280. Салфеточка для сухарницы, такого же рисунка, как и одна из скатертей.

281. Три покрывала для подушек, из коих два вязаны из белых ниток, ручной работы.

282. Кружева для простыни.

283. Мужские черные штиблеты с резиной.

284. Дамские туфли, коричневой лайки, закрытые, на шнурках; на подошвах оттиснуты цифры «1760» и «120» и метка: «М».

285. Ремень тонкой желтой кожи с белой пряжкой.

286. Наружный металлический градусник Реомюра.

287. Спиртовка белого металла с фитильной горелкой.

288. Плоская металлическая спиртовка для дамских щипцов.

289. Спиртовка «Зелла».

290. Двое стальных ножниц, одни – среднего и одни малого размера.

291. Деревянное основание от стоячего зеркала и часть зеркала.

292. Стальной складной для разрезания бумаги нож.

293. Рукоятка с обломанным лезвием мельхиорового столового ножа фирмы Хеннеберг.

294. Использованный флакон синдетикона.

295. Коробка с восемью электрическими лампочками.

296. Небольшой тючок с манным порошком.

297. Жестяная коробка с монпансье.

298. Зеленая картонная коробочка с этикеткой французской фирмы «Наво и К-о» с несколькими фитилями для лампадки.

299. Медный колокольчик.

300. Стальные щипцы фирмы Гапшталь.

301. Кисточка для клея.

302. Две кисточки для рисования.

303. Цветной (красный) карандаш Гартмута.

304. Жестяная коробка от папирос фабрики «Режи».

305. Стеклянная матовая большая чашка.

306. Белая фаянсовая банка.

307. Белая фаянсовая крышка.

308. Два фаянсовых чайных блюдца и две малых фаянсовых тарелочки фабрики Кузнецова.

309. Два стакана граненых в нижней трети.

310. Пакет с персидским порошком.

311. Жестяная баночка из-под перца.

312. Жестяная коробка с рисом.

313. Два висячих замка с четырьмя ключами.

314. Одиннадцать белых хорошей бумаги конвертов, в четырех вложены листы твердой синей бумаги.

315. Пять малых конвертов серых с белой каймой.

316. Большая цилиндрообразная стеклянная банка с этикеткой на ней фирмы Эйнем.

317. Дорожный погребец, обтянутый черной кожей, застегивающийся ремнем; верхние углы и бока скреплены медью.

318. Желтая полевая телефонная сумка, обшитая парусиной, с ременными застежками. Внутри сумки на дне ее – надпись синим карандашом: «Заведывающий дворцовыми телефонами Коллежский Секретарь. Н. В. Фролов июля 28 дня 1802 г. Г. Новый Петергоф».

319. Оловянные детские игрушки: пароходик, лодочка, два передка с пушками, одно тело орудия, семь пехотных солдатиков, шесть конных и две лошади.

320. Собака Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, породы спаниель по кличке Джой.

Все веши, только что перечисленные, Михаил Иванов Летемин сам выдал властям, объяснив, что похитил таковые в доме Ипатьева.

При допросе его членом суда Сергеевым 18–19 октября 1918 года он показал, что все эти вещи после убийства царской семьи он взял 22 июля 1918 года из дома Ипатьева и его служб как брошенные. Собаку Наследника Цесаревича Джоя он изъял потому, что «пожалел» ее.

При обыске у него присутствовал камердинер Терентий Иванов Чемодуров, который и опознал все указанные вещи как принадлежащие царской семье и находившимся при ней лицам, показав, что все эти вещи находились в доме Ипатьева.

б) Вещи, найденные в квартире Кузьмы Иванова Летемина

Того же 6 августа Начальником Екатеринбургского Уголовного Розыска в порядке 258 ст. уст. угол, суд., в присутствии прокурорского надзора, был произведен обыск у родного брата охранника Михаила Иванова Летемина Кузьмы, проживающего также в Екатеринбурге.

У него было обнаружено:

321. Семь таких же детских игрушек, как и у Михаила Летемина: две одноколки, лодочка, две лошадки и два солдатика.

Кузьма Летемин объяснил на дознании, что эти игрушки дал ему за несколько дней до обыска его брат Михаил.

в) Вещи, найденные в квартире охранника Павла Спиридонова Медведева 9 августа 1918 года в Сысертском заводе

322. Саквояж желтой кожи с металлическим замком.

323. Маленький красный сафьяновый бумажник на две створки с застежкой кнопкой; внутри четыре отделения для денег и два для марок.

324. Две золотые запонки, одна овальная, другая круглая; обе представляют сигарные этикетки под стеклом; на каждой из запонок дата: «27 июля 1914 года». Каждая запонка пристегивается раздвижным кольцом на золотой палочке с одним растянутым звеном цепи.

325. Марлевый широкий бинт.

326. Компас.

327. Серебряное колечко, покрытое темно-синей эмалью с надписью: «Св. Пр. Мати Ксения моли Бога о нас».

328. Серебряное колечко, покрытое черной эмалью; расширяясь в середине, оно образует щиток с позолоченным рисунком. На черной эмали надпись: «Пресвятая Богородица спаси нас».

329. Три пары суконных серых перчаток.

330. Одни пуховые носки.

331. Одно полотенце.

При допросе на дознании камердинера Терентия Иванова Чемодурова и по предъявлении ему сих вещей 10 того же августа он показал, что найденные у Медведева кольца принадлежат Великим Княжнам; все остальные вещи – доктору Боткину.

При допросе на следствии у члена суда Сергеева жена Медведева Мария Данилова 9–10 ноября 1918 года показала, что все эти вещи после 17 июля принес домой ее муж.

г) Вещи, найденные в квартире охранника Ивана Андреева Старкова 9 августа 1918 года в Сысертском заводе.

332. Деревянный желтый полированный ящик. Он имеет наверху ручку и три отделения: два верхние, запирающиеся каждое выдвижной крышкой, и одно нижнее, являющееся выдвижным ящиком. Оба верхние отделения разделены в свою очередь каждое на три отделения.

333. Три мельхиоровые вилки: одна – столовая, с виньеткой на ручке, и две – десертные; на всех трех соскоблены какие-то монограммы.

334. Две восковых свечи из красного воска; обе обвиты золотом, причем одна на две трети, а другая вся целиком.

335. Стенной термометр Реомюра.

336. Флакон с духами.

337. Железный напилок с деревянной ручкой.

338. Белый батистовый маленький носовой платок; в каждом углу платка вышит шелком кружок и по сторонам его три цветочка; метка вырезана.

339. Такой же платок; в каждом углу таким же шелком вышито по три венчика; метка срезана.

340. Такой же платок, но с голубой каймой; метка срезана.

341. Такой же платок, но без каймы; в каждом углу вышито таким же шелком по пяти веточек цветов; метка срезана.

342. Деревянная коричневая рамочка со вставным узором такого же коричневого, но несколько более светлого цвета. В рамке – маленькая акварель яхты с тремя мачтами и двумя трубами.

343. Маленькая рамочка, обтянутая синей кожей с двумя золотыми ободками. В ней – картинка с пакетика от краски для яиц.

344. Маленькая рамочка, обтянутая сиреневой кожей с двумя золотыми ободками.

345. Маленькая рамочка, обтянутая синей кожей с двумя золотыми ободками.

346. Такая же рамочка, но несколько большего размера.

347. Кисточка для крашения с деревянной черной ручкой.

При допросе на дознании камердинера Терентия Ивановича Чемодурова и по предъявлении ему сих вещей 10 августа он показал, что все эти вещи, найденные у Старкова, были в доме Ипатьева, как принадлежащие царской семье, причем ящик, напилок, все рамочки и кисточка принадлежат Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу, платки – Великим Княжнам, а вилки – кухне Императора.

д) Икона Святого Иоанна Тобольского, найденная на кладбище Сысертского завода

348. Икона Святого Иоанна Тобольского – чеканена на гипсе с основанием из дерева. На месте изображения локтя Святого вырезан ковчежец, где, видимо, хранились мощи. Сзади образа недостает одной планки. Сама доска покороблена, видимо, от сырости. Края иконы побиты, краска местами стерта. На задней стороне иконы определенно видны следы уничтожения бывшей здесь какой-то надписи.

Эта икона была обнаружена в августе месяце 1918 года на кладбище, куда ее, видимо, бросили во время производства обысков в квартирах охранников. 24 августа 1918 года она была предъявлена камердинеру Терентию Ивановичу Чемодурову, признавшему в ней одну из икон Государыни Императрицы.

е) Вещи, найденные в квартире курьера-сторожа в Уральском Областном Совете Петра Илларионова Лылова 30 июля 1918 года

349. Карандаш сиреневой эмали с вензелем «А.Ф.» и датой «1915», имеет пробу 56.

350. Рамочка светло-зеленая для фотографической карточки.

351. Рамочка светло-голубой эмали с нарисованной на ней гирляндой роз для фотографической карточки.

352. Рамочка бронзовая с лавровым веночком вверху для фотографической карточки.

353. Маленькая пудреница зеленой эмали.

354. Золотое обручальное кольцо 94-й пробы с вырезанной внутри надписью «Г. Л. С. Ф. 1856».

355. Головка от дамской шляпной булавки из металла, покрытого эмалью: в середине пустое отверстие, видимо, от бывшего здесь камня.

356. Медальон шейный, золотой, черненый, с золотым крестом на верхней крышке; внутри его – дата: «1 декабря 1891 года».

357. Такой же медальон, но несколько меньше первого; внутри его – дата: «20 января 1888 года», а под одним из стекол – темный волосок.

358. Золотой медальон. На одной из наружных сторон надпись: «Пожал. Е. И. В. Гос. Импер. Александрой Федоровной». На другой наружной стороне – дата: «23 мая 1896 г.» Внутри медальона – серебряный, с цветной эмалью, вынимающийся образок Черниговской Божьей Матери и Сергия Радонежского.

359. Золотой медальон. На одной из наружных сторон – дата: «6 февраля 1875». Внутри под стеклом – один светло-русый волос.

360. Золотой медальон.

361. Золотой медальон.

362. Золотой медальон.

363. Золотой медальон.

364. Золотой медальон с кружевной резьбой.

365. Серебряный нательный крестик, неправославной формы, с рельефным распятием на нем.

366. Золотой нательный православный крестик.

367. Золотая шейная цепочка. На ней надеты все три креста.

368. Серебряный круглый образок нательный; с изображением Нерукотворного Спаса; на обратной стороне – изображение Часовни Спасителя в Петрограде.

369. Такой же совершенно образок.

370. Пять брелоков; один – череп с двумя перекрещенными костями, другой – с изображением Мадонны, третий имеет в виде подвесков маленькие бляшки с буквами: «Р. О. М. А.», четвертый – веер, пятый – Божья коровка.

ж) Вещи, найденные у гражданской жены курьера Лылова Феодосьи Иларионовой Балмашевой, которая также служила чайницей в здании Уральского Областного Совета

371. Четыре флакона косметики: «Петроль» немецкой марки, «Петроль» французской марки и два флакона воды «Кармес» французской марки.

372. Три куска глицеринового мыла французской марки «Флоренция».

373. Пульверизатор для порошка от насекомых с металлическим наконечником и основанием.

374. Зонтик дамский белый муаровый в белом шелковом чехле. Конец зонтика и шейка ручки – слоновой кости. Ручка зонтика – из темно-зеленой яшмы, соединена с шейкой ручки золотым кольцом с двумя серебряными венчиками.

375. Зонтик дамский черный шелковый. Ручка металлическая с изогнутым серебряным наконечником.

376. Зонтик дамский белый полотняный. Ручка – деревянная с двумя металлическими колечками, из коих одно – с резной веточкой.

377. Зеленая коробка с фармаконом придворной аптеки.

378. Коробочка лекарства с рецептом от 27 января 1917 года № 151 на имя Шнейдер из «Придворной Его Величества Аптеки».

379. Фарфоровое белое яйцо на розовой шелковой ленте. На яйце имеется вензель золотом «Н» и Императорская корона.

380. Лампада, состоящая из металлической подставки в виде чаши и вставного стаканчика темно-синего стекла. Верхняя часть подставки – резная – ажурная, в виде крестиков с дугами. На ножке подставки выгравировано: «Бог», а на основании – крест и слова: «Да будет воля Твоя».

381. Образ Иоанна Крестителя, большого размера, чеканенный на гипсе, на деревянном основании, в красках.

382. Маленькая черная брошь в виде пуговицы.

383. 56 мотков разноцветного шелка для вышивания.

384. Четыре деревянных желтых спицы для шерстяного вязания.

385. Две пуховые подушки.

386. Длинная, узкая, туго набитая подушка, обшитая с одной стороны сатином, а с другой – замшей.

387. Четырнадцать столовых белых салфеток с узорами. В каждом углу салфетки – инициалы: «Н»-II и корона; в середине – два Императорских герба в четыре знака, изображающих скипетр, перекрещенный мечом, и корону.

388. Белая столовая полотняная скатерть. На двух углах красным шелком вышита цифра «3». Кроме того, по углам вытканы цифры «1894–1895», а посередине – ряд Императорских гербов.

389. Распоротое дамское платье из шелкового фисташкового полотна. Из него уже отчасти сшиты: капот и маленькое детское платьице с дешевыми рыночными кружевами и прошивкой.

390. Детское платье из плотного хорошего розового шелка с дешевыми кружевами. Сшито весьма грубо, простыми нитками.

391. Дамский лиловый костюм в клеточку: юбка и жакет; последний – на белой шелковой подкладке, воротник и рукава отделаны темно-лиловым бархатом; на жакете – четыре бархатных лиловых пуговицы.

392. Дамское шелковое платье, темно-зеленого цвета: кокетка и рукава отделаны черными кружевами.

393. Дамский костюм из английской легкой материи, светло-серого цвета: юбка и жакет на серой шелковой подкладке, воротник отложной, отделан серой в полоску лентой.

394. Дамское платье из шерстяного фая; рукава на серой в полоску шелковой подкладке; воротник – кружевной, гипюровый, спереди завязан серым шелковым галстуком. На платье – два наружных кармана.

395. Дамское платье из тонкого сукна серого цвета: юбка и кофта; и та и другая отделаны шелковой серой узорчатой тесьмой.

396. Длинный жакет от белого полотняного костюма на белой шелковой подкладке. Воротник – отложной, отделанный суровой узорчатой тесьмой. Перед, спинка и рукава отделаны белой аппликацией.

397. Распоротый и перекроенный уже костюм из белой английской шерстяной материи. На борту сохранился след от бывшей отделки.

398. Длинный жакет от костюма тонкой английской шерстяной материи на белой шелковой подкладке. Воротник – отложной: воротник, рукава, пояс и низ жакета отделаны черной шелковой в полоску тесьмой: на воротнике, спине, поясе и рукавах – гипюровая отделка.

399. Дамская блузочка тонкого сизо-серого сукна. Воротник, грудь и обшлага рукавов отделаны тонким шелковым шнуром в цвет материи.

400. Дамская верхняя юбка тонкой шерстяной материи, светлосерая.

401. Дамское летнее платье, белого полотна, шитое с прошивками: юбка и блузочка; воротник блузочки высокий, из узеньких прошивок.

402. Дамская белая шелковая блузочка с прошивками, на шелковой подкладке.

403. Белая летняя юбка со складками.

404. Белая шелкового муслина юбка, отделанная шелковой аппликацией в виде гирлянды по низу юбки. Юбка распорота.

405. Две гладкие верхние юбки, парусиновые, сурового цвета.

406. Нижняя юбка, теплая, черная, на шелковой подкладке; подол вышит фестонами.

407. Нижняя юбка, черная, шелковая, с широкой гофрированной оборкой.

408. Нижняя юбка, черная, шелковая, с узенькой внизу гофрированной оборкой.

409. Нижняя юбка, белая, батистовая, с узенькой внизу гофрированной оборкой.

410. Юбка-подкладка, белая, шелковая.

411. Юбка нижняя, белая, шелковая.

412. Юбка нижняя, белая, шелковая.

413. Лифчик черный, вуалевый, с высоким воротником и короткими рукавами.

414. Дамское платье, тонкого сукна, серо-сиреневого цвета. Платье распорото и перекроено.

415. Зимняя шапочка из норки, со спускающимися наушниками и затыльником, твердым козырьком.

416. Дамская полотняная ночная рубашка, распоротая и перекроенная.

417. Отрезанный низ от дамской полотняной рубашки.

418. Раскроенный чехол-предохранитель от платья с петелькой и крючком, из белого тонкого батиста.

419. Распоротый и перекроенный верх от дамской белой полотняной рубашки.

420. Такой же предмет; грудь рубахи имела мелкие складки.

421. Прямоугольный кусок белого полотна, подрубленный по двум сторонам; один угол вырезан.

422. Кусок белого мадаполама в 3 ½ аршина; был подрублен по двум краям, а затем распорот.

423. Лиф-корсаж, белый, шелковый, кости вынуты.

424. Лиф-корсаж, белый, шелковый, с костями; вырезы для рукавов распороты.

425. Лиф белый, шелковый, отпоротый от платья; обшит по верхнему краю узеньким кружевом.

426. Лиф белый, шелковый, с короткими рукавами, застегивающийся на перламутровые пуговицы: верх лифчика и обшлага рукавов обшиты узеньким кружевом.

427. Лиф белый, шелковый; перекраивался и не дошит.

428. Лиф белый, шелковый: выпорот из платья, перекраивался и не дошит.

429. Три вязаных шелковых корсета: голубой, розовый и крем.

430. Четыре газовых лифчика, выпоротые из платьев.

431. Белая фуфайка, вязаная, шелковая, застегивающаяся на перламутровые пуговочки; по верхнему краю – вязаные шелковые фестончики.

432. Дамский нагрудник, белый, шерстяной, вязаный.
433. Шарф белый, газовый; средняя часть его покрыта черными мушками.
434. Три газовых вуали, шелковых, белых, с черными мушками.
435. Шаль шелковая, тонкая, восточного типа, с зеленым фоном, желто-розовым рисунком, с каймой малиновой, желтой, синей и голубой.
436. Такая же шаль, с желтым фоном, зелено-малиновым рисунком.
437. Дамский шарф, черный шелкового плюша, с плюшевой бахромой.
438. Пара дамских чулок, черных, шелковых, со стрелками.
439. Пара дамских чулок, белых, фильдекосовых, ажурных, с французской меткой: «S».
440. Шелковый шарф, узкий, восточного типа, с розовым фоном.
441. Дамский пояс, белый, шелковый, распоротый.
442. Желтого шелка прямоугольник, подготовленный для подрубки.
443. Две полосы, каждая сшита из двух кусков тонкого белого шелка с узором сиреневого цвета.
444. Шейный шарф, белый, шелковый, с бахромой на концах.
445. Оборка от юбки, шелковая, бледно-лиловая.
446. Несколько аршин муаровой ленты голубого и синего цвета.
447. Прямоугольный кусок шелкового полотна, подготовленный для подрубки; на одном его крае вышита ветка сирени.
448. Кусок желтой канвы, на коем карандашом подготовлен узор для вышивания.
449. Такой же кусок канвы с подготовленным рисунком и начатым уже вышиваньем цветной шерстью.
450. Покрывало из шелкового полотна песочного цвета, вышито гладью, подбито ватином и подшито шелковой подкладкой фисташкового цвета.
451. Наволочка с диванной подушки, шелковая, цвета танго, с крупными цветами желто-серого цвета.
452. Белая мохнатая простыня.
453. Дамские туфли, белые, замшевые, на шнурках.
454. Покрывало из прошивок и рогожки, сурового цвета, обшитое суровым кружевом.
455. Белая наволочка, сшитая, видимо, из простынного полотна; шитье грубое, нитки разные.
456. Свитер коричневый, шерстяной.
457. Мужская белая сорочка, грудь – пике в складку: на язычке – маленькие латинские буквы: «w» и «k».
458. Мужская рубашка, белая в коричневую полоску из «Английского магазина в С.-Петербурге».
459. Пуховые чулки серого цвета.
460. Мужской жилет, серый в черную полоску.
461. Покрывало с суровой прошивкой и кружевом весьма грубой работы, сшитое, видимо, из простыни.

Когда детей увозили в Екатеринбург, было вывезено из Тобольска всё имущество царской семьи. «Эвакуируя» уже тогда Тобольск ввиду сибирской обстановки, угрожавшей большевикам, они вывезли из Тобольска и всё имущество губернаторского дома.

Вещи царской семьи были доставлены в дом Ипатьева, губернаторские же вещи – в здание областного совета.

Случайно сюда попали некоторые царские вещи.

Лылов объяснил на допросе в Екатеринбургском Уголовном Розыске 4 сентября 1918 года, что главная их масса при бегстве большевиков из Екатеринбурга была похищена Белобородовым. Он же, Лылов, похитил их, в свою очередь, у Белобородова. В частности, карандаш Императрицы (№ 349) он похитил с письменного стола Белобородова.

Векордия (VEcordia) представляет собой электронный литературный дневник Валдиса Эгле, в котором он цитировал также множество текстов других авторов. Векордия основана 30 июля 2006 года и первоначально состояла из линейно пронумерованных томов, каждый объемом приблизительно 250 страниц в формате A4, но позже главной формой существования издания стали «извлечения». «Извлечение Векордии» – это файл, в котором повторяется текст одного или нескольких участков Векордии без линейной нумерации и без заранее заданного объема. Извлечение обычно воспроизводит какую-нибудь книгу или брошюру Валдиса Эгле или другого автора. В названии файла извлечения первая буква «L» означает, что основной текст книги дан на латышском языке, буква «E», что на английском, буква «R», что на русском, а буква «M», что текст смешанный. Буква «S» означает, что файл является заготовкой, подлежащей еще существенному изменению, а буква «X» обозначает факсимилы. Файлы оригинала дневника Векордия и файлы извлечений из нее Вы **имеете право** копировать, пересылать по электронной почте, помещать на серверы WWW, распечатывать и передавать другим лицам бесплатно в информативных, эстетических или дискуссионных целях. Но, основываясь на латвийские и международные авторские права, **запрещено** любое коммерческое использование их без письменного разрешения автора Дневника, и **запрещена** любая модификация этих файлов. Если в отношении данного текста кроме авторских прав автора настоящего Дневника действуют еще и другие авторские права, то Вы должны соблюдать также и их.

В момент выпуска настоящего тома (обозначенный словом «Версия:» на титульном листе) главными представительствами Векордии в Интернете были сайты: для русских книг – http://vecordija.blogspot.com/; для латышских книг – http://vekordija.blogspot.com/.

Оглавление

VEcordia 1
Извлечение R-CARJ3 1
Николай Соколов 1
УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ 1
Убийство Царской Семьи 2
Николай Соколов (1882 г.–1924 г.) 2
От автора 3
Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 18
Глава 5 21
Глава 6 27
Глава 7 38
Глава 8 59
Глава 9 61
Глава 10 72
Глава 11 75
Глава 12 78
Глава 13 80
Глава 14 82
Глава 15 90
Глава 16 96
Глава 17 100
Глава 18 114
Глава 19 127
Глава 20 128
Глава 21 132
Глава 22 137
Глава 23 145
Глава 24 157
Глава 25 161

Глава 26.....169
Глава 26.....175
Заключение.....177
Приложение к девятнадцатой главе.....180
Оглавление.....195